

Эта коллективная монография не имеет аналогов. В отличие от существующих изданий об архивах, она написана не архивистами или источниковедами, а историками университетов. Книга не содержит справочный материал о состоянии хранилищ и ценности их информации, а воссоздает историю рождения и трудных жизней этих коллекций, т.е. биографии архивов. Опытные создатели больших и малых университетских историй, авторы раскрывают перед читателем не прямые логики появления и приращения (или уничтожения) документов. Такой рассказ позволяет понять, где (и стоит ли вообще) искать свидетельства по интересующим темам, а также осознать зависимость себя как исследователя от создававших архив профессоров, служителей, архивариусов, распоряжений министра и... объема выделенного под него помещения. Поскольку в создании коллективной монографии принимали участие историки из разных стран — Франции, Болгарии, Польши, Италии и России, у читателя есть возможность сравнить биографии разных университетских архивов, обнаружить общность их судеб и разительные отличия в условиях существования.

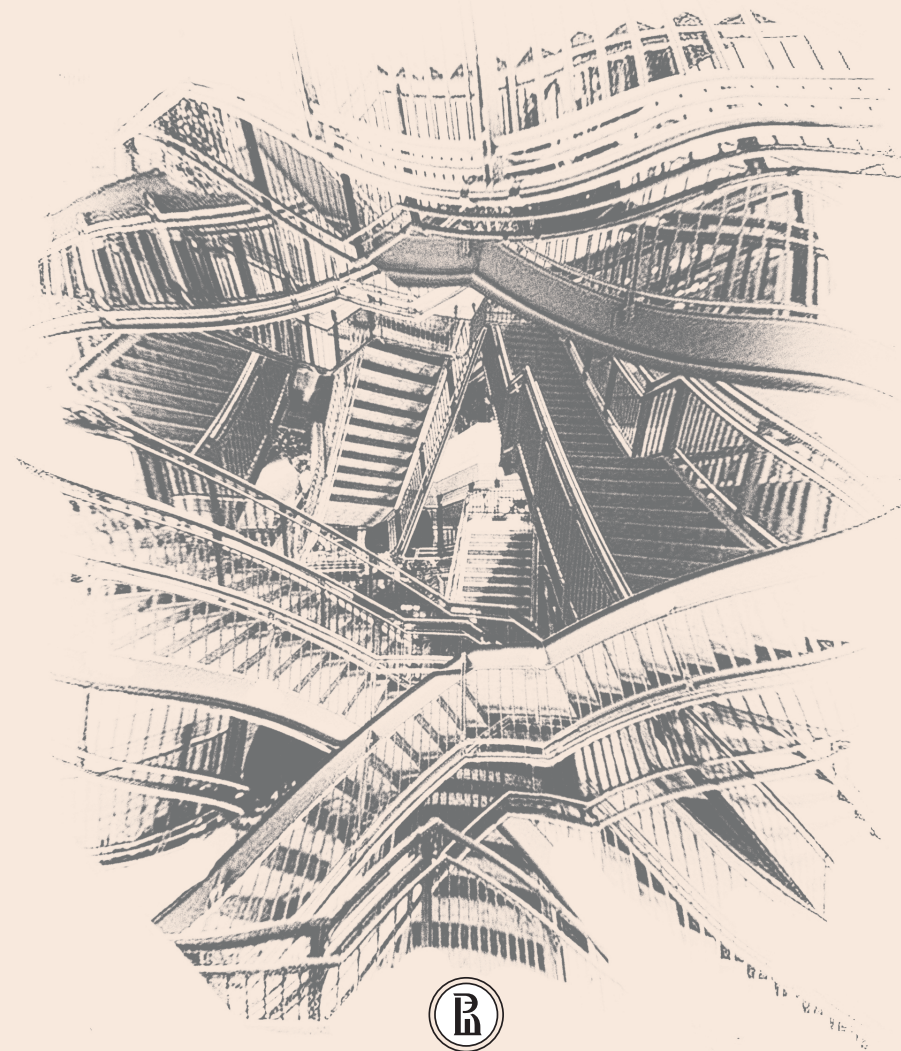

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

БИОГРАФИИ УНИВЕРСИТЕТСКИХ АРХИВОВ

БИОГРАФИИ УНИВЕРСИТЕТСКИХ АРХИВОВ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

УДК 378(09)
ББК 74.03
Б

Биографии университетских архивов [Текст] / пер. с фр. П. Ю. Уварова ; пер. с ит. И. В. Ивановой ; пер. с польск. Д. А. Добровольского; под ред. Е. А. Вишленковой, К. А. Ильиной, В. С. Парсамова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 500 экз. — ISBN 978-5-7598-1587-7 (в пер.) — ISBN 978-5-7598-1648-5 (e-book).

В книге представлены исследования, посвященные биографиям университетских архивов. Их авторы — ученые из России, Болгарии, Италии, Польши и Франции, специализирующиеся на истории и социологии университетов. Коллективно они обсуждают как теоретические аспекты данной темы, так и судьбы конкретных университетских архивов. Архивы в данном случае рассматриваются не как зеркала, отражающие историческую реальность, а как участники «финальной сборки» многочисленных и противоречивых высказываний профессоров и администраторов, место превращения их в организованное знание о прошлом. Документирование университетской жизни, отбор документов на хранение, их систематизация в архиве, адресация и редакция анализируются в данной книге как культурные практики и как часть академической культуры.

Книга адресована широкому кругу исследователей, работающих с университетскими архивами, студентам гуманитарных факультетов, историкам-любителям и читателям, интересующимся проблемами памяти и интеллектуальной культуры.

УДК 378(09)
ББК 74.03

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

doi: 10.17323/978-5-7598-1587-7

ISBN 978-5-7598-1587-7 (в пер.) © Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт гуманитарных и историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, 2017
ISBN 978-5-7598-1648-5 (e-book)

Содержание

<i>Елена Вишленкова, Вадим Парсамов</i> Архив как исследовательская проблема для историка университетской культуры.....	5
<i>Наталья Алмазова</i> Дело о «наилучшей» организации архива императорского университета в Казани	23
<i>Наталья Алмазова</i> Судьба архива императорского университета в Варшаве.....	35
<i>Тьерри Амалу</i> Первые архивные каталоги Парижского университета в XVII в.: симптом кризиса или ресурс новой историографии?	48
<i>Елена Вишленкова, Кира Ильина</i> Архив как средство управления российскими университетами.....	83
<i>Зарина Гатина</i> Где искать диссертационные дела русских врачей, или Особенности архивирования делопроизводства медицинских факультетов	102
<i>Татьяна Жуковская</i> Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804–1819): специфика отражения университетской повседневности.....	114
<i>Кира Ильина</i> Дорожные архивы попечителей учебных округов в Российской империи	165
<i>Луиджиаврелио Поманте</i> Университетские архивы Италии между традицией и инновацией	185

<i>Яна Руднева</i> «Большой архив женского университета»: возможности реконструкции.....	206
<i>Александр Русанов</i> Архив Португальского университета в XIV — начале XVI в.	220
<i>Петр Сафронов</i> Оглядываясь на будущее: устройство архива, судьба университетов и задачи высшего образования	234
<i>Александра Трифонова</i> Университетские архивы в Болгарии.....	246
<i>Иоанна Шиллер-Валицка</i> Архив Польской Академии наук как хранилище профессорского наследия	265
Сведения об авторах.....	293
Список сокращений	295

Елена Вишленкова, Вадим Парсамов

АРХИВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА ДЛЯ ИСТОРИКА УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

doi: 1017323/978-5-7598-1587-7_5-22

Специфичность данной книги в том, что она об архивах, но написана не архивистами и архивоведами, а практикующими историками. Соответственно, в ней нет истории архивного дела и росписи документальных собраний, а главное внимание сосредоточено на истории возникновения и бытования определенных документальных коллекций, т.е. биографиях университетских архивов и практиках работы с ними. Понятие «биография» мы используем в значении, которое сформулировали социологи Арджун Аппадурай и Игорь Копытофф применительно к вещам². Они призывали исследователей восстанавливать истории вещей как человеческие биографии, интересуясь обстоятельствами их создания, их участием в жизни людей, гибелью, а также тем, как со временем меняется их ценность.

Приглашенные к участию в этом проекте историки из разных стран (многие из них специализируются на изучении университетского прошлого) рассказали о собственном или коллективном опыте диалога с университетскими архивами. Общими усилиями мы хотели сделать наши персональные опыты (которые, как правило, передаются изустно от учителя к ученикам) частью профессионального знания.

Потребность письменно зафиксировать сделанные наблюдения и обретенные догадки, желание посредством книги обсудить

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

² The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspective / A. Appadurai (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 3–63, 66–67.

и поделиться с коллегами нашими гипотезами и открытиями порождены в том числе изменениями в исторической профессии и связанной с этим десакрализацией архивных свидетельств. Изменения в истории произошли главным образом вследствие критической ревизии аналитического инструментария и технологий работы с источниками, осуществленной во второй половине прошлого века. А разрушение доверия к архивным свидетельствам началось еще раньше, но долгое время оно сдерживалось незнанием логики формирования архивных собраний, принципов сохранения и уничтожения документов.

В результате коллективного обсуждения персональных опытов у нас получился рассказ об университетском архиве как феномене исторической культуры. Его мы и представляем на суд читателей.

Поводы к сомнениям

Со времени выхода в 1820-е годы работ Леопольда фон Ранке историки оценивают работы коллег в том числе по результатам архивного поиска. Многие десятилетия господствовало убеждение, что, погрузившись в чтение документов, исследователь познаёт историческую действительность и представляет ее в своем рассказе. При этом архиву приписывались свойства неизменности и цельности, а само приобщение к его богатствам интерпретировалось в категориях любви. «Притягательность архива непреложна, — утверждают хранители рукописей. — Ее нельзя объяснить только прагматическими целями получения информации. Скорее бесконечностью эмоциональной подпитки»³.

Мы не ратуем против любви к архиву (сами испытываем удовольствие от работы в нем), но призываем относиться к нему с осознанием того, какие ловушки расставили для исследователей университетов создатели и хранители документов.

В проявлениях такой предосторожности вряд ли мы — первооткрыватели. В 1970-е годы изучение проблемы пристрастности языка научного и документального описания, музейных и архивных коллекций, литературной классики стимулировали постколониальные штудии. Постулат «колониальные архивы производят

³ Горяева Т.М. Магия документа // Когнитивная история: Концепция — Методы — Исследовательские практики. Чтения памяти профессора О.М. Медушевской. М.: РГГУ, 2011. С. 55.

свою собственную правду» служил отправной точкой для ревизии исторических свидетельств в латиноамериканских, африканских и азиатских исследованиях⁴.

А в 1980-е годы о власти архива и его создателей применительно уже к американской истории писали архивисты Фрэнк Боулс и Джулия Янг⁵. После них проблема нейтральности архивного свидетельства, беспристрастности его участия в производстве нового знания, вопрос о праве архивистов быть творцами истории стали широко обсуждаться на страницах журналов⁶.

Кроме вызова постколониальных исследований, стимул к такому разговору и повод к осторожности в использовании архивных свидетельств дало появление «архивов идентичности» — коллекций документов и данных, созданных общественными объединениями, неформальными организациями или отдельными лицами. Их создатели бросили вызов профессионалам, грозя переписать историю (войн, экологических катастроф, стихийных бедствий, маргиналов и пр.) путем «правильной» подборки документов. Эти намерения заставили историков пристальнее присмотреться к процессу документирования и сохранения свидетельств. Внимательное всматривание открыло, что архивы являются «агентами» и даже «авторами» своих источников.

После целого ряда конференций и обсуждений в 2009 г. появилась книга Фрэнсиса Блоуина и Уильяма Розенберга, зафиксировавшая произошедшие в исторической профессии перемены⁷. Опираясь на них, соавторы сформулировали необходимость дополнительных аналитических процедур в ходе проведения профессионального исследования: «ученый должен приложить определенные усилия для выяснения того, как и почему были собраны соответствующие источники, о чем они свидетельствуют (не только прямо, но и косвенно), какие социокультурные и социально-

⁴ Например: Burns K. Into the Archive: Writing and Power in Colonial Peru. Durham: Duke University Press, 2010.

⁵ Boles F., Young J.M. Exploring the Back Box: The Appraisal of University Administrative Records // American Archivist. 1985. Vol. 48. Spring. P. 121–140.

⁶ Пример таких дебатов: Samuel H.W. Who Controls the Past // American Archivist. 1986. Vol. 49. No. 2. P. 109–124; Cox R. The Documentation Strategy and Archival Appraisal Principles: A Different Perspective // Archivaria. 1994. Vol. 38. No. 2. P. 11–36.

⁷ Blouin F., Rosenberg W. Processing the Past: Contesting Authority in History and the Archives. N.Y.: Oxford University Press, 2010.

политические конвенции стоят за их возникновением и что может означать их молчание»⁸. За этой довольно тривиальной формулировкой скрывается задача более сложная, чем та, которую с XIX в. ставили перед собой историки. Речь идет не о внешней критике источника, а об изучении его дискурсивной биографии.

Как правило, осуществлению этой задачи мешает «водораздел» между историками и архивистами⁹, у которых сегодня разные цели в жизни, а также неготовность читателей и писателей признать множественность прошлого. Эти естественные трудности отягощает способность господствующих нарративов уничтожать альтернативные версии истории и редактировать под эту задачу имеющиеся архивные собрания. Восстановить существование погибших версий прошлого или создать новые версии по сохранившимся крупным и косвенным свидетельствам оказывается крайне сложным делом.

«Архивы, — считает культурный антрополог Энн Стоулер, — являются не только культурными пространствами, где оспариваются значения исторических источников, но и пространствами институциональными, где оспариваемые представления о прошлом зависят от тех способов, какими смысл источников был скрыт, затемнен или, что еще важнее, навязан архивными практиками и установками. “Ткань архива”, — уверяет она, — не только отражает, но также создает репрезентации общественной памяти и самые распространенные формы исторического понимания. Архив, как и историки, приписывает своим источникам определенные значения, организуя их таким образом, что они по умолчанию предполагают те или иные виды вопросов и даже ответов»¹⁰.

Чтобы не оказаться в плену сложенной и хранимой в архиве версии прошлого, исследователю надо изначально заподозрить в архиве дискурсивное пространство. И работая с таковым, ему предстоит выяснять, какие категории и утверждения в его сви-

детельствах оказались привилегированными и получили право на жизнь, а какие были в разные времена разжалованы или проигнорированы. «Чтение [рукописных коллекций] “поперек волокон”, — вдохновляет историков Стоулер, — открывает путь к знанию, скрываемому или замалчиваемому посредством этих архивных процессов»¹¹.

У авторов этой книги была возможность проверить данное утверждение на себе и убедиться в его справедливости.

Интересы составителей

Кроме вышеупомянутых обстоятельств, наш пристальный интерес к феномену университетского архива¹² был порожден изменениями в парадигме исследований Университета. В последние годы произошла явная смена приоритетов в них: прежнее доминирование институциональной истории сменилось триумфальным шествием культурной истории. При этом речь идет не о механическом расширении тематики и проблематики публикаций, а о качественных изменениях в понимании сути и исторической природы Университета. За фасадом образовательного учреждения исследователи обнаружили академическую культуру, и это открытие повлекло за собой поиск иных источников для изучения ее прошлого и разработку новых методов для их интерпретации. Как следствие, объектами изучения стали не только архивные документы, но и исследовательские тексты об Университете. Интерес к ним породил свои открытия.

В свое время сторонники семиотики предлагали рассматривать культурные пространства в форме центральных систем. В центре размещалось стабильное и устойчивое ядро культуры, а перифе-

¹¹ Stoler A. Op. cit. P. 271. Цит. по: Окончательная бумажка... С. 130–131.

¹² Понятие «университетский архив» здесь выходит за рамки ведомственного архива конкретного университета. Мы используем его в значении, которое сформулировала Т.Н. Жуковская: «Если учитывать и описывать все направления деятельности университета, порождающие делопроизводство, то следует понимать под архивом университета совокупность всех комплексов, отражающих его административные и социальные связи. Я бы ввела понятие *Большой университетский архив*, необходимое для понимания системы университетских связей, направлений деятельности, границ университетского сообщества, территориального и институционального пространства университета» (см.: Жуковская Т.Н. Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804–1819): специфика отражения университетской повседневности (статья в данном сборнике)).

⁸ Блоуин Ф., Розенберг У. Споры вокруг архивов, споры вокруг источников // Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? Статус документа в культуре / под ред. И.М. Каспэ. М., 2013. С. 128.

⁹ Blouin F., Rosenberg W. Op. cit. P. 116.

¹⁰ Stoler A. Colonial Archives and the Arts of Governance: On the Content in the Form // Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory / F.X. Blouin, W.G. Rosenberg (eds). Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 271. Цит. по: Окончательная бумажка... С. 130–131.

рия интерпретировалась как сгущение случайностей и противоречий. Считалось, что постоянное взаимодействие между ядром и периферией, перевод с языка казусов на язык закономерности и обратно, обеспечивает устойчивость и одновременно развитие данного типа культуры.

Если воспользоваться этой метафорой, то современные исследования университетов располагаются на разных удалениях от центра, образованного верой в достоверность и объективность документальных свидетельств. Любой университет репрезентирует себя как всегда бывший и стабильный исторический феномен. Примеры таких утверждений можно в изобилии обнаружить на университетских сайтах, в юбилейных изданиях и актовых речах. Они транслируются не только через письменные тексты, но и через визуальные образы (например, галереи ректорских портретов и бюсты выдающихся ученых). Преэминентность утверждается через многотомные словари профессоров и студентов, посредством справочников для поступающих и прочие не-нарративные тексты.

Юбилейные истории, построенные на основе пересказа или при иллюстративном использовании таких утверждений, подчеркивают линейное время поступательного развития «своего» учреждения. В нем удобно размещаются вневременные и семантически неопределенные категории «традиция», «университетская культура», предикат «классический». И хотя создание репрезентаций, а также конструирование идентичностей всегда осуществляется с помощью отбора свидетельств (более того, именно перемены в принципах сбора и отсева исторических источников приводят к обновлению социальной миссии Университета и осовремениванию имиджа ученого), вопрос о средствах и технологиях их производства в официальных историях, как правило, не оговаривается¹³. Все внимание создателей рассказа о прошлом сосредотачивается на факторах единства и стабильности.

Но чем дальше писатель располагается от «центра веры», тем сложнее и неоднороднее становится его образ Университета. Недо-

¹³ Под официальной историей в данном случае подразумеваются исторические нарративы, отвечающие потребностям университетского руководства и создающиеся по его заказу, как правило, к университетскому юбилею. Сюда же следует отнести и те университетские истории, которые пишутся не по заказу и не к юбилеям, но сознательно или несознательно создаются под влиянием официальных нарративов. Авторы подобного рода историй вольно или невольно оказываются в положении не столько исследователя, сколько репродуктора официального университетского дискурса.

верчивый историк обретает зоркость, улавливающую разнообразие, случайности, различия, столкновения интересов и характеров, служебные неурядицы и личные выборы университетских преподавателей, наконец, разрывы в развитии самого университета. Он видит не только победившие версии университетского самоописания, но и оказавшиеся безуспешными попытки сотворения образа «своего» университета. Эти не вписывающиеся в официальный дискурс высказывания, судьбы и события стали объектами анализа сторонников новой социальной истории, истории повседневности, культурной истории университетов. В результате мы обрели целый спектр университетских историй.

Не готовые к принятию множественности прошлого коллеги обсуждают критерии, по которым следует оценивать результаты исторических штудий. При этом рефлексия над аналитическими процедурами и теоретическими основаниями исследовательской работы нередко оказывается подмененной более тривиальными вопросами — о приемлемых и понятных языках изложения, о выборе объективных или достоверных источников¹⁴. Исследователи, верующие в беспристрастность архивных свидетельств, настаивают на том, что «архивы не врут» и что научные тексты следует писать языком литературы.

Если вопросу о языках аналитического описания прошлого посвящена большая дискуссия и литература, то проблема дискурсивности университетских архивов в них почти не затронута. И понятно почему. Нет такого исследователя, кто за одну творческую жизнь мог бы изучить логики построения и биографии многих весьма объемных университетских архивов, кто смог бы сделать на основе этого опыта сравнения и обобщения. Такое теоретизирование под силу лишь коллективам специалистов. Для их объединения и реализации подобных проектов был создан Центр университетских исследований в НИУ «Высшая школа экономики». С 2012 г. он действует в составе Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева¹⁵.

¹⁴ В радикальной форме раздражение от непонимания языка современного аналитического описания было высказано в рецензии: Дементьева В.В. Глубокомысленная бессмыслица: Статусные создатели и обескураженный читатель // Новый исторический вестник. 2014. № 4 (42). С. 149–159.

¹⁵ Центр университетских исследований был создан в 2012 г. под руководством профессора Е.А. Вишленковой. Большую поддержку в его организации

В изучении биографий университетских архивов мы продвигались довольно медленно. В 2013 г. в Москве провели международную конференцию, нашли благодаря заявкам исследователей и их выступлениям единомышленников, годами вели с ними переписку, встречались на других научных площадках, а затем подготовили эту книгу.

Архив профессорской идентичности

Другим импульсом для изучения университетских архивов как объектов и субъектов академической культуры было участие сотрудников Центра в двух масштабных проектах — «Ubi Universitas, ibi Europa»¹⁶ и «Культура университетской памяти в России»¹⁷. В международном проекте мы на себе и своих коллегах ощутили, какие злые шутки разыгрывают с исследователями архивы. В начале пути предполагалось, что, соединив данные из архивов трех российских университетов и Министерства народного просвещения, мы получим единую картину университетского прошлого. Однако на выходе исследовательские группы, работавшие с хранилищами документов разных университетов, обрели на основе анализа их свидетельств разные версии прошлого. Без применения ретуши из отдельных историй универсальной (всеобщей) истории российских университетов никак не получалось, поэтому в результате проекта родились две разные книги¹⁸. Этот исследовательский опыт побудил нас обратиться к изучению политик памяти.

оказали директор ИГИТИ И.М. Савельева и проректор НИУ ВШЭ М.М. Юдкевич. Благодарим их за доверие.

¹⁶ Речь идет о международном проекте «Ubi Universitas, ibi Europa: Transfer und Adaptation von Universitätskonzeptionen im Russischen Reich (18 — erste Hälfte des 19. Jahrhunderts)», получившем поддержку Германского исторического института в Москве и Gerda-Henkel-Stiftung (2008–2010, AZ 02/SR/08).

¹⁷ Проект «Культура университетской памяти в России: механизмы формирования и сохранения», а также работа научно-учебной группы «История постсоветских университетов» осуществлялись в 2012–2014 гг. при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

¹⁸ Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012; Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX века / под ред. А.Ю. Андреева и С.И. Посохова. М.: РОССПЭН, 2012.

Что касается второго проекта, то главными действующими лицами в нем были студенты. Проект подразумевал сбор интервью об академической жизни в России 1980–2010-х годов. Собрать их нас побудил тогдашний кризис документирования и архивирования (во многих университетах в перестроечные и постперестроечные времена в архивы не сдавались документы из факультетских канцелярий, на кафедрах не велись протоколы заседаний) и интерес к воспоминаниям рядовых участников университетской жизни.

С помощью социологов образования и культурных антропологов мы создали вопросник, который служил для студентов-интервьюеров не жесткой рамкой, а провокацией разговора с информантом. То обстоятельство, что интервьюеры не имели априорных исследовательских намерений или гипотез, а расспрашиваемые преподаватели нередко обладали заранее заготовленными рассказами о прошлом, страховало тексты-памяти от исследовательского давления. Среди опрошенных были работающие и пенсионеры, доценты, профессора, бывшие и действующие ректоры, их помощники, научные сотрудники. Все они жители разных российских городов. К настоящему моменту собрано 162 интервью. Как правило, это слабоструктурированные, нарративные тексты объемом до 40 000 знаков. Примерно четверть из них с согласия информантов опубликована на сайте Центра университетских исследований¹⁹.

Благодаря такому проекту мы обрели альтернативную по отношению к государственным архивам коллекцию, в которой существуют множественные версии прошлого. Сопоставление ее свидетельств с нарративами официальных изданий, в том числе с опубликованными мемуарами академиков²⁰, показало, что воспоминания и представления рядовых участников событий²¹. Но

¹⁹ Архив интервью на сайте Центра университетских исследований: <<http://igiti.hse.ru/unimemory/interview>>.

²⁰ Дмитриев А.Н. Мемуары постсоветских гуманитариев: стандартизация памяти? // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой и И.М. Савельевой. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2013. С. 358–384.

²¹ Гатина З.С., Гребенкина Д.М. Личные воспоминания о постсоветских университетах и архив профессорской идентичности // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 261–286; Баженов О.А., Морозов О.В. Образ университета 1990-х годов в интервью современных историков // История и историческая память. Вып. 10.

главное, в чем убедила эта работа, это то, что университет представляется коллективным субъектом лишь ретроспективно. В реальном времени люди рассказывают и пишут собственные истории. От исследователей потребовались бы изобретательность и усилия, чтобы сделать их единым рассказом об общем Университете, заретушировать противоречия и отличия.

Результаты эмпирических исследований

Приступив к изучению историографии российских университетов, мы обнаружили, что дебаты о дискурсивной природе архивов почти не отразились на университетских исследованиях. И вследствие такого игнорирования продолжается практика тематического пересказа архивных документов или некритического воспроизведения данных из отчетных материалов.

Традиция такого способа создания университетских историй сложилась в XIX в. Тогда большие нарративы прошлого рождались в одном из двух жанров: либо в виде олитературенного отчета о деятельности учреждения (что делалось на основе делопроизводства канцелярий), либо в форме прославительного повествования о просветительской политике правительства (что осуществлялось на основе законодательства и архива Министерства народного просвещения)²². Важным исключением стали публикации Н.Н. Булича, созданные на основе спрятанных архивариусом документов²³.

Саратов; Ставрополь: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2014. С. 218–229; *Баженов О.А., Гатина З.С.* Формирование исторической памяти о российских университетах 1990-х годов: свидетельства и их интерпретация // Новое прошлое. 2017. № 1 (в печати).

²² Вишленкова Е.А. Университетский XIX век в России: дискурсивная история // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия / под ред. Е. Вишленковой, Д. Сдвижкова. М.: НЛЮ, 2013. С. 285–316; *Vishlenkova E.A.* Designers of the Past and Various Histories for a Russian University // History of Education and Children's Literature. 2014. Vol. IX. No. 1. P. 203–225.

²³ Н.Н. Булич обнаружил на чердаке Казанского университета коробки с документами первой четверти XIX в., которые архивариус списал, но не уничтожил. Это были тексты, свидетельствующие о ссорах и спорах профессоров Александровской эпохи. Историк написал на их основе рассказ, но не смог снабдить его научно-справочным аппаратом. См.: *Булич Н.Н.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам // Изв. и Учен. зап. Казанского ун-та. 1880. Янв.–февр. С. 1–112; 1886. С. 1–387; 1890. Кн. 1. С. 1–144; Кн. 2. С. 145–276; Кн. 3. С. 127–244; Кн. 5. С. 133–208; Кн. 6. С. 122–214; 1891. Кн. 1. С. 179–276; Кн. 2. С. 141–269.

В советскую эпоху к этим двум жанрам добавились биографии выдающихся ученых и рассказы о деятельности профессиональных объединений. Создание таких нарративов стало возможным благодаря появлению в 1930-е годы отделов рукописей при университетских библиотеках и государственных музеях. Их коллекции состояли в том числе из личных архивов уплотнонных или эмигрировавших профессоров²⁴.

В конце XX в. возникли смешанные жанры и сюжеты, пришедшие в университетские исследования из социальной и культурной истории науки и образования (обучение женщин, еврейские студенты, иностранные профессора или университетская символика, академическая культура, эволюция ученых степеней и пр.)²⁵. Их разработка требовала использования данных из архивов разного формирования (частных, ведомственных, государственных).

Независимо от выбранного жанра, университетские архивы представлялись исследователям собраниями произвольных (а потому беспристрастных) свидетельств. Между тем изучение фондовых справок, каталогов, документов по истории архива, старых описей убеждает в том, что они не являются суммой случайно собранных текстов. Их структура, логика взаимосвязей, очевидное наличие формуляров документов и матрицы заполнения доказывают, что университетский архив — это созданные в разные времена и с разными целями комплексы свидетельств в пользу определенных версий прошлого. Реконструкция намерений их создателей, обстоятельств их изготовления, анализ участия в этом разных людей и борьбы за контроль над архивом различных групп чиновников, профессоров и служащих дают возможность делать глубокие срезы отношений внутри академического сообщества²⁶.

²⁴ Вишленкова Е.А., Парсамоу В.С. Университетские истории в России: генеиз жанров // Вестник Санкт-Петербургского ун-та культуры и искусства. 2014. № 3 (20). С. 164–172.

²⁵ *Дмитриев А.Н.* Переизобретение советского университета // Логос. 2013. № 1. С. 41–64; *Dmitriev A.N.* The Cunning of Memory: Soviet University and Its Post-Communist Condition // History of Education and Children's Literature. 2014. Vol. IX. No. 1. P. 269–286.

²⁶ Примеры тому: *Еремин А.И.* Черновики документации русской классической гимназии конца XIX — начала XX века как исторический источник для изучения истории повседневности // Вестник РГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 19 (141). С. 141–153; *Еремин А.И.* Информационные ресурсы документации русской классической гимназии для изучения

В процессе изучения выяснилось, что корреляция между местом полевой работы исследователя и созданным им нарративом устанавливается благодаря тому, что изначально университетские архивы учреждались для подготовки отчетов в министерство и туда передавались соответствующие *этому назначению* документы²⁷. Все, что ему не соответствовало, на хранение не принималось или попало в ведомственный архив достаточно случайно²⁸.

Министерство народного просвещения редактировало и регулировало производство высказываний в своем ведомстве посредством делопроизводства (формуляры отчетов, ведомости, формулярные списки, требования к языку университетского самоописания и пр.)²⁹. Матрицы документов обеспечивали сбор свидетельств об университете как о государственном учреждении и не позволяли вписывать в тексты иные идентичности. Соответственно, исследователю, работающему с такими документами, трудно выйти за пределы государственнической версии университетского прошлого.

Анализируя работы предшественников, мы видели, что не только использованные методы обработки источников, но выбор локального архивохранилища определял исследовательскую концепцию³⁰. Дискурсивные различия местных университетских архивов объясняются тем, что в одних университетах служили

социальной истории (конца XIX — начала XX в.) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 1 (10). С. 120–135; *Галиуллина Р.Х.* Документы цензурных комитетов первой четверти XIX века: формы, комплементария и организация хранения // История и историческая память. Вып. 11. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2015. С. 224–242.

²⁷ Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Архив как средство управления российскими университетами (статья в данном сборнике).

²⁸ Vishlenkova E. Document Preservation Policy in Russian Imperial Universities // "Humanities" (WP BRP 29/Hum/2013) National Research University Higher School of Economics. 2013. <<http://www.hse.ru/data/2013/05/14/1299930340/29HUM2013.pdf>> (дата обращения: 21.02.2017).

²⁹ Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Университетское делопроизводство как практика управления (Россия, первая половина XIX века) // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 232–255.

³⁰ Вишленкова Е.А., Дмитриев А.Н. Прагматика традиции, или Актуальное прошлое для российских университетов // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. С. 61–95; Кулакова И.П. Протоколы конференции Московского университета как вариант самоописания // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. С. 96–113.

опытные архивариусы, а в других эта должность переходила из рук в руки или была вакантной. Человеческий фактор отразился на полноте и логике организации документальных собраний³¹. Так, когда в 1830-е годы правительство потребовало от всех присутственных мест наведения порядка «в справках», профессорские советы российских университетов разработали несходные принципы систематизации своих «бумаг»³². И даже когда в 1860–1870-е годы архивные фонды должны были редактироваться по единой, спущенной из министерства, схеме, не все университеты это предписание выполнили. Иногда такое решение было связано с наличием или отсутствием помещения для архива. В совокупности такие отступления, искажения и случайности сформировали коллекции, отличающиеся по своему составу, видам документов и подборке свидетельств.

И даже внутри одного университетского архива исследователь может обрести разные версии прошлого, в зависимости от того, с каким фондом он работает. Так, до 1830-х годов канцелярии попечителей учебных округов в Российской империи были их ведомственной собственностью, которую они возили за собой и которую использовали для дистанционного управления университетом, а также для доказательства собственного служебного радения. Такая заинтересованность породила несвойственное для остального университетского архива разнообразие свидетельств и видов документов в архивах попечительских канцелярий, а также их специфическую систематизацию³³.

Апробация выводов

Сотрудники Центра сделали эти наблюдения и выводы на кейсах Московского, Харьковского и Казанского университетов XIX в.

³¹ Ильина К.А., Вишленкова Е.А. Архивариус: хранитель и создатель университетской памяти // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. С. 328–357.

³² Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Реформа университетских архивов в России 1830-х годов // История и историческая память. Вып. 9. Саратов; Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный ун-т, 2014. С. 40–59.

³³ Ильина К.А. 1812 год и университетские архивы // История и историческая память. Вып. 6. Саратов; Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный ун-т, 2012. С. 88–100; Ильина К.А. Дорожные архивы попечителей учебных округов в Российской империи (статья в данном сборнике).

И поскольку при любой выборке остается место сомнению относительно ее репрезентативности (была ли обнаруженная нами зависимость специфическим явлением для данного места и времени), мы решили обсудить их с коллегами, работающими на материалах иных российских и зарубежных университетов. Участникам секции «Университетские архивы», созданной в рамках международной конференции «Университетские традиции: ресурс или бремя?» (НИУ ВШЭ, Москва, сентябрь 2013 г.)³⁴, мы задали вопрос: как архивы (их коллекции, условия существования, способы сохранения делопроизводства и личных коллекций, деятельность архивариусов и локальные условия размещения, финансирования, сохранения) влияли на исследовательские рассказы об университетском прошлом?

Поскольку вместе с историками из Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Саратова, Казани в секции работали специалисты из Эстонии, Польши, Франции, Италии, Германии, Америки, Финляндии и Болгарии, то в ответ мы получили наблюдения, сделанные в широком географическом и временном контексте. Так, оказалось, что университеты в Лиссабоне и в Коимбре считались одним и тем же университетом только благодаря общему архиву с текстами привилегий³⁵. И наоборот — нынешняя дробность университетского архива не позволяет петербургским исследователям убедить соотечественников в единстве истории академического университета, Педагогического института и Петербургского университета³⁶.

Мы узнали, что подготовки к празднованию юбилеев отразились на судьбах всех университетских архивов³⁷, так как занятые в

³⁴ Sani R., Vishlenkova E. University Tradition: A Resource or Burden? // History of Education and Children's Literature. 2014. Vol. IX. No. 1. P. 177–182.

³⁵ Rusanov A.A. Continuity of University History: A Case-Study of Portuguese Studium Generale (1288–1377) // History of Education and Children's Literature. 2014. Vol. IX. No. 1. P. 287–300; Русанов А.В. Архив Португальского университета в XIV — начале XVI в. (статья в данном сборнике).

³⁶ Жуковская Т.Н. Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804–1819): специфика отражения университетской повседневности (статья в данном сборнике).

³⁷ National, Nordic or European? Nineteenth-Century University Jubilees and Nordic Cooperation / P. Dhondt (ed.). Leiden; Boston: Brill, 2011; University Jubilees and University History Writing: a Challenging Relationship / P. Dhondt (ed.). Leiden; Boston: Brill, 2015.

них историки срочно пополняли скудный архив своего университета копиями отчетов из иных коллекций (пример Харьковского университета), составляли указатели к неупорядоченному складу документов или забирали их часть домой для вечерней работы (пример Казанского университета)³⁸. Порой торжества провоцировали создание такого количества новых текстов, что, например, в архиве Тюбингенского университета все подготовительные к празднованию и к написанию юбилейной истории документы обрзовали отдельный фонд³⁹.

В ходе обсуждения выяснилось, что архив способен влиять на коллективную память разнообразными способами. Так, архив Варшавского университета редуцировал из анналов корпоративной памяти кусок имперского прошлого, оставшегося после обретения независимости Польши в Советском Союзе⁴⁰. Биография парижского архива объяснила, почему в XVII в. архивариусы были так заинтересованы в составлении реестров документов и как именно эти описи повлияли на создание первой истории Парижского университета. Оказалось, что документы активно использовались для отстаивания финансовых и территориальных привилегий профессоров, для обоснования внутренних реформ, для защиты интересов отдельных факультетов и «наций»⁴¹. Тематическое распределение документов определило концепцию первого труда об университетском прошлом. В свою очередь, отсутствие практики архивирования в болгарских университетах привело к тому, что историкам до сих пор не удается создать нарратив прошлого национального Университета⁴².

В ходе обсуждения выяснилось, что так же, как и в императорской России, личные архивы польских профессоров и научных объединений не попадали в государственные архивы. Их наци-

³⁸ Алмазова Н.С. Дело о «наилучшей» организации архива императорского университета в Казани (статья в данном сборнике).

³⁹ Morozov O. The Historical Past of Tübingen University within the 1927 Jubilee Context // History of Education and Children's Literature. 2014. Vol. IX. No. 1. P. 301–320.

⁴⁰ Алмазова Н.С. Судьба архива императорского университета в Варшаве (статья в данном сборнике).

⁴¹ Амалу Т. Первые архивные каталоги Парижского университета в XVII в.: симптом кризиса или ресурс новой историографии? (статья в данном сборнике).

⁴² Трифонова А.Д. Университетские архивы в Болгарии (статья в данном сборнике).

онализация произошла в XX в., когда на основе сохранившихся коллекций были созданы Отдел рукописей Варшавского университета и фонды Архива Польской академии наук. Их открытие для посетителей расширило тематику университетских исследований⁴³. В то же время отсутствие таких центров сосредоточения личных архивных коллекций в Германии побуждает немецких историков буквально создавать личные архивы профессоров, разыскивая и соединяя в одной публикации тексты из разных архивохранилищ⁴⁴.

Мы убедились, что свидетельства одного, пусть даже очень богатого архива (например, архив Министерства народного просвещения в Российской империи) не дают возможности проводить компаративные исследования. При этом все университетские архивы содержат свидетельства в пользу переплетенной истории университетов (переписка между профессорами, учеными советами, обмен поздравлениями и научными рецензиями, формулярные списки с фиксацией академической мобильности)⁴⁵. Для того чтобы обрести возможность сравнивать, в Италии реализуют масштабные государственные проекты по изучению и стандартизации университетских архивов. И поскольку сопоставление требует хорошего знания локальных специфик, усилия итальянских научных фондов и исследователей вот уже два десятилетия направлены на выявление и коллективное обсуждение особенностей сохранения свидетельств в разных университетских сообществах⁴⁶.

Дискуссия показала, что политики памяти в европейских университетах формировали разные агенты: канцлеры, добивавшиеся привилегий для профессоров; члены профессорской корпорации, спасавшие архивы от пожаров и войн; секретари университетских советов, протоколировавшие или сочинявшие протоколы

⁴³ Шиллер-Валицка И. Архив Польской Академии наук как хранилище профессорского наследия (статья в данном сборнике).

⁴⁴ "Auch in Moskwa habe ich Ursache zufriedener zu sein": Christian von Schlozers Pravatkorrespondenz mit der Familie. Akademische Lebenswelten, Wissens- und Kulturtransfer in Russland am Beginn des 19. Jahrhunderts / Hrsg. von A. Kaplunovskiy (Mainzer Beiträge zur Geschichte Osteuropas). Mainz: Lit Verlag, 2014.

⁴⁵ Кусбер Я. Трансфер и сравнение: университетские сообщества России и Германии // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. С. 191–211.

⁴⁶ Поманте Л. Университетские архивы Италии между традицией и инновацией (статья в данном сборнике).

заседаний; архивариусы, не желавшие увеличения работы или выкраивавшие в архиве место для новых документов; адвокаты, использовавшие прошлое как аргумент для обоснования претензий университета⁴⁷; попечители, стремившиеся скрыть компрометирующие документы от ревизоров или продемонстрировать свои заслуги преемникам; адъютанты, которым поручали сделать указатели к канцелярским бумагам; профессора, не соблюдавшие правил делопроизводства или, напротив, стремившиеся упорядочить склад «старых бумаг» ради письменной истории; министерские чиновники, нуждающиеся в справках «с мест»; министры, претендовавшие на роль укротителей хаоса; и даже императоры, мечтавшие о хорошо организованном управлении.

В сочетании с факторами дороговизны бумаги, печного отопления архивных камер, плесени, нехватки помещений, отсутствия денег на приобретение стеллажей и картонных папок, ликвидации, а затем восстановления штатной должности архивариуса это приводило к редукции или ревизии архивных собраний. Почти всегда такая ревизия осуществлялась продуманно, с обсуждением того, что и почему из архивных богатств считать «вечным» и что «ненужным».

Благодаря кооперации с российскими и зарубежными коллегами, а также в результате учебно-исследовательской работы со студентами мы стали рассматривать Университет не только как институцию или пространство социальных взаимодействий и властных отношений, но и как специфическое место производства «высказываний». Последнее понятие мы понимаем расширительно и включаем в него как вербализованные идеи, так и поведенческие стратегии, солидарный выбор, протест и прочие действия. В такой перспективе архив предстает не зеркалом реальности или «черным ящиком», но участником «финальной сборки» многочисленных и противоречивых высказываний, превращения их в согласованный рассказ о прошлом.

В отличие от структуралистского прочтения строения («архитектуры») архива как недискурсивного хранилища, практикующих историков интересует не состояние архивов (т.е. хранящиеся там высказывания и суждения), а медиаторы, посредством которых полнота университетской жизни превращалась в дискурсы

⁴⁷ Oouvarov P. Who Founded Paris University? A History of the 16th Century Law-suit // History of Education and Children's Literature. 2014. Vol. IX. No. 1. P. 227–250.

социальной памяти (в рассказы об университетской жизни)⁴⁸. При таком подходе «физическая сторона» всякого организованного знания — собирание, классификация, хранение, обработка материалов и их передача во времени — предстает культурными практиками⁴⁹. Таким образом, нам важна многофункциональность университетского архива, который участвует в наших исследованиях и как институция, и как свидетельство, и как набор культурных практик, и как источник смыслов.

⁴⁸ Beghtol C. Stories: Applications of Narrative Discourse Analysis to Issues in Information Storage and Retrieval // Knowledge Organization: International Journal devoted to Concept, Theory, Classification, Indexing and Representation. 1997. Vol. 24. P. 64–71.

⁴⁹ Эрнст В. Архивация: Архив как хранилище памяти и его инструментализация при национал-социализме // Новое литературное обозрение. 2005. № 4 (74). С. 135; Ernst W. Archival action: The archive as ROM and its political instrumentalization under National Socialism // History of the Human Science. 1999. Vol. 12. P. 13.

Наталья Алмазова

ДЕЛО О «НАИЛУЧШЕЙ» ОРГАНИЗАЦИИ АРХИВА ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В КАЗАНИ

doi: 1017323/978-5-7598-1587-7_23-34

В настоящей статье речь пойдет о частном случае, имеющем отношение к заявленному во введении кругу проблем, — о неосуществленной попытке реорганизации архива в Казанском университете на рубеже XIX–XX вв. Обнаруженные документы, зафиксировавшие этапы реализации этого намерения, позволяют судить не только о желаниях реформаторов, но и о состоянии «коллектора» памяти Казанского университета на 1899 г. Кроме того, эти свидетельства позволяют затронуть вопросы прочтения архива, а именно объяснить, почему мотивы к изменению его структуры оказались слабее, чем стремление сохранить все в неизменном виде.

Архивное дело «О новой организации университетского архива» хранится в фонде Казанского университета в Национальном архиве Республики Татарстан (НА РТ). В нем содержатся следующие документы: обращение ректора университета к профессорскому стипендиату В.Л. Борису с просьбой ознакомиться с университетским архивом, записка Борисова о состоянии архива университета, рапорты архивариуса университета А.А. Бобровникова. Все они относятся к 1899–1901 гг.¹

В октябре 1899 г. ректор Казанского университета Дмитрий Иванович Дубяго обратился к Борису с просьбой «поближе ознакомиться с устройством нашего архива университета, а именно: с порядком поступления в него дел, распределением их в архив, систематизацией, ведением каталогов и пр.»² и сообщить собранные сведения с замечаниями и указаниями, по возможности к ноябрю 1899 г.

¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 10128.

² Там же. Л. 1.

Первоначально письмо завершалось другой фразой (впоследствии зачеркнутой и замененной фразой о сроках): «Желательно было бы, чтобы указания Ваши, изложенные в краткой форме, могли служить руководством для нашего архивариуса при благоустройстве архива»³. В связи с этим письмом ректора можно предположить, что в университете существовал определенный интерес к собственному архиву.

Интересно, что в деле имеется рапорт архивариуса Бобровникова, датированный августом 1899 г.⁴, в котором в ответ на «словесное предложение» ректора университета он приводит инструкцию по управлению архивом. Таким образом, еще в августе 1899 г. ректор университета обращался к вопросам, связанным с университетским архивом. Стоит отметить, что Дубяго был назначен ректором буквально за месяц до этого, а именно 21 июля 1899 г., и, возможно, дело с реорганизацией университетского архива было одним из его первых дел на посту ректора.

Вероятно, интерес к «архивным вопросам» в Казанском университете мог быть связан с общим вниманием в стране к состоянию и положению архивов, как государственных, так и частных. В 1898 г. Императорское Московское археологическое общество, озаботившись весьма плачевным состоянием российских архивов, выступило с программой спасения и сохранения многих документов, которые находились в разных архивах, но были неизвестны в научной среде. Среди прочего в программе особое внимание уделялось частным архивам и архивам правительственных учреждений, не имевших научных задач, т.е. речь шла о таких архивах, которые по точному смыслу действующего на тот период законодательства хранили документы, необходимые для справок по текущим делам. С течением времени такие архивы скопили огромное количество документов, бесполезных для текущих справок, но важных и ценных для научных целей⁵.

³ НА РГ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 10128. Л. 1.

⁴ Это наиболее ранний по времени документ в архивном деле, но расположен он лишь третьим, после двух бумаг октября 1899 г.

⁵ Программа была напечатана и в Известиях Казанского общества археологии, истории и этнографии. См.: Программа для собирания сведений для архивов // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XIV. Вып. 5. Казань, 1898. С. 590–592.

Аналогичные вопросы поднимались и на XI Археологическом съезде, который состоялся в августе 1899 г. в Киеве. На нем обсуждалось общее печальное состояние архивного дела в России, говорилось о том, что правительство смотрит на архивы только как на места хранения канцелярских дел, нужных для справок, и не видит, что они могут представлять и научный интерес. Подобным же образом подходили и к уничтожению «ненужных документов». В связи с этим съезд поддержал проект архивной реформы на основе централизации архивного дела, который был представлен московским профессором Д.Я. Самоквасовым⁶. О том, что происходило на съезде в Киеве, в Казани стало известно довольно быстро. Буквально на одном из первых в новом учебном году заседании Общества археологии, истории и этнографии был сделан отчет о занятиях на съезде⁷.

Несомненно, интерес к архиву был связан и с написанием университетской истории при подготовке к празднованию столетнего юбилея Казанского университета. Часть архива была даже перенесена в библиотеку, где располагался кабинет Н.П. Загоскина⁸. По всей вероятности, уже тогда в университетском архиве невозможно было отыскать необходимые документы. Об этом свидетельствует и сам Загоскин. На одном из заседаний совета университета, докладывая о состоянии своей работы по составлению истории Казанского университета, он говорил: «Включение документов в дела с самыми общими и даже совершенно не соответствующими содержанию их заголовками — явление весьма обыкновенное в нашем университетском архиве, вынуждая перелистывать все дела, и этим путем мне часто доводится наталкиваться на в высшей степени ценные документы и целые производства в таких делах, в которых менее всего мог я рассчитывать их встретить: канцелярские чины доброго старо-

⁶ См.: Хорхордина Т.И. История архивоведческой мысли: учебник. М.: РГГУ, 2012. С. 150–168.

⁷ Васильев Д. Отчет о занятиях XI Археологического съезда в Киеве // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XVI. Вып. 1. Казань, 1900. С. 66–68. О том, что доклад состоялся 23 сентября 1899 г., см.: Там же. С. 64.

⁸ См.: Вишленкова Е.А., Сальникова А.А. Юбилейные истории Казанского университета // Отечественная история. 2004. № 5. С. 134–135; Ильина К.А., Вишленкова Е.А. Архивариус: хранитель и создатель университетской памяти // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 356–357.

го времени менее всего заботились об интересах будущих историков народного просвещения, стараясь лишь скорее очистить свои журналы и реестры нерешенных дел»⁹.

Обращение ректора было адресовано профессорскому стипендиату Борисову. Почему же именно ему? Владимир Леонидович Борисов — выпускник юридического факультета Казанского университета, с дипломом 1-й степени (1897) — был оставлен к приготовлению к профессорскому званию по кафедре истории русского права¹⁰, а в 1899 г. окончил Петербургский археологический институт и получил диплом на звание действительного члена этого института¹¹. С 1897 г. он состоял членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ), в апреле 1899 г. был избран секретарем Общества, каковым состоял до октября 1900 г. После, получив должность инспектора народных училищ в г. Чердыни, переехал в Пермскую губернию.

Возможно, обращение к нему ректора было связано как раз с архивоведческим образованием Борисова, полученным им в Санкт-Петербургском археологическом институте, открытом в 1878 г. с целью подготовки «специалистов по русской старине»¹². Этот институт был задуман его первым директором Н.В. Калачовым как центр подготовки архивистов-профессионалов. Сюда принимались лица с высшим образованием, для которых курс обучения составлял два года и был бесплатным, после чего им выдавались дипломы действительных членов института. Лица же без высшего образования определялись в вольнослушатели, учились три года и должны были платить за свое обучение, а по окончании курса они получали свидетельства сотрудников института¹³.

⁹ Протоколы заседаний совета Императорского Казанского университета за 1898 год. 28 февраля 1898 г. // Ученые записки Казанского университета. 1898. Кн. IX. С. 29.

¹⁰ Преподаватели, учившиеся и служившие в Казанском университете (1804–1904 гг.). Материалы для истории университета / собр. А.И. Михайловский, лектор англ. яз. при И. Казанском университете. Ч. 1. Вып. 3 (1885–1903 гг.). Казань, 1908. С. 1429, 1522; Протоколы заседаний совета Императорского Казанского университета за 1897 год 13 сентября 1897 г. // Ученые записки Казанского университета. 1898. Кн. II. С. 9.

¹¹ Яковлев П.С. Памятная книжка Императорского Археологического института в Санкт-Петербурге. 1878–1911 гг. СПб., 1911. С. 44.

¹² Там же. С. 7.

¹³ Там же. С. 10. См. об этом же: Хорхордина Т.И. Указ. соч. С. 122–126.

О необходимости поступления Борисова в Археологический институт шла речь в представлении юридического факультета в совет Казанского университета в сентябре 1897 г. Как полагал Загоскин, автор этой записки, «в названном институте г[осподин] Борисов должен серьезно усвоить себе те вспомогательные для русской исторической науки отрасли знания вообще и архивоведения в частности, без которых, при современных условиях русской исторической и историко-юридической наук, представляются невозможными сколько-нибудь самостоятельные изыскания в области русской истории и истории русского права»¹⁴. Для Борисова, как считал Загоскин, было бы также полезно и желательно, чтобы он в месяцы, свободные от занятий в Археологическом институте, познакомился с деятельностью двух важнейших для исторической и юридической наук архивов: Московским архивом Министерства юстиции и Московским архивом Министерства иностранных дел. Для этих целей факультет ходатайствовал о специальном пособии Борисову в размере 250 рублей в год¹⁵.

Кроме того, Дубяго мог знать и некоторые публикации Борисова, посвященные казанским архивам, а также его выступления на заседаниях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете — на некоторых из них ректор, судя по протоколам Общества, присутствовал. Эти статьи были опубликованы лишь в 1901 г., но известно, что они были составлены по заметкам, написанным в 1898 г.¹⁶ и, вероятно, могли обсуждаться на заседаниях Общества. В данном случае важно то, что в глазах ректора Борисов представлял собой специалиста именно в области архивного дела.

Исполняя просьбу ректора, уже 31 октября 1899 г. Борисов представил записку о состоянии архива университета и тем самым зафиксировал состояние и устройство архива на конец XIX в.¹⁷ По описаниям Борисова, университетский архив располагался в семи комнатах нижнего этажа библиотеки и заключал в себе делопро-

¹⁴ Протоколы заседаний совета Императорского Казанского университета за 1897 год. 25 октября 1897 г. // Ученые записки Казанского университета. 1898. Кн. V, VI. С. 31.

¹⁵ Там же. С. 31–32.

¹⁶ Борисов В.Л. Заметка об архивах г. Казани // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XVII. Вып. 2–3. Казань, 1901. С. 143–146.

¹⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 10128. Л. 4–8.

изводства двух категорий. Делопроизводство первой категории представляет собой «архив дел, группа которых более не пополняется численно вследствие прекращения функционирования тех учреждений и мест, результатом деятельности коих эти дела являлись»¹⁸; делопроизводство второй категории можно определить как текущий архив, так как в эту категорию могут быть отнесены «делопроизводства учреждений, действующих в настоящее время и потому нуждающихся более или менее часто в справках»¹⁹.

Выделяя две части в архиве — историческую и текущую, Борисов говорил, что это необходимо принимать во внимание при некоторых вопросах архивоведения. Далее Борисов писал, что каждая из указанных частей распадается, в свою очередь, на другие, еще более мелкие части, или подразделения, определяемые именем того учреждения, которое сдавало или сдает в архив свои дела. Таких внутренних подразделений в архиве насчитывается 26²⁰. Такое значительное количество, замечал Борисов, «не может, конечно, не говорить о сложности систематизации, принятой в архиве при настоящем его состоянии»²¹.

Классификация дел в архиве университета усложняется и особой их нумерацией в каждом из подразделений и для каждого периода делопроизводства, т.е. для каждого года. Путаницы в

¹⁸ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 10128. Л. 4–4 об.

¹⁹ Там же. Л. 4 об.

²⁰ Подразделения следующие: I. В части текущей: 1) дела совета; 2) дела правления (общие с 1814 г. по 1831 г., с этого времени разделяются по столам — хозяйственному и распорядительному, прежде — полицейскому); 3) дела четырех факультетов; 4) дела ректора; 5) дела инспекции; 6) дела типографии; 7) дела бухгалтерии; 8) дела эконома и экзекутера; 9) дела ктитора; 10) дела казначая; 11) дела регистраторские; 12) дела смотрителя клиник; 13) дела редакции «Ученых записок»; 14) дела канцелярии попечителя учебного округа (по одному столу за период с 1802 по 1846 г., по трем столам за 1846–1870 гг.). II. В части исторической: 1) дела цензурного комитета (1812–1828); 2) дела издательного комитета «Казанских известий» (1813–1834); 3) дела Казанской I гимназии (1805–1814); 4) дела училищного комитета (1811–1837); 5) дела Общества любителей отечественной словесности (1806–1814); 6) дела комиссии по составлению истории 50-летия университета (1853); 7) дела строительного комитета (1820–1848); 8) дела испытательного комитета (1837–1881); 9) дела испытательного комитета для чиновников (1815–1817); 10) дела по учебной части учебных заведений Казанского округа (1827–1836); 11) протоколы студенческих испытаний (1828–1849); 12) дела редакции «Известий и Ученых записок» (1865–1877). См.: Там же. Л. 4 об. — 5.

²¹ Там же. Л. 4 об.

архивных делах добавляло, по мнению Борисова, и то, что «каждое из учреждений, дела которого хранятся в архиве, сдает их туда самостоятельно, причем в сдаче не наблюдается ни определенных сроков, ни определенного периода времени, когда бы производился прием дел в архив»²². Сама сдача дел происходила по сдаточным описям, представляемым в двух экземплярах, из которых один, по расписке на нем архивариуса, возвращался учреждению, а второй оставался в архиве и служил инвентарной описью.

Ситуация с каталогами, по мнению Борисова, также оставляла желать много лучшего. «В архиве, — писал он, — есть только несколько алфавитных каталогов к делам совета и правления за старые годы, но далеко не полных и не всегда верных, так как они составлены по заголовкам дел, часто не соответствующим истинному содержанию дел»²³.

И в дополнение ко всем перечисленным недостаткам Борисов сообщал еще об одном: в архиве университета хранились предметы, которым в нем просто не место. Среди таких предметов книги разнообразного содержания, диссертации, сочинения профессоров, газеты и т.д. Как замечает автор записки, «об этих предметах можно было бы не упоминать, если бы они не занимали весьма значительного места в архиве»²⁴.

Представив такое состояние архива, Борисов далее предлагал ряд мер, которые, по его «крайнему разумению», были бы желательны в «целях благосостояния» архива²⁵. Важными в деле устройства архива Борисов считал тесно связанные между собой вопросы систематизации архивного материала и нумерации архивных дел. По его мнению, именно они составляли основные теоретические вопросы науки архивоведения.

Характеризуя два возможных варианта систематизации архивного материала («архив может иметь или одну нумерацию и, следовательно, представляет собой одно целое, без каких-либо отделов и групп, или же — несколько нумераций, то есть распадаться на отделы, с особой нумерацией для каждого»²⁶), Борисов указы-

²² Там же. Л. 5.

²³ Там же. Л. 5 об.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 6.

вал, что первая система наиболее целесообразна, удобна и проста, но применима лишь к небольшому архиву или архиву «характера чисто исторического»²⁷. Если же приходится иметь дело с архивом большим либо состоящим при каком-либо учреждении, то в таком архиве может быть несколько нумераций архивных дел.

Нумеровать архивные дела Борисов предпочитал в хронологическом порядке, но при этом отмечал, что для ведомственных российских архивов этот принцип невозможен, так как существующее законодательство требует сохранять порядок, сложившийся в процессе делопроизводства соответствующего учреждения²⁸.

Для архива Казанского университета Борисов считал возможным применить обе эти системы. Историческая часть архива может быть систематизирована по единой нумерации, а текущая — по отделам и годам. И та и другая системы требуют составления описей и карточных алфавитных указателей. А вот описания дел архива, по мнению Борисова, делать не нужно, поскольку задачи архива университета практические, а не ученые и заключаются в «удовлетворении потребностей того учреждения, при котором он служит»²⁹, а не в публикации содержащихся в нем архивных материалов.

Довольно большую и обстоятельную часть своей записки Борисов отвел техническим вопросам, связанным с составлением карточных указателей и описей, вплоть до указаний, какого цвета должен быть ярлык с заголовком дела, чтобы сама надпись «была настолько четка и крупна, что свободно можно было бы прочитать ее, не прибегая к помощи лестницы»³⁰. Предлагалось даже приобрести механический счетчик для «счисления листов»³¹, который бы сильно облегчал работу архивиста и берегал его время. Этой технической стороне дела автор записки уделил столь значительное внимание, поскольку считал, что «эта работа представляется особенно своевременной и необходимой в виду занятий по составлению столетней истории университета»³².

²⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 10128. Л. 6.

²⁸ Там же. Л. 6 об.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 7.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 8 об.

Некоторые пожелания были высказаны Борисовым и в отношении сдачи дел в архив: «В правильной сдаче дел лежит, если можно так выразиться, основание благоустройства архива»³³. Он предлагал упорядочить сроки сдачи дел, чтобы они происходили равномерно и через определенные промежутки времени, ссылаясь при этом на опыт архива Святейшего синода³⁴, а также настаивал на том, чтобы изменился и порядок сдачи дел и к уже имеющимся сдаточным описям, которые учреждения создают в двух экземплярах, добавились бы и карточки для архивных указателей.

«Такой порядок, — писал он, — является вполне справедливым, так как лицу, сдающему дело, составить карточку к нему, т.е. выписать из дела имя или название, гораздо легче, и эта работа отнимет у него гораздо меньше времени, как у знакомого во всех деталях со сдаваемым делом, нежели у лица принимающего, которому для той же самой работы нужно вновь знакомиться со всем содержанием дела»³⁵. И такой порядок тоже уже практикуется, пишет Борисов, и не только в столичных архивах (например, архив Правительствующего сената), но и в Казани — в архиве Казанского окружного суда³⁶.

Одно из последних пожеланий Борисова — освободить архив от предметов, которые находятся там по ошибке (так, книги и ведомости могли бы быть сданы в библиотеку, где и получались бы, в случае необходимости, по ним справки, — т.е. фактически и библиотека, в норме ориентированная на научные и учебные задачи, оказалась бы аффилирована с архивом).

С запиской Борисова был ознакомлен Бобровников, занимавший должность архивариуса с октября 1897 г.³⁷ Он представил на нее официальный рапорт. Архивариус подтвердил, что «записка г[осподина] Борисова, как лица, несомненно, знакомого со всеми деталями архивного дела и притом специалиста в области архивоведения, представляет собой верную картину, если позволительно

³³ Там же. Л. 7 об.

³⁴ Там же. Л. 8.

³⁵ Там же. Л. 7 об.

³⁶ Там же. Л. 8.

³⁷ Протоколы заседаний совета Императорского Казанского университета за 1897 год. 29 ноября 1897 г. // Ученые записки Казанского университета. 1898. Кн. VII, VIII. С. 15.

так выразиться, состояния и устройства архива при Казанском университете»³⁸.

Признав вполне основательными и справедливыми многие замечания автора записки, Бобровников, как человек, находящийся на государственной службе, считал необходимым руководствоваться исключительно законом и инструкцией. В частности, он писал, что по инструкции в обязанности архивариуса входят: «1) прием и хранение дел, поступающих из канцелярий: совета, правления, инспектора и факультетов; 2) расположение их в таком порядке, чтобы всякое дело могло быть отыскано немедленно по востребованию; 3) составление алфавитных описей дел общих и по факультетам; 4) справки, выписки из дел по требованию канцелярий и факультетов, а также отдельных лиц»³⁹. Поэтому в таком качестве он не мог «брать на себя смелость предлагать какие-либо нововведения, которые никак не сообразуются ни со средствами, ни с силами архива»⁴⁰.

Кроме того, без особого распоряжения непосредственного начальства Бобровников как архивариус не имел права устранять из архива какие-либо дела или документы и вводить ограничения для сроков сдачи дел в архив. Единственное, что Бобровников считал возможным предложить в данном случае, — это приложить усилия к составлению подвижного алфавитного карточного указателя дел, какой велся в архиве окружного суда; однако он уточнил, что выполнит эту задачу, «насколько позволит мне исполнение текущих моих обязанностей» и «если на то воспоследует особое распоряжение» ректора университета⁴¹.

После этого записка Борисова и рапорт архивариуса были доставлены профессорам Загоскину и Д.И. Нагуевскому с тем, чтобы те высказали мнения и соображения по вопросу «наилучшей организации архива университета»⁴². Мнение Нагуевского не сохранилось. Загоскин же на записке Борисова оставил следующую запись: «Настоящую записку г[осподина] Борисова признаю заслуживающей полного внимания (подчеркнуто Загоскиным. — Н. А.),

³⁸ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 10128. Л. 9.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Л. 1.

как плод труда лица, имеющего специальную подготовку в области архивоведения. Тем не менее, предпринятие каких бы то ни было работ по реорганизации архива Казанского университета я должен признать практически невозможным до полного окончания как работ по составлению истории Казанского университета, так и работ, находящихся с нею в связи» (подчеркнуто Загоскиным, — Н. А.)⁴³.

Последним текстом в этом архивном деле было письмо ректора университета архивариусу, которое и определило судьбу переустройства университетского архива. Ректор попросил архивариуса приступить к составлению алфавитного карточного указателя дел, находящихся в архиве⁴⁴. Этот документ сохранил два варианта письма. В первоначальном варианте письмо имело следующий вид: «Имея в виду возможно большое благоустройство архива университета и наибольшую скорость и легкость в доставлении архивных справок предлагаю Вам, милостивый государь, I. ныне же приступить к составлению алфавитного карточного указателя дел, находящихся в университетском архиве, причем коренную реорганизацию нахожу возможным отложить до окончания архивных работ по составлению Истории Казанского университета»⁴⁵.

В окончательном же варианте были исправлены цель и концовка письма. Теперь документ приобрел следующий вид: «Имея в видах достижения наибольшего удобства в доставлении архивных справок, предлагаю Вам, милостивый государь, I. ныне же приступить к составлению алфавитного карточного указателя дел, находящихся в университетском архиве, согласно Вашему представлению о записке г[осподина] Борисова»⁴⁶. Достойны внимания не только переформулировка данной инструкции, но и присутствие в ней знака «I», который, несомненно, следует прочитать как «во-первых». Очевидно, набрасывая письмо, ректор исходил из ощущения масштабности характеризуемой в нем задачи, которая непременно должна будет распастись на несколько пунктов. Однако, перейдя к ее непосредственной формулировке и вспомнив, что «эксперты», выступившие по предложениям Борисова, предельно

⁴³ Там же. Л. 4.

⁴⁴ Там же. Л. 10.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

их сузили, он фактически ограничился тем, что воспроизвел прозвучавшее у самого адресата его письма Бобровникова предложение о создании каталога. При этом само ощущение необходимости реорганизации архива и, повторю еще раз, масштабности этой задачи, похоже, отпечатлелось в сознании Дубяго настолько, что он так и не вычеркнул из своей инструкции знак «I».

Рассмотренный случай служит примечательным примером того, как действующие инструкции делопроизводства, подкрепленные соображениями практической целесообразности (необходимости оперативно отыскивать архивные материалы, нужные для масштабной работы по подготовке изданий к юбилею Казанского университета), воспрепятствовали реорганизации архива на научной (или, по крайней мере, претендующей на научность) основе. Думаю, что подобное разрешение противоречия между двумя вариантами развития архива можно считать если не типичным, то, во всяком случае, закономерным для ситуации данного времени. Понятно, что указания начальства и соображения удобства (с характерным уклоном в «практический консерватизм», побуждающий воздерживаться от каких-либо перемен без острой и, как правило, предписанной свыше необходимости в них) были для отечественного делопроизводства определяющим фактором. Это, безусловно, следует учитывать при изучении истории университетских архивов.

Наталья Алмазова

СУДЬБА АРХИВА ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ВАРШАВЕ

doi: 1017323/978-5-7598-1587-7_35-47

Как правило, университетские архивы рождаются и живут при учреждениях-создателях и разделяют их судьбы. Однако в исключительных случаях они обретают самостоятельную биографию. Архив Варшавского университета дает нам пример такого обособленного существования фондообразователя и собрания его документов. Это обстоятельство обеднило историю Варшавского университета и ослабило изучение его архива. Между тем обращение историков России к его документам позволяет исследовать не только институциональную историю конкретного университета, ныне принадлежащего другому государству, но и судьбы преподавателей, признанных «выдающимися русскими учеными».

«Кочевой» архив

Как и все присутственные места империи, Варшавский университет (1869–1915) должен был иметь архив¹. Сейчас он известен исследователям как собрание документов в фонде 214 «Императорский Варшавский университет» («Cesarski Uniwersytet w Warszawie») в Государственном архиве города Варшавы (Archiwum Państwowe

¹ К 1860-м годам архивы российских университетов уже прошли сложный путь своего становления, систематизации и даже реформирования. Более подробно об этом см.: *Wiszenkova E.* University Archives as a Cultural Project: Russia, the First Half of the 19th Century // *Rozprawy z Dziejów Oświaty*. 2011. Т. XLVIII. S. 183–195; *Wiszenkova E.* University Archivists as Archive Policy Agents in Nineteenth-Century Russia // *Rozprawy z Dziejów Oświaty*. 2012. Т. XLIX. S. 153–166; *Vishlenkova E.* Document Preservation Policy in Russian Imperial Universities // *Working papers by Basic Research Programme. Series HUM «Humanities»*. 2013. No. 29; *Ильина К.А.* Делопроизводственная документация как источник изучения практики управления российскими университетами первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011; *Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А.* Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

m.st. Warszawy). Его объем — 1111 единиц хранения. Это намного меньше, чем документальные собрания других императорских университетов. Фонд Московского университета (ф. 418 Центрального исторического архива Москвы — ЦИАМ) составляет 211 904 единицы хранения²; фонд Казанского университета (ф. 977 Национального архива Республики Татарстан — далее НА РТ) насчитывает более 110 000 единиц³; а фонд университета Св. Владимира (ф. 16 в Государственном архиве г. Киева — ГАК) имеет 72 007 единиц хранения⁴.

Но коллекция документов в Государственном архиве города Варшавы не является единственным хранилищем документов Императорского Варшавского университета. Еще три собрания обнаруживаются в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фонде 733 Министерства народного просвещения, в Государственном архиве Ростовской области (ГА РО) в фонде 527 Донского университета и в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее — НИОР РГБ) в фонде 44 Варшавского университета⁵.

Почему же архив Варшавского университета столь скромен по объему и рассредоточен в нескольких государственных архивохранилищах?

Открытие Варшавского университета состоялось в 1869 г. на основе уже существовавшего здесь польского национального учебно-

го заведения — Варшавской Главной школы (1862–1869)⁶. Помимо прочего, в его уставе (§ 65) были определены функции канцелярии и архива, а также должности, относящиеся к этим структурным подразделениям⁷. В канцелярию, которую возглавлял секретарь совета, по штату входили три его помощника (старший, исполнявший функции казначея, и два младших), смотритель университетских зданий, пять канцелярских чиновников и журналист, который совмещал свою должность с обязанностями архивариуса.

Как справедливо пишет польская исследовательница Малгожата Шмит, архив Варшавского университета действовал на тех же принципах и основаниях, которые были присущи всей российской бюрократической системе⁸. Документы должны были сдаваться на хранение по истечении трех лет с момента их окончания. Они подразделялись на «дела оконченные» и «текущие», т.е. те, которые могли понадобиться в делопроизводстве (например, действующие распоряжения или инструкции). Такие документы должны были храниться в канцелярии. Вероятно, в общий архив не передавались документы факультетского делопроизводства, а также протоколы заседаний вспомогательных учебных учрежде-

² Центральные архивы Москвы: Путеводитель по фондам. Вып. 3. М.: Мосгорархив, 1999. См. также: Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Указ. соч. С. 261–262; Vishlenkova E. Document Preservation Policy in Russian Imperial Universities... Р. 3.

³ Национальный архив Республики Татарстан: Путеводитель. Издание дополненное и переработанное. Казань, 1999. С. 80–81. См. также: Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Указ. соч. С. 259–261.

⁴ Державний архів міста Києва: Путівник. Т. 1. Фонди дорадянського періоду. Київ, 2007. С. 45. Обзор состояния современной архивной базы для изучения истории российских университетов XIX — начала XX вв. сделан в статье: Грибовский М.В. Документы по истории профессорско-преподавательского корпуса отечественных университетов рубежа XIX–XX веков в российских и зарубежных архивах // Отечественные архивы. 2012. № 3. С. 53–60.

⁵ Обзор архивных фондов по истории Варшавского университета в российских архивах см. в работах польской исследовательницы И. Шиллер-Валицки: Schiller J. Materiały do dziejów Cesarskiego Uniwersytetu Warszawskiego w Rostowie nad Donem // Nauka Polska. Jej Potrzeby Organizacja i Rozwój. 2005. Т. XIV. С. 237–245; Schiller J. Moskiewskie materiały do dziejów Cesarskiego Uniwersytetu Warszawskiego // Rozprawy z Dziejów Oświaty. 2010. Т. XLVII. С. 197–208.

⁶ Об истории Варшавского университета см.: Dziejże Uniwersytetu Warszawskiego. 1807–1915 / Pod. red. S. Kieniewicz. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1981; Иванов А.Е. Варшавский университет в конце XIX — начале XX в. // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX — нач. XX в.). Варшава: Urowpszechnienie Nauki — Oświata, 1995. С. 198–205; Иванов А.Е. Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект // Отечественная история. 1997. № 6. С. 23–33; Михальченко С.И. Императорский университет в Варшаве: проблемы польско-российских взаимоотношений // Slavica Lundensia. Vol. 22 (2005): Words, Deeds and Values. The Intelligentsia in Russia and Poland during the Nineteenth and Twentieth Centuries. Lund, 2006. P. 33–46; Schiller J. Uniwersytet Warszawski — czy uniwersytet i czy w Warszawie? // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 2005. № 3–4. С. 25–58; Шиллер-Валицка И. Мифы и стереотипы: несколько замечаний об истории образования в Царстве Польском в XIX в. // Вопросы образования. 2014. № 3. С. 223–243. Историографическая традиция изучения истории Варшавского университета описана в работах А.Ю. Баженовой. См.: Баженова А.Ю. Образ Императорского Варшавского университета в российской и польской историографической традиции // Россия и Польша: память империй / империи памяти. СПб.: Эйдос, 2013. С. 195–211.

⁷ Устав Императорского Варшавского университета, 8 июня 1869 // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ч. 143. С. 139.

⁸ Szmít M. Kancelaria i Archiwum Cesarskiego Uniwersytetu Warszawskiego (1869–1915) // Archeion. 1974. Т. 61. С. 185.

ний (различных кабинетов и лабораторий)⁹. Я также полагаю, что в университетский архив не сдавалась так называемая секретная переписка ректора и инспектора студентов. Речь идет о документах, связанных со студенческими волнениями¹⁰.

Первые документы поступили в архив в 1874 г. Это были 109 папок личных дел и 48 папок с текстами, посвященными вопросам управления за 1869–1873 гг.¹¹ На основании этого Шмит предположила, что варшавский архив появился не ранее 1874 г.¹² Вероятно, существовал определенный порядок оформления и передачи дел в него. К сожалению, я не нашла такой инструкции. На основе косвенных свидетельств (описей и записей архивариуса) можно утверждать, что он был таким же, как и в других российских университетах.

Документы группировались в «дела» по хронологически-тематическому принципу. В одно «дело» входили тексты, созданные вокруг какого-либо вопроса за определенный срок (чаще один год). «Дела», поступившие в архив, не получали новой нумерации, а сохраняли те номера, которые были даны им в канцелярии университета (писались в левом верхнем углу). Для облегчения работы в архиве и для ускорения поиска документов использовались особые ярлыки, которые прикреплялись к папке. На них были указаны название описываемого в ней вопроса и номер папки на полке. В зависимости от типа документов папки различались по цвету. Так, папки, которые содержали приказы и инструкции, были светло-зеленого цвета. Синие и фиолетовые папки использовались для ведомостей об успеваемости студентов, темно-синие — для данных о стипендиях и результатах студенческих сессий¹³. Так создавалась символическая система адресации документов.

Неизвестно, проводилась ли в этот период какая-либо работа по организации или реформированию архива¹⁴, уничтожались ли

⁹ Так, в письме от 23 июля (5 августа) 1914 г. медицинский факультет сообщал, что он подготовил свои документы и оборудование для эвакуации // Archiwum Państwowe m.st. Warszawy (APW). Z. 214 (Cesarski Uniwersytet w Warszawie (CUW)). Sygn. 323.

¹⁰ М. Шмит отмечает, что на этих делах (Sygn. 331–340) отсутствовала нумерация, свойственная общей архивной нумерации. См.: *Szmit M.* Op. cit. S. 186.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid. S. 187.

¹⁴ Если такая работа и проводилась, то, скорее всего, она не имела систематического характера и выполнялась эпизодически. Для подтверждения можно приве-

документы и если это происходило, то какие именно и на каком основании. М. Шмит допускает, что такие процедуры могли иметь место¹⁵, но свидетельств того, что документы были утрачены вследствие решения об их ликвидации, а не в ходе исторических обстоятельств, у меня нет.

Трагические перемены в упорядоченной жизни университетского архива связаны с событиями 1914 г. С началом Первой мировой войны и появлением угрозы оккупации Варшавы правительство распорядилось об эвакуации имущества государственных учреждений, в том числе университета. В начале августа 1914 г. ректор С.И. Вехов приказал паковать документы архива для отправки вглубь России. Среди особо ценных числились бумаги, подтверждающие имущественные права; личные дела профессоров и студентов; протоколы заседаний советов факультетов, различных комитетов и обществ; дела, связанные с цензурой, за 10-летний период; «секретная» переписка¹⁶. Коробки с ними были отправлены в Москву и размещены в одном из зданий университета на Моховой. Неясно, были ли созданы описи эвакуированных документов. Даже если они и существовали, то не сохранились.

Дальше этот архив испытал дыхание фронта. Сначала отдаленность боевых действий побудила Министерство народного просвещения возобновить в сентябре обучение на медицинском факультете. Для этого часть университетских документов была возвращена из Москвы в Варшаву. А когда весной 1915 г. фронт вплотную подошел к Варшаве, архив вновь подготовили к эвакуации. Эти события датируются 17 (30) июля — 23 июля (5 августа), буквально накануне отхода русских войск из города¹⁷.

В августе 1915 г. контейнеры с материалами текущего делопроизводства были доставлены в Москву. Ректор С.И. Вехов сообщил тогда ректору Дерптского университета профессору П.П. Пусто-

сти пример библиотеки Варшавского университета, там ситуация была схожей. Ряд фондов, которые поступили в библиотеку в конце XIX в., не был разобран; только в начале XX в. была составлена опись наиболее ценной части собрания, разработана учетная документация. См.: *Липатова З.Н., Шаханов А.Н.* Судьба рукописного отдела и архивов профессоров Варшавского университета // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 26.

¹⁵ *Szmit M.* Op. cit. S. 187.

¹⁶ APW. Z. 214 (CUW). Sygn. 79, 323. Цит. по: *Szmit M.* Op. cit. S. 188.

¹⁷ Ibid. S. 189.

рослеву, что удалось эвакуировать всех людей, а имущество, библиотеку, канцелярию и архив только частично. Это и понятно, поскольку на упаковку было отведено всего три дня¹⁸. В письме ректора (сохранившемся в двух вариантах, в одном из которых есть зачеркивания и приписки¹⁹, а другой — чистой) упоминается цифра в 3000 пудов (4914 кг), которая затем зачеркнута и заменена цифрой 1000 пудов (1638 кг). Видимо, даже университетская администрация не знала точного объема вывезенного имущества²⁰.

1 сентября 1915 г. варшавский ректор получил распоряжение министерства возобновить работу университета в Ростове-на-Дону²¹. Туда с середины месяца стали перевозить имущество. Судя

¹⁸ APW. Z. 214 (CUW). Sygn. 323. Цит. по: *Szmit M.* Op. cit. S. 188–189.

¹⁹ На этот факт сугубое внимание обратила М. Шмит: *Szmit M.* Op. cit. S. 188–189. См. также: *Schiller J.* *Moskiewskie materiały do dziejów Cesarskiego Uniwersytetu Warszawskiego...* S. 199.

²⁰ Часть архива и канцелярии университета, оставшаяся в Варшаве, вошла в фонды открытого позднее Архива народного просвещения (*Archiwum Oświecenia Publicznego*). Это учреждение включало важные группы документов по истории образования в Польше в XIX в., архивы разных учебных учреждений, например Королевского Варшавского университета (1816–1831), Медико-хирургической академии в Варшаве (1857–1861), Главной библиотеки в Варшаве (1831–1871) и др. В число документов фонда Императорского Варшавского университета вошли распоряжения Министерства народного просвещения и попечителя Варшавского учебного округа, переписка с различными учреждениями, протоколы заседаний совета университета, прошения студентов, учебные программы и т.п. Описание этих документов была подготовлена в 1918 г., а затем уточнена в 1928 г. Но эти фонды, как и сам Архив, погибли во время Второй мировой войны. Здание, в котором располагался архив, было взорвано немцами 22 сентября 1939 г., документы сгорели. А та часть архива, которую удалось спасти и которая была передана в Центральный архив исторических документов (*Archiwum Główne Akt Dawnych*), в свою очередь, погибла во время Варшавского восстания 1944 г. См.: *Tomkiewicz W.* *Straty kulturalne Warszawy.* Warszawa: Ministerstwo Kultury i Sztuki, 1948; *Manteuffel T.* *Archiwum Oświecenia Publicznego w Warszawie // Straty Archiwów i Bibliotek Warszawskich w zakresie rękopiśmiennych źródeł historycznych.* Т. 2. *Archiwa porozbiorowe i najnowsze.* Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1956; *Szmit M.* Op. cit. S. 193. О культурных потерях Польши, в том числе и гибели архивов, в целом, см.: *Estreicher K., jr.* *Straty kultury polskiej pod okupacją niemiecką 1939–1944 wraz z oryginalnymi dokumentami grabieży (Cultural Losses of Poland during the German Occupation 1939–1944 with Original Documents of the Looting).* Kraków: Pałac Sztuki Towarzystwa Przyjaciół Sztuk Pięknych w Krakowie, 2003.

²¹ Только в 1917 г. университет стал Донским, в 1925 г. название было изменено на Северо-Кавказский университет, а в 1931 г. он стал Ростовским. В 2006 г. был реорганизован в Южный федеральный университет. Об истории университе-

по отчету библиотеки за 1915 г., в Ростове-на-Дону вместе с частью наиболее ценных книг и рукописей Варшавской библиотеки поступили архив, документы текущего делопроизводства университета и библиотеки, описи всех залов библиотеки на момент эвакуации и инвентарные книги²². Поспешность, с которой проходила эвакуация, привела к тому, что из Варшавы не были вывезены значительная часть библиотеки, архивы кабинетов (математического, зоологического, биологического), документы некоторых научных обществ, в том числе и студенческих, часть личных архивов и библиотек профессоров²³.

В годы гражданской войны Ростов-на-Дону несколько раз переходил из рук в руки. Имущество университета, в том числе фонды архива и библиотеки, подвергалось хищению и порче. Возможно, часть архивных документов могла вернуться в Польшу после подписания Рижского договора 1921 г., завершившего советско-польскую войну. В соответствии со статьей 11 Советская Россия обязалась вернуть эвакуированное имущество государственных архивов, библиотек, учреждений (это касалось и библиотеки и архива Варшавского университета)²⁴.

В конце 1920-х годов в Ростове были обнаружены отдельные книги и документы библиотеки и архива Варшавского университета, которые числились утраченными. Распоряжением Наркомпроса от 9 апреля 1930 г. они были переданы в Государственную библиотеку СССР им. В.И. Ленина в Москве (сейчас — Российская государственная библиотека). Туда же в начале 1930-х годов были переданы материалы текущего делопроизводства университета и личные документы профессоров и преподавателей, выделенные

та см.: *Белозеров С.Е.* *Очерки истории Ростовского университета.* Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1959; *Ростовский университет. 1915–1965.* Статьи, воспоминания, документы. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1965; *Лобова В.В.* *Становление и развитие высшего исторического образования на Дону в первой четверти XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук.* Ростов-на-Дону, 2010; *Данилов А.Г.* *Ростовский период в истории Варшавского университета (1915–1917 гг.) // Вопросы истории.* 2011. № 9. С. 86–97.

²² *Липатова З.Н., Шаханов А.Н.* Указ. соч. С. 26.

²³ Там же.

²⁴ См.: *Ольшанский П.Н.* *Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921–1924.* М.: Наука, 1974. С. 210–217; *Фалькович С.М.* *Из истории научных связей СССР и Польши в межвоенный период // Российско-польские научные связи в XIX–XX вв.* М.: Индрик, 2003. С. 176–177; *Липатова З.Н., Шаханов А.Н.* Указ. соч. С. 27.

во вновь сформированный архивный фонд «Варшавский университет» (ф. 44) в отделе рукописей ГБЛ (НИОР РГБ)²⁵. Из части личных архивов были сформированы фонды профессоров (архив В.В. Макушева — ф. 156; архив В.В. Курилова — ф. 146).

Однако часть архива и библиотеки Варшавского университета, все еще оставшаяся в Ростове-на-Дону²⁶, видимо, погибла во время Великой Отечественной войны, когда город дважды оказывался захваченным неприятелем. Часть документов, попавших в Государственный архив Ростовской области (ГА РО; создан в начале 1941 г. путем объединения трех областных архивов) и не вывезенных в эвакуацию в Омск, погибла летом 1942 г. в результате бомбардировки²⁷. Еще часть документов могла оказаться в Махачкале, а затем в Киргизии (Фрунзе и Ош), куда был эвакуирован Ростовский университет²⁸. В 1958 г. оставшаяся часть делопроизводства Варшавского университета (5420 единиц хранения) была передана из Государственного архива Ростовской области²⁹ в Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ).

С 1957 г. этот архив начал подготовку к передаче документов Привислинского края в польские архивы. Работа продолжалась до октября 1961 г., когда в Польшу было отправлено 522 фонда общим объемом 42 886 единиц хранения³⁰. Тогда, после подписа-

²⁵ *Лунатова З.Н., Шаханов А.Н.* Указ. соч. С. 27; *Schiller J.* Moskiewskie materiały do dziejów Cesarskiego Uniwersytetu Warszawskiego... S. 200.

²⁶ В 1920–1930-е годы архивы на территории нынешней Ростовской области непрерывно и очень интенсивно пополнялись документами, которые оставались невостребованными начиная с последних предреволюционных лет. См.: *Лукьяшко Е.П.* Прошлое ростовского архива // *Донской временник. Ростов-на-Дону, 2005.* С. 94–97.

²⁷ *Szmit M.* Op. cit. S. 191; *Лунатова З.Н., Шаханов А.Н.* Указ. соч. С. 28.

²⁸ *Szmit M.* Op. cit. S. 191–192.

²⁹ В настоящее время в ГА РО есть фонды Императорского Варшавского университета: ф. 527 «Донской университет Министерства народного просвещения, 1873–1924 гг.» (4535 ед. хр.) и ф. Р-46 «Ростовский-на-Дону государственный университет (РГУ), 1913–1995 гг.» (18 654 ед. хр.). См.: Государственный архив Ростовской области. Список фондов ГКУ РО «ГА РО» дореволюционного периода: <http://gosarhro.ru/nsa/list_of_funds/Fondy_dorevolucionnogo_perioda.pdf> (дата обращения: 23.07.2015); Государственный архив Ростовской области. Список фондов ГКУ РО «ГА РО» советского периода: <http://gosarhro.ru/nsa/list_of_funds/Spisok_OFOR.pdf> (дата обращения: 23.07.2015).

³⁰ ГАРФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 309 а. См. также: История Государственного архива Российской Федерации. Документы. Статьи. Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2010. С. 111.

ния протокола о передаче Польше архивных материалов из СССР, архив Императорского Варшавского университета был передан в Государственный архив г. Варшавы и Варшавского воеводства³¹. Всего было передано 5246 единиц хранения³².

В настоящее время «архив» Императорского Варшавского университета включает в себя следующие разделы: I. Канцелярия совета, правления и ректора университета (в описи дела разделяются на группы: 1) протоколы, 2) дела совета, 3) дела правления, 4) дела ректора, 5) канцелярия); II. Секретариаты факультетов (в описи дела разделяются на группы: 1) историко-филологический факультет, 2) физико-математический факультет, 3) юридический факультет и 4) медицинский факультет); III. Канцелярия Инспектора (в описи дела разделяются на группы: 1) разное, 2) надзор над студентами, 3) дисциплинарный суд, 4) списки студентов); IV. Личные дела сотрудников университета (в описи дела разделяются на группы: 1) общие, 2) профессора и преподаватели, 3) лекари, 4) профессорские стипендиаты, 5) сотрудники клиник, 6) сотрудники библиотеки и администрации); V. Личные дела студентов и фармацевтов (в описи дела разделяются на группы: 1) студенты, 2) фармацевты); VI. Личные дела фельдшеров, акушеров, дантистов; VII. Студенческие и научные общества при университете (в описи дела разделяются на группы: 1) сообщества студентов, 2) научные общества)³³.

В начале 1970-х годов этот фонд был систематизирован и описан³⁴. Документы стали доступны ученым, и ссылки на них появились в публикациях исследователей из Польши, России и других стран³⁵.

³¹ *H. A. [Henryk Altman]* Przekazanie Polsce materiałów archiwalnych ze Związku Radzieckiego // *Archeion.* 1962. T. 37. S. 294–296.

³² *Maciejewska W.* Transport akt przekazanych Polsce przez Związek Radziecki // *Archeion.* 1962. T. 38. S. 306.

³³ APW. Inwentarze Archiwalne. T. XXV. Cesarski Uniwersytet w Warszawie. 1869–1917. T. XXVI. Cesarski Uniwersytet w Warszawie. 1869–1917. Skorowidz osobowy.

³⁴ См.: *Szmit M.* Op. cit. S. 192.

³⁵ См., например: *Błaszcyk L.T.* Antyk w Uniwersytecie Warszawskim. Filologia klasyczna na Uniwersytecie Warszawskim w latach 1816–1915. Cz. I–II. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1995–2003; *Иванов А.Е.* Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект // *Отечественная история.* 1997. № 6. С. 23–33; *Михальчен*

Польский архив и русские ученые

В 2009 г. благодаря поддержке профессоров Ежи Аксера и Ежи Колендо у меня была возможность работать в варшавских архивах. Мой давний исследовательский интерес к истории антиковедения в России побудил меня обратиться к университетским документам: протоколам историко-филологического факультета и личным делам преподавателей. Их прочтение оказалось интересным не только в связи с их непосредственным содержанием, но и с проявляющимися в них возможностями исследования данного архивного фонда.

Остановимся на некоторых документах, представляющих не только содержательный, но и фондообразующий интерес. Так, занимаясь поисками сведений для биографии казанского профессора римской словесности Дариуша (Дария Ильича) Нагуевского, я обнаружила данные о его намерении защитить докторскую диссертацию в Варшаве³⁶. Нигде, в том числе в автобиографии для Словаря профессоров Казанского университета³⁷, ученый об этом не упоминал. Дело в том, что диспут не состоялся. В архиве сохранились не только стандартные документы (заявления, справки, протоколы заседаний и результаты голосований), но и отзывы варшавских профессоров на текст его исследования. История обсуждения диссертации оказалась тем более интригующей, что в ней участвовал ректор Н.М. Благовещенский, специалист по римской литературе в целом и римской сатире и Ювеналу в частности.

В протоколах нет упоминаний о конфликте Благовещенского с Нагуевским. Да и качество диссертационной работы последнего могло породить естественное недовольство специалистов.

ко С.И. Кафедры русской и всеобщей истории в Варшавском университете (1869–1915) // Философский век. Альманах. Вып. 30. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Т. 3. СПб., 2005. С. 11–18; Баженова Г.Ю. Просопографічний портрет істориків Імператорського Варшавського університету (1869–1915 рр.) // Український Історичний журнал. 2012. № 3. С. 106–121; Баженова А.Ю. Историки императорского Варшавского университета: условия формирования пограничной идентичности // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 239–261; Баженова А.Ю. Историки Императорского Варшавского университета 1869–1915: просвещение, наука, политика. Люблин: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2014.

³⁶ APW. Z. 214 (CUW). Sygn. 391. К. 11, 81, 109–137, 140–142.

³⁷ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904): в 2 ч. Ч. 1. Казань, 1904. С. 136.

Возможно, что вполне обоснованные претензии возникли и у Н.М. Благовещенского. Неестественно лишь то, что ректор использовал для борьбы с молодым конкурентом не метод открытой полемики, а «административные ресурсы». Он настоял на отмене результатов обсуждения и, видимо, добился от рецензентов изменения их оценок работы. Во всяком случае, в варшавском архиве хранятся два диаметрально отличающихся отзыва на диссертацию Нагуевского, написанных доцентом К. Трессом. Первый его отзыв был положительный, а второй — отрицательный³⁸.

Среди других интересных документов — материалы, связанные с процедурой «приготовления к профессорскому званию» Алексея Косминского, отца выдающегося историка-медиевиста, академика АН СССР Е.А. Косминского. Конечно, эти тексты прежде всего свидетельствуют об условиях развития антиковедения в Варшавском университете (к сожалению, эта тема не исследовалась историками науки³⁹). Но они имеют характер не только локального свидетельства. В них зафиксированы факторы становления данной научной дисциплины и специалистов в этой области в условиях Российской империи. Один из наиболее информативных документов — отчет А. Косминского о его занятиях по римской истории⁴⁰. Он позволяет заключить, что если бы не ряд обстоятельств, связанных с материальными трудностями (необходимость содержать семью и для этого «взять место штатного учителя в I-й женской гимназии»⁴¹), то в лице Косминского-старшего российское антиковедение могло обрести яркого и интересного историка Древнего Рима⁴².

³⁸ Более подробно об этой истории см.: Алмазова Н.С. «Девятый вал» профессора Д.И. Нагуевского: история одной несостоявшейся защиты // Мир историка: историографический сборник. Вып. 6. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2010. С. 43–58.

³⁹ Так, существует специальная монография И.А. Дружининой, посвященная антиковедению в Казанском университете (*Дружинина И.А. Изучение античности в Казанском университете XIX — 1920-е гг.* Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2006). В обобщающей работе Э.Д. Фролова речь идет скорее о направлениях, школах и персоналиях в российском антиковедении. (См.: *Фролов Э.Д. Русская наука об античности.* СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999; 2-е изд. 2006.)

⁴⁰ APW. Z. 214 (CUW). Sygn. 674.

⁴¹ APW. Z. 214 (CUW). Sygn. 398. К. 310.

⁴² См. об этом: Алмазова Н.С. Из истории антиковедения в Императорском Варшавском университете: дело кандидата-стипендиата Алексея Косминского // Восток, Европа, Америка в древности. Вып. 2. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. С. 219–228.

В сохранившемся архиве Варшавского университета я обнаружила сведения о преподавательской и научной деятельности в 1897–1906 гг. медиевиста Д.М. Петрушевского. Они позволили уточнить круг учебных дисциплин, узнать о его научных командировках за границу⁴³, о публикации монографий⁴⁴, о его варшавских учениках М.И. Белоруссове⁴⁵ и М.А. Кречмаре⁴⁶. Последний занимался наукой в обретшей независимость Польше⁴⁷. В архиве сохранились программы учебных курсов⁴⁸ Петрушевского, перечень тем студенческих исследований, которые он предлагал⁴⁹. Интересно, что архивные документы представляют карьеру Петрушевского как восхождение. Протоколы заседаний историко-филологического факультета свидетельствуют, что практически все предложения Д.М. Петрушевского, его ходатайства о финансировании научных командировок или публикации книг получали одобрение. Однако это не так.

Часть документов, по которым можно было бы проследить прохождение этих предложений через совет университета, не сохранилась. Так, в папке под названием «О командировании с учебной целью»⁵⁰ нет документов за 1893–1911 гг. — период, когда Петрушевский работал в Варшавском университете. Перепроверить эти сведения стало возможно благодаря сохранившимся письмам Д.М. Петрушевского в отделе рукописей РГБ⁵¹. Ученый сообщал

⁴³ APW. Z. 214 (CUW). Sygn. 367. K. 10, 14; Sygn. 373. K. 5; Sygn. 374. K. 5; Sygn. 408. K. 194; Sygn. 409. K. 126; Sygn. 416. K. 186, 254.

⁴⁴ APW. Z. 214 (CUW). Sygn. 369. K. 10, 33; Sygn. 410. K. 305–306; Sygn. 413. K. 232; Sygn. 415. K. 40; Sygn. 416. K. 28.

⁴⁵ APW. Z. 214 (CUW). Sygn. 411. K. 86–87; Sygn. 413. K. 191–192, 410; Sygn. 415. K. 155; Sygn. 416. K. 100.

⁴⁶ APW. Z. 214 (CUW). Sygn. 374. K. 18; Sygn. 375. K. 10; Sygn. 411. K. 104–106; Sygn. 416. K. 154; Sygn. 675. K. 42.

⁴⁷ Hulewicz J. Kreczmar Michał // Polski Słownik Biograficzny. T. XV. Warszawa, 1970. S. 264–265; Błaszcyk L.T. Koncepcje historyczne Michała Kreczmaro jako badacza dziejów starożytnych // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Seria I. Nauki Humanistyczno-Społeczne. № 12. Historia. Łódź, 1959. S. 169–189.

⁴⁸ APW. Z. 214 (CUW). Sygn. 408. K. 8; Sygn. 410. K. 51–52, 68–69; Sygn. 411. K. 13; Sygn. 412. K. 10, 66; Sygn. 413. K. 108–109; Sygn. 414. K. 30, 37–39.

⁴⁹ APW. Z. 214 (CUW). Sygn. 369. K. 26–27; Sygn. 370. K. 2, 4; Sygn. 411. K. 393; Sygn. 412. K. 162; Sygn. 413. K. 229, 459; Sygn. 414. K. 232–233; Sygn. 415. K. 17, 140.

⁵⁰ APW. Z. 214 (CUW). Sygn. 104, 105, 106.

⁵¹ НИОР РГБ. Ф. 376 (Фонд В.Э. Грабаря). Картон 10. Ед. хр. 10.

разным респондентам, что его прошения о командировках часто не получают поддержки, сетовал на то, что голосовали против него его же коллеги по факультету.

Подводя итог своим рассуждениям о судьбе варшавского архива, утверждаю, что он позволяет прочитать университетское прошлое Российской империи как переплетенную историю людей, идей и решений. Несмотря на свой скромный объем и территориальную разбросанность, он является частью «большого архива» имперской истории науки и образования.

Тьерри Амалу

ПЕРВЫЕ АРХИВНЫЕ КАТАЛОГИ ПАРИЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В XVII В.: СИМПТОМ КРИЗИСА ИЛИ РЕСУРС НОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ?¹

doi: 1017323/978-5-7598-1587-7_48-82

Как и другие гражданские или духовные учреждения, университеты Средних веков и раннего Нового времени располагали архивами. Начиная с XV в. этот термин обозначал и документы, используемые для написания истории («documents d'usage historique»), и место, где эти документы хранятся². Словарь Треву, издаваемый иезуитами, воспроизводит эту двойственность, определяя архивы следующим образом: «Древние хартии, древние документы и иные важные бумаги государства, общины, или семьи; а еще так называют место, где эти документы хранятся»³.

Напомним, что Парижский университет в теории представлял собой союз корпораций факультета искусств и трех высших факультетов (теологии, канонического права и медицины). Все же в XVII в. факультет искусств, претендовавший на то, чтобы считаться более древним, чем высшие факультеты, настаивал на своем институциональном превосходстве, поскольку обладал большинством при голосовании: четыре голоса «наций» (французской, пикардийской, нормандской и германской)⁴, из которых состоял факультет, против трех голосов высших факультетов. Факультет искусств таким образом претендовал на то, чтобы господствовать над универ-

ситетом или даже единолично служить его воплощением: «имя университета включает все виды штудий и занятий наций, составляющих факультет искусств, каковые изначально и являлись университетом»⁵. Но если высшие факультеты обладали своими собственными архивами, то факультет искусств, претендуя на то, что он и является университетом, хранил в Наваррском коллеже свои акты и документы, из коих наиболее древние восходили к XIII в.⁶

Лишь в 1623 г. было принято решение составить подробную аналитическую опись, дошедшую до нас в нескольких вариантах копий; потом к этой работе вернуться в самом конце XVII в., в 1698–1699 гг.⁷ (см. Приложение 1). Внезапно пробудившийся интерес, сопровождавшийся предпринятыми усилиями по классификации или даже реорганизации самих этих архивов, разумеется, не был случайным. На уровне отдельных коллегий мы знаем, что, например, Ланский коллеж обладал очень полной описью своих актов, реестров и картуляриев, что было вызвано серьезной институциональной трансформацией, увенчавшейся объединением с коллежем Людовика Великого в 1764 г.⁸

Прежде чем задаваться вопросом о причинах, которые могли вызвать составление описей, стоит напомнить, что подъем интереса университета к архивам вписывается в общий исторический контекст, характеризовавшийся тем, что ключевые государственные учреждения начали осознавать историческую ценность своих

⁵ Défense des nations de France, de Picardie, de Normandie et d'Allemagne fausement accusées d'innovations, troubles, entreprises, désordres et confusions... [S. l.], 1653. P. 2.

⁶ Gorochov N. Naissance de l'université. Les écoles de Paris d'Innocent III à Thomas d'Aquin (1200–1245). Paris: Editions Honoré Champion, 2012. Именно в 1357 г. университет решил изъять свои архивы у хранившего их канцлера аббатства Сен-Женевьев, чтобы отныне доверить их Наваррскому коллежу. См.: Du Boulay C.E. Historia universitatis parisiensis. T. IV. Paris, 1668. P. 334–336. Об университетских архивах Парижа XVI в. см.: Farge J.K. Sources and problems facing the prosopographer of the university of Paris in the early modern era // History of the Universities. Vol. XXII. No. 2. Oxford, 2007. P. 14–27.

⁷ В 1698–1699 гг. редактором новой описи стал Николя Лэр (Nicolas Lair), преподаватель в коллеже Аркур и преемник Сезара Эгаса Дю Буле на посту секретаря университета с 1678 г. См.: Jourdain C. Histoire de l'Université de Paris: Hachette et C, 1862. P. 243.

⁸ Fabris C. Etudier et vivre à Paris au Moyen Âge, Le collège de Laon XIVe–XVe siècles. Paris: École des Chartes, 2005. P. 16.

¹ Пер. с фр. П.Ю. Уварова.

² Rey A. Dictionnaire historique de la langue française. Paris: Dictionnaires Le Robert, 1992. T. I. P. 104.

³ Dictionnaire de Trévoux. Paris, 1721. T. I. P. 480.

⁴ Так тогда назывались студенческие землячества, объединенные по языковому принципу. — *Примеч. ред.*

архивов. Начало XVII в. относилось к той «решающей фазе истории архивов», которую описал Робер-Анри Ботье⁹. Применительно к Франции можно вспомнить, как Ришелье пытался с 1628 г. обеспечить сохранность документов, относящихся к делам государства, в «Сокровищнице хартий», вопреки прежней логике владельцев должностей и их наследников, считавших себя собственниками своей служебной документации¹⁰. Если архивы не были открыты публике, они все же могли теперь легче становиться объектом изучения. Хранители снимали копии документов и составляли описи, как делали Пьер Дюпюи и Теодор Годфруа, авторы описи «Сокровищницы хартий» (1615)¹¹. Забота об архивах сопутствовала, таким образом, развитию исторической эрудиции в парламентских галликанистских кругах.

Точнее говоря, еще до появления труда Жана Мабийона «De re diplomatice» и трудов ученых монахов из конгрегации св. Мавра Парижский университет стал свидетелем того, как ответственный за хранение его архивов секретарь (*greffier*), а в прошлом ректор университета Сезар Эгасс дю Буле отдал в печать беспрецедентный по своей эрудиции памятник — «Историю Парижского университета» («*Historia universitatis parisiensis*»). Издание представляло собой шесть больших томов *in folio*, вышедших между 1665 и 1673 гг. общим объемом 5208 страниц. Эта публикация была оплачена факультетом искусств¹². Получив широкое распространение, она впоследствии легла в основу всех обобщающих работ, или официальных историй Парижского университета вплоть до нашего времени¹³. В качестве секретаря университета дю Буле имел неограниченный доступ к университетским архивам.

⁹ *Bautier R.H.* La phase cruciale de l'histoire des archives. La constitution des dépôts d'archives et la naissance de l'archivistique, XVIe–début du XIXe siècle // *Archivum*. XVIII (1968). P. 139–150.

¹⁰ *Pomian K.* Les historiens et les archives dans la France du XVIIe siècle // *Acta Poloniae historica*. 1972. P. 112.

¹¹ *Ibid.* P. 111.

¹² *Jourdain C.* *Op. cit.* P. 217–218.

¹³ Об этой официальной историографии см.: *Compère M.-M.* Les collèges français 16e–18e siècles. T. 3. Paris: INRP et CNRS, 2002. P. 12–18; *Noguès B.* Une archéologie du corps enseignant. Les professeurs des collèges parisiens au XVIIe et XVIIIe siècles. Paris: Belin, 2006. P. 4, 35–36.

Исследовательская программа университета Париж-1¹⁴ позволяет команде историков показать, что труд дю Буле, помимо корпоративного и юридического подтекста («*Historia*» призвана была служить защите прерогатив факультета искусств в его конфликте с факультетом теологии, разразившемся с начала 1650 г.), вписывался в более давний процесс формирования университетской историографии, восходящий к первым десятилетиям XVII в.

Стоит задаться вопросом о роли описи архива Парижского университета в 1623 г. в появлении или в подготовке первой большой университетской истории. В каком аспекте она облегчила издательское предприятие дю Буле? Что дает нам этот «фотографический снимок» университета для университетского «духа институций»? К этим вопросам можно добавить также проблематику, которую ставят современные исследования письменной практики¹⁵.

Остановимся сначала на органических связях, существующих между нациями (землячествами) и архивами университета (I), а потом рассмотрим ресурсы, которые предлагала современникам эта настоящая «Сокровищница хартий» университета (II).

От архивов наций к университетским архивам

В Парижском университете доминировал факультет искусств и составляющие его четыре нации. И хотя изменения в «студенческой демографии» в XVII в. складывались не в его пользу¹⁶, организационная структура давала факультету искусств преимущество на университетских ассамблеях, принимавших решения, регламентирующие университетскую жизнь. Четыре прокурора наций (французской, нормандской, пикардийской и германской) и ректор (избираемый поочередно от каждой из этих наций) обеспечивали большинство факультету искусств на ассамблеях университета,

¹⁴ Рождение университетской историографии. Цезарь Эгасс дю Буле (1600–1678), источники и методы историка Парижского университета. Проект Лабе Астек, совместный с Тьерри Амалу (CRHM, EA 127) и Тьерри Куаме (LAMO, UMR 8589). Университет Париж-1 Пантеон-Сорбонна.

¹⁵ См. дело, объединенное Этьеном Анейма и Оливье Понсе: *Fabrique de archives, fabrique de l'Histoire* // *Revue de synthèse*. 2004. Nr. 125. P. 1–12.

¹⁶ *Brockliss L.W.B.* Pattern of Attendance at the university of Paris, 1400–1800 // *Historical Journal*. 1978. Vol. 21. P. 503–544.

где высшие факультеты (теологии, канонического права и медицины) были представлены тремя их деканами¹⁷. Секретарь университета ведал архивами. В интересующую нас эпоху секретарем чаще всего становился кто-нибудь из числа бывших прокуроров наций факультета искусств, в чьи функции, помимо прочего входило, ведение реестров¹⁸ (см. Приложение 2).

Подобно секретарям парламента, которые придавали форму административным актам, будучи организаторами архивов, в их обязанности входило ведение регистров постановлений университета (также называемых регистрами «собрания наций», или реестрами «ректорского трибунала»), а также документов, относящихся к судебной процедуре¹⁹. Это превращало дю Буле в одну из ключевых фигур университетского сообщества: «нет должностного лица, более необходимого для государства, общины или магистратов, чем то, на кого возложено ведение реестров всех дел, относящихся к государству, общине и судопроизводству»²⁰.

Прямая связь между функцией секретаря университета и функцией прокурора нации усиливала прочную связь факультета искусств и университета. В силу этих связей архивы университета хранились в Наваррском коллеже, давней резиденции французской нации.

Наваррский коллеж: символическое место хранения

Выбор Наваррского коллежа как места, где университетские архивы хранились с 1357 г., был совсем не случайным. Это престижное заведение, со времени своего основания в 1305 г. королевой Жанной Наваррской, было также наилучшей иллюстрацией королевского покровительства университету. Характерно, что коллеж каждый год в своей капелле праздновал день святого Людовика в

¹⁷ *Compère M.-M.* Op. cit.

¹⁸ *Targe M.* Professeurs et régents de collège. L'ancienne université de Paris. Paris, 1902. P. 25–26. «Прокурор созывал ассамблеи наций и председательствовал на них... Он вел реестр, в котором хранились постановления нации».

¹⁹ Эти реестры сегодня хранятся в архивах Парижского университета в библиотеке Сорбонны: MSAU 26 (1622–1646), registre de Quintaine, conclusions des nations réunies (Реестр Квентэна, заключения собраний наций).

²⁰ *De Bresche P., De Bresche J.L.* Factum ou remarques sur l'élection des officiers de l'Université. Paris, 1668. P. 30.

присутствии высших лиц церковной и светской иерархии²¹. Сверх того, память о теологах из Наваррского коллежа, ставших знаковыми фигурами для университетского галликанизма (достаточно вспомнить Пьера Д'Альи и Жана Жерсона), была жива в начале XVII в.²², даже еще до того, как появилось монументальное прославление этого коллежа в трудах Жана де Лануа²³. С XIV в. влияние Наваррского коллежа на французскую нацию и вообще на всю университетскую корпорацию стало важным элементом в жизни университета²⁴. В 1576 г. космограф Франсуа де Бельфоре в описании Парижского университета подчеркивал прямую связь между престижем Наваррского коллежа и хранением в нем университетского архива: «Этот коллеж хранит хартии и сокровища университета — грамоты об основании, свободах, иммунитетах и привилегиях, его факультетам. Именно в Наваррском коллеже происходят важные акты, именно это место почитается главным и наиболее авторитетным среди прочих парижский коллегий»²⁵.

Жак дю Брэй (1528–1614), монах-эрудит, приор Сен-Жермен-де-Пре²⁶, хранитель архива этого аббатства и автор «Театра древностей парижских» (1612), хорошо знал Парижский университет, поскольку учился в нем. Он указывал на большой сундук с архивом Наваррского коллежа и «два прочих сундука, в которых бережно хранятся хартии основания и привилегии Парижского

²¹ *Compère M.-M.* Op. cit. P. 279.

²² *Du Breul D.* Théâtre. [S.l.], 1612. P. 664. «Из этого дома (Наваррского коллежа) вышло множество великих людей, таких как Жерсон, Иоанн Миор, Алменус, Де Кастро Форти, Папийон, Желен, Де Вилье, Пеллетье, который участвовал в Тридентском соборе».

²³ См. Историю коллежа, составленную Жаном де Лануа в 1677 г. для прославления знаменитых выпускников-«наварристов» и переизданную в 1682 г. под заголовком: *Regii Navarrae gymnasii: ière partie: chronique du collège; IIe partie notices biographiques classées en deux catégories: scriptores et doctores*. См. также: *Gorochov N.* Le collège de Navarre de sa fondation (1305) au début du XVe siècle (1418): histoire de l'institution, de sa vie intellectuelle et de son recrutement. Paris: Honoré Champion, 1997. P. 531–541.

²⁴ *Gorochov N.* Op. cit. P. 531–534.

²⁵ *De Belleforest F.* La cosmographie universelle de tout le monde. Paris, 1575. T. I. P. 194.

²⁶ *Le Roux de Lincy A., Bruel A.* Notice historique et critique sur Dom Jacques Du Breul, prieur de Saint-Germain-Des-Près // Bibliothèque de l'école des chartes. 1868. T. 29. P. 56–72, 479–512.

университета»²⁷. Отвечая за архивы, секретарь университета, вероятно, имел к ним доступ наравне с ректором, обладавшим ключом от сундука. Это следует из анализа роли ректора, предпринятого Максимом Таржем на основе университетских статутов 1598 г.²⁸ Но, с нашей точки зрения, эта интерпретация не имеет должного основания. Статуты указывают лишь на то, что ключи от сундука, в котором хранились университетские печати, находились в руках четырех прокуроров наций, деканов и ректора (art. LIX)²⁹. Если в этом сундуке лежали некоторые из драгоценных документов или еще и Книга ректоров, то вся совокупность университетских архивов, как мы увидим ниже, хранилась в шкафу.

По всей видимости, секретарь и ректор дополняли друг друга: первый управлял архивами, второй был гарантом привилегий, содержащихся в этих же архивах. Во время клятвы, которую приносили новоиспеченные магистры искусств, последние признавали за ректором обязанность защищать «привилегии, статуты, иммунитеты, вольности и права университета» и клялись никогда не раскрывать секретов университета³⁰. Заключались ли эти секреты в архивах? Да, без сомнения, если судить об этом по уточнениям инвентаря 1623 г.

Извлечь и опубликовать: ректор и секретарь на службе «наций»

Ректор Жан Обер (Aubert), профессор риторики, регент коллегий Сорбонны и Кальви, а позже — преподаватель греческого языка в королевском коллеже³¹, продлевал свой мандат необычно долго: с апреля 1623 г. по апрель 1625 г. — два года вместо шести месяцев, предусмотренных статутами университета³². Именно он и распорядился о создании описи документов университета³³.

²⁷ Du Breul D. Op. cit. P. 660.

²⁸ Art. 72. Цит. по: Targe M. Op. cit. P. 72.

²⁹ Издание статуты 1589 г. см.: Jourdain C. Op. cit. P. 6.

³⁰ De Belleforest F. Op. cit. P. 191.

³¹ Jourdain C. Op. cit. P. 108.

³² BnF. Ms lat. 9958. Acta rectoria. Fol. 81 r: Jean Aubert ou Albert: Johannes Albertus.

³³ BnF, ms fr 22394 (старый шифр: Sorbonne 1169): «Inventaire des tiltres de l'université de Paris fait et dressé durant les années 1623 et 1624 sous le rectorat de maistre Jean

Главная причина, объясняющая столь длительный его мандат, заключалась, по всей видимости, в кампании, которую ректор вел против иезуитов, вновь открывших свой Клермонский коллеж в 1618 г. Он не жалел сил в этой борьбе, опираясь на поддержку как факультета искусств, так и высших факультетов, выступая в роли глашатая университета. Он добился созыва частного совета короля (постановление от сентября 1624 г.), поддержавшего решение Тулузского парламента, направленное против иезуитов³⁴. В апреле 1625 г. Обер обратился к ректорам и членам других университетов королевства, чтобы склонить их присоединиться к Парижу в его борьбе с иезуитами³⁵. Тем самым он продолжал борьбу, начатую его предшественниками, в особенности — ректором Жаном Досье в 1618 г.³⁶ Составление описи документов университета вызвано было, таким образом, желанием упорядочить и защитить привилегии корпорации, столкнувшейся с угрозой со стороны иезуитов.

Но была и иная причина. К боязни незаконной конкуренции иезуитов на образовательном рынке следует присовокупить еще и проект реформы университета и его коллежей, обсуждавшийся в Парижском парламенте в 1621 г. Эта суверенная судебная курия, озабоченная беспорядком, царящим в университете (падение дисциплины, абсентеизм некоторых ведущих лекторов в коллегии дю Плесси и де Грасе, освободивших себя от выполнения своих обязанностей, отправив студентов коллежа слушать курсы у иезуитов), предписала осуществить ректорскую проверку в сопровождении четырех советников парламента. Эта проверка выявила серьезные нарушения: многие коллежи, столкнувшись с сокращением доходов, отошли от соблюдения уставов и требований дисциплины. Парламент отреагировал постановлением от 18 июля 1622 г.³⁷, в котором предписывалось изгнать из коллежей всех по-

Aubert [i. e. Jean Albert], 424 pages, 410 × 290, reliure en veau aux armes de l'Université, original» («Опись документов Парижского университета, изготовленных и составленных в течение 1623 и 1624 годов во время ректорства мэтра Жана Обера (т.е. Жана Альбера), 423 с., 410 × 290, кожаный переплет с университетским гербом, оригинал»).

³⁴ Jourdain C. Op. cit. P. 108.

³⁵ Ibid. P. 55.

³⁶ Ibid. P. 94–96. Смотреть жалобы и разные хвалебные бумаги, составленные Досье, в ректорских актах: BnF. Ms lat. 9958. Fol. 20–27.

³⁷ Jourdain C. Op. cit. P. 99.

сторонних лиц, но также требовалось передать секретарю парламента все документы, статуты и регламенты университета³⁸.

Это и было причиной составления инвентаря, предпринятого по приказу ректора Жана Обера, который желал знать точное состояние дел, накануне глобальной реформы университета, затеваемой по указанию парламента³⁹. К этому добавлялись и более конкретные заботы, как, например, процесс, который университет вел против августинцев по поводу переуступки шести арпанов земли на Пре-о-Клер⁴⁰.

Ректор Обер мог рассчитывать на исполнительность нового секретаря Николя Квентэна (Nicolas Quintaine), недавно избранного нациями, несмотря на сопротивление высших факультетов. Напомним, что должность секретаря, в отличие от ректора, была пожизненной и что Николя Квентэн, исполняя ее с 1622 по 1661 г., самым решительным образом участвовал в защите прав факультета искусств, особенно когда последний вступил в конфликт с факультетом теологии. Квентэн, бакалавр теологии, священник, ранее был прокурором нормандской нации (см. Приложение 2) и ведал ее архивами. Подобный опыт имел и дю Буле, бывший прокурором французской нации, прежде чем стать секретарем университета⁴¹. Важно, что Квентэн отличался от своих предшественников тем, что гораздо более регулярно и упорядоченно вел регистр решений собрания наций и ректорского трибунала⁴². И прежде всего, как мы увидим ниже, он сумеет организовать памфлетную войну против факультета теологии в 1651–1653 гг.⁴³

³⁸ Jourdain C. Op. cit. P. 99.

³⁹ Ibid. P. 131. Проект реформы исходил из сокращения числа коллегий (эта мера была вскоре оставлена) и лучшего содержания преподавателей, что привело в 1632 г. к перераспределению средств, поступающих от «университетских посланников» (кущцов, бравших на себя функции доставки корреспонденции студентов и осуществление денежных переводов и за это получавших право пользоваться всеми университетскими фискальными привилегиями). Жан Обер, вновь ставший ректором в 1632 г., поддерживал распределение средств посланников в пользу штатных преподавателей.

⁴⁰ Ibid. P. 102.

⁴¹ О карьере дю Буле на факультете искусств см.: *Noguès B.* Op. cit. P. 35–36.

⁴² *Bibl. Sorb., MSAU 26 et 27 (1622–1658)*. См. также: *Jourdain C.* Op. cit. P. 100.

⁴³ См., в частности, собрание судебных речей, опубликованных в 1653 г.: *Partie des pièces et actes qui concernent l'estat present et ancien de l'université de Paris, monsieur*

Наконец, следует отметить, что дополнительным поводом для составления описи стала смерть предшественника Квентэна, Гийома дю Валя, в 1622 г. Университет столкнулся с риском того, что его документы могут исчезнуть в руках наследников дю Валя. О чем-то подобном упоминал дю Буле, отмечая спор университета с наследниками своего секретаря Симона Леру в 1531 г.: «...видно, с какими трудностями университет возвращал бумаги и реестры, остававшиеся в руках наследников покойного Симона ле Ру, бывшего при жизни его секретарем. Многие пропало, несмотря на возбужденный процесс»⁴⁴. Лишь в 1538 г. постановление парламента предписало вернуть документы университету.

Предполагалось, что начинание 1623 г., имевшее целью наведение порядка в бумагах университета, будет опираться на нации, как это ранее можно было наблюдать на примере германской нации. В тот момент, когда Квентэн приступил к инвентаризации университетских архивов, Вильгельм Фразер, прокурор германской нации, также решил создать опись книг и регистров, находившихся в его ведении⁴⁵. Это совпадение не было случайным, тем более что оно отсылало к прецеденту 1588 г., когда Гийом Лафилье, университетский секретарь, также составил опись документов университета, экземпляром которого владела германская нация, включившая ее в свой картулярий⁴⁶.

Можно ли говорить о том, что в организации архивов факультет искусств (и, следовательно, университет в целом) отставал от

le recteur qui en est et a tousiours este le chef, les trois facultez de theologie, de droit canon et de médecine, les quatre nations de France, de Picardie, de Normandie et d'Allemagne, les trois doyens desdites facultez et les quatre procureurs desdites nations. Paris, 1653.

⁴⁴ *Factum ou remarques sur l'élection des officiers de l'Université*. Paris, 1668. P. 37. Об этом деле см.: *Farge J.K.* Sources and problems facing the prosopographer of the university of Paris in the early modern era. P. 14–15.

⁴⁵ *Châtelain E.* Le Livre ou cartulaire de la nation d'Angleterre et d'Allemagne dans l'ancienne université de Paris // *Mémoires de la société historique de Paris et de l'Île-de-France*. 1891. T. 18. P. 97.

⁴⁶ *Châtelain E.* Op. cit. P. 75. «Книга статутов, некогда описанная университетским писцом». Согласно Эмилю Шатлену, речь якобы шла об «университетском картулярии, предназначенном для нужд германской нации и составленном в XIV веке, содержащем комплекс привилегий, выданных папами и королями, и календарь университета». На первом листе рукописная помета свидетельствовала, что секретарь Гийом Лафилье (Guillaume Laffilé) в 1588 г. составил ее опись. См.: *Du mardi VII juillet V^e III^{ix} VII.* Livre des statuts de l'Université de Paris. Inventorié seize. Laffilé, scribe de l'Université. *Bibl. Sorb., MSAU 100 (ancien 94)*. Цит. по: *Kibre P.* Scholarly Privileges in the Middle Ages. L.: Mediaeval Academy of America, 1961. P. 367.

наций, имевших в своем распоряжении настоящие картулярии с XIV в.⁴⁷ Очевидно, что университет хранил связки документов, объем и разнообразие которых (разрозненные публичные и частные акты, копии и оригиналы, процедурные документы, квитанции) препятствовали всякой попытке их систематического описания до 1623 г. Опись Квентэна показывает, что речь шла о солидном собрании документов. По каким классификационным принципам он был организован?

Новая «Сокровищница хартий»?

Период, длившийся с XII до XVI в., оставил документы, ставшие предметом хранения возникающих на Западе «Сокровищниц хартий»⁴⁸. Так, французская монархия учредила свою «Сокровищницу хартий» насчитывавшую свыше 5000 документов начиная со времени Филиппа Красивого, хранившихся в Сен-Шапель. В Новое время приобретение документов было ограничено (только 300 документов за весь период от 1628 г. до революции), так как «Сокровищница хартий», изначально призванная облегчить работу королевской администрации, согласно формулировке Оливье Гийо-Жанена, стала «местом кристаллизации монархической памяти»⁴⁹. Представляется, что конструирование архива Парижского университета в XVII в. развивалось аналогично «Сокровищнице хартий». Он также состоял в основном из актов средневекового происхождения, правда, чуть более позднего времени (основной блок документов датировался XIV–XV вв.), но включал в себя очень малое количество более поздних документов. Таким образом, университетский архив играл роль хранилища университетских привилегий, мемориала галликанского университета, «старшего детища короля Франции»⁵⁰.

⁴⁷ О картуляриях наций см.: *Verger J., Vulliez C. Cartulaires universitaires français // Les cartulaires, actes de la table ronde organisée par l'École nationale des chartes et le G.D.R. 121 du C.N.R.S (Paris 5–7 décembre 1991). Paris; Genève: Librairie Droz et Librairie H. Champion, 1993. P. 425–428; Compère M.-M. Op. cit. P. 24–27.*

⁴⁸ *Bautier R.H. Op. cit.*

⁴⁹ *Guyot-Jeannin O., Potin Y. La fabrique de la perpétuité: le trésor des chartes et les archives du royaume (XIIIe–XIXe siècle) // Revue de Synthèse. 2004. T. 125. P. 35.*

⁵⁰ Этот образ окончательно сложился к концу Средневековья. См.: *Lusignan S. «Verité garde le roy». La construction d'une identité universitaire en France (XIIIe–XVe siècles). Paris: Publications de la Sorbonne, 1999.*

Организация архивов: логика классификации и хранения

Инвентарная опись документов, составленная в 1623 г., не включала в себя ни реестров заключений, вынесенных университетом, ни ротулов (списков кандидатур на получение церковных бенефициев), ни Книги ректоров, которая наверняка помещалась в особом сундуке вместе с университетской печатью⁵¹. В опись вошли те оригиналы и копии актов, которые в связках лежали в шкафах Наваррского коллежа и в алфавитном порядке были распределены внутри каждой из четырех рубрик, помеченных определенными литерами. Каждая из этих тематических рубрик в 1623 г. соответствовала (во всяком случае — на момент составления описи) по меньшей мере четырем большим выдвижным архивным ящикам: «Авторитет университета в делах государства (литера «А»)»; «Университетская юрисдикция («В»)»; «Поминальные службы, завещания и благотворительные фонды («С»)»; «Ректор и должностные лица университета («D»)». Эти ящики содержали папки-досье или связки (а возможно, и мешки), помеченные шифрами. Каждый из хранившихся в них актов имел шифр и свою собственную метку. Например, шифр В^{4b} обозначал акт из папки, посвященной судебной тяжбе университета с капитулом собора Нотр-Дам (4b) и был включен в общую рубрику «Университетская юрисдикция» (ящик «В») ⁵². В каждой из связок акты чаще располагались в хронологическом порядке. Никола-Родольф Таранн, сотрудник библиотеки Мазарини, которому было поручено в 1850 г. начать описание древних архивов университета, идентифицировал семь коробок с документами, совпадающих с шифрами описи 1623 г. Впрочем, Таранн сетовал на значительные потери: сохранилась только четверть архивных фондов, существовавших в XVII в. По его оценкам, эти семь коробок были лишь остатками более значительного собрания, которое могло ко времени революции насчитывать 1160 до-

⁵¹ По поводу этих источников см.: *Compère M.-M. Op. cit. P. 27–28; Taranne N.R. Rapport au ministre de l'instruction publique et des cultes sur les archives de l'ancienne université // Bulletin du comité historique des monuments écrits de l'histoire de France. 1850. T. 2. P. 107–113.*

⁵² Указание на полях (en manchette) описи уточняет, что документы, помеченные шифром «В», хранились в ящике, обозначенном таким же шифром: «tiroir В». См.: *Bibl. Sorb., MSAU 104. B1.*

кументов⁵³. Эта оценка была позже подтверждена исследовательницей Пёрл Кайбр⁵⁴.

На основании оглавления описи, составленной в 1698–1699 гг., перечислявшего документы, содержащиеся в каждой связке, и уточнявшего добавления и лакуны по отношению к описи 1623–1624 гг., возможно получить представление о качественном и количественном составе университетского архива в XVII в.⁵⁵

Он насчитывал в то время по меньшей мере 806 актов, из них более половины (485) помечены литерой «А»; 78, 93 и 156 актов шли соответственно под литерами «В», «С» и «D» (см. Приложение 3). Хронологическое распределение актов нуждается в более детальном изучении, но можно полагать, что XVI–XVII столетия были представлены слабо: основные документы относились к Средневековью (акты XIV–XV вв.).

Составитель описи 1623 г. Николя Квентэн, которому подражал его преемник в 1698–1699 гг., позаботился о том, чтобы описать каждый акт, указывая его природу (булла, письмо, решение суда, протокол, декрет, эдикт), источник и адресат. Дата или ее отсутствие отмечались на полях описи; но в случае папских бреве часто редактор ограничивался лишь датой понтификата без уточнения года. Иногда давался краткий анализ акта и его содержания, в особенности если речь шла о документах, имеющих отношение к апостолическим или королевским привилегиям университета. Так, акт папы Николая IV, даровавшего лиценциатам право вести курс, резюмировался следующим образом: «Булла папы Николая 4, выдана в Риме в десятые календы апреля в пятый год его понтификата, которой тем, кто являлся лиценциатами Парижского университета на факультетах теологии, канонического права, медицины и искусств, дозволялось вести курс и преподавать — помечена шифром А 10 а».

Помимо содержания акта, редактор часто указывал, идет ли речь о копии (подтверждении старого документа или нотариальной копии) или об оригиналах, и давал их внешние характеристики (на бумаге или на пергамене)⁵⁶. Так, он отмечал: «Рукопись

на пергамене в которой записаны 5 булл Иннокентия, две первых дают университету разрешение иметь печать взамен той, что была разбита. Три последних содержат привилегии магистрам и школярам университета, не судиться нигде, кроме Парижа в соответствии с апостолическими письмами по поводу ссор и эксцессов, совершенных в университете *infra milliare* (в пределах мили от города), последняя распространяет эту привилегию на расстояние половины лье от города, помечена шифром А 15 е»

Николя Квентэн, похоже, сам перебирал один за другим все документы, на которые наносил шифр. Создается впечатление, что он сам и аннотировал акты, бывшие у него в руках, а не пользовался какими-то предшествующими описями. Иногда, в особенности если речь шла об актах, имеющих отношение к привилегиям университета, опись отмечала, что это — копия, но уточнялось, где хранятся оригиналы: скажем, в рубрике А 8. Так, например, применительно к копии документа об освобождении от права фран-фьефа (обязанности компенсировать отсутствие феодальной службы сеньору, если фьеф находится в руках владельца благородного происхождения) опись указывала наличие оригинала, хранящегося в архивах коллежей мэтра Жерве и Сорбонны⁵⁷.

И наоборот, при описании оригиналов могли даваться указания на наличие копий, включенных в официальные документы университета, как, например, на буллу Григория IX, включенную, согласно указанию составителя описи, в Книгу ректоров⁵⁸.

Таким образом, опись 1623 г. была самым настоящим инструментом исследования оригинальных документов. Несмотря на краткость анализа, она могла бы играть роль «паллиативной коллекции» для эрудитов⁵⁹ или для гражданских властей, причастных в XVII в. к

содержатся письма короля Франциска I 1538 года» (un cahier de neuf ou dix feuillets de parchemin dans lequel sont lettres du roy François...an 1538).

⁵⁷ Bibl. Sorb., MSAU 103. A 8 b. Acte de 1618–1620(?). «Следует отметить, что оригинал этого документа находится в коллеже Мэтра Жерве» (est à noter que l'original de ceste pièce est au collège Maistre Gervais); или же в документе A8 F (копия постановления Государственного совета от 21 июля 1618 г.): «Следует отметить, что оригинал находится в Сорбонском коллеже».

⁵⁸ Bibl. Sorb. MSAU 103. A 20 O: Bulle de Grégoire IX «cette bulle est au livre de M. Le recteur. Fol. 8».

⁵⁹ *Hildesheimer F.* Exemple parlement // *Fabrique des archives, fabrique de l'histoire.* Revue de Synthèse. 2004. Т. 125. Р. 59; См., например, 900 актов и документов, опубликованных Пьером Дююи (продолжившим труд Пьера Питю): *Traitez des droits et libertez de l'Eglise gallicane. Preuves des libertez de l'Eglise gallicane.* Paris, 1639.

⁵³ *Taranne N.R.* Op. cit. P. 114–115.

⁵⁴ *Kibre P.* Op.cit. P. 366–396.

⁵⁵ Bibl. Sorb. MSAU 104. Inventaire de 1698–1699.

⁵⁶ Bibl. Sorb. MSAU 103. В 10: «Три бумажных документа, представляющие собой неподписанные докладные записки» (trois pièces papiers qui sont trois mémoires non signez); В 10 G: «тетрадь из девяти или десяти листов пергамена, в которой

реформе университета. Для эпохи, не знавшей практики публичного доступа в архивы, обладание описью было особенно ценно. Так, например, одной из копий описи 1623 г. владел канцлер Пьер Сегье⁶⁰. Адвокат парламента и большой знаток истории Парижа Анри Соваль (1623–1676), составивший к 1656 г. труд, посвященный парижским древностям (опубликован после его смерти в 1724 г.), приводя в своей работе акт Генриха II, о правах университета на закупку пергамена, отмечает, что «оригинал хранится в архиве университета, в Наваррском коллеже», и указывает шифр — Cotté D 19⁶¹.

Если интерес Николая Квентэна к кодикологии (а тем более к дипломатике) и не следует преувеличивать, все же стоит признать, что его опись представляла собой хороший рабочий инструмент для работы с неизданными документами. Это был эскиз будущей публикации актов — работы, которая была начата в 1653 г. и призвана подкрепить претензии и привилегии университета (т.е. факультета искусств), вступившего в конфликт с факультетом теологии⁶².

Использование архивов: корпоративизм, память и историописание

Опись 1623 г. была беспрецедентной по своему размаху и систематическому характеру. И все же можно предположить, что университет уже обладал некоей краткой описью основных своих важнейших документов. Во всяком случае, в конце раздела А 3, куда вошли письма университета (активная и пассивная корреспонденция с королями, папами и другими церковными властями), Квентэн (или кто-то иной, поскольку почерки в описи разные) счел полезным добавить маргиналии, соотносившие эту опись с «описью документов, хранящихся в архивном сундуке». Причем уже тогда, в 1623 г., сопоставление с ней выявило недостачу документов, например связки из 76 писем, адресованных папам⁶³. Эта старая

⁶⁰ BnF. Ms fr 16870. См. Приложение 1.

⁶¹ *Sauval H.* Histoire et recherches des antiquités de la ville de Paris. [S.l.], 1724. T. III. P. 226–228.

⁶² *Défense des nations de France, de Picardie, de Normandie...* 1653. BnF. Z THOISY-321 (FOL 244).

⁶³ *Bibl. Sorb. MSAU 10.* P. 6. «В описи бумаг, хранящихся в архивном сундуке, записано так: Письма, посланные университетом папам и соборам шифр А3 f

опись, возможно, дополняла своего рода «картулярий университета», который мог быть составлен в XVI в.

Мы знаем, что в декабре 1560 г. (в момент смерти Франциска II и вступления на трон Карла IX) университет, как это было принято в начале каждого нового правления, просил подтвердить королевские привилегии. По этому случаю он обратился не к своему секретарю, но к доктору канонического права Жану Кантену⁶⁴ (не путать с секретарем Квентэном). Этот правовед известен как автор торжественной речи, произнесенной от имени духовенства на Генеральных штатах в Орлеане в 1561 г.⁶⁵ Согласно дошедшим до нас документам, он был вознагражден за то, что, ознакомившись с университетскими архивами, составил восемь книг, написанных на пергамене, которые содержали привилегии и иммунитеты университета⁶⁶. Эти книги были аналогичны картуляриям, которыми обладали нации, хранившие документы для подтверждения своих привилегий начиная с XIV в., но исчезли ли они в XVII столетии?⁶⁷ Ни Квентэн, ни дю Буле не ссылаются на них.

iusque A3 ii. Письма, посланные папам в другой связке в количестве 76 шифр par chiffre. Письма, посланные вышеупомянутым университетом шифры с A3 I по A3 pppp. Письма, посланные некоторым капитулам, общинам и епископствам шифры с A33 a по A33 pppp.» (фр. — ainsi est escrit en l'inventaire des pièces qui est au coffre des archives: Lettres envoyez par l'université aux papes et conciles cotez A3 f iusque A3 ii. Lettres envoyez aux papes en une autre liasse au nombre de 76 cotez par chiffre. Lettres envoyez par ladite université cotez depuis A3 I jusques A3 pppp. Lettres envoyez à quelques chapitres, communautez et évesques cotez A33 a jusque A33 pppp.).

⁶⁴ *La Croix du Maine F. G.* Bibliothèque francaises de la Croix du Maine et de Du Verdier... Nouvelle édition... Paris, 1772. T. I. P. 579.

⁶⁵ *Humbles requestes et remonstrances faicte au roy pour le clergé de France tenans ses estats à Orléans, par feu frère Jean Quintin, professeur ordinaire du roi en droit canon à Paris.* Paris, 1588 [BnF: 8–LE12–2 (A)].

⁶⁶ *Bibl. Sorb., MSAU 103.* C 12 B. «Расписки в получении господином Квентэном, доктором церковного права, нескольких пергаментных книг в количестве восьми штук, касающихся привилегий и иммунитета университета, данных ему для подтверждения и обновления вместе с суммой в двадцать экю на расходы» (фр. — Récépissé de Monsieur Quintain, docteur en décret, de plusieurs livres en parchemin en nombre de huit, concernans les privilèges et immunitz de l'université à luy baillez pour les faire confirmer et renouveler avec la somme de vingt écus pour en faire les frais).

⁶⁷ *Châtelain E.* Op. cit. — о германской нации. О других нациях см. также: *Omont H.* Le livre ou cartulaire de la nation de France de l'Université de Paris // *Mémoires de la société historique de Paris et de l'île-de-France.* 1914. T. 41. P. 1–30 и того же автора: *Le livre ou cartulaire de la nation de Normandiede l'université de Paris // Mélanges, Documents publiés et annotés ... Société de l'histoire de Normandie.* Rouen; Paris, 1917. P. 1–114.

Как бы то ни было, классификация 1623 г., во всяком случае для самого обширного раздела, помеченного литерой «А», воспроизводила классификацию средневековых картуляриев наций, которые всегда начинались с папских или королевских привилегий. Эти документы серии «А» («Авторитет университета в делах государства») были в некотором роде горнилом университетских привилегий⁶⁸. Подтверждением служат ремарки писца в оглавлении описи 1698–1699 гг., доказывающие, что большое их число было издано дю Буле в IV и V томах его «Истории» (см. Приложение 3). Хронология этих актов, за исключением некоторых папских привилегий XIII в., относится в основном к XIV–XV вв.

Все же было бы излишним трактовать опись архивов исключительно как отражение окаменевшего средневекового фонда. Появляются и другие документы, относящиеся к XVI и XVII вв., в особенности в разделе «В», посвященные вопросам юрисдикции и различным судебным процессам университета. Отметим дело, полностью посвященное процессу против иезуитов (В 12), для которого составители описей 1623 и 1698–1699 гг. не испытывали необходимости перечислять входящие в него документы. Таким образом, речь шла о рубрике, обогатившейся в XVII в. многочисленными копиями актов, относящихся ко всему королевству. Опись 1623 г. указывает лишь десяток таких актов⁶⁹: от основания ордена иезуитов папой Павлом III до протеста университета против утверждения этого ордена в Париже в 1564 г. Зато опись 1698–1699 гг. добавляет еще двадцать дополнительных разделов, по большей части датированных началом XVII в.⁷⁰

⁶⁸ Bibl. Sorb., MSAU 103. Там прежде всего выделена активная и пассивная переписка университета с королевскими и папскими властями: письма, адресованные университетом папам и соборам (A3 f до A3 ii), инструкции посланникам на Пизанский (AA p) и Констанцский (AA q) соборы; подтверждение королевских привилегий насчитывает по меньшей мере 25 пергаменных документов, начиная с 1295 г., с правления Филиппа Красивого (A5 a), до регентства Луизы Савойской (A5 nn). Среди папских привилегий: буллы Григория IX от 1233 г. и Иннокентия IV от 1247 г. (A19).

⁶⁹ Bibl. Sorb. MSAU 103. B12A à B12 I.

⁷⁰ Bibl. Sorb. MSAU 104. Заключение факультета теологии против данного иезуитам позволения преподавать теологию (B12 t), копия постановления Тулузского парламента против иезуитского коллежа в Турноне в 1623 г. (B12 ff), ходатайство университета к парламенту против иезуитов, чтобы они вернули обратно коллеж аббатства Мармутьер, в 1643 г. (B12 ss), постановление государственного сове-

Но все же эти новые документы не описаны столь тщательно, как прежние. Правда, речь идет в основном о копиях (выписках из постановлений парламента), дополненных изредка документами, относящимися к судебной процедуре, — *factums*⁷¹ (обвинительными речами), иначе говоря — документами, полезными для той борьбы, которую университет вел против иезуитов, но лишенных ореола древности, придававшего ценность средневековым актам. Это же замечание можно отнести к некоторым документам рубрики «С» касательно досье о Пре-о-Клер: самые поздние документы не имели никаких аннотаций: «17 документов, два из которых — бумажные. А также несколько новых документов»⁷².

Можно составить себе представление о том, насколько скупо новые документы включались в собственно университетский архив и, как следствие, в его описи. Редактор описи 1698–1699 гг. решил закончить оглавление заметкой, описывающей содержание архивных шкафов Наваррского коллежа⁷³. Они состояли из 18 ящиков. И только четыре из них (включавшие разделы от «А» до «D») были заняты «старыми документами», перечисленными в описи. «Новые документы» занимали шесть ящиков, к которым прибавлялись еще семь для хранения процедурных документов и последний ящик для расписок и квитанций. Легко догадаться, что многочисленные судебные процессы, которые вел университет в XVII в., стали причиной инфляции документов. Большая их часть не была достаточно древней для того, чтобы быть описанной в архивных разделах, относящихся к «документам университета».

Если новые документы с трудом, но все же обретали «права гражданства» в архивных каталогах, некоторые древние тексты могли исчезнуть. Это констатировал писец в 1698 г., жаловавшийся-

та, отменяющее решение муниципальных магистратов Лана в пользу иезуитов, в 1698 г. (B12 cc2).

⁷¹ Bibl. Sorb. MSAU 104. Изложение обстоятельств дела для университетов Тулузы, Каора и Валанса (B12 gg).

⁷² Bibl. Sorb. MSAU 104. C5.

⁷³ Bibl. Sorb. MSAU 104 ms 104. P. 9: «Новые названия в ящиках B.C.D.E.G.H, старые названия это описи в ящиках AEIS Процедуры в ящиках LPQRTVX, Книги с расписками в ящике M, ящик O пустой» (фр. — Les titres nouvelles sont dans les tiroirs B.C.D.E.G.H Les anciens titres de cet inventaire sont dans les tiroirs AEIS, Les procédures sont dans les tiroirs LPQRTVX, Le livre des récépissés est dans le tiroir, O est vide). Эта запись затем была зачеркнута.

ся на пропажу документов, в особенности тех, что были помечены литерой «D» (см. Приложение 3). Он отмечал исчезновение десятка документов, относящихся, в частности, к ректору (D 2), университетским ассамблеям (D 5), реформе университета (D 10), университетским должностным лицам: секретарю и фискальному прокурору (D 16); университетским посланникам (D 17); пергаменщикам.

Эта пропажа с очень большой долей вероятности может быть связана с деятельностью секретаря Сезара Эгасса дю Буле. Ведь именно он составлял многочисленные сборники речей о прерогативах ректора и должностных лиц университета, используя, по всей видимости, те самые архивы серии «D»⁷⁴. Мы знаем, кроме того, что по смерти дю Буле университет тщетно пытался добиться от его наследников возвращения документов, взятых покойным из архива⁷⁵.

Выводы

Опыт описывания своего архива университетской корпорацией, как представляется, важен в трех отношениях.

Университетская идентичность. Забота, с которой Квентэн принял составление описи в 1623 г., по-видимому, была вызвана желанием обладать собственной «Сокровищницей хартий», в основном состоящей из памятников XIV–XV вв. Совокупность

⁷⁴ Factum ou remarques sur l'élection des officiers de l'Université. Paris: P. de Bresche et J. Laize de Bresche, 1668, 167 p. 4-FM-24133 [BnF: 4-Z LE SENNE-2978 (2); relié à la suite des remarques sur l'élection du recteur]. Remarques sur la dignité, rang, préséance, autorité et juridiction du recteur de l'Université de Paris, Paris: impr. de Bresche, 1668.

⁷⁵ BU Sorbonne. MSAU 2038. Pièce n 5. Письмо Пьера Эгасса Лангле 7 февраля 1679 г.: ректор Лангле просил брата DB, Пьера Эгасса дю Буле, вернуть недостающие бумаги. Этот последний оправдывается в каждой задержке, указывая, что процедура гражданского суда уже привела к изъятию двух или трех сундуков: «что касается остальных бумаг, о которых вы меня спрашиваете, должно быть, они были заперты в двух или трех сундуках, которые были отнесены в канцелярию суда <...> все, что я мог потребовать из рук прокурора и других судебных — это множество документов, излагающих суть различных университетских дел» (фр. — pour les restes des pièces que vous me demandez il faut qu'elles soient enfermées dans deux ou trois coffres qui furent portez au greffe de la cour <...> tout ce que j'ay pu revendiquer des mains des procureurs et autres officiers de justice ce sont quantité de factums concernant diverses affaires de l'université).

актов, собранных вместе и проанализированных, иногда даже с применением методов кодикологии, обеспечивала выгодный для университетской идентичности образ — образ средневековой университетской корпорации, в которой доминирует факультет искусств, а сама она является старшей дочерью короля Франции; образ, который укреплял бы ее в отстаивании привилегий, тогда как она сталкивалась с конкуренцией со стороны иезуитов, с враждебностью факультета теологии⁷⁶ и с монархическими проектами нового реформирования университета.

Галликанизм. Будучи зеркалом средневекового университета, эта опись представляла собой исследовательский инструмент, способный заинтересовать всех, кто поддерживал галликанизм. Она была предназначена для распространения (об этом свидетельствуют сохранившиеся копии) среди всех тех эрудитов из парламентской среды и королевских историографов, которые желали апеллировать к древним традициям галликанизма.

Написание истории университета. Наконец, опись облегчала работу университетских историографов: Квентэна, творчество которого еще предстоит подробно изучить, и дю Буле, который щедро черпал документы для издания томов «Истории», посвященной XIV и XV вв. Конечно, дю Буле использовал также и другие источники (*acta rectoria*, картулярии наций, регистры заключений медицинского факультета). Но надо подчеркнуть, в какой степени, во всяком случае в глазах редактора описи 1698–1699 гг., *Historia universitatis parisiensis* была связана с архивами. Отмечая в оглавлении и на полях описи заимствования дю Буле, он тщательно выявлял элементы конкордаций между «Историей» и архивами. Мону-ментальная «История», которую можно сравнить с пространным печатным картулярием университета, предстает, таким образом, во взаимосвязи и в отношениях естественной комплиментарности университетским архивам.

⁷⁶ Любопытно отметить, что факультет теологии, в духе времени, был также озабочен своим архивом. Так, его церковный сторож Филипп Буво к середине XVII в. формирует несколько реестров (список получивших ученую степень, акты-вые книги). См.: Farge J.-K. Bibliographical register of Paris doctors of theology 1500–1536. Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1980. P. 456–457.

Приложение 1 Описи архива Парижского университета XVII в.⁷⁷

[1] **Ms fr 18 826** (сохранилось в Национальной библиотеке Франции (BnF), копии с ms MSAU 103). Описание из каталога BnF: «Краткий обзор бумаг университета», опись, составленная в 1623–1624 гг., картонный переплет⁷⁸.

[2] **Ms fr 8628**. Опись бумаг из архива Парижского университета, XVII в., 192 л., пергаментный переплет⁷⁹.

[3] **Ms fr 18829**. Краткая опись университетских должностей, составленная в 1623–1624 гг.

[3] **Ms fr 18829**. Краткая опись университетских должностей, составленная в 1623–1624 гг., 241 л., переплет из телячьей кожи, на застежке герб Сегье⁸⁰.

[4] **Ms fr 16 870**. Краткая опись названий университетских бумаг XVII в., 195 л.⁸¹

[5] **MS fr 22 394**. Опись университетских бумаг, изготовленная и составленная в 1623 и 1624 гг. во время ректорства мэтра Жана Обера (Жана Альберта), переплет из телячьей кожи с университетским гербом, 424 с.⁸²

[6] **Ms fr 22 395**. Опись бумаг Парижского университета, 44 л. (?), пергаментный переплет. Копия предыдущей рукописи, изготовленная в 1661 г. двумя нотариусами шатле⁸³.

⁷⁷ По сводному каталогу Франции (<http://ccfr.bnf.fr/portailccfr/jsp/index.jsp>) и базе данных Calames (<http://www.calames.abes.fr/Pub/>).

⁷⁸ «*sommaire des titres de l'Université*» inventaire dressé en 1623–1624, Saint-Germain, Harlay 183 (1) ancienne cote, 267 feuillets (337 × 222 mm); cartonné.

⁷⁹ «*Inventaire des titres qui sont dans les archives de l'Université de Paris*», ancienne cote supplément français 6245, XVIIe siècle, 192 feuillets (420 × 280 mm), reliure parchemin.

⁸⁰ «*Inventaire sommaire des titres de l'université dressé en 1623–1624*». Séguier-Coislin. Cote A1 à D 19 S. Papier, 241 feuillets, 338 × 220 mm, reliure en veau rac. Aux armes de Séguier.

⁸¹ «*Inventaire sommaire des titres de l'Université de Paris, XVIIe siècle*», 195 feuillets (412 × 278 mm), reliure parchemin, cote A1 à D20c, ms provenant du chancelier Pierre Séguier, ancien fonds Saint-Germain, cote 78.

⁸² «*Inventaire des titres de l'université de Paris fait et dressé durant les années 1623 et 1624 sous le rectorat de maistre Jean Aubert [i.e. Jean Albert]*» 424 pages (410 × 290 mm), reliure en veau aux armes de l'Université, original.

⁸³ «*Inventaire des titres de l'Université de Paris*», 44 feuillets? (375 × 265 mm), reliure parchemin. Copie du ms précédent exécutée en 1661 par deux notaires du châtelet.

[7] **Ms fr 24 089**. Краткий обзор бумаг Университета, составленный в 1623–1624 г., бумага, 267 л., составной переплет. Копия рукописи Ms fr 22394⁸⁴.

[8] **MSAU 103 de la Bibl. de la Sorbonne** (старый шифр 97). Титульная страница документа, кажется, отсутствует: на форзаце, пергаментное покрытие, «университетское начальство, шифр 2», около 1623 г., 198 л. Заметка пером: «Старая опись университетских актов и документов, указывающая бумаги, содержащиеся в семи первых картонах архива и некоторые другие, которых там больше нет»⁸⁵.

[9] **MSAU 104 de la Bibl. de la Sorbonne**. Опись старых бумаг в архиве университета: пергаментный переплет, бумага, 402 с. (435 × 280 мм) старый шифр рукопись 98. Пометка указывает XVIII в., осмотр позволяет скорее датировать приблизительно 1698–1699 гг.⁸⁶

Приложение 2

Таблица 1. Список университетских секретарей, изданный дю Буле⁸⁷

Дата вступления в должность	Имя	Звание	Другие должности	Разное	Источники
1350	P.C. Deduran			Подписывает документы	Письма из экспедиции книготорговцу Никола де Зеланду

⁸⁴ «*Sommaire des titres de l'Université*», rédigé en 1623–1624, XVIIe siècle, papier, 267 feuillets (325 × 220 mm), demi-reliure, cotes A1 à D 22 a; copie du Ms fr 22394.

⁸⁵ la page de titre semble absente: sur la page de garde, couverture en parchemin, «*autorité de l'université, cote 2*», 198 feuillets (425 × 285 mm). Notice Calame: «Ancien inventaire des actes et titres de l'Université indiquant les pièces contenues dans les sept premiers cartons des archives et certaines autres qui ne s'y trouvent plus» vers 1623.

⁸⁶ «*Inventaire des anciens titres qui sont dans les archives de l'Université*»: Reliure parchemin, papier, 402 pages (435 × 280 mm), ancienne cote ms 98. La notice indique le XVIIIe siècle, un examen oriente plutôt la datation vers 1698–99.

⁸⁷ «*Du greffier // Factum ou remarques sur l'élection des officiers de l'Université*. Paris: P. de Bresche et J. Laize de Bresche, 1668. P. 49–91.

Продолжение табл. 1

Дата вступления в должность	Имя	Звание	Другие должности	Разное	Источники
1378	I. Gorelli				Письмо присяжного писаря, датированное и подписанное 5 июня 1378 г.
1383	A. Odonis				Письмо миниатюриста
1387	Jean Le Compagnon ou Ioannes Socii				Письмо книготорговца Роберта Жакэна. Реестр парламента 23 августа 1392 г.
1398	Jean de Rinel		Церковный нотариус	Уступает свою должность Исамбарду (Isambard)	Письмо писаря 1398 г.; «декрет галликанской церкви»
1412	Jacques Isambard	Магистр искусств, бакалавр права, причетчик епархии Меца			Постановление 5 октября 1412 г. Постановление Жану Жерсону, канцлеру. Постановление прокурора нации Франции
1422	Michel Hebert	Магистр искусств, нация Нормандии			Отчет сборщика нации Франции. Протоколы собраний факультета искусств
1449	Guillaume Nicolay		Сборщик, Прокурор нации Франции, ректор		Собрания нации Франции

Продолжение табл. 1

Дата вступления в должность	Имя	Звание	Другие должности	Разное	Источники
1478	Jean Simon	Магистр искусств, нация Франции	Прокурор нации Франции	Выбранный	Реестр факультета искусств или нации Франции(?)
1484	Pierre Mesnard	Магистр искусств, нация Франции		Выбранный без возражений. Отказывается в пользу Le Roux	Реестр нации Германии, реестры нации Пикардии
1502	Simon Le Roux	Магистр искусств, нация Пикардии	Секретарь факультета искусств; «секретарь университета и факультета искусств»	16 апреля 1525 г. сборщик университета умоляет секретаря и всех тех, кто держит у себя реестры, вернуть их для инвентаризации архива + 1531 без уступок	Реестр нации Пикардии
1531	Antoine Guibert			Старается восстановить реестры: процесс в парламенте Постановление суда 1 февраля 1538 г.	Реестр медицинского факультета. Реестр наций?
1551	Guillaume Laffilé	Магистр искусств, нация Франции	Священник	Секретарь университета, затем факультета искусств. Налоговый прокурор. Уступает должность брату	Реестр нации Германии, Реестр объединенных наций? Список ректоров, Список назначений
1556	Simon Laffilé			Опротестованные выборы (объединение медицинского факультета)	Реестр медицинского факультета. Реестр университета

Окончание табл. 1

Дата вступления в должность	Имя	Звание	Другие должности	Разное	Источники
				и факультета искусств)	Реестр парламента
1588	Guillaume Du Val		Церковный нотариус	Пытается отказаться в пользу своего сына Пьера дю Валя (Pierre Du Val), бакалавра канонического права (ему возражают на том основании, что решают четыре нации и ректор, а не высшие факультеты)	Книга ректоров, фолиант 57 г
1622	Nicolas Quintaine	Бакалавр теологии	Священник, кюре, прокурор нации Нормандии	Опротестованные выборы	Реестр объединенных наций, акты, изданные в виде изложения дела Квентэнном
21–12–1661	César Egasse Du Boulay			Выборы, опротестованные деканами высших факультетов	

Приложение 3

Таблица 2. Таблица архивных описей (около 1698–1699 гг.)⁸⁸

Шифр MSAU 104	Количество документов	Ящик	Дю Буле (Du Boulay)
A1. Autorité de l'université en affaires d'Etat (Влияние университета на государственные дела)	12 пергаментных документов	Ящик А	T. V, p. 755

⁸⁸ Bibl. Sorb., MSAU 104.

Продолжение табл. 2

Шифр MSAU 104	Количество документов	Ящик	Дю Буле (Du Boulay)
A2. Lettres patentes pour faire cesser schism (Жалованные грамоты, чтобы прекратить схизму)	3 документа со свинцовой печатью		T. IV, p. 869
A3. Lettres de l'université aux papes (Университетские письма папам)	76 бумажных документов, сильно истрепанных (ср. пометку с. 6 старого реестра)		
A3. Lettres envoyées par les papes, cardinaux, conciles (Письма, отправленные папами, кардиналами, соборами)	11 документов, 9 из которых пергаментные, 6 со свинцовой печатью		
A3e. Lettres université au roi (Университетские письма королю)	80 бумажных документов. Письма от университета королям, принцам		
A3f. Lettres université aux chapitres, évêques (Университетские письма капитулам, епископам)	83 документа, 1 из них пергаментный		
A4. Titres concernant défenses d'envoyer de l'argent à Rome; expédition et provision de bénéfices (Документы, касающиеся запретов посылать деньги в Рим; отправка и поступление продуктов)	5 пергаментных документов		T. V, p. 330
A5. Privilèges royaux: vins, péages, tailles, garde des portes (Королевские привилегии, вина, дорожная пошлина, рубка леса, охрана дверей)	25 пергаментных документов		T. IV, p. 263–264

Продолжение табл. 2

Шифр MSAU 104	Количество документов	Ящик	Дю Буле (Du Boulay)
A5 aa. Confirmation privilèges (Подтверждение привилегий)	18 документов, из которых 12 пергаментных, 6 бумажных		
A6. Commitimus, garde gardienne du Châtelet (Коммитимус, охранная грамота Шатле)	30 документов		
A7. Règlements et statuts, lettres de scolarité (Регламенты и уставы, учебные бумаги)	6 пергаментных документов		T. IV, 211–218
A8. Exemption contribution francs fiefs (Освобождение от налогов)	4 документа, из которых 2 пергаментных		
A9. Confirmation des privilèges royaux (Подтверждение королевских привилегий)	12 документов, из которых 11 пергаментных		T. V, 338, 339, 652
A10. Prérogatives maîtres et écoliers (Исключительные права учителей и школьников)	6 бумаг, 3 пергаменты		
A11. Privilèges maîtres et écoliers (Привилегии учителей и школьников)	8 пергаментных документов	Ящик В	T. IV, 233, 295
A12. Privilèges de 5ans pour ceux qui étudient la théologie (Пятилетние привилегии для изучающих теологию)	1 пергаментный документ		
A13. Titres envoyés à Rome pour obtention bénéfices (Документы, отправленные в Рим, чтобы получить льготы, ожидание)	7 пергаментных документов		
A14. Nomination aux bénéfices (Назначение на бенефиции)	2 бумажных документа		

Продолжение табл. 2

Шифр MSAU 104	Количество документов	Ящик	Дю Буле (Du Boulay)
A15. Privilèges apostoliques (Церковные привилегии)	9 пергаментных документов		
A16. Excommunication (Отлучение от церкви)	10 пергаментных документов		
A17. Excommunication et absolution de quelques écoliers (Отлучение от церкви и освобождение от наказания школьников)	1 пергаментный документ		
A18. Levée de deniers sur maîtres et écoliers (Взимание налогов с учителей и школьников)	9 пергаментных документов		
A19. Actes et bulles: taxes et loyers des maisons (Акты и буллы: налоги и арендная плата за дома)	11 пергаментных пьес		
A20. Confirmation de privilèges apostoliques (Подтверждение церковных привилегий)	14 пергаментных документов		
A21. Liberté des maîtres et écoliers face justice séculière (Освобождение учителей и школьников от светского суда)	24 документа, 1 пергамент		
A22. Suspension et privation de leçons, sermons... et rétablissement (Приостановка и лишение уроков, проповедей... и восстановление)	7 пергаментных документов		
A23	Шифр отсутствует		
A24. Lettre rémission (Грамота о помиловании)	1 пергаментный документ		

Продолжение табл. 2

Шифр MSAU 104	Количество документов	Ящик	Дю Буле (Du Boulay)
A25. Chapitre de Laon; privileges (Капитул Лана; привилегии)			T. V, p. 553
A26. Lettres de l'Université (Университетские письма)	3 пергаментных документа: копии		
A27. Lettres de l'université à quelques particuliers (Университетские письма каким-то частным лицам)	7 пергаментных документов		
Всего актов А	485		
B1. Juridiction de l'Université (Университетский суд)	20 документов		
B2. Citations de l'Université à comparaître aux Mathurins (Судебные повестки университета явиться в Матюрен)	10 документов		
B3. Conservateurs des privilèges apostoliques (Хранители церковных привилегий)	10 пергаментных документов		
B4. Différends entre l'université et le chapitre ND (Распри между университетом и капитулом НД)	19 документов		
Нет шифра B5			
B6. Université, chancelier, chapitre et Ste-Geneviève (Университет, канцелярия, капитул и Сен-Женевьев)	6 пергаментных документов		
B7. Différends entre université et Jacobins (Распри между универ-	12 пергаментных документов		

Продолжение табл. 2

Шифр MSAU 104	Количество документов	Ящик	Дю Буле (Du Boulay)
ситетом и якобинцами)			
B8. Différend université et évêque du Mans (Распри между университетом и епископством Ле Мана)	1 пергаментный документ		
B9. Titres concernant la maison et le chapitre de St-Thomas du Louvre (Документы, касающиеся хозяйства и капитула <церкви> Святого Фомы в Лувре)	1 пергаментный документ		
B10. Nominations aux bénéfices pour les gradués en décret (Назначение получивших дипломы на конфискованные бенефициарии)	10 документов		
B11. Indemnités données à l'université avec lesquels l'université s'est jointe lors procès (Средства, выданные университету, с которыми университет участвовал в судебных процессах)	1 пергаментный документ, одного не хватает	Ящик С до и включая D 22	
B12. Différends université avec les jésuites (Распри университета с иезуитами)	Число документов не указано (примерно 20 актов)		
B13. Procuration passée par l'université (Доверенность, принятая университетом)	1 пергаментный документ		
B14. Différends arrêts et autres pièces touchant la juridiction et la discipline. «Cette cotte est	Число документов не указано		

Продолжение табл. 2

Шифр MSAU 104	Количество документов	Ящик	Дю Буле (Du Boulay)
nouvellement ajoutée» (Распри, приговоры и другие документы, касающиеся юрисдикции и дисциплины. «Этот шифр недавно добавлен»)			
Всего документов В	78 (не считая недавних документов: иезуиты...)		
C1. Services, messes, vigiles dus à l'université; droit de sépulture des Jacobins (Службы, мессы, всенощные, положенные университету; право погребения якобинцев)	5 пергаментных документов		
C2. Reliques données à l'université (Реликвии, подаренные университету)	1 пергаментный документ		
C3. Legs et donations testamentaires au profit de l'Université (Завещания и дары по завещанию в пользу университета)	7 пергаментных документов		
C4. Titres, contrats. perception des cens sur les maisons bâties dans la seigneurie du Pré-aux-clercs. «Cette cote avoit pour titre dans l'ancien inventaire 'Pré-aux-clercs'» (Документы, договоры, взимание поземельного сбора с домов, построенных во владениях Пре-о-клер. «Этот шифр в старой описи называется Пре-о-клер»)	23 документа		

Продолжение табл. 2

Шифр MSAU 104	Количество документов	Ящик	Дю Буле (Du Boulay)
C5. Fondations de bourses et statuts de collèges (Учреждение стипендий и уставов коллежей)	17 документов, 2 из которых бумажные. Плюс несколько других новых документов		
C6. Bénéfices (Льготы)	25 документов и 4 постановления, касающиеся кюре Сент-Косме (St-Cosme) и часовни Сент-Андре-дез-Ар (St-André-des-arts). «Плюс одна папка, содержащая бумаги и документы Сануа, которые могут отсутствовать» (фр. — «Plus un sac contenant les papiers et les titres de Sanois qui sont peut-être les pièces qui manquent»)		
C7. Contrats d'acquisition et de rente au profit de l'université (Договоры покупки и ренты в пользу университета)	6 документов		
C8. Vaux université-particuliers (Арендные договоры университета с частными лицами)	1 документ		
C9. Sentences, baux, quittances (Судебные решения, аренды, квитанции)	5 пергаментных документов		
C10. Acquits de paiements (Квитанции об оплате)	1 документ, 1 пергамент		
C11. Sentence du prévôt de Paris (Приговоры парижского судьи)	1 пергаментный документ		

Продолжение табл. 2

Шифр MSAU 104	Количество документов	Ящик	Дю Буле (Du Boulay)
C12. Récépissé, pièces et titres (Расписки, документы и ценные бумаги)	2 бумажных документа		
Всего актов С	93		
D1. Election du recteur (Выборы ректоров)	1 бумажный документ	Ящик S	
D2. Les billets que le recteur doit envoyer (Извещения, которые ректор должен отправить)	2 документов не хватает		
D3. Bulle pour le nouveau sceau de l'université (Булла о новой университетской печати)	1 пергаментный документ		
D4. Emoluments du sceau du recteur pour le passport des livres (Право ректорской печати для пропуска книг)	1 бумажный документ		
D5. Assemblées de l'université (Университетские собрания)	2 документа отсутствуют		
D6. Défense de tenir école pour ceux qui ne sont catholiques (Запрет держать школы некатоликам)	14 документов, 4 из которых на пергаменте. «Не хватает 2 содержащихся в старой описи» (фр. — «Il en manque 2 énoncées dans l'ancien inventaire»)		
D7. Défense de lire en particulier la grammaire et la logique	1 пергаментный документ		
D8. Bulle portant permission aux moines noirs de prendre degrés en l'université (Булла, позволяющая черному духовенству полу-	1 документ		

Продолжение табл. 2

Шифр MSAU 104	Количество документов	Ящик	Дю Буле (Du Boulay)
чать университетские степени)			
D9. Statuts: manière de lire et enseigner la philosophie (Устав: способ читать и преподавать философию)	2 пергаментных документа		
D10. Pièces concernant la réformation de l'université (Документы, касающиеся университетской реформы)	4 документа отсутствуют		
D11. Statuts: les écoliers ne pourront quitter leurs maîtres qu'après un an révolu (Устав: школьники могут уходить от своих учителей только по истечении года)	1 пергаментный документ		
D12. Décrets de l'Université contre les écoliers débauchés (Постановления университета против распутных школьников)	4 документа, 1 из которых пергаментный		
D13. Affaires de chaque nation ou faculté poursuivies au nom de l'université (Дела каждой нации или факультета, добивающихся названия университета)	2 пергаментных документа		
D14. Régents ne doivent être mariés (Преподаватели не должны быть женаты)	1 документ		
D15. Actes et conclusions portant établissement d'un notaire pour recevoir les délibérations et conclusion de l'université	1 пергаментный документ		

Окончание табл. 2

Шифр MSAU 104	Количество документов	Ящик	Дю Буле (Du Boulay)
(Акты и заключения, составленные нотариусом, чтобы получить решение и заключение университета)			
D16. Arrêt de la cour portant que le procureur fiscal et le scribe de l'université auront séance immédiatement après le recteur (Постановление суда о том, что сборщик налогов и университетский писарь будут сидеть непосредственно за ректором)	2 документа отсутствуют		
D17. Messagers (Курьеры)	5 документов отсутствуют		
D18. Libraires (Книготорговцы)	94 документа, поровну бумажных и пергаментных		
D19. Parcheminiers (Продавцы пергаментов)	10 пергаментных документов. Из них в старом реестре не хватает одного		
D20. Papetiers (Продавцы бумаг)	2 документа: 1 из них бумажный, другой пергаментный		
D21. Ecrivains (Писатели)	Без пояснений		
D22. Musiciens et poètes (Музыканты и поэты)	1 документ бумажный		
D23 a. Statutum facultatis artium de disciplina (Устав факультета искусств)	4 документа		
D24. Commitimus de l'université contre les cardinaux (Коммитимусы университета против кардиналов)			
Всего актов D	156 документов		

Елена Вишленкова, Кира Ильина

АРХИВ КАК СРЕДСТВО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИМИ УНИВЕРСИТЕТАМИ¹

doi: 1017323/978-5-7598-1587-7_83-101

Первое же знакомство со структурой университетских архивов Москвы, Санкт-Петербурга и Казани обнаруживает, что в этих государственных учреждениях все тексты разделены на два фонда². В первом собраны документы, произведенные и хранимые канцеляриями попечителей, а во втором хранятся документы всех структурных подразделений университета. Историками данная организация исторических свидетельств воспринимается как «естественная», «исторически сложившаяся» и непроизвольная. Между тем исследование показало, что она была создана волевыми усилиями заинтересованных государственных чиновников. Созданная ими архивная система должна была участвовать в рациональном управлении школами Российской империи, и именно для этого в нее отбирались документы на сохранение.

Архивы для государства

Потребность государства в сохранении старых документов усиливалась по мере усложнения и рационализации управления

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

² См.: ф. 14 (Петроградский университет) и ф. 139 (Канцелярия попечителя Петроградского учебного округа) Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб); ф. 418 (Московский императорский университет) и ф. 159 (Канцелярия попечителя Московского учебного округа) Центрального государственного архива Москвы (ЦГАМ); ф. 477 (Казанский университет) и ф. 92 (Попечитель Казанского учебного округа) Национального архива Республики Татарстан (НА РТ).

страной. Соответственно, статус архивов и способы их комплектования зависели от социальной организации населения и политических моделей управления.

Генеральный регламент 28 февраля 1720 г. требовал от асессоров хранения делопроизводственных документов³. В главе 38 «О положении в сохранении денег и дел» предписывалось: «Ежели случатся в котором коллегии некоторые посторонние деньги, или письма положены быть, то надлежит такие верной особе из той Коллегии под охранение отдать, и поверенное положенное в протокол записать, и впрочем надлежащее остерегательство и исправность в таких делах иметь»⁴.

Регламент дал чиновникам четкие указания, в какой последовательности передавать канцелярские бумаги в архив: «Книги, документы, дела, учиненные регистратуры, когда оныя три года в канцелярии и в конторе лежали, потом в архив с распискою архивариусу отдаются, токмо из того изъяты суть особливые уставы, регламенты и все те документы и книги, которые в коллегиях и канцеляриях и конторах для справки, и правила их всегда при них имеют быть»⁵. И поскольку все делопроизводство коллегий делилось на административное и фискальное, то Регламент предписал: «И дабы коллегии и их канцелярии знать могли, куда и в который архив им вышеупомянутые письма надлежит отдавать: того ради повелевает Его Царское Величество иметь два архива, один всем делам всех коллегий, которые не касаются приходу и расходу, быть под надзиранием иностранных дел коллегии, а которые касаются приходу и расходу, тем быть под надзиранием ревизион-коллегии»⁶.

Требование хранить делопроизводство правительство высказывало на протяжении XVIII в. и начала XIX в. несколько раз. Как правило, законодательные нормы такого рода появлялись в связи со сбоями в управлении. Так, в 1820 г. Сенат не смог расследовать

³ Генеральный Регламент, или Устав, по которому Государственная Коллегии, також и все оных принадлежащих к ним Канцелярий и Контор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданнейше поступать имеют, 28 февраля 1720 // Полное собрание законов Российской империи (ЛСЗ РИ) [Собрание Первое]. Т. 6. СПб., 1830. № 3534. С. 141–160.

⁴ Там же. С. 154.

⁵ Там же. С. 156.

⁶ Там же.

конфликт помещика Торгованова и купца А. Косиковского потому, что относящихся к происшествию документов 1802–1803 гг. не оказалось в архивах юстиц-коллегии⁷. Сворачивая рассмотрение дела, сенаторы постановили: «В ограждение на будущее время правительства от вреда, производимого беспорядочным содержанием архивов и неведением предписанных законами книг, поставя на вид происшедшие в утрате дел беспорядки, повсеместно и строжайшим образом предписать, дабы все места и лица, обязанные содержать архивы, или вести установленные законами книги, непременно и во всей точности, соблюдали силу 38 и 44 главы Генерального регламента и указ 1768 года Мая 28 дня, под опасением за неисполнение того предания суду по всей строгости законов»⁸.

Согласно § 72 университетского устава 1804 г. в архив следовало сдавать на хранение копии исходящих и оригиналы всех входящих бумаг: «Все письма от лица совета секретарем или другим кем писанные должны быть прочтены пред собранием, и с них в архив списки оставлены, а получаемые и в собраниях прочтенные хранятся в подлиннике»⁹. Заниматься этим должны были секретари советов и правлений. Поначалу эти должности распределялись среди профессоров, которые считали их тяжелыми и неприятными, а потому занимались протоколированием заседаний и архивированием этих протоколов под принуждением и контролем. В целом, в Александровскую эпоху университетские люди вспоминали об архивах только в случаях каких-либо катаклизмов. Например, когда нужно было спасти документы от пожара или военных действий¹⁰, в ситуациях внутренних конфликтов и внешних проверок, либо в случаях запросов справок из министерства.

⁷ О недопускании С.Петербургскаго купца Андрея Косиковскаго с казною к подрядам и поставкам; о содержании Архивов и о ведении установленных законами книг, 11 ноября 1820 // ПСЗ РИ [Собрание Первое]. Т. 37. СПб., 1830. № 28460. С. 493–505.

⁸ Там же. С. 504.

⁹ Уставы Императорских Московского, Харьковского, Казанского университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб, 1864. № 47. Стб. 279.

¹⁰ Подробнее см.: Ильина К.А. 1812 год и университетские архивы // История и историческая память. Вып. 6. Саратов; Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный ун-т, 2012. С. 88–100; Гатина З.С., Ильина К.А. 1812 год: парадоксы университетской памяти // Там же. С. 218–251.

Стремительно растущее делопроизводство приводило к расширению объема работ в архиве и дефициту места для хранения документов. И так как правительственные постановления требовали сохранять документы, но не предписывали их систематизировать и как-то упорядочивать, то уже в 1820-х годах министерские чиновники не могли добиться от советов никаких справок по «оконченному производством делам». В архивных комнатах росли бумажные залежи: на полу и столах груды лежали стопы связанных листов, денежные и шнуровые книги, журналы входящих и исходящих дел. Поиски здесь какого-либо документа редко приводили к обнаружению, но каждое такое вмешательство усиливало неразбериху. В ходе служебной переписки выяснялось, что профессора и канцеляристы не знают, где у них хранятся те или иные документы и хранятся ли они вообще. Все это вызывало раздражение столичных чиновников.

Ситуация кардинально изменилась во второй половине 1820 — начале 1830-х годов, когда правительство потребовало от присутственных мест и ведомств наведения порядка в архивах. Целая серия постановлений конца 1820-х годов предписывала чиновникам свято хранить делопроизводственные документы. Очевидно, такой болезненный интерес к архивам был порожден следствием по делу декабристов. Для масштабного судебного процесса понадобились справки из разных ведомств и регионов. Неспособность подчиненных доставить такие сведения породили волну монаршего гнева и изменение принципов отбора и хранения государственных документов. Они прописаны в серии распоряжений 1827–1828 гг., предписывающих упорядочить архивы военных и судебных ведомств. Так, в «Высочайше утвержденном предварительном образовании Дежурства Морского Министерства» от 26 января 1827 г.¹¹, в котором отдельно проговаривалось устройство архива Морского министерства (§ 59, 63–70), закон предписал канцеляристам создавать тематические «дела»: «Дела должны сдаваться в архив полные, сшитые, совершенно оконченные, перенумерованные, с надписью, означающею кратко, но ясно, содержание дела, и показанием, когда началось, когда кончено и с каким другим делом имеет связь; в конце оно подписывает начальник отделения и скрепляет сто-

¹¹ Высочайше утвержденное предварительное образование Дежурства Морского Министерства, 26 января 1827 // ПСЗ РИ [Собрание Второе]. Т. 2. СПб., 1830. № 839. С. 45–54.

лоначальник, или производитель, на скольких дело листах [...]» (§ 64)¹². Видимо, после этого архивы Российской империи обрели структуру и вид, близкий к современному.

Тогда же законодатель потребовал систематизировать сдаваемые в архив документы по административному, тематическому и хронологическому принципам: «во 1-х, по департаментам, во 2-х, по предметам, в 3-х, по годам» (§ 66)¹³. Для всех документальных собраний следовало разработать систему адресации. Архивариус был «обязан содержать в надлежащем порядке не только описи всех хранящихся в архиве дел, но и алфавиты оным, так, чтобы каждое дело могло быть отыскано тот же час [...] Для вящего же порядка и облегчения приискания дел, поставляется неперменным правилом печатать описи и алфавиты оным, дополняя их ежегодно печатными же прибавлениями, и сии печатные описи и дополнения представлять каждый раз Его Императорскому Величеству» (§ 67)¹⁴. Таким образом, император объявлялся верховным хранителем и распорядителем государственных архивов империи.

В «Высочайше утвержденном уставе Кабинета Его императорского Величества» был прописан такой же функционал архивариуса. Он должен был осуществлять «а) прием и хранение в совершенном порядке дел, книг и прочих документов, сдаваемых в определенное время из отделений; б) составление оным надлежащих алфавитных реестров и подробных описей по систематическому порядку; в) собрание законов, уставов учреждений и проч.; г) изготовление справок и выписок из дел, по требованиям начальников отделений»¹⁵.

Тогда же появились указы, учреждающие новые государственные архивы: Кавказских областных мест (Правления, Казенной Палаты и Канцелярии)¹⁶, общий контрольный архив¹⁷, архив актов

¹² Там же. С. 51.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 51–52.

¹⁵ Высочайше утвержденный устав Кабинета Его императорского Величества, 27 сентября 1827 // ПСЗ РИ [Собрание Второе]. Т. 2. СПб., 1830. № 1408. С. 827.

¹⁶ Высочайше утвержденное учреждение для управления Кавказской области, 6 февраля 1827 // Там же. № 878. С. 113, 114, 130–131.

¹⁷ Об устройстве общего контрольного Архива, 22 сентября 1828 // Там же. Т. 3. СПб., 1830. № 2299. С. 841–842.

бывшего Литовского трибунала¹⁸. Целая серия указов была посвящена судьбам архивов упраздненных учреждений¹⁹. И одновременно с этим началась систематизация документов и переустройство их хранения в архивах Адмиралтейства²⁰, в Государственном и Сенатском архивах²¹. По всей видимости, каждому министру было ясно, что рано или поздно взгляд монарха обратится на архив его ведомства, а потому он принимал превентивные меры. В 1829–1834 гг. Министерство народного просвещения занялось разбором своего архива²² и предписало попечителям озаботиться состоянием университетских архивов. Главы округов учредили для этого специальные комиссии из профессоров и адъюнктов.

Архив для университета (опыт Казани)

В еще большей степени, чем от правительственных решений, состояние конкретного университетского архива зависело от желаний местного университетского совета и его попечителя. Так, первая попытка систематизации списанных из канцелярий документов была сделана в Казани задолго до предписаний министерства, в 1820–1821 гг. Ее инициировал попечитель М.Л. Магницкий. Во-первых, архивом он заинтересовался еще в 1819 г., проводя ревизию университета. Тогда проверяющий был крайне раздражен невозможностью прочитать документы прошлых лет. А во-вторых, получив от императора поручение исправить выявленные

¹⁸ Об определении бессменного архивариуса к хранению актов бывшего Литовского Трибунала, 26 февраля 1827 // ПСЗ РИ [Собрание Второе]. Т. 2. СПб, 1830. № 924. С. 201–202.

¹⁹ О закрытии Комитета, учрежденного для исследования злоупотреблений в поставке лесов для кораблестроения, 23 апреля 1828 // Там же. Т. 3. СПб, 1830. № 1984. С. 491; О упразднении Департамента Камер-коллегии и Архива оного, 28 сентября 1828 // Там же. № 2307. С. 847.

²⁰ Учреждение Комиссии для приведения в порядок дел Адмиралтейского архива, 3 апреля 1827 // Там же. Т. 2. СПб., 1830. № 1011. С. 337.

²¹ Об учреждении Временной комиссии для разбора дел Государственного и Сенатского архивов, 21 марта 1830 // Там же. Т. 5. СПб., 1831. № 3550. С. 231.

²² Руководил этой работой архивариус министерского архива В.П. Петров, который, ориентируясь на «нововведенные порядки» в архивах Министерства внутренних дел и канцелярии Государственного контроля, создал оригинальную систему организации архива.

в ходе ревизии недостатки, попечитель должен был осуществлять это дистанционно, из Петербурга. В такой ситуации ему важно было быть хорошо осведомленным обо всех делах и отношениях в подведомственной корпорации. Письма и копии с документов являлись в этом случае привязными ремнями власти.

Вера в документ (в «бумагу») была возвращена в Магницком всем предшествующим опытом его службы. К моменту назначения главой Казанского учебного округа он имел за плечами 20-летний стаж работы с бюрократическими бумагами в различных ведомствах: при русском посольстве в Вене и Париже, где вел делопроизводство и переписку; при Министерстве внутренних дел, где составлял проекты оптимизации управления; при департаменте законов в Государственном совете; в Комиссии военных уставов и уложений для всех подразделений военного министерства²³. Обретенные знания и навыки убедили его в высокой эффективности письменных способов управления и политической значимости исторической аргументации.

Казанский попечитель взял под жесткий контроль производство и хранение всех университетских документов: проверял ведение бухгалтерских книг, сверял списки имущества «научных кабинетов» (т.е. музеев), интересовался наличием и качеством описей архивных дел. Не удовлетворившись их состоянием, он приказал казанским профессорам «составить порядочные описи, расположить и представить о нужных дополнениях. Непременно надобно, чтоб учебные пособия были расположены в порядке и благовидно»²⁴. Он же заставил совет сделать каталог полученной в дар книжной коллекции князя Г.А. Потемкина-Таврического и приобретенных университетом периодических изданий.

Тогда членам казанского совета пришлось срочно описывать довольно обширное собрание. Каталог книг создал профессор К.Ф. Фукс, исполнявший должность библиотекаря²⁵, описание рус-

²³ Минаков А.Ю. Михаил Леонтьевич Магницкий // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX века. Воронеж, 2005. С. 268–271.

²⁴ Письмо попечителя М.Л. Магницкого к профессору Г.Б. Никольскому, 20 января 1822 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. № 7831. Л. 5 об.

²⁵ Письмо попечителя М.Л. Магницкого к профессору Г.Б. Никольскому, 27 октября 1821 // Там же. Л. 1 об. — 2; Письмо попечителя М.Л. Магницкого к профессору Г.Б. Никольскому, 20 января 1822 // Там же. Л. 5. Профессор Фукс был библиотекарем Казанского университета с 16 июля 1821 г. по 8 июля 1823 г.

ских эстампов подготовил профессор П.С. Кондырев, а «подробную опись каждого эстампа или картины с переводом надписей на русский язык» составил лектор французского и немецкого языков И.Ф. Краузе. Всю эту инвентаризацию совет осуществил за два года²⁶. Но попечитель все еще не был удовлетворен и потребовал от профессоров не просто описания, а научной систематизации имеющихся коллекций. Например, в библиотеке следовало «расположить книги по наукам». Назначенные для разгребания завалов профессора буквально стонали от свалившейся на них работы и кто как мог избегали поручений попечителя. «Опыт доказывает, — уверял его ректор Никольский, — что проверка и приведение библиотеки в порядок есть дело весьма трудное и скучное»²⁷. В ней, жаловался он, «систематического расположения скоро сделать нельзя»²⁸.

Еще труднее оказалось систематизировать бумаги в архиве. В конце 1820 г. ученым секретарем совета был избран профессор философии, дипломатики и политической экономии М.А. Пальмин. Выбор на эту должность всегда был в университете своего рода наказанием, в данном случае — наказанием Пальмина за строптивость. Зная негативное отношение министра А.С. Шишкова к университетским конфликтам, Магницкий так характеризовал ему избранника: профессор «обнаружил беспокойный дух, коварствовал в тайне против бывшего директора Никольского, по зависти к его возвышению, ибо Пальмин и Никольский вместе обучались в бывшем С.-Петербургском педагогическом институте, враждовал против бывшего инспектора студентов Барсова, бывшего профессора Тимьянского и адъюнкта Полиновского; сии поступки его известны весьма многим в университете служащим лицам и доходили до попечителя. Сверх сего он не спокойно держал себя в заседаниях совета и правления»²⁹. Такой «послужной список» свидетельствовал о неблагонадежности кандидата и необходимости воспитательного наказания.

²⁶ Письмо (черновик) ректора Казанского университета Никольского попечителю Казанского учебного округа Магницкому, 30 января 1822 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. № 4019. Л. 6 об.

²⁷ Там же. Л. 3 об.

²⁸ Письмо (черновик) ректора Казанского университета Никольского попечителю Казанского учебного округа Магницкому, 14 сентября 1822 // Там же. Л. 30 об.

²⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 23 об. — 24.

Любой профессор в университете знал, что должности секретаря совета и неперемного заседателя правления чреваты «битьем». Согласно тексту устава 1804 г., их обладатели не освобождались от чтения лекций и были ответственны не только за ведение журналов и прочего делопроизводства совета и правления, но и за работу университетского архива (§ 70–75)³⁰. Благо раньше деловых бумаг в университете было намного меньше, а архив вообще никого не интересовал. В 1820-е годы служба в архиве уже не была простой формальностью.

Первое же знакомство с доставшимся наследством повергло Пальмина в отчаяние. Совместное существование университета и гимназии в Казани до 1814 г. и единое управление обеими школами привело к слиянию документов той и другой. В результате в архиве опальный профессор обнаружил неразобранное делопроизводство с «основания Казанской гимназии в 1798 году»³¹. Это побудило его сделать на совете доклад об ужасном состоянии архива. Мы не обнаружили текста выступления, но нашли изложение его сути в объяснительной записке Пальмина, направленной в 1824 г. в министерство. Текст интересен не только информацией, но и свидетельством архивной культуры того времени, характерной для практики ведения ведомственных архивов.

Итак, Пальмин сообщил коллегам, что «1) хотя находятся по годам списки дел с оглавлением оных и с показанием номеров, но при каждом деле нет описи или оглавления (в котором бы кратко означено было содержание всех входящих в состав сего дела бумаг с показанием листов, на которых подлинные бумаги находятся; каковы оглавления весьма нужны особливо при больших делах); 2) Дела по листам не скреплены и отпуски [копии. — Е. В., К. И.] бумаг по большей части ни кем не подписаны; 3) Большая часть дел расположены и сшиты без соблюдения надлежащей правильности; 4) Многие дела не переплетены; 5) Нет архивных книг, в которых бы по алфавиту, разные учебные заведения лица и вещи, как то дома, библиотека, физические и натуральные кабинеты и проч. были означены с самою краткою их историею и с показанием дел, в которых находятся подробные о том сведения, таковые книги для справок весьма удобны»³².

³⁰ Уставы Императорских Московского, Харьковского, Казанского университетов, 5 ноября 1804. Стб. 279–280.

³¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 107.

³² Там же. Л. 107 об.

Несмотря на конфликт секретаря с некоторыми из коллег, все члены совета признали, что архив является заброшенным хранилищем документов, что он бесполезен для получения справок и сведений. Даже ректор согласился со своим неприятелем и сообщил попечителю, что «с самого основания Казанской гимназии в 1798 году, не было соблюдено в делах архивных строгого и точного порядка. Сей способ расположения и хранения письменных дел совета и канцелярии гимназии передан был нечувствительно и университету, ибо с 1805 до 1814 года управляли хозяйственными и учебными делами контора и совет гимназии от университета, прежний беспорядок в канцелярских и архивных делах, как укоренившийся от долговременности, принят был и в университете за образец и как бы за правило»³³.

Но, несмотря на временное объединение членов совета в деле обороны, Магницкий не отступил и приказал все документы в архиве прочитать, внести в опись, подписать копии с них, сделать правильную сшивку дел, завести «архивные книги» (своего рода указатели), содержащие организованный по алфавиту список «заведений, лиц и вещей» и ссылки на архивные дела, в которых они упоминаются. Только после этого, заявил он, можно будет когда-нибудь выполнить задание правительства и отдать ему с благодарностью «полную и основательную историю университета»³⁴.

В ответ на полученное из Петербурга письмо перепуганный Пальмин официально заявил, что «не может принять на себя ответственности ни в скорости, ни в верности имеющих встречаться справок, и что до того же времени нет способа начать сочинение истории университета»³⁵. А чуть позже он объявил на совете, что примет архив только в упорядоченном виде, т.е. лишь после того, как кто-то другой его прочитает, опишет и систематизирует³⁶. К счастью для него, на это нашелся доброволец. Упорядочить архив вызвался молодой адъюнкт всеобщей истории, географии и статистики В.Я. Баженов.

По составленной ректором инструкции ему предстояло разобрать университетские бумаги за период 1804 г. — 1820-е годы, пе-

³³ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 107.

³⁴ Там же. Л. 107 об. — 108.

³⁵ Там же. Л. 107.

³⁶ Там же. Л. 106 об. — 107.

редать в гимназию все дела ранее 1805 г. На передаваемые документы следовало составить описи и указатели. Бумаги за период совместного существования университета и гимназии в 1805–1814 гг. решено было оставить в архиве совета, передав гимназии копии описей и указателей к ним («архивные книги»). Всю документацию университетского архива следовало разделить на четыре части: «собственно принадлежащие канцелярии попечителя», «относящиеся к казанской гимназии», «касающиеся университета» и «его учебного округа»³⁷. Так в 1821 г. были выработаны структурные основания для архива Казанского университета. Мы не обнаружили свидетельств того, что в ходе проведенных тогда инвентаризации и систематизации были изъяты или уничтожены какие-либо тексты.

Как человеку, прочитавшему все университетское делопроизводство прошлых лет, совет университета поручил адъюнкту Баженову «сочинение истории университета, взяв начало с Казанской гимназии»³⁸. При всем том молодой коллега не был отпущен в вольное плавание. Его работу, намерения и мысли должен был контролировать профессор Пальмин. Именно он мог либо дать, либо отказать в согласии формировать университетские дела по тому принципу, который будет предложен Баженовым. Он же должен был предложить концепцию университетской истории.

8 апреля 1821 г. попечитель дал знать профессорскому совету, что одобряет этот план действий. А уже через год Баженов сообщил ему о «чистоте и опрятности» в архивной комнате, о правильном расположении дел и книг на полках согласно годам³⁹. Писать историю Казанского университета он, видимо, все же не решился. Поэтому в октябре 1822 г. в частном письме попечителю ректор просил назначить для этого адъюнкта математики и физики Н.О. Юферова. «Хотя архив университетский в настоящем его положении довольно упорядочен, — рапортовал в Петербург Никольский, — но недостает архивных книг и [полной] истории университета и гимназии»⁴⁰. В качестве поощрения за выполнение последнего этапа работы

³⁷ Там же. Л. 109 об. — 110.

³⁸ Там же. Л. 108.

³⁹ Там же. Л. 109 об., 110 об.

⁴⁰ Письмо (черновик) ректора Казанского университета Никольского попечителю Казанского учебного округа Магницкому, 16 октября 1822 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. № 4019. Л. 43 об.

ректор просил оставить Н.О. Юферову казенную квартиру в университете и пенсион, с которого его по действующим правилам должны были снять. Магницкий согласился на это⁴¹.

Он и в дальнейшем не давал профессорам, ответственным за архив, расслабиться. Так, во время пребывания Пальмина зимой 1823 г. в Петербурге попечитель получил письмо от ректора, где тот сообщал, что бывший секретарь «расшил бумаги, начиная с 1819 по 1821 год, расположа их по своему порядку, на которой не всякой может согласиться, и приказал архивариусу не сшивать их до его приезда, который Бог знает когда будет»⁴². Узнав об этом, Магницкий заставил Пальмина срочно вернуться в Казань, чтобы «разобрать и привести в порядок» не сшитые в дела бумаги, и даже освободил его ради этого от чтения лекций (они были поручены профессору П.С. Сергееву)⁴³.

По всей видимости, в ходе осуществления этой трудоемкой и вовлекшей в себя почти всех членов совета работы по разбору университетского делопроизводства изменилось отношение к архиву самих казанских профессоров. Из хранилища ненужных бумаг он превращался в пространство борьбы за доминирование различных групп, объектом столкновения различных интересов. О том, что это так, косвенно свидетельствует вспыхнувший в 1824 г. в Казани «архивный скандал». Тогда в связи с отставкой Пальмина совет создал комитет для проверки архива. В него вошли молодые члены ученого сословия: адъюнкты латинской словесности М.В. Полиновский, российской словесности М.С. Рыбушкин и греческой словесности М.Ф. Грацинский. После проведенной проверки архива все трое заявили на заседании совета (октябрь 1825 г.), что «дела остались в прежнем расстройстве». Такое заявление было серьезной угрозой карьере Пальмина. По сути, коллеги обвинили его в служебном нерадении. Основанием для подобного приговора (обычно вносимого в формулярный список) было указание на то, что дела совета за 1819–1821 гг. «доселе не разобраны как бы следовало, не сшиты, без описей и не сделано им ведомости, какие из них решены, или нет и

⁴¹ Письмо попечителя М.Л. Магницкого ректору Г.Б. Никольскому, 31 октября 1822 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. № 4777. Л. 17.

⁴² Письмо (черновик) ректора Казанского университета Никольского попечителю Казанского учебного округа Магницкому, 12 февраля 1823 // Там же. Ед. хр. 4019. Л. 75.

⁴³ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 24.

почему; в таковом же беспорядке находятся дела совета с 1822 по 1824 годы, т.е. за время секретарства Пальмина по совету университета, кроме сделанных описей 1822 и 1823 годов»⁴⁴.

Защищаясь от обвинений, Пальмин уверял, что архив был полностью приведен им в порядок. В найденных недостатках он видел происки недругов. Профессор законов государственного устройства и философии П.С. Сергеев и архивариус П.А. Полянец, считал Пальмин, специально перепугали архивные дела в открытых шкафах⁴⁵.

На наш взгляд, при всей трагичности для вовлеченных в них людей эти конфликты и напряжения свидетельствуют скорее о позитивных (для историка) тенденциях: о том, что в Казани уже в начале 1820-х годов архив обрел научную, административную и корпоративную значимость. Поддержание системы в его устройстве рассматривалось как серьезная ответственность. В этом отношении архив оказался приравнен к прочим присутственным местам университета — совету, правлению, училищному комитету, музеям и библиотеке.

Организация архивных документов в 1830-е годы

Вторая волна по систематизации документов Казанского университета поднялась в декабре 1831 г. Вероятно, именно тогда столичные преобразования ведомственных архивохранилищ докатились до Казани.

Обратив внимание на медленное «производство дел» в канцелярии университетского совета, казанский попечитель М.Н. Мусин-Пушкин осмотрел все ее дела и среди них обнаружил не сданные с 1819 г. документы. Глава округа решил, что составлять «полные описи решенным и нерешенным делам» и сдавать документы в архивохранилище должны те, кто при Магницком этого не сделал. Поэтому попечитель распределил работу по экс-секретарям профессорского совета, сообразно сроку их исполнения данной должности⁴⁶.

В результате документацию за 1819–1823 гг. должен был прочитать, разложить и описать адъюнкт М.С. Рыбушкин (вместо

⁴⁴ Там же. Л. 19–19 об.; Там же. Д. 113. Л. 52 об.

⁴⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 181 об.

⁴⁶ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3412. Л. 2–2 об.

уволенного М.А. Пальмина). Бумаги за период со 2 января по 25 августа 1823 г. поручалось разбирать профессору В.Я. Булыгину (он был секретарем во время пребывания Пальмина в Петербурге). Документы за период с 1 февраля по 5 декабря 1824 г. предстояло упорядочить профессору П.С. Сергееву. Г.С. Суровцов должен был разбирать канцелярские завалы, образовавшиеся с 5 декабря 1824 г. по 17 июля 1826 г., Я.М. Караблинов — за время с 3 октября 1825 г. по 17 июля 1826 г. и В.Я. Баженов — с 17 июля по 18 сентября 1826 г. Так сформировалась комиссия «по разбору архива». Чуть позже в нее были включены адъюнкты А.Ф. Хламов⁴⁷ и Г.Л. Фогель⁴⁸, а также профессор М.Ф. Грацинский⁴⁹ для помощи Рыбушкину. Возглавил этот коллектив профессор Г.Б. Никольский, занимавший при попечителе Магницком пост ректора. «Наблюдение за точным исполнением сего, — предписывал Мусин-Пушкин, — я возлагаю на г[осподина] пр[офессора] Никольскаго, ибо ректор обреме[не]нный текущими делами, не в состоянии сего исполнить. Г[осподин] пр[офессор] Никольский будет представлять мне каждую неделю в субботу записку о [ходе] дела сего»⁵⁰.

Итак, с 17 января и до 29 мая 1832 г. Никольский еженедельно представлял попечителю рапорты о количестве рассмотренных, решенных и нерешенных дел канцелярии, об общем ходе работы комиссии, о принципах систематизации документов, а также о трудностях, возникающих в ходе разбора бумаг⁵¹. Эти отчеты свидетельствуют о том, что бывший ректор лично прочитывал все канцелярские тексты и следил за порядком их систематизации. От членов комиссии требовалось: «1-е, составить особые описи руководительных предписаний начальства, 2, описи протоколов совета, 3, описи послужных списков, 4, описи всех вообще предписаний начальства в тех годах, в которые составляемы были особые из них книги и 5, собрать входящие, исходящие и разносные книги и передать их в архив»⁵².

⁴⁷ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3412. Л. 9. См.: Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1832 год. СПб., 1832. Ч. 1. С. 264.

⁴⁸ Там же. Л. 20.

⁴⁹ Там же. Л. 17.

⁵⁰ Там же. Л. 6.

⁵¹ Там же. Л. 8–10, 13, 17–30.

⁵² Там же. Л. 37.

На систематизацию и опись всех дел Мусин-Пушкин дал членам комиссии пять месяцев (до 1 мая). Но 1 июня Никольский представил попечителю объемный отчет, изучив который Мусин-Пушкин решил продлить срок действия комиссии еще на месяц⁵³. Однако из-за летних экзаменов в университете и гимназии работа затянулась до осени, а в архивохранилище все сформированные папки и описи были сданы на следующий год⁵⁴. В общей сложности члены комиссии обработали 2291 дело с 1819 г. по 12 сентября 1826 г., создали 8 книг входящих дел, 10 — исходящих, 6 — разносных, 5 томов «подлинных предложений», 7 томов протоколов совета, 6 томов послужных списков.

Как свидетельствует первый университетский отчет, выполненный по «уваровской форме» и содержащий информацию о делопроизводственной «части» университета⁵⁵, в 1833 г. архив Казанского университета составлял 10 863 дела и состоял из 8 отделений: 1. Дела совета Казанской гимназии с 1805 по 1815 г., за время общего управления гимназии и университета. 2. Канторы Казанской гимназии с 1805 по 1815 г. 3. Совета Казанского университета с 1815 по 1827 г. 4. Правления университета с 1815 по 1830 г. 5. Канцелярии бывших попечителей Казанского учебного округа с 1802 по 1815 гг. 6. Канцелярии бывших директоров и ректоров университета с 1819 по 1830 г. 7. Канцелярии инспектора студентов и директора педагогического института с 1805 по 1827 г. 8. Приходно-расходные книги Казанской гимназии и университета с 1805 по 1819 г. В своем донесении архивариус Добросмыслов также отмечал, что «дела университетского архива, кроме поступивших из канцелярии бывших попечителей находятся в порядке, расположены по предметам и хронологически. Им деланы с 1829 года двойные описи, из которых один экземпляр хранится у архивариуса, а другой в том месте, откуда дела поступили. Дела канцелярии бывших попечителей описаны, но без разделения по

⁵³ Там же. Л. 36 об.

⁵⁴ Там же. Л. 52.

⁵⁵ Об эволюции форм университетского делопроизводства см.: Ильина К.А. Делопроизводственная документация как источник изучения практики управления российскими университетами первой половины XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. С. 31–125; Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Университетское делопроизводство как практика управления (Россия, первая половина XIX века) // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 232–255.

годам или по содержанию. Еще большое число дел находится в архиве несписанными в описи и которые требуются от бывшего архивариуса привести в порядок и опись»⁵⁶.

Со временем в состав дел совета вошли дела училищного, строительного, издательного и цензурного комитетов, отдельного цензора восточных языков, факультетов, испытательных комитетов для чиновников и на звание домашних учителей, смотрителя клинических институтов⁵⁷. Все дела хранились в бумажных коробках с надписями, расположенных в шкафах в хронологическом порядке. Количество дел росло в геометрической прогрессии: в 1838 г. оно составляло уже 20 554 дела⁵⁸, в 1844 г. — 32 926 дел⁵⁹, в 1849 г. — 37 198 дел⁶⁰, в 1855 г. — 46 095 дел⁶¹, в 1858 г. — 51 219 дел⁶² (т.е. за двадцать лет выросло более чем в два раза).

Проделанная казанскими профессорами в 1830-е годы работа обеспечила историков Казанского университета уникальной коллекцией документов Александровской эпохи. Конечно, делали они ее отнюдь не в расчете на будущих исследователей, а с оглядкой на современных министерских проверяющих. Но эта работа по систематизации архива породила у членов местного совета понимание его ценности как административного ресурса. Об этом свидетельствует развернутая ими в 1837–1838 гг. кампания за возвращение должности архивариуса в штаты университетов⁶³.

Видимо, у живших в более благоприятных политических условиях членов харьковского совета такое осознание ценности архива пришло много позже. Так, в своем первом отчете о состоянии университетского архива (1833) местные профессора докладывали: «...общий университетский архив состоит из дел г[осподина]

⁵⁶ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3823. Л. 125.

⁵⁷ См., например: РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 592. Л. 210 об. — 214.

⁵⁸ Там же. Д. 528. Л. 112 об.

⁵⁹ Там же. Д. 564. Л. 199 об.

⁶⁰ Там же. Д. 592. Л. 213 об.

⁶¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 3801. Л. 88 об.

⁶² РГИА. Ф. 733. Оп. 202. Д. 904. Л. 171 об.

⁶³ См.: Ильина К.А., Вишленкова Е.А. Архивариус: хранитель и создатель университетской политики // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013.

попечителя, совета университета, училищного комитета, кассирских, бухгалтерских, также и бывшего цензурного комитета. Всех дел в оном заключается 13 898. [...] Архив, по случаю перемещения оного во вновь назначенные комнаты, приводится в надлежащий порядок. Дела же правления за прежние годы, не поступившие в общий архив, помещаются отдельно при канцелярии, и состоят в ведении одного из повытчиков»⁶⁴.

Инвентаризация харьковского архива датируется 1834 г. Тогда члены комиссии (которую попечитель Ю.А. Головкин создал для упорядочения документов своего предшественника В.И. Филатьева) разобрали 942 дела училищного комитета за 1832–1834 гг. и затем дела университетского правления за то же время. Судя по их письмам, некоторые обнаруженные ими дела имели в своем составе документы, «начавшиеся с давнего времени»⁶⁵. При этом нет упоминаний о том, чтобы комиссия работала с документами 1810–1820-х годов. В общей сложности А.Ф. Павловский, Т.Ф. Степанов и П.И. Сокальский разобрали около 2000 дел, которые были «в крайнем беспорядке, запутанные и не имевшие никакого систематического размещения»⁶⁶. Проведенная работа, согласно отчету попечителя в министерство, позволила харьковчанам наконец «устроить при Харьковском университете архив, дотоле не существовавший, и ныне находящийся в цветущем состоянии»⁶⁷.

В отчете за 1838 г. Харьковский университет сообщал, что его архив состоит из дел канцелярии попечителя, совета, правления и упраздненного училищного комитета. Общий его объем тогда исчислялся 17 067 делами⁶⁸. За двадцать последующих лет он вырос практически втрое: в 1844 г. составлял 24 843 дела⁶⁹, в 1849 г. — 33 966 дел⁷⁰, в 1856 г. — 43 929 дел⁷¹, в 1857 г. — 45 304 дела⁷².

⁶⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 652. Л. 97–97 об.

⁶⁵ Там же. Оп. 49. Д. 1209. Л. 1 об. — 2.

⁶⁶ Там же. Л. 2.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. Оп. 95. Д. 668. Л. 76.

⁶⁹ Там же. Д. 703. Л. 72 об.

⁷⁰ Там же. Д. 733. Л. 86.

⁷¹ Там же. Д. 782. Л. 147.

⁷² Там же. Д. 787. Л. 149 об.

Что касается архива Московского университета, то в 1832–1833 гг. он структурно делился на две части (совета и правления), которыми заведовали разные архивариусы. В силу значительного объема архив правления был поделен на три раздела: дела самого правления, дела училищного комитета и дела бухгалтерии. Самым обширным был фонд правления, в который поступали решенные дела из первого стола, занимающегося студентами; второго стола, отвечающего за хозяйственные вопросы; третьего стола по типографии, анатомическому кабинету, больнице и аптеке; четвертого стола, собирающего информацию по училищам Московского учебного округа⁷³. Московский совет сообщал: «Дела находятся в порядке по каждому столу; за каждый год имеются описи и алфавиты оным, по которым приисканы могут быть дела, каждое в надлежащем порядке связано, перемечены по листам и скреплены секретарем [правления]»⁷⁴. Правда, не было названо общее число дел в архиве, поскольку в это время проводилась работа по составлению единого алфавитного каталога. Однако уже в отчете Московского университета за 1834 г. указано, что его архив состоит из 35 460 дел⁷⁵.

За десять лет уваровского управления архив Московского университета вырос на 20 000 дел, т.е. больше чем на треть (до 54 578 дел)⁷⁶. Архивисты разделили его на дела канцелярии попечителя, ректора, совета, правления, медицинского факультета, инспектора, бухгалтерии, училищного комитета, комитета предохранения от холеры 1830 г., комитета по постройке первой и второй гимназий, комитета по постройке дворянского института, комитета по постройке университетского дома и факультетской клиники. А в 1845 г. после присоединения Московской медико-хирургической академии его объем вырос еще почти на 16 000 дел (всего стало 71 158 дел⁷⁷), что, конечно, отяготило участь архивариуса и

⁷³ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 234. Л. 8 об. Такая структура отражала структуру университетской администрации тех лет и сохранялась на протяжении 1830-х годов. См., например: РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 194. Л. 26 об. — 27; Там же. Д. 195. Л. 25; Там же. Д. 203. Л. 24.

⁷⁴ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 234. Л. 9.

⁷⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 194. Л. 27.

⁷⁶ Там же. Д. 216. Л. 35 об.

⁷⁷ Там же. Д. 217. Л. 37 об.

сократило свободное место в хранилище. На следующий год количество архивных дел достигло 73 284⁷⁸, а к 1856 г. — 85 352⁷⁹.

Таким образом, в результате архивной реформы 1830-х годов в российских университетах были описаны и систематизированы делопроизводственные документы по ранней истории. На тот момент участники этой реформы исходили из стремления сохранить все свидетельства прошлого, не стесняя себя мыслью о дефиците площадей для хранения растущего объема документов. Из беспорядочного склада бумаг университетские архивы превратились в информационную систему, позволяющую отвечать на запросы чиновников. То обстоятельство, что прочтением, систематизацией и адресацией документов университетского прошлого занимались не канцеляристы, а профессора, обусловило изменение отношения к ним университетской корпорации. Члены ученого сословия стали воспринимать архив не только как сборник отчетов об их деятельности перед лицом политической власти, не только как средство управления современной жизнью университета, но и как хранилище коллективной памяти, содержание которой зависит от них. Это осознание породило заинтересованность и ответственность перед будущими историками и наследниками университетской культуры.

⁷⁸ Там же. Д. 219. Л. 36.

⁷⁹ Там же. Д. 239. Л. 46.

Зарина Гатина

ГДЕ ИСКАТЬ ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ДЕЛА РУССКИХ ВРАЧЕЙ, ИЛИ ОСОБЕННОСТИ АРХИВИРОВАНИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА МЕДИЦИНСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ

doi: 1017323/978-5-7598-1587-7_102-114

В настоящей статье речь пойдет о заархивированном делопроизводстве медицинских факультетов Московского и Казанского университетов. Выбор этих школ не случаен. С Московского университета началось высшее медицинское образование в Российской империи, и здесь проходили защиты диссертаций врачей, претендовавших на все три ученые степени¹. Казанский же университет был выбран в силу уникальной сохранности его документов и привязки к нему огромного по размерам учебного округа. Кроме того, материалы казанского архива позволяют определить типичность и локальные особенности в организации медицинского обучения и исследовательской работы.

В фондах медицинских факультетов я искала свидетельства обсуждения и защит диссертаций. К своему удивлению, довольно скоро я убедилась, что единое экономическое и политическое пространство Российской империи, наличие общих законов, схожих университетских уставов, единство целей не унифицировали пол-

¹ *Сточик А.М., Затравкин С.Н.* Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. М.: Медицина, 1996; *Сточик А.М., Пальцев М.А., Затравкин С.Н.* Медицинский факультет Московского университета в реформах просвещения первой трети XIX века. М.: Медицина, 1998; *Сточик А.М., Пальцев М.А., Затравкин С.Н.* Московский университет в реформах высшего медицинского образования 40–60-х годов XIX века. М.: Шико, 2004; *Гатина З.С., Вишленкова Е.А.* Система научной аттестации в медицине (Россия, первая половина XIX века) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 1 (18). С. 168–178.

ностью делопроизводство российских университетов. В Москве и Казани процедуры подготовки, обсуждения и защиты диссертаций фиксировались с разной степенью подробности, а затем сохранялись в разных канцеляриях. Вскрытая в исследованиях Е.А. Вишленковой и К.А. Ильиной² логика университетского делопроизводства и его архивирования позволила мне обнаружить сотни аттестационных дел в университетских архивах. И это несмотря на то, что исследователи ученых степеней считают их утраченными³.

В Казанском университете за период с 1814 (время создания отделения врачебных наук) по 1860 г. удалось выявить прошения 87 соискателей медицинских степеней на проведение испытаний. В архиве медицинского факультета Московского университета за период с 1833 по 1860 г. обнаружено 287 аттестационных дел.

В обращениях в университетские советы соискатели не только просили профессоров организовать для них испытания и защиту диссертации, но и рассказывали об обстоятельствах и трудностях службы, о том, как им удавалось или не удавалось собрать эмпирический материал для исследования, как они понимали свой вклад в науку⁴. Обнаруженные таким образом документы позволяют реконструировать рутинные стороны академической жизни, определять степень профессиональной автономии медиков, а также выявлять критерии оценки их исследовательских результатов⁵.

* * *

Фонд 418 Московского императорского университета с описями медицинского факультета (ЦГАМ) содержит 211 904 единицы хранения за период с 1796 по 1917 г. Опись медицинского факультета

² *Вишленкова Е.А., Ильина К.А.* Университетское делопроизводство как практика управления (Россия, первая половина XIX века) // Вопросы образования. 2013. № 1.

³ *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи. XVIII век — 1917 г. М.: Наука, 1994; *Зарецкий Ю.П.* Фальшивые ученые степени в XVIII веке? // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 245–273.

⁴ Подробнее об этом: *Вишленкова Е.А., Гатина З.С.* «Изложить предмет сциентифически»: русские врачи и их полевые исследования (первая половина XIX века) // Российская история. 2015. № 3. С. 154–169.

⁵ *Вишленкова Е.А.* Рецензирование как механизм саморегулирования медицинской профессии в России 1830–1840-х годов // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 170–200.

начинается с 1813 г. Однако до 1833 г. документов в этих описях чрезвычайно мало и аттестационных дел в них практически нет. По всей видимости, это следствие редакции архива 1860-х годов⁶.

Папки с документами, касающимися присуждения ученых званий, как правило, имеют стандартное наполнение. Они содержат текст диссертации, отзывы оппонентов, протоколы обсуждения на факультетском совете, а также выписки из решений университетского совета. Чаще всего эти тексты фиксируют процедуру аттестации одного человека, но иногда аттестационное дело включает в себя документы нескольких соискателей сразу⁷. В таких папках можно обнаружить таблицы с экзаменационными оценками, характеристики от врачей, под руководством которых соискатель проходил практику, ответы на письменных экзаменах и даже представленные на оценку профессоров истории болезней⁸.

В 1840-е годы между моментом утверждения темы диссертации на соискание степени штаб-лекаря или доктора медицины и представлением ее для обсуждения на факультете проходило в среднем полтора-два года. В архиве Московского университета сохранились диссертационные дела медиков, в которых зафиксирована последовательность аттестационных процедур. Например, 7 февраля 1848 г. некто Николаев подал в совет медицинского факультета Московского университета прошение о позволении ему написать диссертацию на степень доктора медицины по избранной теме⁹. Через полтора года он представил рукопись на латыни. В июне 1849 г. декан отдал текст для прочтения рецензентам. После учета соискателем замечаний диссертация была направлена в университетский совет с рекомендацией напечатать. В 1850 г. соискатель успешно защитил положения своего исследования и получил от факультета искомую степень доктора медицины.

Представленную диссертацию университетский совет направлял на факультет, сопровождая письмо вежливым обращением такого рода: «Университетский совет, препровождая медико-топо-

⁶ Ильина К.А., Вишленкова Е.А. Архивариус: хранитель и создатель университетской памяти // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 353–354.

⁷ Примеры тому: ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 350. Д. 49; Там же. Оп. 353. Д. 102.

⁸ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 353. Д. 86.

⁹ Там же. Д. 102. Л. 75.

графическое описание округа нижнетагильских заводов, составленное лекарем Шмониным, для получения звания штаб-лекаря, покорнейше просит медицинский факультет по рассмотрении ононого о своем заключении»¹⁰.

Иначе организовано хранение интересующих нас документов в Национальном архиве Республики Татарстан. Фонд 977 «Медицинский факультет» насчитывает 57 220 единиц. За 1830–1850-е годы в Казани сохранилось гораздо меньше аттестационных дел, чем в архиве Московского университета. Те документы, которые все же удалось обнаружить, сложены в папки с типовым названием «Об испытаниях <...> на звание доктора медицины». В них хранятся только прошения соискателей и результаты проведенных устных и письменных экзаменов¹¹. В Казани явно преобладают дела, касающиеся получения степени доктора медицины, а не штаб-лекаря, как в Москве. При этом практически не встречаются аттестационные дела на соискание высшего ученого звания — доктора медицины и хирургии.

Такая ситуация побудила меня обратиться к описи документов университетского совета. Именно там обнаружили диссертации, отзывы на них членов медицинского факультета и рекомендации присутственных мест, в которых проходили службу соискатели. Видимо, поступая в канцелярию совета от секретаря факультетского совета, они на факультет не возвращались. Многие из аттестационных дел в составе описи «Совет» фонда 977 имеют название «Документы <...> на звание доктора <...>» и являются продолжением факультетских персональных дел.

Непосредственно в университетский совет поступали также диссертации и документы военных медиков, пересылаемые в Казанский университет из Медицинского департамента Военного министерства. Все они имеют типовое название «Документы об утверждении лекаря <...> в звании штаб-лекаря». Как правило, посылка сопровождалась письмом с «разрешительной грамотой»: «По усердной службе и хорошему поведению лекаря, со стороны департамента, не имеется препятствия, к производству в штаб-лекаря»¹².

В этом же фонде обнаружены недостающие в описи медицинского факультета дела соискателей. Это не были выпускни-

¹⁰ Там же. Оп. 350. Д. 150. Л. 1.

¹¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. Медицинский факультет. Д. 742.

¹² Там же. Д. 344. Л. 1–1 об.

ки Казанского университета. Судя по ним, начиная с середины 1830-х годов и вплоть до 1850-х годов сотни уездных лекарей и членов врачебных управ из Казани и других городов Казанской губернии, а также городов Тобольской, Тамбовской и других губерний желали получить звание штаб-лекаря в Императорском Казанском университете.

Название дела, заявленное в описи, часто не совпадает с формулировкой на титульном листе и в целом с содержанием документов в папке. Кроме того, выяснилось, что составители архивных описей, сделанных в конце XIX в., довольно плохо разбирались в медицинских степенях первой половины столетия¹³. Архивариусы сокращали длинное название высшей ученой степени «доктор медицины и хирургии» до более короткой — «доктор медицины» или «доктор хирургии»¹⁴, приводя таким образом две разные степени к общему знаменателю. Нередко фамилии соискателей в названиях дел и в описях документов искажены. Видимо, это результат невнимательности хранителей, систематизировавших документы. Вероятно, трудно было в спешке разобрать почерк автора рукописи. Есть случаи, когда в названии дела фигурирует одно имя, а внутри папки лежат документы на двух и более человек¹⁵.

Вторая особенность касается организации делопроизводства. Судя по казанским документам, до середины 1830-х годов местный медицинский факультет не имел правил протоколирования. Протоколы заседаний представляют собой малоинформативные записи, предназначенные скорее для отчета, чем для памяти. В некоторых архивных папках хранятся тексты диссертаций, но нет письменных отзывов рецензентов. Практически каждое дело создает у исследователя впечатление незавершенности.

В этом отношении дела медицинского факультета Московского университета более унифицированы и информативны: на каждое донесение от совета университета или ректора имеется выписка из протокола заседания факультета, на котором это донесение

¹³ Примеры тому: НА РТ. Ф. 977. Оп. Медицинский факультет. Д. 57, 90.

¹⁴ Там же. Д. 201.

¹⁵ Например, в деле ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 352. Д. 53 «О рассмотрении сочинения «Бугорчатая чахотка легких», написанного лекарем 1го отделения Малининым П. для получения звания штаб-лекаря» (1845) хранятся документы о защите П. Малинина и лекаря Лобановского.

зачитывалось и обсуждалось. Кроме того, состав московских документов более предсказуем. Так, практически каждое дело заканчивается выпиской с публичной защиты соискателя и присуждения ему искомой степени. Что касается казанских дел, то часто после их прочтения остается загадка: присудили диссертанту степень или нет, какую оценку получило его сочинение, состоялось ли торжественное собрание с публичным представлением диссертации и последующим присвоением ученого звания. Казанские медики не вели протоколы факультетских заседаний. Важные решения они записывали на отдельных листах размером чуть больше современного формата А5, без указания даты, места проведения заседания.

Кроме одной, в Казани не удалось обнаружить авторские рецензии на диссертации. Оценка качества сочинения здесь выражалась через коллективное мнение членов совета. Его формулировка позволяет выявить критерии оценивания, ожидания рецензентов, в записях даже можно обнаружить споры коллег. Но даже краткие записи такого рода редкость. Большинство аттестационных дел не содержит ни письменных рецензий, ни сформулированного коллективного мнения факультетского совета.

Со второй половины 1830-х годов соискатели медицинских степеней должны были представить к публичной защите изданную типографским способом диссертацию и разослать ее по университетам и медико-хирургическим академиям. Как правило, эти брошюры ныне хранятся в университетских библиотеках. Но иногда они присутствуют в архивных делах. Так, в аттестационном деле Адольфа Абрагамсона лежит отпечатанная на 24 страницах диссертация на латыни¹⁶.

С 1833-го г., когда министром народного просвещения стал С.С. Уваров, начался процесс унификации университетского делопроизводства¹⁷. Циркулярные письма из Петербурга, действительно, привели архив медицинского факультета Казанского университета в относительный порядок. Во всяком случае, со второй половины 1830-х годов в нем появляются дела с рукописями диссертаций, но без рецензий на них, с перечислением имен читав-

¹⁶ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2830.

¹⁷ Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 80.

ших рукопись профессоров¹⁸. Видимо, обсуждение происходило в устной форме, а составление письменных авторских рецензий для казанских медиков тогда так и не стало частью профессиональной деятельности.

Распоряжения министра были более полно, чем в Казани, воплощены врачебным отделением Московского университета. После упорядочивания делопроизводства аттестационные дела стали включать: 1) прошение Медицинского департамента Военного министерства либо врачебной управы в университетский совет о рассмотрении диссертации и документов соискателя на звание штаб-лекаря или ученую степень; 2) рецензии профессоров; 3) прошение соискателя; 4) текст его диссертации (как правило, рукописный); 5) формулярный список о службе; 6) иногда кондуитный список о поведении; 7) копию с диплома об имеющейся университетской степени; 8) иногда можно обнаружить факультетское обещание и диплом обретенной степени.

После смены министерского руководства в 1849 г. университетское делопроизводство в Казани вновь утратило четкость. Так, в аттестационном деле лекаря П. Гилтера, претендовавшего в 1846–1850 гг. на степень доктора медицины, имеются рапорт о прохождении практического испытания, свидетельство о представлении в университет историй болезней, письменные ответы на вопросы экзаменаторов, тезисы диссертации, а также текст самой диссертации на латыни¹⁹. Такой же порядок и в делах других соискателей тех лет²⁰. А вот аналогичные дела последующего десятилетия состоят в основном из экзаменационных ведомостей²¹ и выписок общего решения²². Нередко даже такие краткие выписки делались не персонально (т.е. на каждого соискателя), а содержали свидетельства присуждения степени сразу нескольким претенден-

¹⁸ Например, в аттестационном деле лекаря Льва Сутковского, защищавшего в январе 1848 г. диссертацию на звание доктора медицины, есть указания имен трех оппонентов: профессоров Ф.О. Елачича, А.-Л.А. Китера и Г.И. Блосфельда. См.: НА РТ. Ф. 977. Оп. Медицинский факультет. Д. 461. Л. 33.

¹⁹ НА РТ. Ф. 977. Оп. Медицинский факультет. Д. 462.

²⁰ Там же. Оп. Совет. Д. 3194.

²¹ Экзаменационные ведомости см.: Там же. Оп. Медицинский факультет. Д. 606.

²² Там же. Д. 585, 606, 653, 654, 656, 674.

там²³. Так сказала на университетских архивах политика упорядочения делопроизводства 1850-х годов²⁴.

* * *

Исследователи, искавшие диссертационные дела медиков в недрах архива Министерства народного просвещения, их не нашли. Сориентироваться в ведомственной принадлежности медицинских школ действительно довольно трудно. В изучаемое время они постоянно меняли подчинение. «Первоначальное же оных (врачей. — З. Г.) назначение и приготовление зависит от Министерства народного просвещения»²⁵, — свидетельствовал в 1819 г. министр внутренних дел О.П. Козодавлев. До 30 мая 1822 г. специальные медицинские учебные заведения, в том числе медико-хирургические академии, находились в ведении Министерства народного просвещения (далее — МНП). Затем они перешли в ведомство Министерства внутренних дел (далее — МВД), и только в 1840-е годы они окончательно были возвращены МНП. Медицинские факультеты своей подчиненности не меняли, находясь постоянно под управлением МНП. Полагая, что, подобно соискателям ученых званий по другим специальностям, врачи должны были посылать документы на утверждение министра народного просвещения, историки медицины обращались в фонды Российского государственного исторического архива (РГИА) в Санкт-Петербурге. Отсутствие там искомым документов объясняет распоряжение министра народного просвещения не присылать к нему врачебных исследований.

Диссертации на соискание ученых степеней по медицине оценивали врачи, составлявшие Медицинские советы МВД. В их обязанности входила проверка присылаемых от диссертантов рукописей или публикаций: «рассмотрение медицинских рассуждений, наблюдений, историй болезней и особенно топографических описаний стран и городов или мест, и извлечение из них лучших и

²³ Такова выписка на утвержденных в степени доктора медицины Залесского, Евланова и Никольского: НА РТ. Ф. 977. Оп. Медицинский факультет. Д. 640. Л. 26–26 об. См. также: Там же. Д. 741.

²⁴ Подробнее об этом см.: Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Университетское делопроизводство как практика управления... С. 232–255.

²⁵ РГИА. Ф. 1294. Оп. 2 (133). Д. 394. Л. 95 об.

внимания заслуживающих статей, для сообщения редакции журнала МВД»²⁶. Тем не менее не все аттестационные дела, отложившиеся в фонде МВД, содержат тексты рецензий. Есть те, в которых хранится только сопроводительное в Медицинский совет письмо и рукопись диссертации. Таково содержание аттестационного дела старшего медика Донского войска статского советника Ланге, пришедшего документы в начале 1835 г.²⁷ А есть те дела, которые, наоборот, диссертацию не содержат, зато сохранили мнения членов совета.

На рецензирование рукопись отдавалась двум членам Медицинского совета, каждый из которых обязан был письменно изложить свое мнение. После устного выступления рецензентов на собрании совета и обсуждения принималось решение о вознаграждении сочинителя, в случае высокой оценки его рукописи. С разрешения министра в качестве награды присваивалась ученая степень без сдачи специальных экзаменов²⁸. Впрочем, в архивном фонде можно обнаружить дела, в которых есть и рукопись исследования, и рецензии на нее²⁹.

Вне зависимости от того, какие документы были сложены архивариусами в папку, каждая открывается сопроводительным письмом от генерал-штаб-доктора или члена врачебной управы (чаще инспектора). Это следствие правительственного распоряжения 1802 г., по которому врачебные управы становились посредниками между сочинителем и Медицинской коллегией и сменившим ее в 1803 г. Медицинским советом. Врачебной управе поручалось, «дабы она из подаваемых сочинений, доставила в коллегию только заслуживающее внимание»³⁰.

Дела по медицинской части за первую половину XIX в. в РГИА рассредоточены по четырем фондам: фонд 1294 — Медицинский совет при МВД; фонд 1297 — Медицинский департамент МВД; фонд 1299 — Канцелярия генерал-штаб-доктора гражданской части МВД; фонд 733 — Министерство народного просвещения.

²⁶ История МВД. Часть III, кн. 2. Период третий. С 19 ноября 1825 по 20 августа 1855 года. СПб.: тип. МВД. 1862. С. 47.

²⁷ РГИА. Ф. 1299. Оп. 17. Д. 969.

²⁸ РГИА. Ф. 1294. Оп. 5. Д. 138.

²⁹ Там же. Оп. 1 (55). Д. 6.

³⁰ Там же. Оп. 1 (II). Д. 18. Л. 6.

Фонд Медицинского департамента содержит также документы, связанные с деятельностью двух подведомственных ему до 1842 г. медико-хирургических академий и Белостокского повивального института.

Наиболее сложной является первая опись фонда 1294 «Медицинский совет», содержащая 2626 единиц хранения и состоящая из 64 связок. Опись объединяет в себе документы интервалом в 85 лет, с 1738 по 1823 г. Видимо, она была сшита из разных самостоятельных описей, каждая из которых имела свою нумерацию и логику устройства. Соединить их все в один документ и сделать при этом так, чтобы все было понятно «искателям справок» (как в XIX в. архивариусы называли историков), — задача крайне сложная.

Не останавливаясь подробно на содержании и устройстве всех этих фондов, отмечу лишь некоторые особенности, которые отличают министерский архив от университетского. В них различается сам способ комплектования дел. Видимо, изначально целью министерского архива было намерение создать информационную базу, к которой в любой момент мог обратиться чиновник и запросить любую интересующую его информацию. Поэтому многие дела из фонда Медицинского департамента начала XIX в. содержат в себе одну или несколько (в зависимости от количества собранного материала) записок, составленных Третьей экспедицией МВД. В таких записках есть три раздела: изложение дела, собранные сведения и мнение. Иногда, что делает их особенно ценными, они содержат раздел «Законы», в котором приводится выжимка из постановления, на которое опирался Медицинский совет при принятии того или иного решения. Так, из одной такой записки явствует, что «докладом 1764 года июня 6-го высочайше подтвержденным, положено обращать положенное жалованье с пенсией тому, кто 35 лет беспорочно выслужил»³¹. Это постановление обратилось в пользу Адольфа Карнелиуса, просившего назначить ему по выслуге лет пенсию. Наличие ссылки на соответствующий закон упрощало принятие решения, избавляя чиновника от необходимости изучения многотомных законодательных собраний.

В описях МВД есть навигация. Назначение ее очевидно, хотя в практическом отношении современному исследователю работать с ней неудобно. Видимо, она создавалась для ускорения поиска справок архивариусами. Дела сгруппированы не только по-

³¹ РГИА. Ф. 1297. Оп. 1 (V). Д. 116. Л. 193 об. — 194.

годно, что применяется и в описях университетских архивов, но и по отдельным столам и отделениям в случае фонда Медицинского департамента либо по книгам или связкам в случае фонда «Медицинский совет».

Работать с фондами МВД сложнее, чем с университетскими архивами. Описи фонда Медицинского департамента объемные, по несколько тысяч единиц хранения в каждой. Среди них встречаются «недействующие описи»³², т.е. описи старые. Часть описанных в них документов уничтожены, а часть переформированы и расписаны в других описях.

Проблема сохранности фондов «большого университетского архива» сейчас основная для историков. После нескольких ревизий фонда МВД в XIX веке, в описи Медицинского совета, например, из нескольких тысяч дел осталось пятьсот или шестьсот единиц хранения³³. Они помечены символом «Н» (то есть «нет»). Поскольку опись не переписывали, а только редактировали, то архивариусы и сменившие их в XX в. архивисты разработали специальный язык общения, закодировавший для современного исследователя адресацию документов. Буква «У» на полях описи означает «уничтожено», «Х» — вероятно, имеет значение «хранить», «ост» — «оставить». Есть еще пометы «выбыло» и «на месте». Причем рядом с названием дела могут стоять все зачеркнутые значки одновременно. Таким образом, опись превратилась в открытый диалог архивистов разных поколений и умеющих читать их тайные письма исследователей.

В начале каждой описи даны советы, как выписывать дело. Но в силу изменившегося режима пользования архивом они скорее запутывают современного исследователя, чем помогают ему. Дело в том, что архивисты указывают либо на цвет, которым обведен номер дела, либо на толщину линии, наличие или отсутствие кружочка. Эти пометы могут быть в левой колонке, в правой или в двух одновременно. Учитывая, что все описи доступны посетителям архива только в отсканированном монохромном варианте, отсылка к цвету заводит пользователя в тупик.

Таким образом, созданные на языке современного им канцелярита и науки описи конвоируются и даже интерпретируются по-

метами, сделанными на профессиональном сленге архивариусов. Понятные тогдашним хранителям документов, они стали трудно-прочитаемыми сегодня и требуют специальных процедур декодирования. В свою очередь, разработка алгоритма дешифровки возможна лишь на основе изучения биографии архива. В этом смысле архивные истории, написанные историками, могут помочь архивным работникам в создании электронных описей, открыв им логику адресации документов, которой руководствовались их предшественники.

Описанные выше поиски и сделанные в ходе них наблюдения убедили в том, что сохранявшиеся на протяжении первой половины XIX в. различия в ведении университетского делопроизводства медицинских факультетов не позволяют исследователям на основе одного университетского архива делать выводы о сохранности источников для изучения истории российских университетов в целом. Одни и те же события академической жизни в разных университетах документировались с разной тщательностью и архивировались согласно разной логике. Соответственно, отсутствие таковых (в моем случае прошений соискателей и рецензий на медицинские диссертации) в фондах одного университета не значит их отсутствия вообще.

³² РГИА. Ф. 1297. Оп. 8.

³³ Например: Там же. Оп. 10, 11.

Татьяна Жуковская

АРХИВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (1804–1819): СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ¹

doi: 1017323/978-5-7598-1587-7_114-164

Описание проблемы

В значительной мере самосознание университетских сообществ поддерживается символическими актами. Способами скрепления единства университетских людей и их позиционирования себя в диалоге с властью и внешним миром являются разного рода коммеморации, например юбилейные торжества по поводу основания *alma mater*. Этому был посвящен первый юбилейный акт Санкт-Петербургского университета в 1844 г., когда отмечалось 25-летие его основания от утвержденного 8 февраля 1819 г. Александром I документа о преобразовании Главного педагогического института в университет.

Шестью годами ранее, в 1838 г., отмечая переезд университета в здание Двенадцати коллегий и определяя это как возвращение к истокам, историки увязывали историю университета с петровскими реформами, образованием Академии наук с ее университетом и собственной гимназией². В их первых исторических нарративах об университете все учебные заведения столицы, чьим преемником мыслился «Александровский» университет, встраивались в еди-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Петербургская историческая школа (XVIII — начало XX вв.): биографическая база данных и информативный ресурс», шифр 16-06-00528.

² [Шульгин И.П.] О начале и постепенном возрастании императорского Санкт-Петербургского университета. Читано в торжественном собрании университета в день открытия его в бывшем здании 12 коллегий 25 марта 1838 года ректором университета И. Шульгиным. СПб., 1838.

ную летопись прошлого: университет при Академии наук XVIII в., Учительская семинария и Учительская гимназия (1783–1803), Педагогический институт (1804–1816), Главный педагогический институт (1816–1819). Все они сохраняли специфику, но их прошлое не истоковывалось в качестве параллельных историй³.

По мере разработки истории Санкт-Петербургского университета в контексте реформ всей системы просвещения⁴ укреплялось понимание ее целостности. Не случайно в начале XX в. петербургские профессора намеревались отметить два юбилея: в 1916 г. — юбилей Главного педагогического института, а в 1919 г. — юбилей университета. С весны 1916 г. началась подготовка к столетию Главного педагогического института. 25 апреля 1916 г. прошло заседание юбилейной комиссии, в которую входили ректор университета Э.Д. Гримм, профессора С.В. Рождественский, С.П. Кравков, С.А. Жебелёв⁵. Легитимность торжества была обоснована в докладе историка С.В. Рождественского. Члены комиссии пришли к выводу, что «организация вновь учрежденного университета [8 февраля 1819 года] мало чем отличалась от организации Главного педагогического института», а потому предложила передвинуть очередной торжественный акт университета с 8 февраля 1917 г. на

³ Так, в текстах Е.Ф. Зябловского и П.А. Плетнева акцентируется история Учительской семинарии и Педагогического института, в труде И.П. Шульгина — история Академического университета. Ср.: Зябловский Е.Ф. Историческая повесть об Учительской семинарии и Педагогическом институте до переименования его в Санкт-Петербургский университет. СПб., 1833; [Шульгин И.П.] О начале и постепенном возрастании...; Плетнев П.А. Первое двадцатипятилетие Императорского Санктпетербургского университета. Историческая записка по определению университетского Совета читанная ректором университета Петром Плетневым на публичном торжественном акте 8 февраля 1844 г. СПб., 1844.

⁴ Главным идеологом и организатором университетских штудий стал профессор С.В. Рождественский, автор классических трудов по истории школы и просвещения в России. См.: Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII — XIX вв. Т. I. СПб., 1912; Он же. Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII — XIX вв. СПб., 1910; Он же. Сословный вопрос в русских университетах в первой половине XIX в. // ЖМНП. 1907. Ч. 9. Отд. 2. С. 3–25; Он же. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902.

⁵ Об избрании особой комиссии о праздновании 23 декабря с. г. 100-летнего юбилея переименования Педагогического института в Главный педагогический институт // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 1. Д. 11188. Л. 15.

23 декабря 1916 г. Это предложение 23 мая 1916 г. было поддержано университетским советом⁶.

Однако 5 декабря 1916 г. совет от своего предложения отказался «ввиду переживаемого времени». Об этом ректор сообщил управляющему Петроградским учебным округом⁷. Главной причиной отказа от публичных мероприятий были военные трудности. В то время актовый зал университета, где предполагалось провести торжественное заседание 23 декабря 1916 г., был занят лазаретом. Обращение к городским властям переместить лазарет не дало результата⁸. Таким образом, ни 100-летие Главного педагогического института, ни годовщина образования университета, обозначенная ежегодным актом 8 февраля, в 1917 г. не праздновались⁹.

Столетие университета в феврале 1919 г. отмечалось в еще более сложной обстановке гражданской войны и отчуждения новой власти от старого университета. Появление на университетском акте наркома просвещения А.В. Луначарского и смысл его выступлений были истолкованы профессурой как объявление открытого противостояния власти и университетского сообщества¹⁰. Обширные научные и издательские планы юбилейной комиссии С.В. Рождественского, обсуждавшиеся в 1914–1916 гг., смогли быть реализованы лишь частично¹¹.

Следующий юбилей Ленинградский университет отмечал в 1944 г. в Саратове, в условиях эвакуации и многократного сокращения студентов и профессоров¹². Только после войны увидели

⁶ Там же. Л. 9–12 об.

⁷ Там же. Л. 16.

⁸ Там же. Оп. 3. Т. 3. Д. 13287. Л. 23.

⁹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 3.

¹⁰ Об этом сообщает в своем дневнике Надежда Николаевна Платонова, отразившая впечатления и мнения профессорского круга своего мужа, Сергея Федоровича Платонова (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5699. Л. 4–4 об., 6 об.).

¹¹ Был издан сборник материалов, извлеченных из университетского архива: Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835 / сост. А.С. Николаев, И.Л. Маяковский; под ред. С.В. Рождественского. Пг., 1919. Анонсированный как первый том серии, он не имел продолжения.

¹² См.: *Эльяшова Л.Л.* Мы помнили всюду, что мы — ленинградцы (военные годы ЛГУ в Саратове; возвращение в Ленинград) // Ленинградский университет в

свет материалы юбилейной научной сессии и краткие исторические очерки об университете¹³. И лишь 150-летний юбилей университета получил историографическое оформление, соответствующее статусу события¹⁴.

Разрывы в юбилейном историописании длиной в сто лет, а именно столько прошло между упомянутой коллективной монографией 1969 г. и каноническим трудом В.В. Григорьева¹⁵, видимо, породили желание советских историков описать университетское прошлое заново, с чистого листа¹⁶. Концепция Ю.Д. Марголиса и Г.А. Тишкина, рассматривавших Академический университет, Учительскую семинарию, Педагогический институт как части единой истории Санкт-Петербургского университета, восстановила представления первых университетских историографов Е.Ф. Зябловского, И.П. Шульгина и П.А. Плетнева. В новых политических условиях она встретила сопротивление и резкую критику историков Московского университета, не желавших уступать «права первородства». И хотя книга Марголиса и Тишкина помогла в 1990-е годы получить Санкт-Петербургскому университету официальный статус старейшего университета России¹⁷, она нуждается в дальнейших архивных разработках.

Великой Отечественной: Очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 220–221. В мае 1942 г. число студентов равнялось 391, преподавателей в Елабужском и Саратовском филиалах вместе с оставшимися в Ленинграде — 269. В 1941 г. штат университета состоял из 980 преподавателей, в нем училось 9 тыс. студентов и аспирантов.

¹³ Ленинградский университет. 1819–1944 [К 125-летию со дня основания] / под ред. В.В. Мавродина. М.: Советская наука, 1945; Труды юбилейной научной сессии. 1819–1944. Секция исторических наук / отв. ред. А.И. Молок. Л.: Изд-во ЛГУ, 1948.

¹⁴ История Ленинградского университета. 1819–1969. Очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.

¹⁵ *Григорьев В.В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1870; История Ленинградского университета...

¹⁶ См.: *Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А.* «Отечеству на пользу, а россиянам во славу»: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII — начале XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988; *Они же.* «Единым вдохновением...»: Очерки истории университетского образования в Петербурге в XVIII — первой половине XIX в. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 1 ноября 1997 г. № 1379 в связи с 275-летием Санкт-Петербургского университета.

К сожалению, администрация СПбГУ, как и часть научного сообщества, остается далека от признания необходимости комплексных исследований долгой истории Санкт-Петербургского университета. В нарратив его прошлого, безусловно, должна быть вписана история не только Академического университета, прекратившего существование в своем первоначальном статусе в 1770-х годах при соединении с Академической гимназией, но и история Педагогического института, открытого в 1804 г. как «отделение университета», а в 1816 г. получившего юридический статус и структуру, фактически не отличавшие его от других университетов империи.

На мой взгляд, дискуссионность единой истории Педагогического института в Петербурге (далее — ПИ), Главного педагогического института (далее — ГПИ) и Петербургского университета (далее — СПУ) порождена, во-первых, модернизацией понятия «университет»¹⁸, а во-вторых, незнанием истории архивов этих учреждений. Многолетняя работа в них убедила меня в том, что эти комплексы общие по происхождению, внутренней структуре и составу материалов. Благодаря хорошей сохранности, полноте и разнообразию фонды ЦГИА СПб, имеющие отношение к ПИ, ГПИ, СПУ¹⁹, дают историку возможность реконструировать превращение ПИ в университет, а также изучить систему администрирования и повседневную жизнь ПИ и ГПИ, почти не освещенную в научной литературе.

Очевидно, мои предшественники не привлекали архив в качестве свидетеля в пользу единства прошлого из-за чудовищного объема работ с ним. Обращение к делопроизводственным документам, отражающим повседневную административную и социальную реальность университета, требует сочетания методов источниковедения, используемых при изучении массовых (формализованных) источников, и методов, определяющих работу с источниками уникальными («текстами»).

¹⁸ Этот подход демонстрирует А.Ю. Андреев, отказывая Академическому университету и тем более Педагогическому институту в Петербурге в праве быть рассмотренными в системе университетских учреждений Российской империи. См.: Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 13 (Главный педагогический институт); ф. 14 (Петроградский университет); ф. 139 (Канцелярия попечителя Петроградского учебного округа).

«Большой университетский архив»

В своих исследованиях Елена Вишленкова, Руфия Галиуллина и Кира Ильина показали двойственную природу университетского делопроизводства, изучая его как практику управления и как язык самопрезентации университетской корпорации²⁰. Правда, исследователи не удержались от преувеличения собственных возможностей и желания принять изучаемые собрания (часть большого целого, состоящего из десятков тысяч архивных дел) за условный мегатекст или прямую речь университетского сообщества. Преувеличенным представляется их заявление о «фронтальном прочтении делопроизводственных документов»²¹ в фондах трех университетов и в ведомственных архивах Министерства народного просвещения. Едва ли прочтение нескольких десятков тысяч дел с десятками документов внутри их физически реально даже для отряда исследователей. Речь, вероятно, идет об отборе репрезентативных документов для изучения, осуществленном на определенных принципах.

Тем не менее Е.А. Вишленкова и ее соавторы предложили новаторскую интерпретацию университетского делопроизводства первой половины XIX в. и его эволюции от форм относительно автономных и оригинальных к шаблонам бюрократическим и унифицированным. Последние, в свою очередь, наложили отпечаток на язык самоописания университетского сословия. Исследователи показали связь между изменениями в языке самоописания и самосознанием профессорской корпорации²². Эти наблюдения открывают новые перспективы в изучении университетских сообществ,

²⁰ Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Университетское делопроизводство как практика управления (Россия, первая половина XIX века) // Вопросы образования. 2013. № 1; Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х. Профессора и бюрократы: парадоксы университетской автономии в России первой половины XIX века. Препринт. М.: НИУ ВШЭ, 2011; Ильина К.А. Делопроизводственная документация как источник по истории управления российскими университетами первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011; Костина Т.В. Делопроизводство университета в исследованиях университетской повседневности первой половины XIX века // Архивы и историческая наука. Материалы международной межвузовской студенческой конференции 23 апреля 2008 года. СПб., 2009. С. 74–76.

²¹ Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Университетское делопроизводство как практика управления... С. 234

²² Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

побуждают изучать их не в статике, а в изменениях, включая самосознание почти безгласного в дореформенную эпоху студенчества.

В этой связи уместно договориться о *границах университетского архива* как объекта исторического исследования. Если учитывать и описывать *все направления* деятельности университета, порождающие делопроизводство, то следует понимать под архивом университета *совокупность всех комплексов*, отражающих его административные и социальные связи. Я предлагаю использовать понятие *Большой университетский архив*, необходимое для понимания системы университетских связей, направлений деятельности, границ университетского сообщества, территориального и институционального пространства университета. Границы этого условного *Большого архива* значительно шире, чем обычно представляется историкам.

Покажу это на примере Санкт-Петербургского университета. Большой архив СПУ объединяет делопроизводство Министерства народного просвещения и его подразделений по управлению данным университетом, находящееся в РГИА (внутри фондов 732, 733, 735, 737, 740 и др.), делопроизводство попечительской канцелярии в ЦГИА СПб (внутри фонда 139), собственно делопроизводство университета (ф. 14 ЦГИА СПб) и Педагогического института (там же, ф. 13); послереволюционное делопроизводство в ЦГА СПб (ф. 7240) и Объединенном архиве СПбГУ. История Академического университета XVIII в. отражена в делопроизводственных документах Академии наук²³.

Частью Большого университетского архива являются комплексы и рассеянные документы, находящиеся во множестве «непрофильных» хранилищ и образованные всевозможными горизонтальными и опосредованными связями университета. Такие горизонтальные связи Петербургский университет устанавливал с другими университетами, а также с Академией наук. Связи университета с Академией наук в XIX в. перестали быть отношениями включенности, а стали горизонтальными, опосредующим звеном в которых являлась канцелярия министра народного просвещения²⁴.

²³ Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. XVIII в. Обзор архивных документов / сост. Е.М. Балашов, О.В. Иодко, Н.С. Прохоренко; под ред. Г.А. Тишкин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.

²⁴ Например, в марте 1811 г. при посредничестве министра А.К. Разумовского обсуждался вопрос о распределении (прикомандировании) одного из выпускников ПИ к Академии наук для занятий анатомией. Секретарь Академии Н. Фус из-

Через канцелярию министра народного просвещения выстраивались межведомственные связи университета с Военным и Морским министерствами, МИД с его департаментами, Министерством юстиции, органами высшей полиции — Третьим отделением и его преемниками, а также канцелярией Наместника царства Польского, Собственной Его Императорского Величества канцелярией и т.д. Поэтому в архиве Третьего отделения, например, оказываются ценнейшие документы о полицейском наблюдении и преследовании универсантов, которые не дублируются в основных фондах МНП, за исключением канцелярии министра²⁵. Министерство действовало с одобрения высших административных органов империи, поэтому «вертикальные» связи университета продолжают в фондах Комитета министров и Сената, обсуждавших и утверждавших важнейшие университетские реформы.

Под «фондообразователем» при таком подходе следует понимать не только университет как институцию в определенных ему законодательных рамках учебно-научно-административной деятельности, но и университет-сообщество. Поэтому к Большому архиву университета мы должны присоединить и *личные архивы* представителей университетского сообщества. Десятки самостоятельных личных фондов профессоров университета находятся в составе ряда центральных (РГИА, РО ИРЛИ, ОР РНБ, ОПИ ГИМ, СПб филиале архива РАН и т.д.) и неучтенного множества провинциальных архивов. Особо отметим архивы историков университета, содержащие материалы к исследованиям и неопубликованные труды²⁶.

вещал конференцию ПИ, что «если кто-либо из студентов оного, окончивших курс наук, имеет желание и способности занять место воспитанника Императорской АН по части анатомии и физиологии, тот может явиться... для предварительного испытания». См: ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 802. В дальнейшем фиксируются и обратные переходы «воспитанников Академии наук» в статус студентов ПИ. Эти миграции отражают переходное состояние учебных институций, существовавших при Академии наук в XVIII в., и нуждаются в дальнейшем изучении.

²⁵ Делопроизводство полицейских учреждений, имеющее отношение в том числе к С.-Петербургскому университету, рассредоточено между Секретной канцелярией МНП (РГИА. Ф. 735. Оп. 10) и фондами III отделения СЕИВК (ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив). Например, громкое «дело петрашевцев», к которому были привлечены более 20 студентов и выпускников университета, отражено в обоих названных фондах (ф. 109 (Секретный архив III отд.). Оп. 1а. Д. 64–67; РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 223.

²⁶ См.: РГИА. Ф. 878 (С.С. Татищева). Оп. 1. Д. 77, 78. Здесь представлены материалы к работе «Социально-революционное движение в России. Судебно-поли-

Не меньшее значение имеют архивы государственных администраторов всех уровней, стоявших над университетом. В качестве яркого примера укажем архив С.С. Уварова (ОПИ ГИМ. Ф. 17), бывшего в 1810–1821 гг. попечителем Санкт-Петербургского университета, а в 1833–1849 гг. министром народного просвещения и идеологом университетских реформ.

Частью Большого архива являются архивы неформальных сообществ внутри университета: научных, литературных, досуговых кружков, а также общественных объединений, так или иначе связанных с университетом.

В Большой архив Петербургского университета встраиваются архивы других университетов, которые включают документы, раскрывающие межуниверситетские (горизонтальные) связи. Эти связи состояли в обмене информацией о вакансиях, защитах диссертаций, вышедших книгах, исключенных и неблагонадежных студентах, в денежных взаиморасчетах также в практике академических миграций, как студенческих, так и профессорских.

К Большому архиву университета примыкают фонды гимназий, не только за период, когда университет осуществлял прямое кураторство над подведомственными учебными заведениями (1804–1835), но и позже, когда гимназии утрачивают прямую подчиненность университету и изменяется характер связи университета с ними. Гимназические учителя, как правило, оставались в личной связи с университетом, в котором они получили образование. Именно в университет они представляли для обсуждения «исторические записки» о гимназиях, учебники и учебные пособия, диссертации на соискание ученых степеней. Провинциальным учителям из числа казеннокоштных выпускников Педагогического института и университета в Петербурге предоставлялось право лечения в столице. Они имели возможность определить своих детей в университет на казенную стипендию, а случалось, и сами стремились перебраться в столицу, опираясь на университетские клиентальные связи и протекцию. Университет продолжал влиять на определение пенсий учителям, вынося оценку их деятельности, поскольку за ним сохранялась функция лицензиро-

пейская хроника. 1861–1871», в том числе о студентах в революционном движении. Здесь же фонды профессоров и историков университета В.В. Григорьева (ф. 853) и С.В. Рождественского (ф. 1037), в РО ИРЛИ — архив ректора университета П.А. Плетнева (ф. 234) и еще десятка профессоров.

вания учебной деятельности средних учебных заведений. Связи Петербургского университета с подведомственными училищами в рамках учебного округа отражены в провинциальных архивах Архангельской²⁷, Вологодской²⁸, Олонецкой²⁹ и других губерний, в фондах Дирекций народных училищ, смотрителей народных

²⁷ Государственный архив Архангельской области (ГА АО). Ф. 61 (Директор народных училищ Архангельской губернии); ф. 1995 (Смотритель Каргопольского уездного и приходских училищ).

²⁸ Государственный архив Вологодской области (ГА ВО). Ф. 438 (Директор народных училищ). До 1825 г. Вологодская губерния входила в состав Московского учебного округа, соответственно, часть фонда отражает провинциальные связи Московского университета. Здесь — рапорты директора училищ в правление университета по финансовым вопросам, в училищный комитет по вопросам преподавания, представления о награждении учителей, отчеты о проведении публичных испытаний, переписка о печатании учебных книг в университетской типографии и т.д. (ГА ВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 617).

Переписку с директорами училищ вел ректор университета. Иногда предмет переписки выходил за территориальные рамки управления округом. Так, в ноябре 1832 г. ректор Петербургского университета разослал объявление о наборе желающих поступить преподавателями русского языка и словесности в училища Царства Польского. Только среди учителей Вологодской губернии нашлось четверо пожелавших туда отправиться (ГА ВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 708. Л. 11, 15). В 1821 г. в Олонецкой и Архангельской дирекциях училищ был объявлен набор для замещения уже не учительских, а профессорских вакансий по кафедрам истории, географии и статистики в Харьковском университете. Конференция Петербургского университета назначила кандидатами на вакантные места старших учителей Архангельской гимназии Е.П. Смирнова и К.В. Васильева и старшего учителя Олонецкой гимназии И.Ф. Яконовского. Они были выпускниками Педагогического института, обязанными службой по Министерству народного просвещения, но от перемещения в Харьков кандидаты отказались по «слабости здоровья». См.: Кизель Н.К., Мазюкевич В.И. Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназии (1811–1911 гг.). Архангельск, 1912. С. 33.

²⁹ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 17 (Директор народных училищ); ф. 335 (Инспектор народных училищ 5-го района Олонецкого уезда); ф. 422 (Смотритель народных училищ Олонецкого и Лодейнопольского уездов). Университет, случалось, выступал арбитром в разрешении конфликтов между учителями, а также между учителями и гимназистами. Так, в 1832 г. правление Санкт-Петербургского университета разбирало конфликт между учителями Олонецкой гимназии В.М. Копосовым и Пелабоном, который разыгрался из-за оскорбления последним ученика (НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 2/8. Л. 495–498). Директорам училищ предписывалось докладывать правлению университета обо всех сколь-нибудь значимых происшествиях, учебных и дисциплинарных конфликтах (НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 2/3. Л. 435).

Благодарю Е.А. Калинин за сведения о фондах училищных дирекций Санкт-Петербургского учебного округа.

училищ и др. Административное кураторство университета над училищами округа прекратилось в 1835 г., но это не означало прекращения научно-учебных и персональных связей. Продолжалось и участие профессоров университета в ревизиях училищ.

Документы, отражающие горизонтальные связи университета с петербургскими гимназиями, можно обнаружить в фондах гимназий. Прежде всего это формуляры учителей, которые по совместительству преподавали в университете³⁰. Это были или недавние выпускники университета в статусе магистров и адъюнктов, преподававшие специальные предметы, или лекторы языков, одновременно служившие в университете и городских гимназиях. В соответствующих фондах также отражены связи университета с Царскосельским лицеем, духовными и военно-учебными заведениями столицы.

Издательские и литературные связи университета и участие его профессоров в цензурной и журнальной деятельности отражаются в фондах цензурных комитетов, архивах отдельных изданий.

Идеологический контроль над сообществом в советские годы отражен в фондах партийных и комсомольских организаций университета, в документах руководящих партийных органов (в ЦГА СПб и ЦГА ИПД). Визуальная топография университета и портретная галерея университетов представлены в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга, в архиве Музея истории СПбГУ. В фондах университетских музеев сконцентрирована наглядная биографика университета (благодаря приему на хранение не только письменных документов, но и вещей, приборов, целых профессорских кабинетов), а также «первичная историография» в виде коллекций интервью, неопубликованных воспоминаний и анкет, отражающих опыт самоосмысления сообществом своей истории в XX в.

Не забудем и о не поддающихся учету частных коллекциях, пока не принятых на хранение. Существует, в конце концов, устная «память сообщества», зафиксированная на подходящих носителях или вообще еще не зафиксированная, рассеянная.

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 114 (Петроградская первая мужская гимназия. 1830–1918). Д. 292, 197а, 262, 305, 324, 334, 389, 446. Там же. Ф. 174 (Петроградская мужская 2-я гимназия). Д. 54, 44, 150, 300. Там же. Ф. 439 (3-я мужская гимназия). Д. 39–40, 274, 376, 394. К сожалению, фонды городских гимназий ведомства МНП за первую половину XIX в. плохо сохранились.

Трудно даже приблизительно определить количество единиц архивного хранения по всем архивохранилищам, которые могут иметь отношение к истории Петербургского университета, просто потому, что это отношение может проявиться в содержании дела, но не в его описании или присутствовать в документе контекстуально. Тотальный же просмотр и чисто формальная систематизация сотен тысяч дел в десятках архивохранилищ страны, включая провинциальные архивы, практически невозможны. Также невозможно количественно выразить персонифицированные связи общества по составу *личных* фондов.

Таким образом, Большой архив Санкт-Петербургского университета, как и других российских университетов, — это воображаемое открытое хранилище памяти, рамки которого очерчены нашими представлениями о нем, которые, в свою очередь, определяются нашим пониманием феномена университета. Поэтому, исследуя конкретный отобранный комплекс, исследователь должен понимать, какое место внутри Большого архива он занимает. Это предостережет историка от упрощений.

Внимание историков к архивам и фондам, содержащим документы об университете, до сих пор распределялось неравномерно, с явным приоритетом в отношении министерских фондов РГИА, прежде всего фонда 733 (Департамент народного просвещения), вобравшего в себя делопроизводство многих подразделений министерства. Уже собственно университетские фонды, сложившиеся по территориальному принципу в архивах университетских городов, используются менее активно. Это в полной мере касается не только фонда Педагогического института, о котором далее пойдет речь (ЦГИА СПб, ф. 13), но и фонда Петербургского университета (ЦГИА СПб, ф. 14).

Поиск внутри огромного фонда Департамента народного просвещения сам по себе непросто. Названия дел, касающиеся чиновников университета или отдельных происшествий, разбросаны по многим описям этого фонда, в том числе среди общих дел: описи 1, 3, 18, 225 (формулярные списки), 86, 87. В составе описи 95 фонда 733 — ежегодные отчеты, в том числе отчеты по Петербургскому учебному округу с 1804 г. и отчеты Санкт-Петербургского университета с 1827 г., формулярные и именные списки профессоров и университетских чиновников. Интересны дела описи 93 по второму Главному педагогическому институту (1828–1859) в силу связанности его с университетом. Здесь же представлены сборни-

ки документов из уничтоженных дел за первую половину XIX в., сгруппированные по отдельным округам³¹.

Вообще можно говорить о «связанности» фондов разных архивохранилищ в их отношении к одному университетскому событию или персоне. Так, например, история эвакуации Педагогического института в Петрозаводск в 1812 г. может быть детально реконструирована только путем комплексного изучения материалов фондов РГИА, ЦГИА СПб и НА РК. Публикация документов об этом событии, предпринятая К.А. Военским в свое время, остается неполной, т.к. учитывает документы только министерского архива³². Между тем в фонде Педагогического института есть еще несколько содержательных дел об этом эпизоде³³.

Изучение университетской повседневности или университетских биографий эффективно только при объединении таких «связанных» материалов, как формулярные списки, дела об увольнении и переводе профессоров, исключении студентов, которые присутствуют как в РГИА, так и в фондах ЦГИА СПб и существенно дополняют друг друга. Таково дело А.В. Ржевского, в прошлом стипендиата Педагогического института, учившегося за границей, затем экстраординарного профессора зоологии. Ржевский оставлял службу дважды. Он увольнялся из ГПИ в 1817 г. «по слабости здоровья», казалось, что навсегда, но впоследствии вновь был приглашен в университет, преподавал еще 14 лет, впрочем, без особого успеха, «отстав от науки», в связи с чем был уволен окончательно во время кадровой реформы С.С. Уварова³⁴.

Архив Педагогического института как часть университетского архива

От общего разговора о границах университетского архива уместно перейти к частному — об архиве Педагогического института,

³¹ См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 1144.

³² Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 г.: документы архива Министерства народного просвещения, собранные и изданные под редакцией начальника архива Министерства народного просвещения К.А. Военского. СПб., 1912. С. 379–405. Публикация вводит в научный оборот материалы РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 310, 311, 315, 316.

³³ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1262, 1268, 1271; Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 892.

³⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 189; ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 763, 1581, 1772.

образующем отдельный фонд в ЦГИА СПб³⁵. Этот фонд почти не привлекал внимания исследователей. Отчасти именно поэтому «единая история» Санкт-Петербургского университета пишется столь противоречиво и обнаруживает не только хронологические, но и смысловые разрывы. В единственном систематическом указателе архивных материалов по истории университета за 1819–1917 гг.³⁶ этот фонд не учтен даже в связи с персоналиями профессоров, начинавших в нем свою карьеру. Такой подход не просто отсекал историю одного учреждения (ПИ и ГПИ) от истории другого (СПУ), но и создавал искаженное представление об истории университетской корпорации, которая в лице своих профессоров, магистров и студентов, связанных и с тем, и с другим учреждением, была *единой*. Известно, что первый выпуск СПУ, в 1822 г., состоял из студентов, поступивших еще в ГПИ на 6-летний курс обучения в 1817 г. Некоторые из них, в частности первые студенты кафедры восточных языков, были оставлены для преподавания в университете в звании кандидатов, другие пополнили штат преподавателей университетского Благородного пансиона. Даже те студенты, которые в ходе пристрастного «разбора» Д.П. Рунича были признаны неспособными окончить университет, впоследствии восстановили право на учительское звание и классный чин, соответствовавший выпускнику университета³⁷.

Статус Педагогического института, считавшегося «отделением» будущего университета, определил специфику его администрирования. Первое Положение об институте 1804 г. не было аналогом университетского устава и содержало лишь краткое описание системы управления им, штатного состава, правил для воспитанников³⁸. Однако на практике деятельность ПИ выходила за рамки, которые предлагал этот краткий документ, и постепенно развивалась в сторону университетского типа самоуправления.

³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 13 (Главный педагогический институт). 4302 ед. хр. Хронологические рамки фонда — 1804–1859 г.

³⁶ Материалы по истории Ленинградского университета. Обзор архивных документов / сост. А.Х. Горфункель, С.Н. Семанов; под ред. С.Н. Валка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.

³⁷ Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. 301–309, 236–342.

³⁸ Об учреждении Педагогического института в С.-Петербурге, 16 апреля 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1802–1825. СПб., 1864. Стб. 205–228.

Уровень преподавания в ПИ был не ниже университетского, несмотря на отсутствие факультетов и специализации по разрядам наук, которые его выпускникам предстояло преподавать в дальнейшем. Фактически же ПИ (с 1817 г. ГПИ) выполнял миссию не только общеимперского центра подготовки учителей, но и профессорского института. Его выпускники заняли кафедры как в самом институте, так и в университетах: Петербургском, Казанском, Харьковском. Опыт ПИ со специфическими особенностями его столичного положения, администрирования и педагогического профиля подготовки студентов унаследовал Петербургский университет после 1819 г.³⁹

ПИ на практике осуществлял многие функции университета, включая апробированные другими университетами формы публичности (открытые экзамены, открытые для публики торжества, чтение публичных лекций, частных профессорских курсов⁴⁰), а его немногочисленная профессорская корпорация успешно решала задачи управления учебной, научной, училищной и хозяйственной частью данного учебного заведения.

Фонд ПИ–ГПИ отражает персональное делопроизводство о студентах и профессорах, которые впоследствии были связаны не только с Петербургским университетом, но и с другими университетами империи, этапы оформления корпоративности и адаптации приглашенных профессоров-иностранцев в русской службе.

Принципы академической свободы, заложенные в первых университетских уставах, отражались и в деятельности ПИ, в частности в присвоении конференцией ПИ, подобно советам университетов, ученых степеней, подтверждении дипломов, выданных заграничными университетами разным лицам (это требовалось при их вступлении в русскую службу). Конференция института формировала специальный комитет испытаний, который в столичном городе заседал практически непрерывно, экзаменуя чиновников, желающих сдать «экзамен на чин» по силе указа 6 августа 1809 г. Кроме того, конференция занималась организацией лекций для тех же чиновников, выдачей аттестатов об экзаменах. Конференция также участвовала в делах управления училищами

³⁹ Подробнее см.: Жуковская Т.Н. Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге (1803–1819) // КЛИО. Журнал для ученых. 2013. № 10 (82). С. 15–25.

⁴⁰ См.: ЦГИА СПб. Ф. 13. Д. 967. Л. 1–2.

округа, несмотря на положение о действии прямого попечительского управления до окончательного «устроения» в столичном округе университета. С момента учреждения ПИ визитаторами в училища округа направлялись его профессора. Все это говорит о разностороннем влиянии ПИ на образовательную и интеллектуальную жизнь Петербурга и всего Северо-Запада.

Судьба интересующего нас архивного фонда отразила концептуальные и методологические противоречия, свойственные университетской историографии. Во время передачи фонда ПИ–ГПИ на государственное хранение и его обработки, т.е. в конце 1920-х — 1930-х годах, представление о связанности истории СПУ с учебными заведениями-предшественниками, отличавшее университетских историков и архивистов 1840–1910-х годов, было забыто. Архив ПИ был выделен из архива СПУ в самостоятельный фонд, к которому истории университета надолго потеряли интерес.

Сравнительное изучение состава обоих фондов (ф. 13 и ф. 14 ЦГИА СПб) с точки зрения отражения в них повседневной жизни корпорации дает основания считать, что архивный комплекс, образованный деятельностью ПИ до 1819 г., и архив СПУ после 1819 г. связаны по своей структуре и содержанию, а фонд 13 является неотъемлемой частью Большого архива Санкт-Петербургского университета. Чтобы аргументировать тезис о нераздельности этих фондов, рассмотрим состав и историю архива ПИ–ГПИ.

Прежде всего остановимся на особенностях комплектования, хранения и первичной обработки делопроизводства ПИ, которое воспринималось университетскими архивариусами XIX в. как часть общеуниверситетского архива. Делопроизводство ПИ хранилось компактно в зданиях университета вместе с архивом собственно университета, а также архивом второго Главного педагогического института, существовавшего в 1828–1859 гг. в одном здании с университетом. Последний был присоединен к делопроизводству ПИ–ГПИ, как и делопроизводство бывшего Второго отделения ГПИ, названного Учительским институтом и недолго просуществовавшего уже в составе Петербургского университета (1820–1822). Комплексы дел ПИ и ГПИ систематизировались и описывались университетскими архивистами по крайней мере дважды: в 1830-х годах и в 1927–1928 гг.

С 1927 г. архив Педагогического института вместе с архивом Санкт-Петербургского университета поэтапно передавался в Ленинградский областной архив (ЛОА), преобразованный в 1936 г. в

Ленинградский областной государственный исторический архив (ЛОГИА). Окончательная обработка делопроизводства ПИ–ГПИ, как и архива СПУ, производилась уже архивистами ЛОГИА, в ходе ее часть архивных дел, определенных как малоценные, была уничтожена, а архивные комплексы разделены на два самостоятельных фонда: 13 (Главный педагогический институт) и 14 (Петроградский университет).

Свой настоящий вид фонд 13 приобрел в 1960-х годах, когда было закончено его научное описание. Чуть раньше был описан фонд Петроградского университета, а также фонд канцелярии попечителя Петроградского учебного округа (ф. 139), включающий не менее важные комплексы документов по управлению ПИ и СПУ. То есть исследователи получили возможность работать с делопроизводственными документами ПИ лишь через 140–150 лет (!) с момента формирования архива. Но и за последние полвека интерес историков к нему был настолько мал, что, по моим наблюдениям, в листах использования 75–80% архивных дел не появилось ни единой записи исследователей. В работах по истории университетов ссылки на документы этого фонда до сих пор единичны, и лишь отдельные документы по истории ПИ опубликованы⁴¹.

К фонду 13 были присоединены дела, относящиеся к «переходному» 1819 г. и даже к 1820 г., когда формально уже произошло преобразование ГПИ в университет, но протоколы заседаний его конференции, правления, комитета испытаний, хозяйственные записи велись прежним порядком, буквально в тех же самых журналах⁴². Это говорит о том, что на этапе обработки архива документы одного учреждения отделялись от другого чисто механически, не производилось переброшюровки «сложных» по составу дел, выходящих за формальные и временные границы «ликвидации» ГПИ⁴³.

⁴¹ См.: Высшая школа Санкт-Петербурга. XIX — начало XX века: сб. документов. СПб.: Лики России, 2007. Док. 3, 6, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 16, 22, 24. Документы по истории Педагогического института относятся к ф. 13 и ф. 139 (Канцелярия попечителя Петроградского учебного округа) в ЦГИА СПб.

⁴² ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3020, 4275, 4276. Последние два дела — это описи входящих бумаг, обсуждавшихся в конференции университета, которая с 1821 г. была преобразована в Совет университета. Безусловно, они относятся к делопроизводству СПУ, но не ГПИ. В то же время сами эти описи — результат первичной архивации части делопроизводства, относящейся к 1820-м годам.

⁴³ См.: ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2842, 2963, 2964, 4232, 4252, 2875, 2785, 2812. Естественно, что долговременный подрядчик института шил сапоги несколько лет

Более того, в состав фонда 13 включены и дела, начатые и оконченные уже *после* ликвидации ГПИ и образования университета. Представляющие собой делопроизводство именно университета, они должны были бы попасть в фонд 14, но не попали⁴⁴. Это можно объяснить только тем, что они были ошибочно присоединены к делопроизводству ПИ–ГПИ еще университетскими архивистами и с тех пор от него не отделялись. Попав в ЛОГИА, два фонда — 13 и 14 — обрабатывались разными группами архивистов в разное время или без тесного взаимодействия.

История фонда 13 во многом объясняет его нынешние структуру и состав, редкую степень сохранности и, что важно для исследователя, аутентичность архивных дел документированной реальности.

Собственно делопроизводство ПИ за 1804–1816 гг. и ГПИ за 1817–1820 гг. составляет примерно 2/3 объема фонда 13, или порядка 1960 единиц хранения. Другая часть этого фонда, или около 1500 единиц хранения, относится к делопроизводству второго Главного педагогического института, действовавшего в 1828–1859 гг. и размещавшегося в одном здании с университетом (далее: ГПИ–2). То есть архивы двух *различных и разновременных* учреждений, носивших одно название и не связанных иной преемственностью, кроме названия и основного назначения — готовить учителей, были объединены в один фонд. И наоборот, делопроизводство ПИ и делопроизводство СПУ — учреждений, объединенных отношениями юридической преемственности и имевших по крайней мере один состав профессоров, одну канцелярию, один архив, — оказались разделены по разным фондам. Этим положением мы обязаны ошибке университетских архивистов 1920-х годов, которые сочли возможным соединить в один фонд архивы двух никак не связанных между собой Педагогических институтов. Но при этом архивисты выделили делопроизводство Благородного пансиона, существовавшего в 1817–1818 гг. при ГПИ–1, а в 1819–1830 гг. — при университете, в самостоятельный фонд (ЦГИА СПб. Ф. 67:

для одних и тех же студентов, независимо от изменения статуса учреждения. Точно так же опека детей институтских служителей-инвалидов как черта «семейного стиля» простиралась на них и после переименования института в университет.

⁴⁴ См., например: ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2966, 2982, 3001, 3003. Всего около 100 подобных дел, не считая дел, касающихся только Учительского института при университете, действовавшего в 1820–1822 гг.

Благородный пансион при СПб университете). Делопроизводство Благородного пансиона до 1821 г. практически не сохранилось.

Соединение архивов двух Педагогических институтов, с одной стороны, и отделение архива ГПИ–1 от университетского, с другой, произошло не в XIX в., а именно в 1920-х годах. Попробуем это доказать. Описание и обработка делопроизводства ПИ–ГПИ–1 вообще прошли три стадии, о чем можно судить на основании сохранившихся в самом фонде 13 старых описей «двух поколений», предваряющих современную опись «третьего поколения».

Ранние описи дел ПИ и ГПИ–1 (описи «первого поколения») относятся к 1830-м годам, и сохранились они, видимо, не все. В нынешнем составе фонда старых описей 17 томов⁴⁵, причем только первые десять (Д. 4278–4287) имеют отношение к делопроизводству ПИ–ГПИ–1, а остальные — к делопроизводству ГПИ–2. В то время когда они составлялись, ГПИ–2 размещался в одном здании с университетом, но он был действующим учреждением, поэтому смешать текущее делопроизводство с исторически оконченным и принадлежащим другому учреждению было невозможно. В то же время архив ПИ–ГПИ–1 в 1830-х годах не был логически отделен от университетского архива и объединялся с ним территориально. В старых описях хронологическая и делопроизводственная граница между университетом и ГПИ–1 оставалась размытой, что было воспроизведено и еще более запутано в описях «второго поколения».

Описи «второго поколения» составлялись в конце 1920-х годов во время ревизии и подготовки к сдаче всего дореволюционного университетского архива, включая делопроизводство ПИ–ГПИ–1 и ГПИ–2. Количество делопроизводителей в это время было значительно больше, но опыта и квалификации у них, видимо, было меньше. Производилась проверка наличия дел по описям 1830-х годов (в последних кое-где стоят пометы «нет»), но насколько тщательной она была, трудно сказать, поскольку сегодня не все старые описи доступны для читателя из-за их плохой сохранности. Поэтому размеры утрат за первые сто лет истории архива невозможно установить с точностью.

⁴⁵ Старые описи XIX в. представляют собой журналы в твердом переплете, заполненные одним или двумя почерками на бумаге с водяными знаками 1831 и 1832 гг. Судя по заверочным записям в конце каждого журнала, описание производилось в основном помощником архивариуса коллежским секретарем И. Пахомовым и было выполнено в довольно короткие сроки.

В 1927–1928 гг. было составлено несколько томов описей на основании старых, дореволюционных. Из них в составе фонда 13 сохранилось восемь. При втором описании делопроизводство института было, так сказать, переформатировано. Если в дореволюционных описях дела фиксировались в хронологическом порядке, то в описях 1920-х годов они фиксировались в зависимости от того, к какому подразделению ПИ–ГПИ–1 относилось делопроизводство: конференции института, правлению, училищному комитету или комитету испытаний. В ряде описей оказалась «россыпь» дел, список которых не подходит ни под предметный, ни под хронологический принцип описания. Так, в одну опись были объединены дела о распределении и приеме выпускников, которые велись как комитетом испытаний, действовавшим в ПИ в 1805–1818 гг., так и комитетом под тем же названием, который существовал в ГПИ–2⁴⁶. Архивисты 1920-х годов ошибочно присоединили к делопроизводству ГПИ–1 даже «алфавит делам» Историко-филологического института, существовавшего в 1867–1918 гг. в здании, отошедшем потом к университету⁴⁷. Это свидетельствует о спешке, в которой проводился в 1920-е годы разбор университетских архивов. Сложность работы с ними усугублялась тем, что из-за недостатка места дела с XIX в. хранились в связках, по несколько десятков, а то и по сотне мелких дел в каждой.

Описи 1927–1928 гг. превращались в сдаточные описи при передаче архива из университета на государственное хранение и использовались при дальнейшей обработке фонда в стенах ЛОА–ЛОГИА–ГИАЛО.

Они были сведены в единственную опись фонда 13 «третьего поколения», которая представляет собой современное научное

⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4301. Старая опись 1. Т. 22 (Правление, Конференция, Комитет испытаний. 1805–1842). В эту опись выделено делопроизводство указанных подразделений ПИ за 1805–1813–1818 гг. Но здесь же оказались исходящий журнал и протоколы правления ГПИ–2 за 1837–1838 и 1846 гг. В силу трудности механического объединения делопроизводства по сути разных учреждений нумерация дел в описи многократно исправлялась.

⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4302. Л. 106. Эта показательная ошибка еще раз подтверждает, что архивы Историко-филологического института и университета, как и архивы ГПИ–1 и ГПИ–2, до этого времени были территориально нераздельны в университетских зданиях. Историко-филологический институт в декабре 1919 г. был включен в состав Первого Петроградского университета, объединение их архивов произошло механически, но было недолгим.

описание объединенного фонда ПИ, ГПИ–1 и ГПИ–2. Описание было закончено в 1960-х годах, уже после описания дореволюционного архива Санкт-Петербургского университета, образовавшего фонд 14. Завершение этой работы было отмечено первым и единственным изданием тематического указателя материалов по истории Санкт-Петербургского университета⁴⁸. Третий этап обработки этого комплекса оказался столь продолжителен ввиду огромного объема университетского делопроизводства. Об изъятиях, произведенных на этом этапе обработки фонда ПИ–ГПИ–1, свидетельствуют пометы в описях «второго поколения». Против уничтоженных дел стоит штамп «уничтожено», а еще часть дел, предложенных к уничтожению (против них в описях 1920-х годов ставилась помета «У» с вопросительным знаком), разборочная архивная комиссия ЛОГИА сохранила⁴⁹. О размерах ликвидированной в 1937–1938 гг. части фонда можно судить по стандартным штампам об уничтожении дел, проставленным в старых описях. По предварительным наблюдениям, архивистами ЛОГИА было уничтожено до 1/5 всех архивных дел, принятых в 1927–1928 гг. из ЛГУ. Среди них документы текущего учета прихода и расхода («кассовые книги»), дела о приеме и переводе отдельных студентов, как правило микроскопические, на 1–2 листах.

Несмотря на случайные утраты и целенаправленные чистки, архив ПИ–ГПИ–1 как делопроизводственный комплекс сохранил свою уникальность и ценность для исследователя.

Прежде всего, его делопроизводство сохранило первоначальный исторический вид, и в этом заключается его отличие от делопроизводства министерского архива, которое несколько раз подвергалось вторичной обработке — и в XIX, и уже в XX в. Фонд 13 (как и фонд 14) отличается тем, что целостность и структура дел, сформированных университетскими архивариусами вскоре после их окончания, как правило, не нарушалась ни при передаче архива из ЛГУ, ни при его обработке в ЛОГИА. Абсолютное большинство дел сохранило оригинальные обложки и заголовки. Поэтому заглавия дел довольно часто отличаются от их названий, предложенных по современной описи фонда 13, которые формулировались архивистами середины XX в. с целью исчерпывающей передачи

содержания дел. Дела фонда 13 остаются мелкими (в основном по 2–4 листа) и дробными, так что «казус», начатый в одном деле, может быть завершен совершенно в другом. Это еще раз говорит в пользу того, что и при первом описании в 1830-х годах соединение мелких дел в крупные с их переброшюровкой не производилось, тогда как для архива МНП это была обычная практика. Архивариусы университета просто не имели возможностей и соответствующего распоряжения для приведения в порядок архива «другого» учреждения, уже закончившего свою историю. В момент составления первого описания архива ПИ было проще сохранить первоначальную множественность и дробность делопроизводства ПИ, чем перегруппировывать дела. Еще проще было избавиться от части архива, не следуя каким-то определенным принципам, кроме задачи сбережения пространства хранилища и времени архивиста. Можно предположить, что потери делопроизводства ПИ по этой причине были существенными. Так, в фонде 13 мы не найдем полных журналов заседаний конференции или комитета испытаний института ни за один год, а только разрозненные — за отдельные месяцы разных лет. Сложность группирования множества дробных дел, собственно, стала причиной того, что современное описание интересующего нас фонда было закончено так поздно.

По старым описям, точнее реестрам дел, составленным самими университетскими архивариусами, можно было бы установить, какая часть фонда 13 выбыла в XX в., если бы старые описи сохранились полностью. Но, во всяком случае, можно уверенно говорить о том, что в советское время ликвидировались отдельные мелкие дела, без переброшюровки оставшихся, однако не нарушалась целостность всего комплекса. За все время работы с фондом 13 мне не встретилось ни одного дела, сброшюрованного архивистами XX в. из нескольких оригинальных дел (а такие случаи в фондах МНП в РГИА встречаются) или, наоборот, утратившего какую-то свою часть. Дела в фонде 13 лежат по принципу: одно дело — один казус институтской жизни. При таком расположении усилия и намерения архивариуса начала XIX в. не стирались вмешательством архивистов новых поколений. Если учесть, что дела ПИ–ГПИ–1 не подвергались вторичной обработке за все время хранения, то можно считать каждое современное архивное дело фонда 13 комплексом документов, сложившихся сразу по завершении отраженного ими события — казуса университетской повседневности или университетского управления.

⁴⁸ Материалы по истории Ленинградского университета...

⁴⁹ См., например: ЦГИА СПб. Ф. Р–1. Д. 5, 15.

В фондах МНП архивные дела, имеющие отношение к ПИ–ГПИ–1, отложились внутри делопроизводства по управлению учебным округом. Они немногочисленны, образуют скорее коллекции дел, нежели комплексы, по 5–10 дел за каждый год (см.: РГИА, оп. 20). По такому же принципу собраны дела СПУ после 1819 г. (РГИА, оп. 20–27). Существенная их часть была сформирована архивистами 1950–1960-х годов в процессе составления указанных описей. В других описях фонда 733 (оп. 86, 87, 88), а также в фонде Главного правления училищ (ф. 732) документы по Петербургскому университету изначально являются частью общего делопроизводства по управлению училищами. Точно так же частью общего делопроизводства по управлению учебным округом являются документы по истории ПИ–ГПИ в фонде канцелярии попечителя Санкт-Петербургского учебного округа (ЦГИА СПб, ф. 139).

Фонды 13 и 14 в ЦГИА СПб представляют собой именно делопроизводственные комплексы, всесторонне отражающие структуру и направления деятельности ПИ–ГПИ и СПУ. Они формировались в стенах этих учреждений, и их целостность потом существенно не нарушалась, в том числе при передаче фондов на государственное хранение. В конце 1930-х годов, когда фонд находился уже в составе ЛОГИА, были уничтожены дела, которые представляли собой разрозненную массовую документацию или текущее внутреннее делопроизводство, суть которого, так или иначе, воспроизводилась при переписке с управляющими структурами.

Если внутри делопроизводства ПИ–ГПИ–1 производилось объединение казуальных дел в случае их содержательной связанности, то это делалось в то же самое время, к которому они относятся, т.е. совершалось не архивистом, а делопроизводителем-канцеляристом. Эта обработка мотивировалась не содержательными, а техническими требованиями и производилась в самом университете. Вероятно, долгое время функции канцеляриста-переписчика и архивиста выполнял один и тот же человек, находившийся в подчинении секретаря конференции института. Только в 1820–1830-е годы число помощников секретаря увеличилось.

Наиболее всеобъемлющим по компетенции и охвату решаемых вопросов и наилучшим образом сохранившимся внутри архива ПИ–ГПИ–1 является делопроизводство конференции института: погодные описи входящих и исходящих дел, а главное, журналы конференции. Кроме того, в каждом казуальном деле

встречаются выписки из журнала заседания конференции, на котором оно рассматривалось.

Содержание и структура журналов и меморий конференции и других ее исходящих документов во многом определялись персоной того, кто был ее секретарем. В 1805–1817 гг. эту должность занимал известный в прошлом издатель, литератор, переводчик Иван Иванович Мартынов⁵⁰. Не имея вначале должности профессора, он числился «преподающим эстетику». Однако он был фигурой влиятельной, что, по-видимому, закреплялось его общественными и ведомственными связями. Одновременно Мартынов являлся директором Департамента народного просвещения, впоследствии членом Главного правления училищ. Его влияние на управление институтом было велико и долговременно, поскольку после смерти первого директора института И.И. Коха в 1805 г. он фактически взял на себя не только переписку с попечителем от имени конференции, но и реальное руководство корпорацией профессоров. Это подтверждается самим фактом назначения нового директора института в течение следующих семи лет. Но и в директорство Е.А. Энгельгардта (1812–1816) влияние Мартынова на дела института не уменьшилось, не случайно его подпись под протоколами конференции ставилась прежде подписи директора и остальных профессоров.

Только с преобразованием ПИ в ГПИ и назначением его директором близкого министру А.Н. Голицыну Д.А. Кавелина установка сил в конференции, механизм принятия решений и в конечном счете содержание ее документооборота меняются. И.И. Мартынов же почти сразу увольняется от профессорства и покидает институт. В январе 1817 г. новым секретарем конференции ГПИ назначается Никита Иванович Бутырский, который, однако же, был учеником Мартынова и его преемником в преподавании эстетики, а также поэзии и риторики⁵¹. Бутырский исправлял секретарские обязанности до 1826 г., и после преобразования ГПИ в университет. Его опыт ведения переписки и делопроизводства

⁵⁰ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 55, 305, 1648; Теплова В.А. Общественно-политические взгляды и политическая деятельность И.И. Мартынова в конце XVIII — начале XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1965; Зорин А.Л. Мартынов И.И. // Русские писатели. 1800–1917. Т. 3. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 533–535.

⁵¹ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4264. Л. 2 об. — 3.

был вновь востребован в 1828 г., когда Бутырский назначается секретарем историко-филологического отделения университета.

Таким образом, в течение длительного времени переписку конференции и оформление ее решений осуществляли одни и те же люди. Режим делопроизводства, стиль и язык переписки устоялись в течение 11-летнего управления учебным округом С.С. Уварова (декабрь 1810 — июль 1821 г.). Записи в журналах конференции приобретают развернутость и стандартизированную последовательность, соответствующую порядку рассмотрения дел на заседаниях по степени их важности. Вначале — обсуждение предложений попечителя или представленных им конференции решений и запросов министерства, затем — текущие дела об учебных, кадровых, хозяйственных вопросах, успехах, поведении и распределении студентов, наконец, решения о формировании экзаменационных комиссий или итогах их деятельности. Внутри протоколов вшиты мнения профессоров по разным вопросам.

Отдельно сохранились рапорты (отчеты) профессоров-инспекторов о состоянии института, поведении и нуждах студентов. Особенно подробны они за первые 4–5 лет существования ПИ⁵². Резюмирующие части этих рапортов попадали в протоколы конференции.

Еженедельные журналы заседаний конференции велись аккуратно и сохранились полностью начиная с 1808 г. Они переплетены по годам без пропусков месяцев или отдельных заседаний⁵³. Журналы за 1804–1807 гг. в фонде 13 не представлены, но еженедельные мемории конференции за эти годы, представлявшиеся попечителю округа, отложились в его канцелярии⁵⁴. В отношении данного вида документов фонды 139 и 13 дополняют друг друга.

К материалам конференции примыкают и протоколы заседаний комитета испытаний, вернее множества комитетов, составившихся конференцией по выбору из числа профессоров и формируемых ситуативно для оценки познаний чиновников и всех заявивших о своем желании экзаменоваться. Испытания в науках

⁵² Например: ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 286. См. также Д. 26, 36, 60, 64, 74, 78, 79, 82, 88, 98, 115, 121–123, 135, 138, 149, 152, 163, 165, 190, 192, 225, 286, 350, 365, 436, 440 и т.д.

⁵³ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4212–4214, 4216, 4222, 4224–4226, 4229, 4230, 4232.

⁵⁴ Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 54, 60а, 81.

проходили в течение всего года, почти еженедельно, как для вольнослушателей-чиновников, ищущих чина коллежского асессора, так и для лиц, желающих получить права учителей и гувернеров. Специальные комиссии создавались и для проведения испытаний в науках обладателям дипломов иностранных университетов, что было условием успешного соискательства мест в российской службе. В 1805–1806 гг. по предложению попечителя П.А. Строганова впервые такое испытание было устроено Павлу Пезарровиусу для подтверждения степени доктора философии Иенского университета⁵⁵. Конференция ПИ по этому поводу предложила разработать специальные правила для испытаний на высшие ученые степени магистров, докторов и профессоров⁵⁶. В 1811–1819 гг. испытания на ученые степени магистров и для занятия должности адъюнктов устраивались в институте для собственных выпускников, в том числе вернувшихся из европейского академического путешествия⁵⁷.

Мемории комитета испытаний более полно представлены внутри канцелярии попечителя⁵⁸. Выборочно сохранились журналы хозяйственного комитета института, училищного комитета, созданного в ГПИ и занимавшегося надзором за подведомственными учебными заведениями. В фонде 13 выборочно представлены и журналы исходящих бумаг конференции института⁵⁹.

С образованием ГПИ, усложнением управления и приближением его к университетскому типу усложнилась и текущая документация. В 1817 г. в ГПИ было создано Правление института, поэтому с этого времени сохранилось упорядоченное финансово-хозяйственное делопроизводство правления⁶⁰. За период с 1804 по

⁵⁵ См.: ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 75. Павел Пезарровиус подтвердил свой диплом, полученный в 1797 г., причем держал испытания как устные, так и письменные, представив диссертацию, высоко оцененную профессором философии П.Д. Лодием.

⁵⁶ Там же. Л. 7 об.

⁵⁷ Жуковская Т.Н. Стипендиаты российских университетов в Европе в 1800–1810-х гг. (по письмам и дневникам) // Запад–Восток. Научно-практический ежегодник. Вып. 9. Йошкар-Ола, 2016. С. 59–95.

⁵⁸ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 920, 955.

⁵⁹ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4244.

⁶⁰ Там же. Д. 4246, 2842, 4249, 4247, 4248. Приведенные дела представляют собой амбарные книги большого формата, сохранившие оригинальные кожаные переплеты с золотым тиснением.

1806 г. сохранились лишь разрозненные финансовые документы, с 1807 г. и образования хозяйственного комитета ПИ до 1816 г. сохранились приходно-расходные книги комитета за отдельные месяцы.

Архивариус и политика архивирования университетской повседневности

Кроме конференц-секретаря, формулировавшего и транслировавшего коллективное мнение корпорации и в конечном счете определявшего содержание и язык исходящего документа, большую роль играл архивариус института (университета), обеспечивавший подшивку и хранение бумаг. Штат ПИ, да и штат университета до конца 1820-х годов не предусматривали должности архивариуса, первичную обработку дел по их завершении производил секретарь конференции института с помощником-канцеляристом. Один-два канцеляриста, нанятые по договору подряда, иногда на короткий срок, не имели отношения к университетской корпорации и воспринимали поток документов, которые они обрабатывали и переписывали, обезличенно. Показательно, что в делопроизводстве ПИ-ГПИ-1 состояние и проблемы его архива вообще не отражены.

Со временем расширялся штат и рос профессионализм университетских секретарей, канцеляристов, делопроизводителей, а главное, укреплялась их связь с университетской корпорацией. В 1812 г. из-за возросшего объема переписки кроме секретаря конференции учреждается постоянная должность письмоводителя. На нее был принят губернский секретарь Вицман, чиновник, не имевший отношения к институту⁶¹.

С преобразованием ПИ в ГПИ и назначением его директором Д.А. Кавелина у него появился собственный секретарь, в качестве которого был принят сын профессора Е.Ф. Зябловского Александр⁶². Сложившаяся прежде практика переписки попечителя учебного округа с конференцией профессоров дополнилась теперь перепиской с директором. Однако последняя не была регулярной и не выделялась в отдельное делопроизводство ни внутри университетского архива, ни внутри канцелярии попечителя.

⁶¹ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1102.

⁶² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 523.

С образованием СПУ кроме должности секретаря конференции университета (с 1821 г. совета университета) штатом предусматриваются должности правителя дел в университетском правлении и секретаря училищного комитета⁶³.

В 1825 г. при новом министре А.С. Шишкове документооборот университета еще более умножился, в связи с чем были учреждены должности секретарей факультетов (отделений) из числа профессоров с дополнительным жалованьем в 100 рублей⁶⁴. Секретарь совета получал 600 рублей, но также совмещал ведение протоколов совета с преподаванием. В помощь секретарю совета в первой половине 1820-х годов принимался помощник.

В это время многочисленные дела училищного комитета выделяются в отдельное делопроизводство, которое вели молодые университетские преподаватели: кандидат Волков, затем кандидат Иван Грацилевский, из числа казенных студентов, оставленных в статусе магистров с жалованием 1500 рублей в год⁶⁵. Последний сначала совмещал канцелярию с преподаванием восточных языков, но ввиду объема делопроизводства был освобожден от преподавания. Новые университетские чиновники использовались для письмоводства, однако вряд ли они занимались архивацией делопроизводства, поскольку отвечали только за одну его отрасль.

В 1826 г. должности секретаря правления университета и письмоводителя канцелярии попечителя учебного округа оказались совмещены неким Петровым, через два года должность секретаря правления занял будущий издатель, выпускник корпуса горных инженеров А.Н. Очкин. Если секретарь не справлялся с делопроизводством, он дополнительно нанимал «вольных писцов» со стороны и спрашивал им единовременное вознаграждение за переписку бумаг. В секретарской службе не было «мелочей». Документировалась даже покупка в 1833 г. портфеля секретарю училищного комитета, причем этот факт документально отражен не единожды⁶⁶. В 1839 г. Очкин был заменен бывшим библиотекарем Д. Умновым, который оставался секретарем университетского правления до середины 1850-х годов. В 1840-е годы в секретариате

⁶³ Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 200.

⁶⁴ Там же. Оп. 1. Д. 577, 586, 1252, 1379.

⁶⁵ Там же. Д. 1533.

⁶⁶ Там же. Оп. 3. Д. 4354.

совета постоянно работали уже один-два технических чиновника-делопроизводителя⁶⁷. Таким образом, в это время исправление должностей секретарей совета, правления университета и советов факультетов было достаточно долговременным, как и служба чиновников канцелярии университета (помощников секретарей). При этом последние не были включены в университетскую корпорацию. В 1850-х годах в правление, помимо основного секретаря, принимается «секретарь по студенческим делам».

Возможность соединить в одних руках обязанности письмаводства в канцелярии попечителя и в подразделении университета облегчалась тем, что тот и другой архив долгое время находились в одном здании. Взаимодействие университетской и попечительской канцелярий было постоянным, это позволяло запрашивать из университетского архива дела за определенные годы для восстановления лакун в архиве попечителя. Но от этого, безусловно, страдал университетский архив.

Штатная должность архивариуса в университете учреждается только накануне университетской реформы 1835 г. Важно, что она поручается не наемному чиновнику, а выпускнику университета Александру Мейеру⁶⁸. В 1840-х годах утверждается процедура регулярной архивации дел правления за каждое прошедшее пятилетие с составлением описей⁶⁹. Состояние запущенности архива с неразобранными за много лет делами с этого времени уходит в прошлое.

Самые ранние описи архива ПИ, как уже было сказано, относятся к 1830-м годам. Есть все основания полагать, что основные утраты архив ПИ понес до этого времени. В следующие сто лет была утрачена лишь небольшая часть делопроизводства ПИ, зафиксированного по описям 1830-х годов. Ее размеры остаются в пределах статистической погрешности. Например, по старой описи 1830-х годов при сверке оказалось утраченным всего одно дело из 300⁷⁰. Как явствует из справки архивного фонда, «в результате экспертиз фонда, проводившихся 2 декабря 1930 года и 25 апреля 1937 года, были выделены материалы, не подлежащие дальнейше-

му хранению»⁷¹. Но до этого целенаправленного сокращения объема архива ПИ–ГПИ в 1930-е годы, после передачи его на государственное хранение, он, видимо, не знал плановых чисток. Потери внутри этого комплекса, даже если они были объемны, диктовались случайными причинами (потеря, повреждение дел).

Впрочем, потери архива ПИ–ГПИ до его первого описания могли быть существенными из-за плохих условий хранения. Дела вряд ли учитывались в реестрах и правильно укладывались по шкафам за недостатком места хранения и специальной мебели. Архив и канцелярия ПИ долгое время находились в одном помещении, на 6-й линии Васильевского острова, в бывшем доме Учительской семинарии, где заседала конференция ПИ, затем совет и правление университета. Отсутствие следов систематизации первичных микроскопических дел или попыток сведения их в карты и папки объяснялось недостатком рабочих рук в институтской канцелярии, которая была поручена одному человеку (секретарю конференции) с одним-двумя помощниками. Можно предположить, что хранение и учет дел осуществлялись неудовлетворительно, с нарушением текущего законодательства о ведомственных архивах, правилах учета и хранения документов⁷². Это вело к неизбежным утратам и лакунам, масштабы и причины которых трудно определить. Мы никогда не узнаем точно, какая часть университетского архива, в том числе архива ПИ, погибла по небрежению, недостатку места, форс-мажорным обстоятельствам на первом этапе архивации и хранения, который продолжался до составления первых описей архива в 1830-х годах. Архиву уделялось слишком мало внимания, не слу-

⁷¹ Предисловие к машинописной описи фонда 13.

⁷² Это законодательство по силе Генерального регламента (1720) и Учреждения для управления губерниями (1775) требовало вносить в описи и алфавиты к описям дела, законченные производством, и сдавать их в ведомственный архив (ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. VI. № 3534; Т. XX. № 14392). См.: Шпилевская И.Н. История законодательства ведомственных архивов XVIII — XIX вв. // Академический архив в прошлом и настоящем: сб. научных статей к 280-летию Архива Российской академии наук / отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 219–225. За отсутствием «окончательного архива» для университетского делопроизводства оконченные дела много лет оставались неописанными. Как видим, долгое время университету и тем более ПИ–ГПИ–1 не хватало специального архивариуса, хотя в университетском уставе 1804 г. говорилось, что в административном отношении университеты уравниваются с коллегиями, значит на них было распространено и положение об архиве коллегий.

⁶⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 4744.

⁶⁸ Там же. Д. 4848.

⁶⁹ Там же. Д. 6991.

⁷⁰ Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4278. Л. 1. Против заголовка дела «О выборе конференц-секретаря преподающего эстетику колл. сов. Мартынова» стоит помета «нет».

чайню до 1850-х годов откладывается очень мало дел о состоянии и проблемах самого архива, за исключением дел о приеме на службу секретарей, архивариусов и канцеляристов.

Разумеется, негативно повлияли на полноту и целостность архива ПИ в Петербурге его эвакуация в 1812 г., переезды из одного здания в другое, наконец, наводнения 1824 и 1924 гг., в ходе которых серьезно страдали, а потом годами ремонтировались университетские здания. Наводнение 1824 г. надолго затруднило управление университетом, к тому времени рассредоточенным по нескольким адресам.

Утрата целых комплексов происходила и по причинам личного порядка. Иначе трудно объяснить тот факт, что в университетском архиве сохранилось сравнительно мало дел за 1821–1825 гг., относящихся ко времени попечительства Д.П. Рунича. В 1825 г., когда неуспех его строительных проектов, административных и идеологических нововведений был уже очевиден, предчувствуя свое карьерное фиаско, попечитель намеренно «запустил» дела канцелярии университета и своей собственной, чтобы в них трудно было разобраться. Не случайно во время ревизии университета в июле 1825 г., назначенной новым министром А.С. Шишковым, попечитель получил серьезное предупреждение о недолжном ведении и хранении дел совета и правления университета и дурном состоянии отчетности⁷³.

Однако в фонде 13 обнаруживаются и такие лакуны, которые никак не связываются со стихийными бедствиями. Например, здесь нет ни одного дела за 1816 г. Но это был последний год существования ПИ перед его преобразованием в ГПИ, в ходе которого увеличилась степень самостоятельности учебного заведения, изменились состав конференции и секретариат, количество подразделений внутри института. Дела за предыдущий год могли долго оставаться необработанными, а потом были либо включены в дела следующего года, либо ликвидированы нерадивыми канцеляристами.

Для архива МНП характерна общая инвентарная нумерация дел с пятизначными и шестизначными номерами, которая приводит к дореволюционными исследователями в справочном аппарате. Дела хранились в картонах, которых было несколько тысяч, по порядковым номерам. При этом архивы подразделений

МНП, которые ныне разнесены по разным фондам РГИА, не разделялись и общая нумерация соединяла, например, документы Главного правления училищ и Департамента народного просвещения. Таким образом, систематизация внутри всего министерского архива была только линейной, по хронологии.

В университетском архиве (ф. 14 ЦГИА СПб) дела тоже получали сплошную нумерацию, она была установлена во время первого описания архива. Это обстоятельство, как и неудовлетворительное состояние описей, затрудняло работу с этим фондом, поэтому в фундаментальном издании материалов по ранней истории университета количество дел, происходящих из университетского архива, минимально⁷⁴. Но важно, что формирование большинства архивных дел в обоих фондах, 13-м и 14-м, относится ко времени создания самих документов и с тех пор эти дела, в отличие от дел министерского архива в РГИА, не брошюровались заново и не объединялись массово.

Плановые чистки в министерском архиве и их результаты определить гораздо проще, они отражаются в старых описях. Так, в ф. 732 (Главное правление училищ) прямо в описях погодно отмечены выбывшие дела с изложением их содержания, в том числе касающиеся имущества и состава Петербургского университета. Эти чистки были проведены еще в середине XIX в.⁷⁵ Во многих дореволюционных описях фонда 733 (Департамент народного просвещения), не перерабатывавшихся в советские годы, относящихся к общему хозяйственному или кадровому делопроизводству, большая часть дел маркирована отметкой «выбыло», проставленной советскими архивистами. Эта помета означает их уничтожение, в отличие, например, от некоторых дел канцелярии министра о политическом надзоре, которые выбыли из ф. 735, будучи переданными в 1920-х годах в Москву, в Архив Октябрьской революции (нынешний ГАРФ).

⁷⁴ См.: Санкт-Петербургский университет в первое столетие... Отметим, что эта наиболее объемная на сегодняшний день публикация университетского делопроизводства включает в основном ту его часть, которая отложилась в делах Департамента народного просвещения и Главного правления училищ, за исключением всего нескольких документов, извлеченных из университетского архива, т.е. нынешнего фонда 14 в ЦГИА СПб. Публикация охватывает всего 12–15 первых лет деятельности университета.

⁷⁵ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Л. 24, 72–77 об., 106.

⁷³ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 88. Л. 60 об. — 61.

Фонд канцелярии попечителя (ф. 139 в ЦГИА СПб) также содержит лакуны, связанные с деятельностью ПИ: в нем отсутствует делопроизводство ПИ за 1810 г., но достаточно полно представлено за предшествующий и последующий годы. Можно предложить только одну версию столь явной некомплектности. В конце 1810 г. произошла смена попечителя, Н.Н. Новосильцов сдал управление округом С.С. Уварову, а документирование последнего года его попечительства осталось в небрежении, потому что чиновники его канцелярии, упорядочивающие дела, попросту не сделали свою работу при «смене власти» или же уволились вместе с патроном. Их преемники, возможно, сочли за лучшее необработанное наследство попросту уничтожить. По традиции чиновного разгильдяйства последний год попечительства Рунича (1825) также оказался совсем плохо задокументированным. Причина этого могла быть и во временном отсутствии архивариуса, отмеченном в источниках⁷⁶.

По способу документирования повседневности документы, имеющие отношение к ПИ и тем более ГПИ, мало отличаются от документов других университетских архивов, и в частности архива собственно Петербургского университета. То же самое можно сказать о той части делопроизводства ф. 139 (Канцелярия попечителя) и министерского архива (ф. 733, оп. 20, 86), которая относится к управлению ПИ–ГПИ. Основные формы и режим коммуникации конференции института и попечителя округа, утвердившиеся при С.С. Уварове, как и язык коммуникации, приближались к обычным университетским практикам. При этом в 1805–1812 гг., а также в 1816 г. и (недолго) в 1818 г. ПИ существовал без директора, что повышало ответственность и свободу самовыражения членов корпорации. Формально в это время старший из профессоров (им был В.Г. Кукольник) назначался председательствующим в конференции и правлении. Выше уже говорилось о том, что не менее важную роль в презентации дел института начальству и отстаивании его интересов играл конференц-секретарь профессор И.И. Мартынов.

В директорство Е.А. Энгельгардта (1812–1816) коллегиальность и свобода обсуждения вопросов внутреннего порядка, научных и учебных дел внутри конференции несколько не постра-

дали. Моральный авторитет и педагогический талант директора компенсировали отсутствие у него ученой степени и профессорства, он не отделял себя от корпорации. С Д.А. Кавелиным, не служившим прежде в системе просвещения, дело обстояло иначе. Но в попечительство С.С. Уварова между корпорацией ГПИ и его директором еще не намечалось разлада.

Вообще С.С. Уваров в своих распоряжениях и инструкциях конференции профессоров последовательно апеллировал к коллективному сознанию сообщества и призывал к свободному обмену мнениями, так сказать, прокламируя университетский стиль отношений. Не случайно в переписке с попечителем обе стороны постоянно отсылают к опыту других университетов или к университетским уставам, хотя ПИ считался лишь «отделением университета» и собственного устава не имел. Поводом для отсылки к общеуниверситетскому законодательству становились, например, вопросы о присутствии адъюнктов на заседаниях конференции⁷⁷, соотношении чинов и званий, получаемых выпускниками ПИ, праве именоваться студентами, форме дипломов и т.д.

Журналы и мемории конференции ПИ, сохранившиеся в фонде 13 и частично в канцелярии попечителя, позволяют проследить, как оформлялись отношения между ним и корпорацией, выстроить персональные характеристики членов профессорского сословия. Поскольку аналогичные документы за первое десятилетие существования университета (1819–1828) сохранились гораздо хуже, мы можем восстановить черты «ученого сообщества», персональный состав которого изменился за эти годы несущественно.

Профессора ПИ не ощущали себя на периферии университетского мира. В 1816–1818 гг. некоторые из них были привлечены С.С. Уваровым к разработке положения об ученых степенях, которая велась в Главном правлении училищ⁷⁸. В этой работе участвовали как иностранец на российской службе В.Г. Кукольник, так и

⁷⁶ Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. 163.

⁷⁷ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 831. В отношении С.С. Уварову об участии адъюнктов в заседаниях конференции министр А.К. Разумовский 2 мая 1812 г. писал: «В отвращение недоразумений, могущих встретиться... надлежит сообразоваться с университетскими уставами, по которым адъюнкты должны подавать голоса только по учебным предметам, в прочих же делах голоса не имеют...»

⁷⁸ Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обрела научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение. 2013. № 4. С. 92.

русские профессора ПИ Д.С. Чижов, М.Ф. Соловьев, Н.И. Бутырский, стажировавшиеся за границей в 1808–1811 гг.

Чтобы аргументировать принадлежность делопроизводства ПИ–ГПИ, а значит, отражаемой им исторической реальности к университетской культуре отношений, достаточно сравнить содержание протоколов конференции или каузальных дел с аналогичным делопроизводством университетов. Делопроизводство ПИ отличается не очень существенно, и эти отличия затрагивают процедуры внешнего управления и назначения чиновников, а внутрикорпоративные отношения, практики преподавания, лицензирования, обретения ученых степеней и званий практически не отличаются от университетских. Вступая в коммуникации с университетами Российской империи по вопросам распределения студентов, академических миграций, вакантных кафедр, обмена информацией и учеными сочинениями, ПИ выстраивал равные отношения. И, судя по архивным источникам, эти отношения были интенсивными и непрерывными.

Представления о равенстве статусов ПИ и университетов отражаются, например, в профессорских миграциях 1800–1810-х годов, когда профессор Харьковского университета (А.А. Дегуров) переходит в ПИ⁷⁹, а профессор ПИ (Г.Г. Терлаич), наоборот, переезжает в Харьков⁸⁰. Выпускник ПИ 1808 г. Г.Б. Никольский приглашается в Казань и через несколько лет становится адъюнктом, профессором, а затем и ректором Казанского университета⁸¹.

Язык университетских коммуникаций в документах Педагогического института

На материалах Казанского, Харьковского и Московского университетов Е.А. Вишленкова и К.А. Ильина сделали важные наблюдения о том, что формализация университетского делопроизводства, произведенная в 1820–1830-х годах, отразилась на языке

⁷⁹ РГИА. Оп. 49. Д. 80; Там же. Оп. 20. Д. 187, 274, 479; Там же. Оп. 22. Д. 60; ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1750, 1850.

⁸⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 109; Там же. Оп. 49. Д. 118; ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 881.

⁸¹ Ректоры Казанского университета. 1804–2004: Очерки жизни и деятельности / сост. и науч. ред. В.С. Королев. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. С. 45–55. ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 326.

коммуникаций между управляемыми и управленцами⁸². Опираясь на них, можно утверждать, что делопроизводственные документы 1800–1810-х годов (хранящиеся в архивах ПИ и ГПИ–1) — это тексты, созданные на до-формализованном языке. В силу этого они довольно отчетливо отражают культурно-психологические особенности пишущего и его персональное мнение о предмете изложения. Как правило, они произвольны по форме и звучат как прямая речь. В этих текстах легко улавливаются признаки корпоративных отношений.

Позволю себе привести в качестве примеров несколько образцов стиля и языка коммуникации, используемых членами раннеуниверситетского сообщества ПИ. Эти фрагменты извлечены из журналов конференции ПИ, казуальных дел, рапортов профессоров о состоянии института. Язык коммуникации и способ выражения мнений, как можно судить по приводимым ниже выдержкам из документов, отличались независимостью от бюрократического стандарта. Каждый из участников коммуникации (профессор, младший преподаватель, студент) оставался свободен в выборе языковых средств. Их высказывания на заседаниях почти дословно воспроизводились в мемориях конференции, отправляемых попечителю.

26 января 1807 г. на заседании конференции института обсуждался вопрос, не запретить ли студентам 1-го и 2-го отделений «кондиции», т.е. частные уроки, которые они к тому времени уже давали в домах петербургской знати (в том числе в домах попечителей М.Н. Муравьева и П.А. Строганова), поскольку «кондиции» могут назначаться «в часы преподавания в институте общих учебных предметов». Против «кондиций» резко высказался профессор К.Ф. Герман. Воспроизведение его речи конференц-секретарем передает даже интонацию «ученого немца»: «Отнюдь нельзя позволять сим студентам учить на стороне, не зная основательно преподаваемого ими предмета. Студенты все время пребывания в институте должны посвятить только на приуготовление себя к учительской должности. <...> Студент должен быть студент, так как профессор должен быть профессор, ремесленник должен быть ремесленник». Другие члены конференции рассудили, что нельзя стеснять студентов, а стоит запретить иметь «кондиции» только

⁸² Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Университетское делопроизводство как практика управления...

в течение первого года обучения. Когда же студенты будут «узнаны» в их достоинствах и способностях, можно «разрешить кондиции, особенно если будет просить об нем (студенте. — Т. Ж.) кто-нибудь такой, от коего зависит честь института»⁸³.

Рапорты профессоров, назначаемых инспекторами института, красноречиво иллюстрируют «семейный стиль» корпоративных отношений, который отличал раннеуниверситетские сообщества. В замкнутом пространстве аудиторий, студенческих комнат, институтского двора студент был объектом постоянного надзора, опеки, отеческого внушения. Протест против столь плотного контроля приобретал разные, в том числе экстравагантные, формы в них выражалась мера «свободолюбия» для одних студентов и мера понимания университетских правил для других. В рапортах инспекторов выстраивается диалог воспитуемых и инспектора, иногда переходящий в прямую речь, не исключая «сильных выражений». До выработки стиля и канонов университетского делопроизводства автор рапорта, в данном случае немолодой профессор, человек XVIII в., изъяснялся многословным, но совершенно произвольным языком, тем самым, которым он мыслил и выражал себя в общении с коллегами и студентами.

Так, профессор математики М.Е. Резанов в своих рапортах 1806–1807 гг. изображал «буйства» студента Соловьева, свои попытки его вразумить и бесполезность принятых способов воздействия. Все это должно было дать материал конференции для представления попечителю о наказании студента. «На прошедшей неделе, а именно от 12 до 19 сего августа в институте было все благополучно, только вчерашнего дня под вечер студента Григория Соловьева какие-то другие студенты, об именах коих он мне однакож не объявил, напоили на дому допьяна, так что он выбежал два раза, первой раз в одной рубашке и в панталонах, а в другой в сертуке на галерею, где сперва кое-что болтал, потом пил воду, наконец, на мокром месте упал и заснул. Что и принудило меня приказать раздеть его и лить на него холодную воду, а после отвести в покой и положить на постель. Наутро <...> Соловьев, не совсем еще проспавшись, а к тому и охмелившись, как сам он смотрителю признался, ругал студента Цветкова самыми непристойными словами»⁸⁴.

⁸³ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 187. Л. 1–1 об.

⁸⁴ Там же. Д. 147. Л. 2–2 об.

В следующем рапорте Резанов писал: «Соловьев сошедши с двора после обеда без позволения, не ночевал дома, да и на другой день возвратился в институт в 7-м уже часу пополудни, во время французского класса, ко мне ни тогда, ни после того не явился, думаю может быть, что я о небытности его в институте сведения не имею...» Другие студенты «открыли» инспектору (налицо факт доносительства. — Т. Ж.), что «Соловьев наш найден полицейскими на Выборгской стороне мертвецки пьяный, босой и весь в грязи, и отведен ими в управу благочиния, где он под именем какого-то школьника и ночевал, на другой день представлен был под тем же именем вместе с колодниками, не имев образа человеческого, пред г-на Эртеля (петербургский обер-полицмейстер. — Т. Ж.), который приказал было выслать его тотчас же из города, для чего и билет был ему уже написан и г-ном Эртелем подписан и отдан для исполнения г-ну экзекутору, который и приступил было уже к оному, как вдруг одним чиновником из семинаристов, служащем при г-не Эртеле, и имеющем знакомство с некоторыми из наших студентов, был от того удержан чрез представление сему экзекутору, что нельзя де выслать этого человека из города по таковым и таковым причинам»⁸⁵. Кстати, в приведенном эпизоде отразилось отношение городской полиции к праву неподсудности (судебного иммунитета), дарованному университетскими уставами и явочным порядком распространенному и на Педагогический институт.

Многословно и детально, но в совершенно свободной стилистике излагает инспектор сценарий «нравственного падения» студента, чтобы убедить коллег в его неисправимости. 8 декабря 1806 г. Резанов пишет: «Студент Григорий Соловьев от содержания его чрез целую неделю в уединенном покое на хлебе и воде хотя с начала на несколько времени и исправился было, но после опять настолько ослабел, что редкий стал проходить день, в который бы он не напивался до безобразия»⁸⁶. Конференция определила: «За предосудительные поступки <...> посадить Соловьева в уединенную комнату на неделю на хлеб да на воду, внушив ему притом, что ежели не исправится, то не только не получит места учительского, но еще будет выслан из института с дурным аттестатом». Попечителю было сделано представление об удалении студента, не подающего надежд к исправлению и забросившего науки. Н.Н. Ново-

⁸⁵ Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 147. Л. 4.

⁸⁶ Там же. Л. 5.

сильцов предложил отдать его в солдаты, что и было совершено в январе 1807 г.⁸⁷ Спустя четыре года эта практика закрепляется законодательно для казенных студентов университетов⁸⁸.

Содержательно близки рапортам М.Е. Резанова и рапорты других инспекторов⁸⁹, хотя у профессоров-«европейцев» М.А. Балугьянского, П.Д. Лодия, В.Г. Кукольника изложение более литературно и интонационно уравновешено⁹⁰. Отметим, что уже в 1804–1805 гг. профессора-карпатороссы, приглашенные из Европы, преподавали и прекрасно изъяснялись на русском языке, свидетельством чего являются и данные рапорты.

В июне 1808 г., inspectируя 2-е (младшее) отделение института, Кукольник писал: «Будучи уведомлен инспектором Лубкиным, обнаружил, что студент Орнатский, получив позволение идти в театр, зашел 4-го числа к знакомому купцу и там упился так, что возвращенный ночью в институт не был в состоянии распознать отделение института от прочих коллегий, зашел в Римскую духовную коллегия, хотел оттуда перелезть через забор, но собака, напавши на него, отвела его от забора. Неизвестно, каким образом попал он на унтер-офицера, служащего в той же коллегии, который препроводил его в институт, и то было причиной, что упомянутый студент в следующий день не явился в классы. За таковое преступление наказал я студента Орнатского двухдневным арестом на хлебе и воде».

Другой студент, Воздвиженский, «принес жалобу на жену бундечника Елисеева, в том, что она его обидела неприличными словами, говоренными на него в присутствии его товарищей студентов, что признали студенты Пургарович, Соколов и Никольский, и в самом деле, при исследовании показалось, что студент Воздвиженский действительно обижен. Но поелику обида сия произошла от лица постороннего, то и не мог я доставить ему удовлетворение, а рассудил представить о том конференции»⁹¹.

⁸⁷ Там же. Л. 8–9, 11.

⁸⁸ Положение 21 апреля 1811 г. об отдаче студентов «из духовного звания и разночинцев, развратного поведения и уличенных в важных преступлениях по исключении вовсе из упомянутых заведений» // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Стб. 628–630.

⁸⁹ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 26, 33, 36, 64, 98, 121–123.

⁹⁰ Там же. Д. 26, 64, 98.

⁹¹ Там же. Д. 359. Л. 17, 32.

Смотритель (т.е. помощник инспектора) 2-го отделения ПИ А.С. Лубкин в отчетах за 1807 г. представлял картину непрерывной борьбы за нравственность студентов. Инспектор столь живо изображает бытовые условия их жизни, их характеры, реакции и даже выстроенные во время препирательств с ними диалоги, что более аутентичный и яркий источник о самосознании не только младших преподавателей, но и самих студентов того времени мы вряд ли найдем. По значению он сопоставим с известным опубликованным дневником профессора Ф.К. Броннера, бывшего инспектором в Казанском университете примерно в те же годы⁹².

В рапортах 1807 г. А.С. Лубкин сообщает о многочисленных соблазнах и лазейках, провоцирующих студентов на нарушение режима обучения. Тексты рапортов помогают выстроить систему социального взаимодействия студентов, служителей, инспектора, профессоров и администраторов, которая отличала не только ПИ, но и Казанский, и Харьковский университеты в первые годы их существования, когда в них преобладали казенные студенты, жившие в помещениях университета. «В рассуждении выхода из института препятствий мало. Стоящий на карауле часовой вместо того, чтобы стоять в сенях на своем poste, прохаживается и гуляет по коридору; а между тем несколько человек свободно могут выйти, не быв даже приметны, как то доселе нередко и случалось. Но, кроме сего, заметно еще, что караульные сами, даже и в ночное почти время, пропускали студентов, когда только им скажут, что идут прогуляться по коридору, до Академии или до моста. Пропущенный таким образом может идти куда хочет и быть сколько хочет, будучи уверен, что в возвращении назад ему никакой остановки не последует, что также случалось, даже до того, что возвращались назад уже около полуночи. <...> Сменяющиеся сторожа о вышедших студентах не докладывали, из чего можно предполагать, что тут бывало тайное соглашение»⁹³.

И далее: «В нынешнее лето весь почти верхний этаж корпуса института оказался наполнен посторонними жителями; но кто они такие и почему переселились, нет никакого основательного сведения. Известно только, что между перебравшимися сюда есть

⁹² См.: *Нагуевский Д.И.* Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758 — 1850). Казань, 1902.

⁹³ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 286. Л. 30–31.

один сенатский секретарь, один курьер с семействами (т.е. оба сенатских чиновника с семействами. — Т. Ж.), а прочие или приказные служители, или сторожа. Кроме того неудобства, что сии посторонние во внутренности здешнего корпуса жильцы составляют собою нечто похожее на политическое *status in statu*. Но если кто-либо из них будет характера сомнительного, то чего можно будет ожидать, когда с таким познакомившись, студенты войдут в связь? и как можно тому воспрепятствовать, когда сторона от стороны разделяется только одною лестницею и одними сенями?»⁹⁴ Действительно, «университетское пространство» в случае ПИ не было полностью ограждено от враждебного влияния городской среды в силу того, что институт занимал лишь часть огромного здания коллегий, деля его с чиновниками Сенатского архива, Духовной коллегии, Адмиралтейств-коллегии. Одним из способов решить эту проблему конференция считала глухую изоляцию и строительство отдельных входов.

В октябре 1807 г. студенты института вышли из повиновения и взбунтовались «скопом» из-за дурного качества пищи в столовой. Лубкин по этому поводу делал наблюдения о нравах студентов: «Они не только не умеют ничего переносить скромным образом, но еще стараются всякую малость увеличивать. Ибо хотя в самом деле похлебка была и худа, однако ж еще есть ее было можно, кто не имеет изнеженной брюзгливости. Равным образом часто при столе бывают столь мелочные жалобы, что и отвечать на оные стыдно, и за какие никакой отец не согласится простить даже глупое свое дитя. Из чего я замечаю, что они склонны употребить даже во зло прилагаемое от начальства попечение о хорошем их содержании»⁹⁵. Во время этого инцидента дошло до рукоприкладства, и Лубкин позволил себе ударить студента, чем вызвал с их стороны организованное недовольство против себя, которое называет «родом заговора».

Нелегкие условия жизни студентов красноречивее всего иллюстрируются количеством их болезней и смертей, которые подробнейшим образом отражены в рапортах. Для выходцев из духовного звания, каковыми были в те годы большинство казенных студентов, болезнь и неспособность окончить науки являлись

⁹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 286. Л. 31.

⁹⁵ Там же. Л. 46–46 об.

единственным легальным способом оставить институт. Другая форма «борьбы с режимом» в виде протестов была наказуема и оканчивалась солдатчиной. Тот же Лубкин пишет о студенческих болезнях с недоверием: «Студент Лебедев <...> по-прежнему жалуется, что у него грудь и бока болят, не варит желудок, хотя ест и с аппетитом, слаб всем корпусом и пр. В рассуждении чего здешний штаб-лекарь г[осподин] Капгер [считает] так, как слышал я, и в Клиническом институте полагают, что болезнь его есть воображаемая, или что он ипохондрик, что и вероятно, ибо как я наведалься, он, будучи в семинарии, под конец, прилежал даже до изнеможения»⁹⁶.

Инспектора усматривали свою обязанность во всемерной помощи студентам и в том, чтобы быть каналом связи между ними и конференцией. Благодаря этой связи конференция реагировала на нужды студентов, поощряла их инициативы и выстраивала ту корпоративность, которая связывает учащихся и учащихся принципом «общего дела».

В рапорте от 8 декабря 1807 г. Лубкин докладывал конференции о прогрессивном начинании части студентов, которое было позже распространено на всех. «В двух комнатах под № 1 и 12, живущие завели промеж собою такое как похвальное, так и полезное для них учреждение, что первый день в свободное от классов время по очереди делают репетиции в рассуждении предметов, пройденных в классах, причем чередной (каких случается в день по два и по три человека) дает своим товарищам лекции, как бы формальным образом им преподавая. Чрез сие облегчается повторение для всех, и они привыкают и приучаются к способу преподавания, не говоря о том, что сие служит к удобнейшему сохранению порядка и тишины в комнатах, посредством возбуждаемого в одном от другого соревнования»⁹⁷.

Обсуждению инициированной самими студентами практики репетиций конференция посвятила заседание 10 декабря, определив «возложить на смотрителя от имени конференции благодарность», а практику эту закрепить.

Возможность установления обратной связи со студентами использовалась профессорами в целях совершенствования преподавания и ускоренной социализации студентов. Так, при освидетель-

⁹⁶ Там же. Л. 47.

⁹⁷ Там же. Л. 52.

ствовании условий проживания студентов, собранных из разных местностей, в первые месяцы после открытия ПИ инспектора пишут о «худом произношении студентов на французском языке, о недостатке книг, и о недостающих у них свечах, подсвечниках, щипцах, сундуках еще не выданных 40 человекам»⁹⁸. На заседании конференции 6 сентября 1804 г. эти вопросы обсуждались и было решено: «1. принять надлежащие меры к усовершенствованию произношения; 2. купить 1 экз. Миллеровой истории на русском языке, 1 экз. древней географии Целярия и другой из новейших авторов, 25 экз. Лонгина “О высоком”, 2 экз. “Опыта риторики г[осподина] Рижского и др.”». Кроме того, выслушав жалобы студентов, профессора рекомендовали расселить их так, чтобы уроженцы мало-российских губерний перемешались с великороссами и «быстрее свыклись с русским языком».

Рапорты инспекторов не только передают характер и интонацию пишущего, но иногда включают прямую речь и диалоги, и тогда мы слышим голос студентов, для того времени — «безгласного большинства».

Приведу колоритный рассказ профессора М.Е. Резанова о мнимом умопомешательстве и «безобразиях» студента Мальцова. Студент, самовольно уходя из института каждую ночь, попадал на съезжую, где разыгрывал сумасшедшего, чтобы избежать наказания. Характеристики девиаций поведения студента и институтской «семейной педагогики» в этом тексте необыкновенно красноречивы (стилистика и пунктуация сохранены). После одного из задержаний от съезжей, как пишет инспектор, Мальцов «пошел необыкновенно скоро, продолжая меня ругать, домой, где брал без разбора вещи других студентов, ибо своего платья, кроме панталонешек и самонужнейшего белья совсем теперь не имеет, даже одеялы, как зимнее, так и летнее за 60 копеек одному из служителей третьего дня заложил, а потом ушел со двора, угрожая часовому, разбив его вдребезги (так. — Т. Ж.), как то и третьего дня делал. <...> Потом приехал на извозчике, которому заплатил 40 коп., взятых им тогда же у эконома на бумагу. Потом <...> в коридоре ругал меня самыми несносными и язвительными словами за то только, что я спросил его, где он был, и на ответ его, что он был у гр. Строганова, обедал у г[осподина] Бебера, так же,

⁹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 93. Л. 1. Приводится рапорт М.А. Балугьянско-го и И.И. Мартынова, доведенный до сведения попечителя.

что сей последний обещал принять его послезавтра в число корпусных учителей, я сказал “Перестань, пожалуй, пустяки-то молоть” (потому что узнал, что вместо Мальцова уроки у Строганова уже дает студент Алеев, а Бебер приезжал из корпуса с известием, что Мальцов в корпусе не появляется, и что, заняв 75 руб. денег, издержал их все на извозчика и биллиардную игру, также на горячие напитки, а, может быть, на что-нибудь еще другое. С минувшей только середины им, Мальцовым, уже убиты вместе с фракком и жилетом, ибо он ходит теперь во фраке студента Касагина против воли хозяина, также и с полученными на обмундировку деньгами, кроме всякого множества занятых им или лучше сказать выманенных им разными способами у других людей».

Профессор просил конференцию заступиться «за свою честь оскорбленную», а Мальцова «примерно наказать, буде он действительно при своем уме находится, как съезженский штаб-лекарь показал, в противном случае обуздать его, не отлагая времени, чтобы он по городу из дома в дом как днем так и ночью и по большей части мертвецки пьяный на извозчиках более не мыкал, и института вместе с его начальством не бесчестил и не позорил вольнодумною своею нестерпимой и беспрестанною болтливостью, состоящею между прочим, в том, что он персона свободная и не прикосновенная. Что никто наказать его не может, что он потому никого не боится и не уважает, и ни перед кем унижаться не хочет, что он графу Шереметьеву племянник, графу Апраксину ближний родственник, графа Строганова клиент и наперсник, что он богатый человек, что он завтре едет вояжировать то в Москву, то в Париж, то в Италию для усовершенствования себя там в живописи, о которой он и понятия не имеет, что он к графу Строганову совсем перебирается жить, и в то же самое время переходит сверху в низ (т.е. переезжает с этажа на этаж института. — Т. Ж.), куда однако ж студенты его не пускают, да и там где он живет ныне, товарищи не имеют покою от приходящих к нему почти беспрестанно за долгами и в гости то извозчиков, то маркеров, то другой подобной тому сволочи, и по большей части пьяной, что он ни в чем не уступит самым первым французским писателям и в прочих подобных сему нелепостях»⁹⁹.

Видимо, Резанов был мягок и отходчив, потому что даже такому авантюристу, как Соловьев, ссудил денег в долг. 28 мая он

⁹⁹ Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 359. Л. 2–2 об., 3–7 об.

пишет, что студент «выманил <...> 5 руб. моих денег под страшные клятвы и обещания исправиться. <...> Он говорил, что нет такого закона, чтобы человека в неволе держать, что он только для того нарушит запрещения, чтобы доказать, что он человек свободный. Жаль-де, что студенты, которые во всей силе понимали, что такое свобода, уже разъехались! А то бы мы наделали дела. Правда есть-де еще и теперь человека два или три таких студентов, но <...>»¹⁰⁰.

Внутри коллекции рапортов Резанова находится и письмо самого студента Мальцова инспектору с объяснениями своих поступков, наполненное высокопарными признаниями о благородных намерениях и любви к свободе. Студент пишет: «Я имею некоторые понятия, которыми соревнуюсь <...> служить моему Отечеству <...> и хотел бы загладить то неприятное впечатление, которое прежде имели обо мне мои начальники», но, с другой стороны, «невыносимо чувство лишения свободы»¹⁰¹. Свою неудержимую любовь к свободе Мальцов сумел-таки реализовать. Накануне отправления на лечение в городскую больницу, пользуясь затруднением переправы через Неву, он бесследно исчез и считался с ноября 1808 г. «без вести пропавшим». Это был чуть ли не единственный случай бегства на всех казенных студентов.

В рапортах инспекторов кроме многочисленных сообщений о болезнях и лечении студентов, контроле за ними в «домашнем» лазарете института и в больницах города встречается описание студенческих похорон. 16 апреля 1806 г. М.Е. Рязанов писал: «На прошедшей неделе в среду в 8-м часу студент Потакинский в Обуховской градской больнице от удручавшей его около полутора года болезни умер, а в четверток погребен на Смоленском кладбище, куда провожали тело его все студенты вместе с некоторыми профессорами, и где над гробом говоренные были студентами Язвицким, Сфериным и Александровским на русском и греческом языках речи; в прочем все в институте было на оной неделе благополучно по-прежнему, и студент Александр Протопопов, выздоровев, из больницы возвратился»¹⁰². Судя по этому описанию, похороны Потакинского были не первой траурной церемонией в институте и представляли уже закрепившийся ритуал.

¹⁰⁰ Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 359. Л. 12.

¹⁰¹ Там же. Л. 27.

¹⁰² Там же. Д. 130. Л. 1.

Делопроизводство по хозяйственным вопросам

Содержание хозяйственных документов ПИ, которые велись хозяйственным комитетом, близко к содержанию документов правления, учрежденного в каждом из университетов, а позже и в ГПИ. Так, помесичные журналы хозяйственного комитета иллюстрируют многообразие отношений института с предпринимателями, подрядчиками, городскими властями, благотворителями. Это вполне упорядоченные отношения, потому что в журналах из года в год встречаются одни и те же фамилии подрядчиков института, заключающих подряды на поставку продуктов, стирку белья, «постройку» мундиров и сапог, чистку труб и «нужных мест», ремонт помещений. С Петербургской городской думой хозяйственный комитет вел счета об освещении и охране территории, примыкающей к институту, спорных участках, отчислении денег за лечение студентов и т.п. Механизм отношений университета и подрядчиков из числа мастеровых купцов и государственных крестьян, как и механизм отношений с городской полицией и Петербургской городской думой, не изменился и после преобразования ПИ в университет¹⁰³.

Отношения ПИ, как позже университета, с частными предпринимателями были взаимовыгодными, причем особо добросовестные из предпринимателей могли надеяться на правительственную награду. Так, в 1811 г. институт ходатайствовал перед попечителем округа о поощрении купца Клементьева за поставку особо качественных дров по низкой цене¹⁰⁴. Документы хозяйственного комитета отражают структуру финансовых поступлений и расходов ПИ и представляют собой формы отчетности, сопоставимые с документами университетских правлений.

Вместе с тем хозяйственно-бытовая компетенция конференции ПИ была более широкой, включая контроль за счетами университета, деятельностью эконома, бытом студентов и служителей, дисциплинарным надзором, взысканиями и наказаниями, закупкой книг и т.д. Независимо от того, имел ли ПИ директора

¹⁰³ Жуковская Т.Н. Петербургский университет в городском пространстве первой трети XIX в. // Социальная история. Ежегодник. 2009 / отв. ред. Н.Л. Пушкарева. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2010. С. 41–67.

¹⁰⁴ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1013.

(а в 1805–1811 и в 1816 г. он управлялся без директора), конференция осуществляла в рамках этой компетенции коммуникации с попечителем округа: представляла еженедельные мемории, включавшие доклады о ходе учения, материальном состоянии института, поведении студентов, отдельных конфликтах, запросы о необходимых приобретениях, награждении чиновников. Рамки корпоративного самоуправления при таком режиме отчетности были ограничены, однако постепенно, особенно в попечительство С.С. Уварова, профессора брали на себя все больше инициативы в отношении оптимизации учебного процесса, вносили предложения о закупке книг и приборов, изменении расписания и порядка преподавания, решали вопросы распределения студентов. Также конференция являлась первой судебной инстанцией при разборе конфликтных дел с участием не только студентов, но и профессоров и первой надзорной инстанцией в отношении собственных студентов и учебных заведений, которые курировал институт. Эти направления ее деятельности и коммуникативные возможности отражены в соответствующем делопроизводстве ПИ.

Внутри его важное место занимают документы персонального характера: именные и формулярные списки профессоров и других чиновников, дела о поступлении их на службу и увольнении. Здесь же представлены списки студентов за разные годы, составленные по результатам текущих экзаменов, с показаниями успеваемости и поведения, а также списки прибывающих в институт воспитанников семинарий, дела о поступлении и переводе отдельных студентов, приеме вольнослушателей. Эти документы позволяют составить полную базу данных на выпускников ПИ–ГПИ–1, включающую более 400 имен, многие из которых вписаны в историю российского просвещения, но большинство остаются пока безымянными статистами¹⁰⁵.

По отчетам комитетов испытаний ПИ можно реконструировать масштабы лицензионной деятельности института и список военных и статских чиновников, претендовавших на получение аттестатов об университетском образовании. Иначе говоря, есть возможность оценить эффективность реформы системы государственной службы, инициированной М.М. Сперанским в 1809 г.

¹⁰⁵ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 116. В списке показано 103 человека. В следующем году вместе с принятыми во Второе отделение студентами их общая численность возросла до 160.

Заключение

На основании сказанного можно заключить, что архив ПИ–ГПИ–1 должен рассматриваться в единстве с архивным комплексом Петербургского университета. Аргументы в пользу их единства следующие:

1. Документировался тот же тип социальной реальности, что и в Петербургском университете, не имеющий внутренних разрывов во времени: учебный процесс, внутриинститутское администрирование, участие в управлении училищами подведомственного округа, в том числе горизонтальные связи с городскими учреждениями, другими университетами и иными учебными заведениями.

2. Основные виды документов, производимых ПИ, мало отличались от университетских по форме и содержанию. Среди них — журналы и мемории конференции профессоров, рапорты смотрителей (инспекторов) о занятиях, быте и поведении студентов, состоянии института, документы хозяйственного комитета, образованного в 1807 г., которые отражают структуру расходов и поступлений, формы отчетности, которые сопоставимы с документами университетских правлений.

3. В то же время большое количество дел об исключении и наказании студентов, решавшихся при посредстве попечителя округа и министра, свидетельствует об отсутствии у корпорации ПИ права университетского суда, которым формально наделялись университеты по уставу 1804 г. Документы о наблюдении за студентами и о разборе нарушений порядка обучения демонстрируют подчиненность и несправие казеннокоштных студентов до получения ими аттестата. На ПИ и ГПИ–1 распространялись основные законы, принятые в 1800–1810-х годах в дополнение к университетским уставам для регулирования сословного состава студентов и усиления эффективности обучения. А положение 10 ноября 1811 г. о порядке производства студентов из числа положенных в подушный оклад¹⁰⁶ или указ 24 апреля 1811 г. об отдаче в солдаты студентов, неспособных к учению и «развратного поведения»¹⁰⁷, касались ПИ даже в большей степени, поскольку среди его студен-

¹⁰⁶ ЦГИА СПб. Ф. 13. Д. 1027.

¹⁰⁷ Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 569.

тов было абсолютное большинство казеннокоштных выходцев из духовного звания.

4. Документирование учебных практик и практик лицензирования в ПИ осуществлялось так же, как в университете. Интенсивность данного вида деятельности в столичном Петербурге была выше, чем в провинциальных городах. Полный список чиновников, слушавших лекции и прошедших через «экзамены на чин» в ПИ, воссоздать не удастся из-за плохой сохранности протоколов испытаний. Однако по ним можно выяснить состав предметных комиссий, общий уровень подготовки чиновников, отчасти процедуру экзамена.

5. Решением конференции ПИ, а точнее специальной испытательной комиссии, формируемой конференцией по случаю, осуществлялось производство в ученые степени. За время существования ПИ–ГПИ–1 действовало две процедуры: подтверждение уже имевшихся у соискателей дипломов иностранных университетов (пример — утверждение П.П. Пезарровиуса и Лерхе¹⁰⁸) и присуждение российских званий. Из воспитанников ПИ получили ученую степень магистра после испытаний четыре человека, степень доктора — один, звание адъюнкта без представления диссертации — 15. Среди последних были и вернувшиеся из-за границы в 1811–1812 гг. стипендиаты института.

6. Практическая деятельность ПИ вышла за рамки, определенные ему Положением 1804 г. Этот документ ставил институт в зависимость от попечительского управления. Реально деятельность института по управлению училищами округа хоть и не включала прямое управление и отчетность, предписанную уставом 1804 г. университетам, но была достаточно интенсивной. Через визитации профессоров, распространение учебных пособий и, главное (что отсутствовало в провинциальных университетах), через распределение выпускников на учительские места и разные виды кураторства над ними ПИ определял школьную политику в своем регионе.

7. Профессора ПИ стремились добиться прав университетского самоуправления. Это касалось, в частности, определения правового статуса студентов, соотнесения их аттестатов с университетскими. Переписка профессоров с чиновниками министерства

¹⁰⁸ Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. 162.

(при поддержке попечителя С.С. Уварова) привела к постепенному росту государственного значения института.

8. Судя по всему, современники, к которым относились первые историографы университета (Е.Ф. Зябловский, И.П. Шульгин, П.А. Плетнев), не видели разрывов в истории высших учебных заведений Петербурга. Представление об их единстве отразилось и на организации общего архива университета и ПИ–ГПИ в до-революционный период. Он мыслился как средство для создания большого нарратива прошлого. В 1821 г. конференция университета обсуждала поручение Д.П. Рунича составить «подробную историю университета с показанием постепенного преобразования бывшей Учительской семинарии в Педагогический институт, Педагогического института в Главный педагогический институт и, наконец, последнего в университет». Конференция указала на трудности выполнения поручения, заключавшиеся в необходимости изучить «журналы 18-ти лет»¹⁰⁹.

Полагаю, что этих доводов достаточно, чтобы признать право нескольких поколений университетских историков Петербурга и их читателей мыслить прошлое своего университета как целостность.

Таким образом, документальные комплексы, отражающие административную, хозяйственную, корпоративную жизнь ПИ–ГПИ–1 как не только высшей педагогической школы, но и отделения университета, рассматриваются мною как отражение деятельности, культурных и социальных практик сообщества *университетского типа*. Это качество проявляется в языке документирования и приемах архивации повседневности.

Огромная ценность архива Педагогического института, особенно его целостной части в составе ЦГИА СПб, состоит в том, что в нем документировались и те грани университетской повседневности, которые после реформы делопроизводства 1830-х годов остались за рамками самоописаний. Документы 1800–1820-х годов отражают тот тип ранней университетской культуры в России, в том числе тип ее идентичности и самоописания, который в дальнейшем не выражается так непосредственно.

Судя по публикациям моих коллег, архив ПИ схож по номенклатуре и характеру представленных в нем документов с архивом Казанского университета за первые годы его существования. Эти

¹⁰⁹ Там же. С. 161–162.

два уникально сохранившихся комплекса стоит соотнести друг с другом, чтобы выявить специфику довольно автономных университетских корпораций первой трети XIX в. Возможно также сравнение структуры архива ПИ–ГПИ с архивами Виленского и Дерптского университетов. Это позволило бы выявить особенности делопроизводства и архивации как процедур, отличающих более периферийные и имеющие опыт корпоративной жизни университетские сообщества Российской империи от новых университетов, постоянно находящихся в поле зрения министерских чиновников. Такие сравнения позволили бы судить о реалиях университетской жизни в Российской империи в их локальном многообразии и общности проблем.

Кира Ильина

ДОРОЖНЫЕ АРХИВЫ ПОПЕЧИТЕЛЕЙ УЧЕБНЫХ ОКРУГОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

doi: 1017323/978-5-7598-1587-7_165-184

Уже более века большие нарративы университетского прошлого создаются российскими историками на основе архива Министерства народного просвещения. В нескольких фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) отложились дела канцелярии министра народного просвещения, входящая и исходящая делопроизводственная документация Департамента народного просвещения по учебным округам, поступавшая от попечителя учебного округа или в экстраординарных случаях напрямую от университета, материалы обсуждения проектов уставов, журналы заседаний Главного правления училищ и т.д.² У современного исследователя его материалы порождают иллюзию хорошо организованного производства высказываний и системы его сохранения. Следствием этого является заблуждение, что при реконструкции истории российских университетов можно «обойтись без обращения к местным университетским архивам, в которых та же информация дублировалась и которые, однако, понесли огромные

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

² См., например: ф. 732 (Главное правление училищ МНП), ф. 733 (Департамент народного просвещения), ф. 734 (Ученый комитет МНП), ф. 735 (Канцелярия министра народного просвещения), ф. 736 (Комитет об учреждении училищ взаимного обучения при МНП), ф. 737 (Комитет устройства учебных заведений при МНП), ф. 738 (Комитет рассмотрения учебных пособий при МНП), ф. 739 (Комитет рассмотрения учебных руководств при МНП), ф. 742 (Редакция «Журнала Министерства народного просвещения»), ф. 744 (Высочайшие указы, рескрипты и всеподданнейшие доклады по МНП (коллекция)), ф. 745 (Архив Министерства народного просвещения).

документальные потери [...] тогда как в центральном архиве дела остались невредимыми»³.

Это утверждение вызывает несколько возражений. Во-первых, если это и верно, то только в отношении погибшего во время Второй мировой войны архива Харьковского университета. Во всех остальных случаях свидетельства министерского и университетских архивов не идентичны. Во-вторых, изучение истории формирования архива Министерства народного просвещения позволило узнать о множественных редакциях его собрания, осуществленных силами нескольких поколений управляющих, политиков и архивариусов; пожары в университетских зданиях также внесли свои правки в доставшиеся нам коллекции документов, уничтожая как текущие документы в канцеляриях, так и переданные в архив документы⁴. В-третьих, каждый университетский архив является синкретичным собранием, вобравшим в себя коллекции документов разного происхождения и с разной историей. В данной статье я постараюсь рассказать об одном из притоков архива почти всех университетов — документов канцелярии попечителя учебного округа.

Изучение структуры университетских архивов Москвы, Тарту, Вильнюса, Казани и Санкт-Петербурга показывает, что в них все тексты распределены по двум фондам⁵. В одном хранятся документы

³ Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. С. 46.

⁴ См.: Ильина К.А. Делопроизводственная документация как источник изучения практики управления российскими университетами первой половины XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. С. 31–125; Ильина К.А. 1812 год и университетские архивы // История и историческая память. Вып. 6. Саратов; Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный ун-т, 2012. С. 88–100; Гатина З.С., Ильина К.А. 1812 год: парадоксы университетской памяти // Там же. С. 218–251; Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Университетское делопроизводство как практика управления (Россия, первая половина XIX века) // Вопросы образования. 2013. № 1; Ильина К.А., Вишленкова Е.А. Архивариус: хранитель и создатель университетской памяти // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013; Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Реформа университетских архивов в России 1830-х годов.

⁵ См.: ф. 418 (Московский императорский университет) и ф. 459 (Канцелярия попечителя Московского учебного округа) Центрального государственного архива Москвы (ЦГАМ); ф. 402 (Императорский Дерптский университет) и ф. 384 (Попечитель Рижского (Дерптского) учебного округа) Эстонского исторического архива (ЕАА); ф. 721 (Виленский императорский университет), ф. 1511 (Документы профессоров Виленского университета) и ф. 567 (Управление Виленского учебного округа) Литовского государственного исторического архива (LVIA); ф. 477 (Казан-

структурных подразделений («присутственных мест», по терминологии того времени) университета. Они систематизированы в одну или несколько описей. Второй фонд представляет собой собрание документов, произведенных и хранимых канцеляриями попечителей. Отложившиеся там тексты обладают информационной спецификой.

Так как попечитель учебного округа выполнял посредническую функцию между университетом и министерством, то в его архиве сохранялись присланные как из министерства, так и из университета документы. Архив главы учебного округа оказывался промежуточной инстанцией в общении ученого сословия с бюрократией. Он служил своеобразным информационным «фильтром», не пропускавшим в университет некоторые распоряжения министра (попечитель единолично решал какие) и тормозящим (но в обязательном порядке сохранявшим и не допускавшим последующего уничтожения) поданные в совет университета или напрямую попечителю округа мнения преподавателей.

В данном контексте интересной особенностью этой должности до 1835 г. было неопределенное местожительство главы округа: он мог жить в столице, мог путешествовать⁶, мог жить в университетском городе⁷. В постоянных разъездах находилась и канцелярия главы округа. Поэтому интересно рассмотреть, чем были канцелярии для Министерства народного просвещения, для самих попечителей и для подведомственных им университетов, каким образом они перемещались, какую роль выполняли, за что ценились, какими властными ресурсами обладали, какие типы документов там откладывались и сохранялись и, наконец, кем контролировалось архивирование.

Канцелярия попечителя для Министерства народного просвещения

Главы учебных округов назначались императором и входили в состав совещательного органа при Министерстве народного про-

ский университет) и ф. 92 (Попечитель Казанского учебного округа) Национального архива Республики Татарстан (НА РТ); ф. 14 (Петроградский университет) и ф. 139 (Канцелярия попечителя Петроградского учебного округа) Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).

⁶ Известно, например, что первый харьковский попечитель граф С.О. Потюцкий практически не бывал в Харькове, а разъезжал по немецким университетам, приглашая местных профессоров в подведомственное учебное заведение.

⁷ Обязательными являлись лишь визитации округа раз в два года.

свещения — Главного правления училищ⁸. Попечитель учебного округа занимал высокое место в сановой иерархии Российской империи. Им не мог быть чиновник ниже IV класса по Табели о рангах (соответствовал чину действительного статского советника в гражданской службе или званию генерал-майора в военной)⁹. Характерно, что при несомненной масштабности задачи, поставленной перед попечителем («привести в цветущее состояние»¹⁰ университет и учебный округ), законодатель умалчивал о реальных рычагах власти, с помощью которых можно было ее реализовать.

Отбор первых глав учебных округов проводился исходя из политической конъюнктуры и целесообразности. Показательным стало назначение первых попечителей, состоявшееся 24 января 1803 г. Главами созданных в России учебных округов стали сановники, активно участвовавшие в обсуждении плана создания системы народного просвещения, авторы правовых актов, регламентировавших ее работу¹¹.

⁸ Предварительные правила народного просвещения. Об устройстве училищ, 24 января 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1802–1825. 2 изд. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875. № 7. Стб. 13–21; Об учреждении учебных округов, 24 января 1803 // Там же. № 8. Стб. 21–22.

Главное правление училищ — высший совещательный орган Министерства народного просвещения — было учреждено в 1802 г. под названием «Комиссия об училищах». После принятия «Предварительных правил народного просвещения» 1803 г. в него вошли попечители всех вновь учрежденных учебных округов и назначаемые императором члены. В функции Главного правления училищ входило составление уставов и учебных правил для университетов, средних и низших учебных заведений, кадровая политика, обеспечение школ учебной литературой. Кроме того, в его полномочия была отдана цензура. В 1834 г. по инициативе С.С. Уварова полномочия Главного правления училищ были сокращены, а в 1840-е годы оно фактически перестало существовать. См.: Предварительные правила народного просвещения... Стб. 13, 16.

⁹ Подобный вывод обуславливается тем, что ректору университета на время исполнения должности присваивался IV класс по Табели о рангах. См.: Утвержденная грамота императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений... Т. 1. № 61. Стб. 288.

¹⁰ Предварительные правила народного просвещения... Стб. 16. Эта задача попечителя была сформулирована в законодательстве, но не разъяснена. Судя по текстам попечителей и профессоров, эта деятельность включала в себя не только восхваление побед просвещения в своем округе, но и постоянную работу попечителя по преобразованию вверенных ему учреждений, решению возникающих в университете и округе хозяйственных, экономических, кадровых проблем.

¹¹ Главами учебных округов стали «молодые друзья императора» — президент Академии наук Н.Н. Новосильцев (1761–1838, попечитель Санкт-Петербургского

Главе округа для управления подведомственными ему учебными заведениями (университетом, гимназиями и училищами) с многочисленными организационными, хозяйственными, экономическими и кадровыми проблемами полагалась собственная канцелярия. В официальных документах она именовалась «частью ведомства высочайше вверенного [попечителю учебного округа]¹². А так как учебный округ представлял собой объект интересов и управления Министерства народного просвещения, то и попечительская канцелярия, находясь в иерархической зависимости от министерства, являлась подконтрольной министерству.

Штат и финансирование для канцелярии попечителя учебного округа были утверждены вместе с введением этой должности указом от 24 января 1803 г. Согласно этому документу, все дела и бумаги в канцелярии вели два (старший и младший) письмоводителя, на содержание которых, включая «расходы для письмоводства», выделялось 2000 рублей¹³. Дальнейшие изменения бюджета попечительской канцелярии можно проследить по специальным постановлениям Министерства народного просвещения¹⁴.

учебного округа в 1803–1810 гг.), товарищ министра иностранных дел А.А. Чарторыйский (1770–1861, глава Виленского учебного округа в 1803–1824 гг.) и граф С.О. Потоцкий (1762–1829, попечитель Харьковского учебного округа в 1803–1817 гг.). Московским попечителем был назначен бывший наставник императора в русском языке, нравственности и словесности товарищ министра народного просвещения М.Н. Муравьев (1757–1807, попечитель в 1803–1807 гг.). Главой Дерптского учебного округа стал деятельный участник «Комиссии об училищах» немецкий писатель генерал-майор Ф.М. Клиггер (1752–1831, глава Дерптского учебного округа в 1803–1817 гг.), бывший с 1801 г. начальником кадетского корпуса. На него императору указал инициатор восстановления, а впоследствии и ректор Дерптского университета Г.-Ф. Паррот. Единственным исключением здесь явилось назначение С.Я. Румовского на должность попечителя Казанского учебного округа, которое состоялось после отставки первого казанского попечителя графа Г. А. фон Мантейфеля.

¹² Это мнение М.Л. Магницкого, выраженное в его письме директору Казанского университета А.П. Владимирскому от 2 января 1820 г. См.: НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 926 «О награждении письмоводителей канцелярии попечителя — г. Розанова бриллиантовым перстнем, г. Мальбраншева и Олесова 600 рублями», 1819–1820. Л. 3.

¹³ Штат канцелярий попечителей шести университетских округов. Штаты и приложения // Сборник постановлений... Т. 1. Паг. 2. С. 2.

¹⁴ См., например: О прибавке содержания на канцелярию попечителя Московского учебного округа, 27 июля 1815 // Сборник постановлений... Т. 1. № 286. Стб. 852–853; О прибавке содержания на канцелярии попечителей Дерптского и

О ценности попечительских канцелярий для министерства свидетельствует история эвакуации архивов проживающих в 1812 г. в Санкт-Петербурге глав Виленского и Казанского учебных округов — А.А. Чарторыйского и С.Я. Румовского. После сдачи Москвы в сентябре 1812 г. было принято решение об эвакуации документов государственных учреждений, в том числе и Министерства народного просвещения. Вместе с министерскими документами в Петрозаводск были вывезены и упакованные в ящики канцелярии попечителей Виленского и Казанского учебных округов. 10 сентября 1812 г. Департамент народного просвещения направил специальную записку в канцелярию попечителя Виленского учебного округа с просьбой доставить в департамент документы канцелярии. Дела были отправлены уже на следующий день «в двух деревянных запечатанных ящиках под № 1 и № 2-м и под литерами К. П. В. О. (канцелярия попечителя Виленского округа)» и сданы под расписку старшим письмоводителем канцелярии надворным советником Анастасевичем¹⁵. Что касается канцелярии казанского попечителя, то после смерти С.Я. Румовского в начале июля 1812 г. все его дела, видимо, были переданы в департамент и хранились там. При эвакуации бумаги были упакованы в «три ящика с надписью: Департамента просвещения по канцелярии попечителя Казанского округа»¹⁶.

Дела на судах были отправлены из Санкт-Петербурга 19 сентября и прибыли в Петрозаводск 17 октября. Там документы и сопровождающие их люди разместились «в небольшой квартире гимназического дома»¹⁷. В конце ноября последовало распоряжение министра народного просвещения А.К. Разумовского о возвращении дел министерства в Санкт-Петербург по зимнему пути¹⁸. Подводы выехали из Петрозаводска 6 января 1813 г.¹⁹, а 23 января старший письмоводитель канцелярии А.А. Чарторыйского уже по-

Харьковского учебных округов, 7 апреля 1817 // Там же. № 350. Стб. 981–982; О прибавке содержания на канцелярию попечителя Казанского учебного округа, 3 февраля 1823 // Там же. № 550. Стб. 1697–1698.

¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 314. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 10.

¹⁷ Там же. Л. 14 об.

¹⁸ Там же. Л. 18–25.

¹⁹ Там же. Л. 26.

лучил обратно оба ящика с попечительскими делами²⁰. Чуть позже документы Румовского забрал вновь назначенный попечитель Казанского учебного округа М.А. Салтыков.

Следует отметить, что подобный вариант передачи дел (через министерство) являлся скорее исключением, чем правилом. Бюрократические порядки подразумевали, что увольнение попечителя учебного округа происходит не ранее того, как будет найден преемник²¹. Ему передавалась не только должность, но и канцелярия с ее служащими, имуществом и архивом. Однако когда казанский попечитель М.А. Салтыков вместе с канцелярией прибыл в Петербург и подал в июле 1818 г. в отставку, министр А.Н. Голицын не смог мгновенно найти ему замену. Целый год учебный округ оставался без надзора министерского сановника. Временно его обязанности по управлению округом исполнял ректор.

Но что было делать отставному чиновнику с канцелярией, ее бумагами и людьми? 12 сентября 1818 г. Салтыков прислал министру «приходно-расходную книгу, опись бумаг, книг и вещей, принадлежащих канцелярии попечителя Казанского учебного округа». Экспопечителя интересовало, кому он должен сдать все это. В докладной записке Салтыков дал развернутые характеристики канцелярских служащих и рассказал об условиях их многотрудной службы²².

Министр приказал передать «бумаги, книги, вещи и деньги» в Департамент народного просвещения, а канцелярским служащим «явиться к директору оного». Министерским чиновникам предписывалось принять приходные и расходные книги и «поверить по 4-му отделению» (хозяйственные и административные дела)²³. Что и было выполнено. 23 сентября Салтыков отправил В.М. Попову все «бумаги, книги, вещи и 1541-н рубль 78 копеек денег, принад-

²⁰ Там же. Л. 28.

²¹ Подробнее о назначении попечителей в учебные округа см.: Ильина К.А. Рассадник просвещения: метаморфозы назначений попечителей в учебные округа России первой трети XIX века // Уроки истории — уроки историка: сб. статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996). СПб.: Нестор-История, 2012. С. 227–234.

²² «...при оной канцелярии служащих двое: старший и младший письмоводители, — 1-му жалованья 1200, а 2-му 600 рублей в год, для помещения которых и Канцелярии я нанимал четыре комнаты за пятьдесят рублей в месяц. Сторожа не было потому, что все таковые нужные потребности исправлял мой крепостной человек». См.: РГИА. Оп. 39. Д. 130. Л. 57.

²³ Там же. Л. 58.

лежащих канцелярии попечителя»²⁴. В результате попечительство Салтыкова — единственное, по которому не сохранилось богатой документации в архиве Казанского университета.

Представленная казанским попечителем «Приходно-расходная книга...» позволяет реконструировать не только отношение чиновников к архиву, перипетии его судьбы, но и объем «бумажного многоделья» казанской попечительской канцелярии. Судя по описи, на 11 сентября 1818 г. в ней было: 1326 «входящих дел», среди которых бумаги от министра народного просвещения (52 — за 1815 г., 70 — за 1816, 90 — за 1817, 92 — за 1818 г.), «от разных мест и лиц» (241 — за 1815 г., 261 — за 1817 г., 233 — за 1817, 259 — за 1818 г.) и из Главного правления училищ (28), и 1892 входящих (639 — за 1814 г., 353 — за 1815, 273 — за 1816, 298 — за 1817, 329 — за 1818 г.)²⁵. «Сверх сего, — сообщал Салтыков, — находятся при оной канцелярии приходно-расходные книги с 1806-го до 1818 года; месячные ведомости о суммах университета и Казанской гимназии с 1815-го до 1818-го, а годовые по всему округу за один 1817-й. Отчеты об учебных заведениях за три последние года, расписание училищ всего округа и послужные списки всех чиновников за 1817 и 1818 годы»²⁶. Кроме того, в канцелярии хранилось 107 книг (80 экземпляров)²⁷, чернильница, песочница, печать Казанского университета, два шандала, щипцы, ножницы, стол и шесть стульев²⁸. Следовательно, к осени 1818 г. архив казанского попечителя содержал около 4000 дел за период управления округом самого Салтыкова. Следующий глава Казанского учебного округа, М.Л. Магницкий, получил попечительскую канцелярию после своего назначения на эту должность в июле 1819 г.²⁹

Канцелярия попечителя для попечителей

Канцелярия попечителей находилась при главе округа и часто хранилась непосредственно в его доме. Так, в 1815 г. ректор И.А. Гейм

²⁴ Там же. Л. 59.

²⁵ Там же. Л. 60–61.

²⁶ Там же. Л. 61.

²⁷ Там же. Л. 61–62 об.

²⁸ Там же. Л. 63.

²⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2393. Л. 13 об. — 14.

от лица правления просил попечителя П.И. Голенищева-Кутузова сделать копии распоряжений бывшего главы учебного округа М.Н. Муравьева, которые хранились в архиве при канцелярии попечителя. Тогда выяснилось, что «поелику все дела прежней попечительской канцелярии оставлены в московском моем доме, то ныне и нельзя в правление доставить копии, как с помянутого предложения, так и с других предписаний до сего предмета относящихся»³⁰. Говоря об «оставленных в московском доме» документах, попечитель имел в виду те официальные бумаги, которые после его выезда из Москвы, 29 августа 1812 г.³¹, были разграблены войсками неприятеля³².

Отношение первых попечителей к собственному архиву ярко раскрывает история передачи канцелярии и архива попечителя Виленского учебного округа князя А.А. Чарторыйского новому попечителю графу И.С. Лавалю. Во время своего длительного попечительства (с 1803 г. по 28 апреля 1824 г.), по признанию Чарторыйского, «беспрерывные поездки принуждали меня держать мои бумаги несобранными»³³. И только увольнение от должности и, соответственно, прекращение официальной переписки, а также предписание министра отослать попечительскую канцелярию и архив в Вильну³⁴ позволили ему, находясь в своей усадьбе в Пулавах, заняться наведением порядка в бумагах. Архив систематизировали служители канцелярии: коллежский секретарь (инициалы) Бобятинский, взятый из Виленской фондушовой комиссии³⁵, а

³⁰ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 543. Л. 2 об.

³¹ Предписание попечителя Московского учебного округа ректору университета, от 30 августа, о выезде из Москвы // Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 году: документы архива Министерства народного просвещения, собранные и изданные под редакцией начальника архива Министерства народного просвещения К.А. Военского. СПб., 1912. С. 27.

³² Представление попечителя Московского учебного округа министру народного просвещения, от 22 октября 1812 года, в ответ на отношение от 6 октября // Там же. С. 53.

³³ РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 3. Л. 61.

³⁴ Там же.

³⁵ Речь идет о Комиссии эдукационного фондуша, архив которой хранился в Виленском университете вплоть до его закрытия в 1831 г. С 1807 г. комиссия была подчинена Министерству народного просвещения, и поэтому в 1834 г. ее архив стал частью архива министерства. Впоследствии он был дополнен материалами

также штатные чиновники канцелярии — письмоводители (инициалы) Добровольский и (инициалы) Блотницкий, просившие попечителя об увольнении, но оставленные им для разбора архива³⁶. Чарторыйский также планировал отправить их в Вильну для передачи бумаг. Бывший попечитель намеревался закончить разбор архива за две-три недели и отправить «запечатанные бумаги с их описью в Виленский университет, под адресом графа Лаваля»³⁷. Что касается неоконченных дел и полученных после даты увольнения писем, то Чарторыйский собирался отослать их своему премнику практически немедленно.

16 мая 1824 г. Чарторыйский, получив указ об увольнении от 28 апреля, направил письмо министру народного просвещения А.Н. Голицыну на французском языке³⁸. Голицын, 15 мая освобожденный с поста министра духовных дел и народного просвещения, переправил письмо в числе прочей пришедшей на его имя корреспонденции новому министру А.С. Шишкову³⁹. Последний 9 июня 1824 г. предписал Чарторыйскому отправить в Вильну Бобятинского, которому необходимо было принять от письмоводителей на себя весь попечительский архив по описи⁴⁰. Ректору Виленского университета Юзефу (Осипу Петровичу) Твардовскому министр велел выделить чиновника, которому нужно будет принять архив и оплатить его транспортировку из штатной суммы на попечи-

Министерства земледелия и государственных имуществ и Министерства финансов по содержанию подведомственных комиссии ранее учебных заведений. В архиве Комиссии эдукационного фондуша хранились, кроме ее собственного делопроизводства, «документы на право владения недвижимым имуществом, переданным под ее управление, и материалы ряда временных учреждений по секуляризации и управлению бывшими иезуитскими имениями», а также переписка куратора Виленского университета князя А.А. Чарторыйского с разными учреждениями и должностными лицами по делам университета 1808–1809 гг. Сейчас эти документы составляют фонд 1603 «Комиссия эдукационного фондуша» (1488–1869, 13 330 ед. хр.) Российского государственного архива древних актов (РГАДА). См.: Российский государственный архив древних актов: путеводитель: в 4 т. Т. 4. М.: Археографический центр, 1999. С. 63.

³⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 3. Л. 61 об. — 62.

³⁷ Там же. Л. 61 об.

³⁸ Там же. Л. 59–60. Перевод письма см. на л. 61–62.

³⁹ Там же. Л. 58–58 об.

⁴⁰ Там же. Л. 67.

тельскую канцелярию⁴¹. Оставить архив предписывалось в Виленской фондушовой комиссии «для приведения в ясность училищных фондушей».

Чарторыйский отправил свою канцелярию из Пулав 2 июля 1824 г., и 6 июля документы были доставлены Бобятинским в Вильну⁴². Перевозка дел обошлась университету в «серебром 30 р[ублей] 15 ко[пеек] и ассигнациями 134 р[ублей] 35 ½ ко[пеек]»⁴³.

Судя по обнаруженным свидетельствам, в правление Александра I попечительский архив играл роль своего рода должностной инструкции. Сановник, получивший коллекцию документов своего предшественника, должен был познакомиться с их содержанием. Благодаря этому он мог понять, что входит в его обязанности. «По желанию вашему, — отвечал, например, в 1817 г. министр просвещения Голицын на запрос только что назначенного в Харьков попечителя З.Я. Корнеева, — прилагаю при сем Предварительные правила народного просвещения и устав университета к вашему руководству. Дальнейшие сведения, относящиеся к должности попечителя, ваше прев[осходительство] можете найти в университете и в делах предместника вашего если угодно будет вам потребовать оные к себе»⁴⁴.

Оказавшись на этом посту, глава округа имел много случаев убедиться в ценности полученного наследства. Архив позволял аргументированно защищаться от претензий «вышнего начальства» и требовать исполнения прежних постановлений от подчиненных. Так, когда в декабре 1815 г. министр поинтересовался у попечителей, «какой успех имели помянутые [разосланные 19 октября 1812 г.] наставления, кем из учителей какие ведены записи, куда они поступили, кем рассмотрены и одобрены ли»⁴⁵, московский попечитель разослал его «циркулярным предписанием» директорам училищ и приложил к нему снятые в собственном архиве копии с предписаний 1812 г. Для убедительности он указал номера исходящих бумаг и отослал к ним копию «наставления» министра того же года.

⁴¹ Там же. Л. 66–66 об.

⁴² Там же. Л. 83.

⁴³ Там же. Л. 84.

⁴⁴ Там же. Оп. 49. Д. 269. Л. 17 об.

⁴⁵ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 712. Л. 2 об.

А когда от него потребовал отчета сам министр, то, проверив архив собственной канцелярии, попечитель сообщил, что только «к директору училищ Смоленской губернии Лидоговскому означенные наставления не препровождены были потому, что в сей губернии происходили военные действия, нарушившие надлежащий по училищам порядок»⁴⁶. Такая аргументация П.И. Голенищева-Кутузова произвела на Разумовского благоприятное впечатление, и он рекомендовал другим попечителям учиться ведению дел у главы Московского округа.

Особое отношение к своей канцелярии было у попечителя Казанского учебного округа в 1819–1826 гг. М.Л. Магницкого. Опытный чиновник понимал, что официальные документы могли стать свидетелями как в его пользу, так и против него. Именно по ним ревизоры могли судить об успехах и преступлениях университетского начальства и попечителей. Во время проверки Казанского университета в 1819 г. Магницкий сам активно пользовался такими свидетельствами против директора И.Ф. Яковкина. Поэтому, став главой этого округа, он внимательно относился к документам, указывал ректору, какие бумаги надо отложить на хранение, а какие надо уничтожить, «ибо будучи противно и общему законному порядку и уставу университета, они не могут иметь место в делах сего сословия»⁴⁷.

Например, в 1822 г. он поручил Г.Б. Никольскому уладить ссору между преподавателями греческого и латинского языка — М.Ф. Грацинским и М.В. Полиновским. Для этого следовало провести селекцию сопровождавших конфликт посланий: «Суждение о двух учителях оставить, все бумаги, в которых могли быть сказаны личности и неприятности возвратить их авторам, изъяв из дела, и пригласив их быть впредь осмотрительнее по той статье инструкции, которая предполагает в преподавателях все то, чего от студентов требует»⁴⁸. Опытный администратор Магницкий был уверен, что университетский архив надо фильтровать и чистить, а вот архив его канцелярии должен быть максимально полным и систематизирован так, чтобы в любой момент можно было найти в нем любую бумагу.

⁴⁶ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 712. Л. 2 об.

⁴⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 204 об.

⁴⁸ Письмо попечителя М.Л. Магницкого ректору Г.Б. Никольскому, 14 февраля 1822 // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 7831. Л. 10–10 об.

Впоследствии такая тактика сыграла с ним злую шутку. Из материалов ревизии 1827 г. можно понять, что опальный попечитель не успел отредактировать собственный архив. Получив после ареста Магницкого все его бумаги, ревизор П.Ф. Желтухин составил на их основании пункты обвинений. В частности, он доказал, что деньги, выделяемые казной на содержание канцелярии попечителя, хранились в доме Магницкого и тратились по его произволу, согласно устным распоряжениям. Никаких приходно-расходных книг канцелярия не вела⁴⁹.

О «привязанности» попечителей к собственной канцелярии и о необходимости хранения документов в ней свидетельствует и тот факт, что, когда в 1856 г. профессорская корпорация Московского университета обсуждала критерии уничтожения документов в собственном архиве, попечитель В.И. Назимов, в отличие от своих подчиненных, заявил, что не даст уничтожить в своей канцелярии ни одного документа. Поскольку в ней «сосредотачивается все управление учебными заведениями Московского учебного округа, — уверял он, — то за уничтожением дел по сим заведениям, я полагаю нужным оставить все дела канцелярии, дабы в случае могущих встретиться недоразумений и нужных справок, можно было сделать оные по делам канцелярии»⁵⁰. Видимо, благодаря ему в фонде Московского университета сохранились отчеты и «исторические записки» училищ этого округа.

Но, несмотря на общее правило, в пору своего попечительства над учебными округами С.Г. Строганов, его помощник Д.П. Голохвастов и будущий министр С.С. Уваров считали подвластную им канцелярию личной собственностью. В результате сейчас в их личных фондах в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) хранятся рукописные отчеты по университету и округу, письма к ним профессоров и другие бумаги, в те времена не подпадавшие под категорию «государственных»⁵¹.

⁴⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2393. Л. 13–14.

⁵⁰ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 2115. Л. 54–54 об.

⁵¹ См., например: РГАДА. Ф. 1278 «Строгановы». Оп. 1. Ед. хр. 173; а также коллекцию документов из: ОПИ ГИМ. Ф. 17 (Уваровы). Оп. 1.

Архивы канцелярий попечителей для университетов

Получив ящики с документами С.Я. Румовского, прибывший в Казань М.А. Салтыков задумался о том, чтобы сделать их доступными для использования. В 1815 г. попечитель поручил эту работу вернувшемуся из Москвы и познавшему там азы университетского делопроизводства профессору П.С. Кондыреву. Выбор был продиктован, видимо, личным доверием попечителя и профессионализмом Кондырева. Ему историки Казанского университета обязаны сбережением в местном архиве нескольких документальных коллекций, которые могли быть уничтожены при разборе попечительского архива. Так, по его инициативе попечитель передал совету часть решенных дел из своей канцелярии. «Как университету при разных случаях весьма нужно знать о состоянии училищ своего округа, со времени поступления их в ведомство Министерства народного просвещения, а училищами сими заведовать начал университет только с 1811 года, то и предлагаю, — писал он, — распорядить совету, чтобы под надзором г[осподина] профессора Кондырева, как управляющего ныне моею канцеляриею, архивариусом университетским большая часть дел, касающихся училищ, а равно Казанской гимназии и университета, была отделена в университетской архив, быв переплетена и описана, опись одну представить мне, а другую оставить при архиве»⁵². Из отчета Кондырева явствует, что он выполнил это поручение⁵³. Таким образом, бумаги Румовского за 1805–1812 гг. стали храниться в архиве университета.

Между прочим, среди официальных бумаг Кондырев обнаружил объемную переписку казанских профессоров с попечителем Румовским. Сочтя, что хранить в архиве частные письма неприлично, профессор запросил мнение начальника и получил указание Салтыкова сжечь переписку. Однако прежде чем исполнить приказ, Кондырев сообщил о находке членам совета. Трудно сказать, по каким соображениям и кто именно, но советники захотели сохранить письма, передав их в архив. Уехавший из Казани и подавший прошение об отставке попечитель не мог этому препят-

ствовать⁵⁴. Благодаря такому стечению обстоятельств обширная переписка дошла до нас и живописует сложности становления корпоративных отношений, выработки этических норм, конфликты идентичностей, университетской повседневности тех лет⁵⁵.

Следующий этап передачи дел из архива канцелярии казанских попечителей состоялся в 1821 г. при М.Л. Магницком. 28 февраля профессор Кондырев подал в профессорский совет рапорт и представил на его суд две изготовленные им описи дел попечительской канцелярии: одну — предназначенную для попечителя, а другую — для хранения при архиве совета. После их рассмотрения казанский совет попросил у попечителя разрешения забрать большую часть дел из его канцелярии в архив совета⁵⁶. Магницкий согласился и поручил тому же Кондыреву разобрать старые и текущие дела в доставшейся ему канцелярии, привести передаваемые бумаги в порядок, сшить их тематически и отдать в канцелярию директора (на тот момент был ректор и директор) университета.

По материалам казанской коллекции удастся проследить судьбу попечительской канцелярии и после отставки Магницкого (1826)⁵⁷. В результате ареста и ссылки в Ревель бывший глава округа не успел распорядиться своими бумагами и уничтожить какие-либо из них. Впоследствии казанские профессора запрашивали министерство, что им делать с брошенными бумагами. Вскоре они получили ответ директора Департамента народного просвещения Д.И. Языкова, который поручил исправляющему обязанности попечителя ректору К.Ф. Фуксу «канцелярию его взять под свое начальство»⁵⁸. Чуть

⁵⁴ Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819). Рассказы по архивным документам. Ч. II. Казань: Тип. имп. Казанского ун-та, 1891. С. III–IV.

⁵⁵ Булич Н.Н. Указ. соч.; Вишленкова Е.А. Рождение «подлеца», или Стилистика биографического жанра в России // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2001. № 5. С. 360–380; Вишленкова Е.А. Норма и девиация в Казанском университете в первой половине XIX века // Адам и Ева. 2003. № 5. С. 145–167; Костина Т.В. Мир профессора Казанского университета в первой половине XIX века. 1804–1863: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. С. 79–111. Об истории обнаружения Буlichem этих документов и роли в этом университетского архивариуса А.С. Добросмыслова см.: Ильина К.А., Вишленкова Е.А. Архивариус...

⁵⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 109–109 об.

⁵⁷ Формулярный список о службе действительного статского Советника Магницкого 1824 года, 1824–1832 // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 107. Л. 274 об.

⁵⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 203. Л. 2.

⁵² НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 599. Л. 98–99.

⁵³ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 109.

позже Фукс сообщил в Петербург, что «командировал адъюнктов Рыбушкина и Полиновского и находящегося при мне коллежского регистратора Полянцева осмотреть все дела попечительской канцелярии, поверить их с описями, с тем, чтобы они дали мне отзыв, все ли дела находятся в целости и в законном ли содержатся порядке, дабы после сего можно было приступить к приему оных»⁵⁹. Так бумаги казанских попечителей остались в Казани.

Статус попечительских документов был окончательно определен в 1831 г. по инициативе казанского попечителя М.Н. Мусина-Пушкина. Произошло это в связи с тем, что назначенный старшим письмоводителем попечительской канцелярии П. Цепелев обнаружил в канцелярии дела, лежащие там с 1814 г. Не желая обременять себя их хранением, он сообщил Мусину-Пушкину, что «44 главою Генерального регламента и указами 1800 года июня 17-го и 1825 года апреля 16 дня, между прочим строжайше подтверждено, дабы в канцеляриях решенные дела более трех лет не удерживать, а отдавать по истечении сего времени в архив, под опасением строгого и неминуемого за неисполнение сего ответа и по законам взыскания»⁶⁰.

Не получив ответа или получив совет прояснить этот вопрос у министра, Цепелев обратился к К.Х. Ливену. В этом письме содержится предложение, определившее судьбы попечительских архивов. «При канцелярии попечителя архива не положено, равно и чиновника для сего особенного не имеется, — описывал Цепелев состояние дел. Почему не имея на сие и правил, но зная, что дела г[оспод] гражданских губернаторов, передаются для хранения в архивы губернских правлений, я полагаю сообразно сему, что и дела канцелярии попечителя должны быть передаваемы в архив университета, ибо при канцеляриях нигде таковых не имеется»⁶¹. Министр согласился с этим доводом и распространил данное правило на канцелярии всех попечителей.

Вскоре вливание попечительских документов в университетский архив произошло не только в Казани, но и в Харькове. Об этом свидетельствуют документы министерского архива. В момент смены попечителей в 1825 г. (отставка Е.В. Карнеева и назна-

⁵⁹ Там же. Л. 5.

⁶⁰ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3127. Л. 53.

⁶¹ Там же. Л. 54 об.

чение А.А. Перовского) министр А.С. Шишков предписал, «чтобы все дела по Харьковскому учебному округу [...] в канцелярии попечителя находящиеся, были препровождены в Харьковский университет»⁶². Свидетельств более позднего времени о том, что канцелярия возвращалась в Петербург, в РГИА нет. Видимо, документы из попечительской канцелярии влились в архив совета и там хранились до момента гибели харьковского архива в 1941 г.

К упорядочению дел в канцелярии попечителя харьковские профессора приступили в 1834 г. Тогда занявший место местного попечителя Ю.А. Головкин обнаружил, что документы его предшественников хранятся неразобранными. Для «тщательного рассмотрения» и выявления неоконченных дел он учредил «временную комиссию». В нее вошли отнюдь не канцеляристы, а профессор чистой математики А.Ф. Павловский, профессор общенародного права Т.В. Степанов и профессор политической экономии и статистики П.И. Сокальский⁶³. Через три года Головкин уведомил министерство, что все это время члены комиссии работали в канцелярии «почти ежедневно в утреннее и послеобеденное время» и разобрали университетские и попечительские бумаги за 1830–1834 гг., т.е. за время попечительства В.И. Филатьева. Систематизация архивных документов повлекла за собой уничтожение части архива. Известно, что часть документов была уничтожена по личному распоряжению попечителя. В общей сложности члены комиссии сложили все документы канцелярии в 881 дело, описали их содержание, сверили тексты с входящими и исходящими реестрами, отделили решенные («оконченные») дела от нерешенных («неоконченных»), передали завершенные в архив (вероятно, в архив совета), а остальные оставили для решения нынешнего попечителя.

Судя по этому делу, а также по истории архива Московского университета, во времена управления министерством С.С. Уварова попечителям было предписано передавать решенные дела в архив университета. Об этом косвенно свидетельствует просьба правления Московского университета о переустройстве архивных комнат, в которые стекаются дела из «правления, совета, всех комитетов и канцелярии попечителя»⁶⁴. В 1844 г. московский попе-

⁶² РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 577. Л. 13.

⁶³ Там же. Д. 1209. Л. 1–1 об.

⁶⁴ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 788. Л. 1.

читель просил ректора распорядиться о принятии в университетский архив дел из попечительской канцелярии за 1840–1842 гг. В те годы их сдавали и принимали на хранение по заранее изготовленным канцеляристами описям⁶⁵. Известно, что именно так университетский архивариус Н.Е. Циммерман⁶⁶ принимал в 1845 г. дела из канцелярии московского попечителя за 1836–1839 гг.⁶⁷ Судя по «книгам канцелярии», т.е. погодным журналам дел, входящие бумаги попечителя были сданы за 1833–1842 гг., а исходящие — за 1828–1842 гг., формулярные списки чиновников округа — за 1832–1842 гг., кассовые книги — за 1832–1840 гг. и рассылные (регистрация почтовых и курьерских отправок) книги — за 1836–1843 гг.⁶⁸ Тогда же секретари факультетских советов сдали тому же Циммерману хранящиеся у них решенные дела⁶⁹.

Документы канцелярии попечителя Виленского учебного округа частично также вошли в состав университетского архива. Поводом для этого стало закрытие Виленского университета и ликвидация Виленского учебного округа (а соответственно, и должности попечителя) в мае 1832 г.

Через неделю после императорского рескрипта об упразднении университета 8 мая 1832 г. министр Ливен требовал от бывшего главы округа Н.Н. Новосильцева предоставить ему список чиновников его канцелярии и выслать все попечительские дела «по описи в Вильну к попечителю Белорусского учебного округа, и если при канцелярии имеется какая денежная сумма, то оную с шнуровую книгою сдать в Департамент народного просвещения»⁷⁰.

На это предписание попечитель ответил, что в Петербурге находятся только дела канцелярии за последние два года. Более ранние дела, по свидетельству Новосильцева, оставались до недавнего времени в Варшаве (Новосильцев также был советником намест-

⁶⁵ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 725. Л. 1.

⁶⁶ См.: Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1844 год. СПб., 1844. Ч. 1. С. 188.

⁶⁷ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 725. Л. 4.

⁶⁸ Там же. Л. 5–6.

⁶⁹ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 350. Д. 1. Л. 1–2.

⁷⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 1082. Л. 201.

ника царства Польского и доверенным лицом великого князя Константина Павловича). Однако бывший глава округа командировал специального чиновника для перевозки этих дел в Вильну. Составление описи и перевозку текущих дел из столицы в Вильну экс-попечитель поручил двум канцелярским чиновникам: титулярному советнику Платону Кукольнику и коллежскому секретарю Осипу Забеге. Эти же чиновники должны были уже в Вильне объединить части попечительского архива и сдать его главе Белорусского учебного округа Г.И. Карташевскому⁷¹.

Чиновники прибыли в Вильну 10 июля, и уже 15 июля дела архива были приняты по «краткой описи». Всего было передано 60 дел 1831 г. и 30 дел 1832 г., причем они «хотя не описаны, но перенумерованы по листам и скреплены в конце». Часть дел была передана сразу в университетский архив⁷².

Таким образом, архивы попечительских документов можно назвать «переносными архивами». В первой трети XIX в. они создавались и существовали вне ведения Департамента народного просвещения и университетов. В александровское время канцелярии много раз перевозились попечителями округов, передавались и пересылались их преемникам. Комплектование и сохранность этих архивов зависели от их владельцев, т.е. от их взглядов на управление вверенными учреждениями, отношений с университетской корпорацией, а также от частоты перемещений архива и случайных обстоятельств (войн, пожаров, наводнений).

В законодательстве были прописаны только финансовые условия существования самих канцелярий. Архив же формировался стихийно из «решенных дел» и существовал в «пограничной правовой зоне». С одной стороны, он оставался в личной собственности попечителя, который принимал решение, сохранять или уничтожать документы, хранить их в одном или в разных местах, систематизировать или нет; с другой стороны, и министерство, и университеты знали о его существовании и даже пользовались его информационными ресурсами.

Официальное признание этих архивов государственными было спровоцировано в 1831 г. казанским попечителем Мусиным-Пушкиным. Его инициатива совпала или стала результатом

⁷¹ Там же. Л. 201–202 об.

⁷² Там же. Д. 1083. Л. 67–67 об.

изменения чиновного статуса попечителя. Этот процесс сопровождался кадровой реформой, ревизиями и даже ссылками отдельных попечителей. В такой обстановке владельцы архивов не успели разобрать свои документы и уничтожить компрометирующие тексты. Министерство же предпочло оставить эти коллекции в университетах. Несмотря на обретенный «государственный» статус, попечители долго еще продолжали считать документы канцелярий «своими» и сдавали их в архив нерегулярно.

Одновременно с этим в 1831–1832 г. изменился статус всего университетского архива. Тогда были введены новые формы отчетности по университету, которые потребовали предоставления данных об архивных собраниях. Эта простая акция изменила отношение университетских людей к работе с архивом.

Луиджиаврелио Поманте

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ АРХИВЫ ИТАЛИИ МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И ИННОВАЦИЕЙ¹

doi: 1017323/978-5-7598-1587-7_185-205

Современные подходы

Леопольдо Сандри, ученый, причисляемый к отцам-основателям итальянской архивистики², имел обыкновение начинать свои лекционные курсы утверждением: «Архив — это то, что остается после грандиозного кораблекрушения». Как вспоминает Джильола Фьораванти, эта фраза сразу же погружала студентов Школы архивистики и библиотечного дела Римского университета Сапиенца в «весьма драматическую, но в то же время наполненную ощущением исключительной значимости происходящего атмосферу насущной важности задачи и неотложной необходимости ее решения»³. В смысле практическом, слова Сандри указывали на то, какова бывает участь документов, созданных в прошлом и затем предоставленных — как это, увы, случается слишком часто — произволу судеб. Фортуна и случай могли стать причинами

¹ Пер. с итал. Ю.В. Ивановой.

² Леопольдо Сандри (28 августа 1907—20 ноября 1984) принято считать одним из самых значительных представителей итальянской школы архивистики: его работа в качестве администратора архивов, начавшаяся в 1934 г. в Триесте, длилась на протяжении многих лет. В 1950-е годы он заведовал архивами Лация, Умбрии и Марок; будучи директором Государственного архива Тренто (1949–1951), вел активную деятельность в Государственном архиве Рима, директором которого стал в 1956 г. С этой должностью он совмещал преподавательскую работу в Школе палеографии, дипломатии и архивистики при римском архиве. См. о нем: *Del Piazzo M. Ricordo di Leopoldo Sandri // Bollettino della Deputazione di storia patria per l'Umbria. 1984. Vol. 71. P. 203–207.*

³ См.: *Fioravanti G. Dall'archivio come "ciò che resta da un naufragio" all'archivio come bene culturale // Cartesio. Atti della 4ª conferenza organizzativa degli archivi delle università italiane (Padova, 24 e 25 ottobre 2002) e della 5ª conferenza organizzativa degli archivi delle università italiane (Padova, 8 e 9 giugno 2006) / a cura di G. Penzo Doria. Padova: Cleup, 2006. P. 123–132 (приведенная нами цитата — p. 123).*

их порчи, исчезновения или, при более благоприятном стечении обстоятельств, выживания — чтобы наградить ученых возможностью сохранять их и к ним обращаться.

Это были «звенья цепи, пусть и прерывающейся порой, по которой до нас доходили драгоценные свидетельства Средневековья и Нового времени и реалии документации современной нам эпохи»⁴. И как раз именно в этой документации всегда обнаруживается что-то двусмысленное и противоречивое. В самом деле, с одной стороны, существуют архивы, где поддерживается строгий порядок, а порой и такие, в которых царит изобилие, граничащее с хаосом, — так что возникает мысль: если их несколько проредить, то это пошло бы им только на пользу, потому что работа с ними стала бы много эффективнее. С другой стороны, встречаются и собрания, пестрящие лакунами, лишённые какой бы то ни было цельности, такие, что в них отсутствуют материалы целых десятилетий, причем понесенные ими потери часто бывают следствием халатности или недосмотра, допущенных без какого-либо злого умысла. И идет ли речь о маленьком провинциальном архиве или же о богатых архивах университетов и даже о гигантских фондах, сохраняемых в Центральном государственном архиве, — повсюду мы сталкиваемся с одними и теми же проблемами.

Начиная с последнего десятилетия XX в. в научной литературе, посвященной истории университетов, все больше внимания уделяется теме университетских архивов. Новый импульс штудиям в этой области, без сомнения, придало формирование особых групп исследователей и специализированных центров, создаваемых преимущественно с целью осуществления аналитической работы с источниками и углубленного изучения истории университетов и систем высшего образования в Италии и в Европе XIX–XX вв.⁵

⁴ Ibid.

⁵ Следует указать, в первую очередь, на Межуниверситетский центр исследований истории университетов Унистория (Unistoria) под руководством профессора Альдо Мадзакане, учрежденный в декабре 1991 г. Вошедшие в его состав университеты — Неаполитанский университет Фридриха II, Сиенский университет и Исторический итало-германский институт в Тренто — разработали многогранную и весьма детализованную программу исследований по истории университетов, которая предполагает проведение целого ряда чрезвычайно важных конгрессов и семинаров, а также серию научных публикаций, среди которых упоминаются: *Università e professioni giuridiche in Europa nell'età liberale* / a cura di A. Mazzacane, C. Vano. Napoli: Jovene, 1994 (Университет и юридические профессии в Евро-

Одним из важных мероприятий, направленных на интенсификацию штудий в области университетской истории, стала прошедшая в Падуе 27–29 октября 1994 г. конференция «История итальянских университетов. Архивы, источники, направления исследований» («La storia delle Università italiane. Archivi, fonti, indirizzi di ricerca»), целью которой было внести ясность в вопрос о состоянии архивных собраний и документальных источников, находящихся в распоряжении исследователей, а также создать территорию общения для ученых, которые впервые могли бы обсудить в ходе такого симпозиума исследования университетской истории в Италии и новые направления этих штудий в мировой историографии⁶. Встреча была организована Центром истории Падуанского университета с целью проанализировать «положение дел» в исследованиях истории университетов в трех аспектах: с точки зрения состояния архивов, в отношении издания источников и историографии. Предметом внимания участников первой секции падуанской конференции явились собственно университетские архивы. Известный архивист Элио Лодолини представил подробное и ясное изложение состояния дел, актуального на момент проведения встречи. В своей работе «Память Сапиенцы. Правила организации университетских архивов» («La memoria delle "Sapienze". Normativa

пе эпохи либерализма / под ред. А. Мадзакане, К. Вано. Неаполь: Джовене, 1994); *L'Università tra Otto e Novecento: i modelli europei e il caso italiano* / a cura di I. Porciani. Napoli: Jovene, 1994 (Университет между XIX и XX столетиями: европейские модели и случай Италии / под ред. И. Порчиани. Неаполь: Джовене, 1994). В 1996 г. в период, когда работа по реорганизации штудий в области истории университетов и высшего образования велась особенно интенсивно, к группе ученых из университетов Болоньи, Падуи, Мессины, Сассари и Турина присоединился учрежденный в Болонье Межуниверситетский центр истории университетов Италии (CISUI), целью которого было наращивание исследований в сфере университетской истории. В настоящее время CISUI, секретарем которого является профессор Джан Паоло Брицци, периодически организует международные конференции и семинары по истории университетов и курирует серию публикаций, обладающих большой научной ценностью и престижем. Рост и углубление интереса к исследованиям университетской истории, отмечаемые на рубеже XX–XXI вв., нашли отражение в недавно увидевшем свет обзоре научных работ: *Pomante L. The researches on the history of University and higher education in Italy. A critical appraisal of the last twenty years // History of Education & Children's Literature. 2010. Vol. 2. P. 387–417.*

⁶ Содержание докладов, представленных на этом симпозиуме, было отражено в последующей публикации его материалов: *La storia delle Università italiane. Archivi, fonti, indirizzi di ricerca. Atti del Convegno, Padova 27–29 ottobre 1994* / a cura di L. Sitran Rea. Trieste: Lint, 1996.

e organizzazione degli archivi universitari»)⁷ он рассказал о нормах законодательства, регулировавшего существование публичных и частных архивов, и предложил выполненный при содействии представителей администраций многочисленных архивов и явившийся плодом тщательного исследования обзор состояния архивных собраний 36 университетов Италии, присовокупив к нему более или менее выверенные сведения, относящиеся к истории отдельных институций, а также общий реестр всех материалов, находившихся в его распоряжении.

Иной, но не менее значимый подход продемонстрировала другая участница падуанской конференции, Джорджетта Бонфилио Доцио, в докладе «Исследование архивов итальянских университетов» («Un'inchiesta sugli archivi delle università italiane»)⁸. В своем сообщении исследовательница подводит итоги первого проекта, целью которого были идентификация и анализ административной документации итальянских университетов. Инициатором этого проекта выступил Центр истории Падуанского университета. Силами его сотрудников была разработана анкета, в основу которой легли образцы, распространенные Министерством культурного наследия среди работников администраций архивов для реализации их институциональных задач. Анкета, адресованная 62 университетам Италии, предполагала совмещение трех групп вопросов: в первую должны были войти общие сведения об университете, вторая относилась к университетскому архиву в целом, а третья, более специализированная, была нацелена на получение технических сведений, касающихся университетского архива. На вопросы анкеты ответили лишь 26 университетов. Однако именно нежелание многих университетов отвечать на вопросы анкеты, а также явная небрежность, допущенная при ее заполнении другими, как раз и стали свидетельствами скудости интереса ее составителей к архивному наследию университетов. Кроме того, по мнению Бонфилио Доцио, анализ результатов анкетирования позволил обнаружить, что предпосылкой существенной децентрализации бюрократической системы была децентрализация производства и консервации административной документации, которая с неизбежностью по-

⁷ См.: *Lodolini E.* La memoria delle "Sapienze". Normativa e organizzazione degli archivi universitari // *La storia delle Università italiane...* P. 3–55.

⁸ См.: *Bonfiglio Dosio G.* Un'inchiesta sugli archivi delle università italiane // *Ibid.* P. 57–86.

влекла за собой опасное умножение центров хранения архивных материалов внутри одних и тех же институций и, следовательно, в дальнейшем — рассеяние подлежащих хранению документов.

Принимая во внимание особую важность двух докладов, о которых только что было сказано, — но также и всех других выступлений (впоследствии с точностью воспроизведенных в сборнике материалов конференции⁹), можно, без всякого сомнения, считать, что этот падуанский конгресс положил начало новому этапу исследований в области истории университетов. В самом деле, именно со времени его проведения библиография работ в этой области заметно возросла, в основном за счет исследований, являющихся плодом труда целых коллективов и междисциплинарного сотрудничества, важность которого трудно переоценить. Наряду со статьями об отдельных исторических архивах, иногда весьма значимыми, среди которых есть и написанные еще до падуанской встречи¹⁰, будет уместно отметить здесь, по крайней мере, еще четыре коллективных труда, представляющих безусловную ценность. Это материалы конференции, прошедшей в Павии 28–29 ноября 2000 г., опубликованные под заглавием «Исторические архивы итальянских университетов и случай Павии» в серии «Анналов истории Павии» в 2001 г. под редакцией Симоны Негруццо и Фабио Дзукки¹¹; «1-й Отчет об архивах университетов Италии» под редакцией Координационной группы национального проекта «Studium 2000», опубликованный Генеральной дирекцией архивов Министерства культурного наследия в 2002 г.¹²; «Studium

⁹ Помимо уже упоминавшихся нами сообщений Лодолини и Бонфилио Доцио, углубленное рассмотрение проблематики, о которой идет речь в данной статье, нашло место еще в пяти работах, вошедших в коллективную монографию: *Bortolotti M.* Gli archivi storici delle università italiane // *La storia delle Università italiane...* P. 87–92; *Salmini C.* La gestione informatica degli archivi storici // *Ibid.* P. 93–101; *Catoni G.* L'inventario dell'archivio storico dell'Università di Siena // *Ibid.* P. 103–107; *Adorni G.* L'Università di Roma e i suoi archivi // *Ibid.* P. 109–131; *Fioravanti G., Sorge A.M.* Le fonti dell'Archivio centrale dello Stato per la storia dell'istruzione superiore // *Ibid.* P. 133–157.

¹⁰ Особого упоминания заслуживает в этом отношении Сиенский университет. См.: *L'Archivio dell'Università di Siena.* Siena: La Nuova Italia, 1990.

¹¹ См.: *Gli archivi storici delle Università italiane e il caso pavese.* Atti del convegno nazionale (Pavia, 28–29 novembre 2000) / a cura di S. Negruzzo, F. Zucca // *Annali di storia pavese.* 29. 2001.

¹² См.: *Ministero per i Beni e le Attività culturali.* 1° Rapporto sugli archivi delle università italiane / a cura del Gruppo di coordinamento del progetto nazionale "Studium 2000". Padova: CLEUP, 2002.

2000. Материалы 3-й Организационной конференции, посвященной архивам итальянских университетов (5–6 апреля 2001)» под редакцией Джанни Пенцо Дория, опубликованные в 2002 г.¹³; и, наконец, «Cartesio. Материалы 4-й и 5-й Организационных конференций, посвященных архивам итальянских университетов (Падуа, 24–25 октября 2002; Падуа, 8–9 июня 2006) — том, изданный в 2006 г., также под редакцией Джанни Пенцо Дория¹⁴.

Все перечисленные коллективные труды, импульсом к созданию которых в большинстве случаев послужили академические встречи исключительной важности, обнаруживают направленность на решение общих задач, таких как охрана и освоение документации, сохраняемой в архивах отдельных университетов; рационализация и стандартизация управления формированием университетских архивов; в перспективе — составление панорамного обзора, который позволит анализировать состояние архива одного из университетов, сравнивая его с положением дел в архивах других университетов Италии. Здесь уместно будет вспомнить, что как раз в изданном Симоной Негруццо и Фабио Дзуккой сборнике «Исторические архивы итальянских университетов и случай Павии» («Gli archivi storici delle Università italiane e il caso pavese») содержатся, помимо довольно большого количества статей, в которых речь идет о собственно павийском архиве¹⁵, также и вполне заслуживающие внимания работы, посвященные архивам университетов Болоньи (Джан Паоло Брицци, Даниэла Негрини), Падуи (Пьетро Дель Негро, Джанни Пенцо Дория), Турина (Донателла Балани и Рита Бинаги), Пармы (Роберто Гречи), Феррары (Луиджи Пепе), а также Рима и Перуджи (Карла Фрова)¹⁶.

¹³ См.: Studium 2000. Atti della 3ª conferenza organizzativa degli archivi delle università italiane (5–6 aprile 2001) / a cura di G. Penzo Doria. Padova: CLEUP, 2002.

¹⁴ См.: Cartesio. Atti della 4ª Conferenza organizzativa degli archivi delle università italiane (Padova, 24 e 25 ottobre 2002) e della 5ª conferenza organizzativa degli archivi delle università italiane (Padova, 8 e 9 giugno 2006) / a cura di G. Penzo Doria. Padova: CLEUP, 2006.

¹⁵ Мы ограничимся упоминанием лишь одного из докладов конференции: Signori E. L'Archivio storico universitario e la storia delle comunità accademiche. Orientamenti di ricerca per l'età contemporanea // Gli archivi storici delle Università italiane e il caso pavese... P. 69–73.

¹⁶ См.: Brizzi G.P., Negrini D. L'Archivio storico dell'Università di Bologna // Ibid. P. 17–21; Del Negro P. L'Archivio storico dell'Università di Padova // Ibid. P. 23–28; Penzo Doria G. L'Archivio Generale di Ateneo: una realtà dell'Università degli Studi di Padova // Ibid.

Это позволяет говорить о том, что захватывающий вызов, предполагающий единовременное решение двух задач — каталогизации созданного в прошлом и обнаружения путей наиболее рационального использования архивного наследия в научно-исследовательских и дидактических целях, — приняли многие исследователи. Рост интереса к университетским архивам подтверждает и тот факт, что в течение последних 20 лет даже в центрах историографической работы, для которых данная тема в целом не является приоритетной, архивы перестали быть лишь инструментом исследований и сделали их полноценным объектом. Достаточно подумать о том, что три основных итальянских журнала, посвященных истории университетов, — «Журнал истории Падуанского университета» («Quaderni per la storia dell'Università di Padova»), «Источники и исследования истории Павийского университета» («Fonti e studi per la storia dell'Università di Pavia») и более молодые «Анналы истории университетов Италии» («Annali di storia delle università italiane» — журнал, издаваемый CISUI), — систематически, в каждом своем номере, удостоивают особого внимания архивы, публикуя высококачественные работы архивистов, историков и библиотекарей, лишь недавно начавшие проливать свет на обширное документальное наследие архивов отдельных итальянских университетов, в прошлом претерпевших рассеяние и забвение. Например, в изданных к настоящему моменту 16 томах «Анналов истории итальянских университетов» («Annali di storia delle università italiane») можно отметить — упомянем лишь некоторые работы из этого собрания — материал, подготовленный Мариленой Скали, Алессандро Леончини и Николой Семболони «Архив Сиенского университета» («L'Archivio dell'Università di Siena»); работу Паолы Новария «Главный архив Туринского университета: планы на будущее» («L'Archivio generale dell'Università di Torino: progetti in corso»); работы Пио Картекини «Архив Университета Мачераты от эпохи Реставрации до Объединения Италии (1816–1860)» («L'Archivio dell'Università di Macerata dalla Restaurazione all'Unità (1816–1860)») и Марии Алессандры Панцанелли Франтони «Архи-

P. 49–68; Balani D. L'Archivio storico dell'Università di Torino // Ibid. P. 29–32; Binaghi R. I mandati di pagamento conservati nell'Archivio storico dell'Università di Torino // Ibid. P. 33–35; Greci R. L'Archivio dell'Università di Parma // Ibid. P. 37–40; Pepe L. L'Università di Ferrara e i suoi archivi // Ibid. P. 41–42; Frova C. Archivi universitari di Roma e Perugia // Ibid. P. 43–47.

вы Университета Перуджи» («Gli archivi dell'Università degli studi di Perugia»)¹⁷.

Добавим к этому, что с недавних пор, не в последнюю очередь благодаря автономии, предоставленной академической периферии Министерством университетов и научно-технических исследований, сделался возможен новый взгляд на основные проблемы, стоявшие перед системой архивов в Италии. Этому способствуют разнообразные «программы изучения, каталогизации и исследований», приведенные в действие благодаря плодотворному сотрудничеству многих ученых и институций. Целью этих программ является анализ и как можно более точная оценка ситуации в архивистике итальянских университетов с различных позиций.

Здесь представляется уместным вспомнить о проекте «Titulus 1997», инициатором которого стал Падуанский университет, одна из институций, наиболее активно проявивших себя в этом направлении исследований. Целью проекта было предложить итальянским университетам общие правила управления пополняющимися в настоящее время архивами — естественно, на условиях полной автономии отдельных учебных заведений¹⁸. Такой проект, подразумевавший в качестве специальной своей цели выделение двух видов номенклатуры документов, позволяющее вести учет университетской документации разных типов (предполагалось, что для бумаг администрации всего университета будет существовать одна номенклатура, а для бумаг университетских центров, факультетов и отделений — другая), — такой проект был принципиальным образом нацелен на повышение эффективности управления ныне действующими университетскими архивами и на решение связанных с этим проблем, таких как юридические и

управленческие аспекты регистрации документов, выработка и применение номенклатуры и унификации документов и их регистрационных индексов, а также правил их фондирования. Проект «Titulus 1997», получивший поддержку многих итальянских университетов, позволил дать адекватные ответы на вызовы министерских реформ университетов, проведенных в 1999 и 2004 гг.¹⁹ и оказавших колоссальное влияние на организацию университетского документооборота.

Позже отсутствие общих норм, которые определяли бы порядок работы над бакалаврским квалификационным сочинением, стало причиной запуска проекта «Thesis 99»²⁰. Функции координации этого проекта снова взял на себя Падуанский университет, и в частности Джанни Пенцо Дория. Это стратегическое соглашение между университетами имело целью, с одной стороны, создание системы, которая регулировала бы работу над бакалаврскими диссертациями и гарантировала бы их сохранность, а с другой стороны — разработку необходимых для этого нормативов²¹. В самом деле, по причине законодательного вакуума, царящего в этой области, на протяжении многих лет в юриспруденции бакалаврское сочинение рассматривалось весьма противоречивым образом. Оно то мыслилось чем-то сродни произведению изящной словесности, то, наоборот, уподоблялось административному документу, и хотя его высокая научная ценность могла получить признание, оно все равно оставалось вне поля действия закона о защите

¹⁷ См.: Scali M., Leoncini A., Sembali N. L'Archivio dell'Università di Siena // *Annali di storia delle università italiane*. Vol. 3. 1999. P. 231–233; Novaria P. L'Archivio generale dell'Università di Torino: progetti in corso // *Ibid.* 2006. Vol. 10. P. 395–399; Cartechini P. L'Archivio dell'Università di Macerata dalla Restaurazione all'Unità (1816–1860) // *Ibid.* 2009. Vol. 13. P. 113–124; Panzanelli Fratoni M.A. Gli archivi dell'Università degli studi di Perugia // *Ibid.* 2012. Vol. 16. P. 321–337.

¹⁸ О проекте «Titulus 1997» см.: Cavazzana Romanelli F., Martignon M., Pegoraro R. Alla scuola di «Titulus». Ipotesi e problemi per un titolare degli archivi parrocchiali della diocesi di Venezia // *Cartesio...* P. 115–119; Penzo Doria G. Tre progetti per gli archivi universitari: «Titulus 97», «Thesis 99» e «Studium 2000» // *Le carte sicure*. Gli archivi delle assicurazioni nella realtà nazionale e locale: le fonti, la ricerca, la gestione e le nuove tecnologie. Trieste: ANAI, 2001. P. 343–351.

¹⁹ Министерство университетов и научно-технических исследований (Ministero dell'Università e della Ricerca scientifica e tecnologica), Декрет № 3 (ноябрь 1999), n. 509, «Регламент о нормативах автономии преподавания в университетах» (Regolamento recante norme concernenti l'autonomia didattica degli atenei // G.U. 4.01.2000, n. 2); Министерство образования, университетов и исследований (Ministero dell'Istruzione, dell'Università e della Ricerca), Декрет № 22 (октябрь 2004), n. 270, «Изменения в Регламенте о нормативах автономии преподавания в университетах, одобренном Декретом Министерства университетов и научно-технических исследований от 3 ноября 1999 г., n. 509 (Modifiche al regolamento recante norme concernenti l'autonomia didattica degli atenei, approvato con decreto del Ministro dell'Università e della ricerca scientifica e tecnologica 3 novembre 1999, n. 509 // G.U. 12.11.2004, n. 266).

²⁰ См. посвященную этой проблеме работу: Penzo Doria G. Primi appunti per la gestione, tenuta e tutela delle tesi di laurea // *Archivi & computer: automazione e beni culturali*. VIII (gennaio-giugno 1998). Vol. 1. P. 9–24.

²¹ О проекте «Thesis 99» см. работу: Venuda F. Thesis 99: un accordo strategico tra gli atenei // *Studium 2000...* P. 87–98.

авторских прав. Другой вопрос, едва ли меньшей сложности, был связан с консервацией документов такого рода. Дело в том, что бакалаврское сочинение одновременно является и административным, и научным документом: из этой двойственности его природы вытекает необходимость гармонизации интересов архива и библиотеки. Иными словами, с точки зрения архивиста, диссертация — это просто документ, с которым следует обращаться так же, как с другими документами. И вместе с тем в глазах библиотекаря диссертационное сочинение обладает научной ценностью, а следовательно, облечено достоинством «некоммерческой литературы» и подлежит библиографическому описанию и учету. Несомненно, в целом проекту «Thesis 99» было присуще стремление валоризировать и распространить разработки, позволяющие решать такие проблемы, а также определить международные стандарты дигитализации документов и их представления в электронном виде, что позволило бы гарантировать их сохранность в течение длительного времени в цифровом формате. Первые результаты реализации этой инициативы были обнародованы на прошедшей 11–12 ноября 1999 г. 2-й Организационной конференции, посвященной архивам итальянских университетов, в ходе которой была представлена «Хартия прав диссертации на соискание степени бакалавра» («Carta dei diritti della tesi di laurea») ²².

В течение первой декады нового тысячелетия возникли и другие проекты, менее амбициозные, чем те, о которых речь шла выше, но тем не менее заслуживающие упоминания. Инициатором этих проектов, как и многих других в области университетской истории, выступил Падуанский университет. Наряду с «Titulus Caronte», проектом, нацеленным на создание программного обеспечения для управления депозитарными архивами, весьма результативными оказались и другие программы, как то: «Ad regionam» — проект по обеспечению управления, обработки и хранения личных данных (персонала и студентов); «Atlantis» — проект составления дипломатического атласа итальянских университетов; «Носки князя Карло» («I calzini del principe Carlo») — идея, возникшая в ходе третьей ревизии номенклатуры архивов итальянских университетов, подчинявшихся стандарту «Titulus 97»;

²² См., в частности: Thesis 99. Atti della 2ª Conferenza organizzativa degli archivi delle università italiane (11–12 novembre 1999) / a cura di G. Penzo Doria. Padova: CLUEP, 2001.

«Auroga» — аббревиатура для «Объединенных администраций описи объектов и регистрации анаграфических данных» («Amministrazione Unite per la Redazione degli Oggetti e la Registrazione delle Anagrafiche»), проект, цель которого — выработать определенные правила описания, с тем чтобы регламентировать способы регистрации делопроизводителя и документа в протоколе; «eXtra», («документооборот в формате XML в офисах университета») — проект, презентация которого состоялась в 2000 г., после вступления в силу президентского декрета 1998 г. № 428 об электронном протоколе, позже отмененного и включенного в «Свод постановлений об административной документации», утвержденный президентским декретом 2000 г. № 445; и, наконец, недавний проект «Сеть исторических архивов итальянских университетов», нацеленный на разработку основных ориентиров в деле управления историческими архивами университетов и предполагающий создание сбалансированной и внутренне последовательной системы, основанной на единой логике, которой подчинялась бы работа всех архивов, включенных в Сеть ²³.

Не менее важно, как справедливо подчеркивает Карла Фрова ²⁴ и как явствует уже из настоящего очерка, что в самых недавних работах, посвященных истории университетов, тема исторических архивов заняла подобающее ей место. Здесь уместно будет указать хотя бы на уже упоминавшиеся выше изыскания: проведенные Пьеро Дель Негро исследования Исторического архива Падуанского университета, осуществленные Джан Паоло Брицци и Даниэлой Негрини исследования архива Болонского университета и выполненные Пио Картекини исследования архива Университета Мачераты. В связи с этим, прежде чем углубляться в анализ сложной и отличающейся большим разнообразием ситуации, в которой пребывают в настоящее время исторические архивы итальянских университетов, представляется как никогда важным подробнее остановиться на том проекте, который по праву может

²³ Более полную информацию о проектах, запущенных по инициативе Падуанского университета, а также о других инициативах последних лет, касающихся реорганизации и валоризации университетских архивов, можно найти, помимо обновленного сайта названного университета: <<http://www.unipd.it/archivio>> (дата обращения: 08.10.2013), также в интересной статье Дж. Пенцо Дория: Penzo Doria G. Gli archivi delle università italiane // Atlanti. 2009. Vol. 19. P. 221–231.

²⁴ См.: Frova C. Università, storia e archivi // Cartesio... P. 133–142.

считаться стратегическим и позволяющим решить, в сравнении с другими программами последних лет, наибольшее число задач. Его цель состоит в том, чтобы вычленил и вновь сделать доступными исследователям именно исторические архивы, обладающие огромной культурной ценностью, — архивы, управление которых осуществляется каждым университетом автономно на основании статьи 30 «Кодекса о сохранении культурного наследия и природных ландшафтов» («Codice dei beni culturali e del paesaggio») 2004 г.²⁵ Следует отметить проект «Studium 2000», который, возникнув по инициативе уже многократно упоминавшегося нами Падуанского университета, начиная с 1999 г. пользовался информационной поддержкой и финансированием со стороны Отдела научных исследований (Servizio III) Генеральной Дирекции Архивов Министерства культурного наследия. Проект предполагал информатизацию переписи, реорганизации и инвентаризации исторических архивов вовлеченных в него университетов и завершился публикацией уже упоминавшегося нами «1-го Отчета о состоянии архивов итальянских университетов»²⁶. Как верно отмечает Мария Грация Пастура, директор Отдела научных исследований Генеральной дирекции архивов, во «Введении» к «1-му Отчету», такие проекты, как «Studium 2000», возникшие в результате сотрудничества между Государством и Университетом, имеют стратегическое значение для Администрации архивов, которая всегда расценивала сохранность университетских архивов как одну из принципиальных целей надзора за архивными фондами. И здесь университетам, в силу их институциональной природы, следует отвести особую роль — роль центров, вокруг которых формируются архивы, представляющие чрезвычайный интерес; центров,

²⁵ Министерство культурного наследия, законодательное постановление 22 от января 2004 г. № 42 «Кодекс о сохранении культурного наследия и природных ландшафтов» (Codice dei beni culturali e del paesaggio // G.U. 24.02.2004, п. 45). Комментарий к этому Кодексу, заместившему собой «Свод постановлений о природных и культурных благах» 1999 г. (βTesto unico dei beni culturali e ambientali del 1999) см. в изд.: Il codice dei beni culturali e del paesaggio. Decreto legislativo 22 gennaio 2004 / a cura di R. Tamiozzo. Milano: Giuffrè, 2005.

²⁶ См.: Ministero per i Beni e le Attività culturali. 1° Rapporto..., а также посвященную проекту «Studium 2000» работу: Penzo Doria G. L'archivio dell'Università degli Studi di Padova: strategie e progetti per la conservazione della memoria // Atti e memorie dell'Accademia galileiana di Scienze, Lettere e Arti in Padova. CXV (2002–2003). Vol. 2. P. 149–189.

располагающих внутренними исследовательскими ресурсами для того, чтобы внести свой вклад в освоение архивов»²⁷.

«Отчет» Министерства культурного наследия содержит данные 58 итальянских университетов, как государственных, так и частных, поделенных по территориальному принципу. Этот «документ-исследование» («documento-inchiesta») ²⁸ включает в себя два раздела: один содержит презентацию проекта с прилагающимися к нему «Справочными материалами» («Nota per la consultazione»); другой состоит из 58 карточек с описаниями университетов, политехнических институтов, университетских школ и лицеев Италии. На карточках, составленных в соответствии с «рекомендациями», предложенными Координационной группой, помещается, помимо данных, позволяющих идентифицировать каждый университет, также информация, разделенная на разделы: 1) сведения по истории университета; 2) генеральный архив университета; 3) архивы образовательных и исследовательских подразделений университета; 4) библиография. Собственно раздел, отведенный для информации об архиве, в свою очередь, также разделен на три подраздела, относящихся, соответственно, к историческому архиву, архиву депозитарному и архиву текущих дел²⁹, причем за этим следуют описания приобретенных университетом архивов и хранилищ, включенных в состав университетских архивов.

Рисуя подробную и точную картину состояния университетских архивов Италии, министерский «Отчет» вместе с тем проливает свет на детали. Они позволяют говорить о специфике исторических архивов в сравнении с другими, а также отражают присутствие включенных в эти хранилища других архивов, сфор-

²⁷ Ср. Pastura M.G. Introduzione // Ministero per i Beni e le Attività culturali. 1° Rapporto... P. 15.

²⁸ Ibid. P. 17.

²⁹ Как и все архивы, архивы университетов подразделяются в соответствии с типом их организации и периодом существования на следующие категории: архивы текущих дел («archivio corrente»), пополняющиеся материалами дел, находящихся в производстве в настоящее время, включая бумаги практического и административного назначения; депозитарные архивы («archivio di deposito»), содержащие документацию, не задействованную в настоящее время в административном документообороте, но пока еще не переданную на вечное хранение; наконец, исторические архивы («archivio storico»), которые содержат бумаги с большим сроком давности, относящиеся к делам, давно вышедшим из производства, и потому определенные на вечное хранение.

мированных из документов, которые были произведены структурами, предшествовавшими основанию того или иного университета. Это видно из бумаг представителей преподавательского состава, выполнявших представительские функции на факультетах, в институтах и департаментах.

Помимо этого, анализ полученных данных позволяет судить о том, как итальянские университеты стали полюсами притяжения, к которым стекались архивы видных деятелей политики и культуры. Это было результатом растущего престижа и роли университетов в формировании правящих классов общества в Новое и Новейшее время.

В свете последнего тезиса уместно будет проанализировать, пусть вкратце и не претендуя на исчерпывающее рассмотрение, конкретное положение дел, в котором в настоящий момент оказались исторические архивы итальянских университетов. Как подчеркивает Джан Паоло Брицци, ныне директор Исторического архива Болонского университета, самые старые среди университетских архивов пережили множество неприятных перипетий, как то: рассеяние, порча документов, кражи; некоторые архивы подверглись разрушению в ходе войн или в результате пожаров и землетрясений; в других потеряны следы наиболее древних документов (как это произошло в большей части университетов, которыми заправляли иезуиты). К этому следует прибавить, что в целом документация не содержалась в каком-то едином месте, связанном с офисом, назначением которого была бы деятельность университета, — университетские документы можно обнаружить в хранилищах администраций городов, епископов, профессиональных коллегий адвокатов, судей, медиков, философов, а также ведомств, в функции которых входил контроль деятельности университетов.

Университетские архивы и государственная политика

Распределение архивного фонда по разным хранилищам чаще всего обусловлено перипетиями истории той институции, частью которой этот фонд был. По этой же причине так сложно бывает найти необходимые документы, распределенные по разным институциям. Достаточно вспомнить, к примеру, о повсеместной

передаче университетского имущества в руки иезуитов (примером может служить университет Сассари)³⁰ или о преобразовании ряда университетов в лицеи при Наполеоне (случай университета Мачераты)³¹. В целом ряде случаев упразднение университетов в период Реставрации и создание национальной системы высшего образования после Объединения Италии стали переломными моментами в истории архивов: после этих событий архивы прекративших существование университетов были конфискованы, переданы в другие учреждения или просто брошены на произвол судьбы.

Уже упоминавшийся нами ДжанПаоло Брицци удачно охарактеризовал архивы некоторых итальянских университетов, особенно небольших, как архивы «бесхозные»³² — за период с конца XVIII столетия до Объединения Италии маленькие провинциальные университеты один за другим вымерли, а архивы их или оказались утрачены, или же, в лучшем случае, хранятся где-то неизвестно и только случайно могут быть однажды обнаружены.

И все же нет сомнения в том, что Объединение Италии и включение университетов мелких итальянских государств в национальную систему высшего образования стало значимым событием в истории архивного дела. Многие университеты, хотя они и не были к этому принуждаемы, все же приняли решение передать наиболее древние части своих хранилищ в лишь недавно открытые государственные архивы. Хотя общеобязательных норм, определяющих правовое положение архивов, не существовало, на практике получилось так, что архивы университетов, постоянно обновлявшиеся за счет ведомственной документации, были поглощены центральными архивами Итальянского королевства (сначала они располагались в Турине, а затем в Риме). Следует, однако, помнить о том, что в большинстве случаев переход исторических архивов в руки государства был единственным шансом

³⁰ Более подробно отношения иезуитского ордена и университетов в Новое время рассматриваются в: *Gesuiti e università in Europa (secoli XVI–XVIII)*. Atti del Convegno di studi. Parma (13–15 dicembre 2001) / a cura di G.P. Brizzi, R. Greci. Bologna: Clueb, 2003.

³¹ История университета Мачераты на рубеже XIX и XX вв. была реконструирована Л. Поманте: *Pomante L. Per una storia delle università minori nell'Italia contemporanea. Il caso dello Studium Generale Maceratense tra Otto e Novecento*. Macerata: Eum, 2013.

³² См.: *Brizzi G.P., Negrini D. L'Archivio storico dell'Università di Bologna...* P. 17.

спасти наиболее древнюю их часть, так как университеты не всегда проявляли должную заботу об архивах, а сотрудники их порой не обладали компетенциями, необходимыми для хранения и поддержания в порядке документов, обладающих исторической ценностью.

Если бы кто-нибудь задался целью оценить современное состояние того исторического наследия, которое дошло до нас благодаря архивам итальянских университетов, то он бы неизбежно заметил, что положение дел в университетах существенно различается — не только в силу разнородности и неравной ценности документов, но и по причине различия в статусе самих исторических архивов. Некоторые университеты уже давно поставили перед собой задачу создать собственный архив, систематизировать его, снабдить каталогами и картотеками и сделать, насколько это возможно, доступным для преподавателей, студентов и других исследователей. В это же время, как отметил несколько лет назад Элио Лодolini, были созданы *ad hoc* комиссии по надзору за архивами, так что забота о них была вверена «попечению» специалистов, которые должны были иметь не только свидетельство об окончании университета, но и особый диплом архивариуса³³. Первыми итальянскими университетами, архивы которых декретом Министерства культурного наследия от 28 сентября 1978 г. и 20 декабря 1980 г. были признаны «архивами особой важности», стали университеты Болоньи и Палермо. Болонский университет обладает на сегодняшний день, пожалуй, самым богатым и наилучшим образом сохранившимся историческим архивом в Италии. В нем хранятся все документы и акты, выпущенные государственными учреждениями или полученные ими от других учреждений начиная с 1860 г.: протоколы заседаний университетских коллегий; личные дела студентов, включающие их бакалаврские сочинения, протоколы ежегодных переводных экзаменов и защит бакалаврских диссертаций, записи лекций, личные дела преподавателей, технического и административного персонала; документы комиссий факультетов и школ; реестры протоколов; инвентарные описи подразделений университета; архивы университетских школ и институтов. С болонским историческим архивом ассоциирован также крупнейший фотоархив, включающий более 43 тыс. сним-

³³ См.: *Lodolini E.* Op. cit. P. 3.

ков, запечатлевших университетские здания и события университетской жизни. Архив состоит из двух отделений: исторического (1860–1979), полностью оцифрованного и доступного онлайн, и современного (с 1980 г. до наших дней)³⁴.

Среди архивов других итальянских университетов особого внимания заслуживают архивы университетов Падуи (последний делится на «архив старинных документов, архив девятнадцатого века и архив двадцатого века»³⁵), Павии³⁶, Сиены и Пизы — городов, в которых уже на протяжении нескольких лет ведется работа по усовершенствованию способов хранения, описания, оценки архивной документации, а также облегчения доступа к ней.

Однако описанное нами радужное положение дел во многих университетах не является, к сожалению, характерным для всех этих учреждений без исключения: архивы нередко содержатся в беспорядке и хранятся в слишком тесных и не пригодных для подобных целей помещениях; им недостает и компетентного персонала. Таким образом, исследователи сплошь и рядом оказываются лишенными возможности полноценно работать с архивными материалами. При этом, однако, не следует забывать и о том, что хранение и использование университетских архивных материалов часто представляют трудность по объективным причинам и связаны с целым рядом специфических проблем, в большинстве случаев обусловленных несовершенством нормативной базы функционирования архивов. В этом контексте следует вспомнить о том, что обязанности государственных университетов по отношению к архивам были определены 50 лет назад пунктом 30 Указа Президента Республики от 30 сентября 1963 г.³⁷ № 1409. Впоследствии в этот документ были внесены поправ-

³⁴ Исторический архив Болонского университета располагает регулярно обновляемым сайтом, на котором можно найти более подробную информацию о внутреннем устройстве этой институции: <<http://www.archivistorico.unibo.it>> (дата обращения: 08.10.2013).

³⁵ Статусом «архива особой важности» был наделен также декретом министерства от 12 марта 1992 г. исторический архив Падуанского университета. Университет располагает регулярно обновляющимся интернет-сайтом, на котором размещена информация о составе хранящихся в архиве материалов: <<http://www.unipd.it/archivio>> (дата обращения: 08.10.2013).

³⁶ См. сайт университета: <<http://www-3.unipv.it/archivio>>; дата последнего обращения 8.10.2013.

³⁷ D.P.R. 30 settembre 1963, n. 1409, Norme relative all'ordinamento e al personale degli archivi di Stato (in G.U. 31.10.1963, n. 285).

ки Указом Президента Республики № 805 от 3 декабря 1975 г.³⁸, а позднее — вышеупомянутым «Кодексом о сохранении культурного наследия и природных ландшафтов» (Законодательный акт от 22 января 2004 г. № 42). Несмотря на то что в Указ от 1963 г. были внесены некоторые изменения, как общего, так и частного характера, он все еще остается главным нормативно-правовым основанием архивной работы. Согласно этому документу, государственные университеты обязаны хранить и содержать в порядке свои архивы, включая текущую документацию, они обязаны иметь в своем составе «специальный архивный отдел», обыкновенно называемый «историческим архивом», для хранения документов, «имеющих отношение к делам, производство которых прекращено более 40 лет тому назад»; составлять опись массива документов, образующего университетский архив, и предоставлять три экземпляра этой описи в Службу по надзору над архивами; обеспечивать возможность работы в архивах в соответствии со сроками, указанными в статьях 21 и 22 того же Указа, для исследователей; прежде передачи документов в исторический архив проводить мероприятия по «утилизации» материалов, признанных наименее ценными³⁹.

Еще больше ситуацию усложняет неопределенность юридического статуса итальянских университетов, на которой нам следует остановиться подробнее. Вопрос о статусе государственных университетов и, следовательно, производимых ими архивов стал в 60-е годы XX в. предметом ожесточенных споров между Министерством внутренних дел и Министерством народного просвещения. МВД, в подчинении которого находилась администрация Государственных архивов, рассматривало университеты как «периферические государственные учреждения» и, следовательно, полагало, что университетские архивы должны в конечном итоге переходить в распоряжение государственных территориальных архивов, на которые возлагалась также и обязанность по надзору за ними⁴⁰. Министерство народного просвещения рассматривало государственные

³⁸ D.P.R. 3 dicembre 1975, n. 805, Organizzazione del Ministero per i beni culturali e ambientali (in G.U. 27.01.1976, n. 23).

³⁹ См.: *Lodolini E.* Op. cit.

⁴⁰ О различии между функциями «надзора» и «наблюдения» и других проблемах, связанных с этой темой, см.: *Collavo Baggio R.* Archivi delle Università: sorveglianza o vigilanza // RAS. 1970. Vol. XXX. No. 3. P. 658–659.

университеты или как «автономные субъекты публичного права», или как «вспомогательные государственные институции»⁴¹; позиция Министерства была разъяснена в циркуляре от 20 июня 1966 г. № 270, выпущенном I Специальным отделом Центрального управления университетского образования. Согласно этому документу, университетам предписывалось хранить свои архивы у себя под наблюдением Архивнадзора (требование это, впрочем, не всегда соблюдалось). Как отмечала Паола Каруччи, «когда вставала проблема надзора за архивом, то чиновники обыкновенно указывали на то, что архив является государственным учреждением; когда же заходила речь о финансировании, они говорили об институциональной автономии архива»⁴².

Таким образом, архивы итальянских университетов с самого начала функционировали, в некоторой степени, вне каких-либо правил. При этом положение дел в них можно считать благоприятным — но, правда, скорее *de facto*, чем *de jure*: как правило, архивы, созданные прежде Объединения Италии, т.е. обладающие самым высоким престижем и наиболее древние, большей частью располагаются в государственных архивах, в то время как архивы, созданные после Объединения, остаются, главным образом, в университетах. Основная проблема, однако, в другом — в организации работы архивов при университетах. Хранить исторический архив, как правильно отметила П. Каруччи, не означает, как это бывает во многих университетах, «держать где попало, без всякого порядка, рассованными по разным шкафам разрозненные бумаги, уцелевшие лишь благодаря доброй воле, хорошей интуиции кого-то из преподавателей или же просто его личному пристрастию к каким-то конкретным документам» — еще и потому, что такой способ хранения сделал бы архивы не слишком пригодными для научной работы. Отсюда — необходимость, с каждым днем

⁴¹ Термин «автономный субъект публичного права» содержится в циркуляре Министерства народного просвещения от 20 июня 1966 г. № 270. Определение же архива как «вспомогательного государственного учреждения» мы почерпнули из: *Sandulli A. M.* Manuale di diritto amministrativo. Napoli: Jovene, 1984. P. 536. Более сложное определение — «автономное вспомогательное учреждение государственного подчинения» — принадлежит Л. Трамонтано: *Tramontano L.* Legislazione universitaria. Napoli: Simone, 1985. P. 14.

⁴² Ср. *Carucci P.* Problemi e prospettive dell'Archivio storico // Gli archivi storici delle Università italiane e il caso pavese. Atti del convegno nazionale (Pavia, 28–29 novembre 2000). P. 205–208 (цитату см. на с. 205).

делающаяся все более неотложной, невзирая даже на все тяготы экономического положения, искать пригодные для хранения архива помещения и компетентный персонал, способный работать в историческом архиве, включающем как документы и книги, так и музейные объекты, а также систематизировать и описывать книжные собрания в соответствии с библиографическими критериями, архивные документы — в соответствии со стандартами архивного дела, а музейные объекты — согласно правилам музееведения, дабы студенты и преподаватели могли извлечь наибольшую пользу из работы с сохранившимися архивными материалами.

Кроме того, в высшей степени необходимо, чтобы администрация исторического архива находилась в тесном контакте со всеми департаментами (а вплоть до недавнего времени — и всеми факультетами), а также с ректоратом, так как «ключевым моментом эффективного управления историческим архивом является заблаговременное планирование регулярных обновлений архивного фонда за счет документации университетских подразделений. Представлять себе архив как нечто косное, не подлежащее изменениям и регулярным обновлениям, значило бы отводить ему второстепенную роль на задворках культурной жизни университета»⁴³.

Как утверждал Джан Паоло Брицци, «университетский исторический архив традиционно рассматривается как исследовательская лаборатория во всех смыслах этого слова, и так же он должен рассматриваться, когда речь идет о его администрировании и стратегиях управления им. Архив — не просто хранилище входящих и исходящих университетских документов, он представляет собой двигатель и важнейший фактор прогресса университета, определяющий вектор и условия развития учреждения; <...> архив призван быть лабораторией историографических штудий, но также он должен быть территорией формирования самосознания университета, столь важного для институции, находящейся в постоянном поиске управленческого равновесия, обретаемого на почве университетской автономии — принципа, который именно из исторической памяти, а значит — из архива, черпает свои привилегии и способы претворения в жизнь»⁴⁴. Таким образом, именно

⁴³ Ср.: Carucci P. Op. cit. P. 207.

⁴⁴ Ср.: Brizzi G.P. L'Archivio storico...

подготовленному и добросовестному архивисту, «архитектору памяти», должна быть вверена ответственная задача: формировать и оберегать ту часть университетской жизни, которую не без оснований называют «фабрикой памяти»⁴⁵, и определять ее будущее.

⁴⁵ Fioravanti G. Dall'archivio... P. 131 — 132.

Яна Руднева

«БОЛЬШОЙ АРХИВ ЖЕНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»: ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ

doi: 1017323/978-5-7598-1587-7_206-219

Сейчас история женского образования привлекает активное внимание российских и зарубежных исследователей, работающих в самых разных направлениях историко-социального знания: в области государственной образовательной политики, институциональной истории высшей школы (в том числе отдельных высших учебных заведений), межуниверситетских коммуникаций, истории общественных движений (в первую очередь феминизма), региональной истории, истории повседневности, наконец, «персональной» истории. Но насколько релевантным в историческом контексте является используемый ими термин «женский университет»?¹ Это не праздный вопрос. Ответ на него порождает исследовательскую конвенцию, так как в правовых документах Российской империи фигурирует другой термин — «высшие женские курсы»².

Понятие «женский университет» появилось в 1860-х годах³. Его появление было связано с общественной дискуссией о последствиях принятия университетского устава 1863 г., зафиксировавшего *de jure* статус императорских университетов как исключительно

¹ См.: Федосова Э.П. Бестужевские курсы — первый женский университет в России (1878–1918) / под ред. Э.Д. Днепров. М.: Педагогика, 1980; Вахромеева О.Б. Духовное пространство Университета. Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.): исследования и материалы. СПб.: ООО «Диада-СПб», 2003; Кобченко К. «Жіночий університет Святої Ольги»: Історія Київських вищих жіночих курсів. Київ: МП «Леся», 2007.

² По свидетельству инициатора создания Московских высших женских курсов профессора В.И. Герье, название «высшие женские курсы» было предложено попечителем Московского учебного округа А.П. Ширинским-Шахматовым для того, чтобы подчеркнуть университетский характер образовательных программ нового учреждения.

³ См.: Указатель литературы по женскому вопросу на русском языке // Северный вестник: журнал литературно-научный и политический. СПб., 1887. Кн. 7–8. С. 944–1377.

мужских учебных заведений. Одной из возможных альтернатив государственным университетам сторонникам эмансипации виделось создание частных — «женских» — университетов. Эта идея воплотилась в начале 1870-х годов. Несколько профессоров в особом порядке получили разрешение на открытие «в виде опыта» высших женских курсов в Москве (1872)⁴, Казани (1876), Санкт-Петербурге⁵ и Киеве (1878). В конце 1880-х годов все курсы, кроме Санкт-Петербургских (Бестужевских)⁶, были закрыты.

Массовое открытие высших женских курсов относится к периоду первой русской революции: к 1910 г. их число достигло 25⁷. Бурный рост числа высших женских учебных заведений и несанкционированный прием девушек в императорские университеты⁸ вызвал новую волну обсуждения возможного устройства особых «женских университетов». Такие университеты в итоге не были открыты, но после принятия закона 19 декабря 1911 г. «Об испытании лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений»⁹, женскими университетами неофициально стали именоваться высшие женские курсы¹⁰.

⁴ Курсы профессора В.И. Герье, действовавшие наряду с Лубянскими курсами (1869).

⁵ В Петербурге действовали Бестужевские курсы, которым предшествовали курсы Аларчинские и Владимирские публичные лекции для мужчин и женщин. Кроме того, в 1872 г. при Медико-хирургической академии был открыт «Особый курс для образования ученых акушерок», реорганизованный в «Женские врачебные курсы» при Николаевском военном госпитале (1876). Это учебное заведение, в отличие от остальных курсов, контролировавшихся Министерством народного просвещения, находилось в ведении Военного министерства.

⁶ Возобновили деятельность на основании «Временного положения о высших женских курсах» от 3 июля 1889 г.

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 154. Д. 433. Л. 528.

⁸ По указу 29 октября 1908 г. 1120 вольнослушательниц российских императорских университетов получили разрешение окончить образование (РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 433).

⁹ До появления этого закона свидетельства, выдаваемые курсами как частными учебными заведениями, не имели силы юридического документа, подтверждающего наличие высшего образования.

¹⁰ Как указывает О.Б. Вахромеева, неофициальное название «женские университеты» закрепилось за самыми представительными по численности Мо-

Могли ли в действительности высшие женские курсы претендовать на то положение, которое занимали российские императорские университеты? С точки зрения цели создания, особенно организаций¹¹ и правового регулирования¹², безусловно, нет. Во-первых, цель организации курсов, возникших в период борьбы за женскую эмансипацию, не вписывалась в представления о традиционной миссии университета — подготовка квалифицированных кадров для государственных нужд (как известно, государственный заказ на специалистов женского пола с высшим образованием в Российской империи отсутствовал). Университетские профессора, являвшиеся инициаторами создания первых курсов, рассматривали их как один из возможных вариантов самообразования женщин. Во-вторых, из-за отсутствия нормативных актов¹³,

сковскими, Петербургскими, Киевскими и Казанскими высшими женскими курсами, отнесенными в соответствии с данным законом в особый разряд учебных заведений, выпускницы которых допускались к экзаменам в университетских испытательных комиссиях без особого разрешения Министерства народного просвещения. Отсутствие особого разрешения свидетельствовало о признании уровня подготовки выпускниц курсов соответствующим уровню подготовки выпускников университетов. См.: *Вахромеева О.Б.* Новая женщина в старой России: Очерки по истории женского образования (конец XVIII — начало XX века). СПб.: Лема, 2011. С. 146.

¹¹ Курсы существовали главным образом за счет оплаты учебных занятий слушательницами, а также пожертвований и субсидий от общественных, городских, земских учреждений и частных лиц.

¹² На рубеже XIX–XX вв. изменения положения женщин в области образования фиксировались в российском законодательстве, в частности, в Своде законов Российской империи, в виде отдельных юридических актов (типовых уставов начальной и средней женской школы). Учредительные и уставные документы (правила) женских учебных заведений с университетской программой преподавания (высших женских курсов) составляли исключение и не допускались в Свод законов (Т. XI. Ч. 2. Уставы ученых учреждений и учебных заведений). Исключение составлял Женский медицинский институт, открытый в 1897 г. в Петербурге на частные средства, переведенный в 1904 г. под контролем Министерства народного просвещения на государственное обеспечение и приравненный к медицинским факультетам университетов. См.: *Вахромеева О.Б.* Положение женщин в правовом поле Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: публикация законодательных актов. СПб., 2006. С. 161.

¹³ Исключение составляли две группы: выпускницы женских врачебных курсов при Николаевском военном госпитале (1872–1881) и женщины, получившие степень доктора медицины в Западной Европе (докторессы). В 1880 г. выпускницам женских врачебных курсов при Николаевском военном госпитале был при-

которые легализовали бы процедуру «приобретения лицами женского пола документов, удостоверяющих, что полученное ими образование вполне соответствует университетскому и может быть признано высшим»¹⁴, уровень подготовки женщин, в том числе выпускниц Бестужевских курсов, до 1911 г. оценивался чиновниками Министерства народного просвещения «на глаз»¹⁵.

Несмотря на вышеуказанные обстоятельства, есть все основания полагать, что уровень и содержание преподавания в высших женских учебных заведениях¹⁶ соответствовал университетскому.

своим нагрудным знаком отличия на право врачебной практики с буквами «ЖВ», а с 1883 г. — особое звание «женщина-врач». «Врачебный устав» (1892) предусматривал специальные «Правила о правах лиц женского пола, окончивших образование на упраздненных женских курсах при Николаевском военном госпитале». Однако «низшая степень медицинского образования» женщин-врачей обусловила существенное ограничение их прав на врачебную деятельность по сравнению с мужчинами, носившими звание «лекарь» (РГИА. Ф. 733. Оп. 191. Д. 1732. Л. 78). Женщины, получившие степень доктора медицины в Западной Европе, с 1895 г. приобрели право с особого разрешения императора подтверждать дипломы в университетских испытательных комиссиях.

¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 433. Л. 530.

¹⁵ В 1901 г. император делегировал министру народного просвещения право выдавать разрешения на назначение выпускниц Бестужевских курсов учительницами старших классов женских гимназий, в 1906 г. — мужских гимназий. Таким образом, в начале XX в. сложилась ситуация, когда растущие потребности государства в педагогических кадрах удовлетворялись за счет лиц женского пола, квалификацию которых министр должен был подтверждать лично в каждом индивидуальном случае. Комментируя данную практику, министр народного просвещения А.Н. Шварц (1908–1910) признавал, что образование, полученное на высших женских курсах, признавалось чиновниками Министерства народного просвещения высшим *de facto*, несмотря на отсутствие «объективных данных в каждом отдельном случае для решения вопроса, насколько то или иное лицо, получившее свидетельство от высших курсов, может быть признано получившим действительно высшее образование» (РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 433. Л. 533).

¹⁶ Речь идет, в первую очередь, о медицинских высших учебных заведениях. Кроме того, по свидетельству слушательниц и педагогов Московских, Петербургских, Киевских, Казанских высших женских курсов, в начале XX в. их курсовые учебные программы по сложности не уступали университетским. Современными авторами эти свидетельства не ставятся под сомнение. В частности, украинская исследовательница Катерина Кобченко, поясняя смысл, заложенный в названии ее монографии «Жіночий університет Святої Ольги». Історія Київських вищих жіночих курсів», указала на то, что выражение «Женский университет Святой Ольги» взято в кавычки неслучайно: хоть оно прижилось и закрепилось за Киевскими высшими женскими курсами, но не было утверждено официально, несмотря на

Более того, под руководством профессуры, нестесненной в своих действиях регламентами и правилами, установленными для казенных учебных заведений, они стали одним из первых в России проектов по развитию частного высшего образования.

Для анализа перспектив продвижения в данной теме необходимо определить источники возможности ее изучения, и в частности, понять, как можно улавливать «женские голоса» в университетских архивах.

Первые исследования по истории обучения женщин, сделанные на основе архивных свидетельств, появились в СССР в 1940-е годы. Тогда было защищено сразу несколько диссертаций, прямо или косвенно связанных с историей высшего женского образования¹⁷. В 1941 г. была представлена к защите диссертация Н.И. Молодых, в которой автор, используя архивный фонд Московских высших женских курсов (МВЖК), реконструировал образовательную и научную деятельность курсов начала XX в. Задача Молодых заключалась в обосновании преемственности между дореволюционными и советскими высшими учебными заведениями¹⁸, поэтому в работе подробно рассматривались особенности организации учебного процесса, деятельность профессорско-преподавательского состава по научной подготовке слушательниц, экономика курсов.

Попытка компенсировать недостающий в работе Н.И. Молодых политический сюжет — участие слушательниц МВЖК в ре-

неоднократные попытки добиться этого со стороны преподавателей курсов (Кобченко К. Ор. cit. С. 8).

¹⁷ Молодых Н.И. История Московских высших женских курсов 1900 года: дис. ... канд. пед. наук. М., 1941; Васильева М.В. Женское движение в России в 60-х годах XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1942; Розова К.Л. История первых русских женщин — врачей: дис. ... канд. мед. наук. М., 1945; Львов К.И. Женское образование в СССР в прошлом и настоящем (в связи с проблемой раздельного обучения девочек народов СССР): дис. ... д-ра пед. наук. М., 1946.

¹⁸ В сентябре 1918 г. Московские высшие женские курсы были реорганизованы во 2-й Московский государственный университет (2-й МГУ). 17 октября 1921 г. на базе 2-го МГУ был организован новый факультет — педагогический. В результате реформы высшего образования, проводившейся в СССР в 1930-е годы, 2-й МГУ разделили на три самостоятельных вуза: Московский педагогический институт, ставший правопреемником 2-го МГУ, 2-й Московский медицинский институт и Московский химико-технологический институт. См.: Московскому педагогическому государственному университету — 130 лет // Развитие личности. № 4. М., 2002. С. 223–234. <<http://rl-online.ru/articles/4-02/215.html>> (дата обращения: 10.10.2013).

волюционном движении — относится к 1961 г. Накануне 90-летнего юбилея курсов появилась коллективная студенческая работа (руководитель — доцент Московского педагогического института им. В.И. Ленина С.Л. Эвенчик)¹⁹, в которой усилиями авторского коллектива были систематизированы данные архивного фонда Особого отдела департамента полиции (Центральный государственный архив г. Москвы) о политической активности курсисток.

В 1960-е годы, юбилейные для первых высших женских курсов, был опубликован целый ряд крупных работ по истории Санкт-Петербургских (Бестужевских) курсов. В 1966 г. увидел свет подробный библиографический указатель по истории курсов, начиная с 1870-х годов. В указатель был включен перечень 11 архивов, с пометкой авторов о том, что «эти материалы требуют специального исследования»²⁰.

В 1969 г. итог предшествующим исследовательским поискам по истории Московских и Санкт-Петербургских (Бестужевских) курсов подвела Э.П. Михеева²¹. В ее диссертации впервые история высшего женского образования рассматривалась как процесс, имевший определенную динамику и специфику. Михеева, работая на протяжении нескольких лет с архивными документами²², структурировала их по следующим категориям: 1) документы, характеризующие общественное настроение по вопросам высшего женского образования; 2) документы, отмечающие отношение общества к борьбе за открытие Высших женских курсов (ВЖК) в России: ходатайства об открытии курсов в различных городах, проекты программ, обзоры учебных планов, проекты положений

¹⁹ Участие слушательниц МВЖК в революционном движении 1880–1915 гг.: сб. студенческих работ. М.: МГПУ им. В.И. Ленина, 1961. Вып. 2. Гуманитарные науки. С. 3–34.

²⁰ Высшие женские (Бестужевские) курсы. Библиографический указатель. М.: Книга, 1966. С. 23.

²¹ Михеева Э.П. Высшее женское образование в России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969.

²² Э.П. Михеева систематизировала документы Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне ГАРФ), Центрального государственного исторического архива (ныне РГИА), Центрального государственного архива литературы и искусства (ныне РГАЛИ), Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГАМ), Государственного исторического архива Ленинградской области (ныне ЦГИА СПб), Отдела рукописей библиотеки им. В.И. Ленина (ныне НИОР РГБ).

о ВЖК, уставов и т.д.; 3) документы ВЖК: отчеты о деятельности, переписка по разным вопросам, планы, учебные расписания занятий, личный состав преподавателей, состав слушательниц, различные документы об академической жизни, общественной и научной жизни курсов и т.д.; 4) личные дела слушательниц; 5) официальные документы Особого отдела Департамента полиции, а также канцелярий Московского и Санкт-Петербургского губернаторов, канцелярий Московского и Санкт-Петербургского градоначальников, полицейских приставов и др. по поводу участия слушательниц ВЖК в революционном движении; 6) документы Министерства народного просвещения (протоколы заседаний различных комиссий по вопросу о высшем женском образовании).

Иерархия архивных документов была выстроена Михеевой в соответствии с содержанием диссертации: в первой, самой значительной по объему, главе рассматривалось «отношение к женскому образованию со стороны прогрессивной части русского общества, а также революционных кругов»²³, во второй — «политика правительства по вопросу о высшем женском образовании»²⁴, в третьей — деятельность Санкт-Петербургских (Бестужевских) и Московских (В.И. Герье), в четвертой — участие слушательниц в революционном движении. Стоит отметить, что предложенная Михеевой структура изложения материала по истории высшего женского образования продолжает использоваться большинством современных авторов.

Таким образом, на протяжении 1930–1980-х годов советскими исследователями был собран и систематизирован обширный архивный и библиографический материал по истории наиболее известных учебных заведений дореволюционной России — Санкт-Петербургских (Бестужевских) и Московских (В.И. Герье) высших женских курсов. Параллельно велась работа по созданию биографии интеллектуалок (ученых, врачей, педагогов), признанных историческим профессиональным сообществом в качестве пионеров (точнее пионерок) высшего женского образования.

Характерной чертой 1990–2000-х годов стало повышенное внимание исследователей к высшему образованию как социальной институции с определенным набором функциональных характеристик (административное устройство учебных заведений,

²³ Михеева Э.П. Указ. соч. С. 7.

²⁴ Там же. С. 14.

педагогический и студенческий состав, программы преподавания, источники бюджета и т.д.). Тяга к макроисторическому «видению» подразумевала поиск общих закономерностей эволюции учебных заведений, включенных в «систему» высшего образования, нередко без учета региональной специфики, гендерных и социокультурных особенностей. При таком подходе женское образование не только оказалось «встроенным» в историю российской высшей школы, но и стало представляться составной и неотъемлемой ее частью. Не отрицая того факта, что женская высшая школа оформилась как самостоятельная отрасль в связи с неравноправным общественным положением российских женщин, исследователи, тем не менее, представляли ее как институцию, действующую в рамках «предписанных» социальных функций по трансляции знания и подготовке квалифицированных кадров²⁵.

Свидетельством противоположной тенденции стали работы, в которых высшее женское образование рассматривалось как социальный институт, не только редуцировавший традиционное распределение властных отношений, но и воспроизводивший новые гендерные роли и функции²⁶. Такой подход открыл возможность изучения опыта социальной деятельности российских женщин по преодолению гендерного неравенства.

Необходимость реконструкции исторических условий, в которых протекало это воспроизводство (особенно на примере провинциальных курсов, библиография которых не столько обширна, как библиография столичных курсов), естественным образом заставила исследователей обратиться к ранее не востребовавшимся архивным материалам.

²⁵ Змеев В. А. Эволюция высшей школы Российской империи. М.: ЛАТМЭС, 1998; Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск: Изд-во ТГАСУ, 1998; Солоницын В.А. Негосударственное высшее образование в России. М.: МОСУ, 1998.

²⁶ Зимин И.В. Женское медицинское образование в России (вторая половина XVIII — начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999; Афонина Е.В. Высшее женское образование в Казани (вторая половина XIX — начало XX века): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002; Вахромеева О.Б. Духовное пространство Университета: Высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918 гг.: исследования и материалы. СПб.: ООО «Диада-СПб», 2003; Веремченко В.А. Женщины в русских университетах (вторая половина XIX — начало XX вв.). СПб.: Изд-во Высш. адм. шк., 2004; Кузьминова Е.Ф. Сибирские Высшие женские курсы в г. Томске (1910–1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2006; Кобченко К. Ор. cit.

Благодаря исследовательской активности перечень архивов, фонды которых были описаны и проанализированы с точки зрения полноты и сохранности документов, был существенно расширен. В частности, работа О.Б. Вахромеевой «Духовное пространство Университета: Высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918 годы: исследование и материалы»²⁷ основана на уникальных документальных материалах, сохранившихся в фонде Высших женских курсов архива Музея истории СПбГУ. Этот фонд был образован при Комитете бестужевки Ленинградского университета 26 марта 1958 г. по инициативе бывшей бестужевки Н.П. Вревской. Основу фонда составили анкеты более чем 2000 выпускниц, воспоминания бывших курсисток о студенческой жизни, профессорско-преподавательском составе, первых самостоятельных шагах в науке, профессии. Петербургская исследовательница, будучи в течение 10 лет сотрудником музея и имея доступ к неразобраным материалам фонда Бестужевских высших женских курсов, систематизировала, описывала и хранила их.

Следующей серьезной работой О.Б. Вахромеевой стала систематизация в хронологическом порядке персональных данных 7592 выпускниц Бестужевских курсов за 1882–1918 гг.²⁸ Уточнение данных позволило скорректировать информацию о количестве выпускниц, их социальном положении, вероисповедании²⁹. По свидетельству Вахромеевой, в одном из самых крупных архивных фондов — фонде Бестужевских курсов³⁰ отсутствуют личные дела выпускниц и свидетельства об окончании курсов за 1882–1889 гг.³¹ Номера свидетельств об окончании известны лишь из дубликатов, за которыми обращались бывшие слушательницы в случае утраты подлинника (вольнослушательницы не получали свидетельств об окончании курсов).

Интересен и во многом имеет сходные особенности опыт работы исследователей, занимавшихся историей провинциальных

учебных заведений. Е.В. Афолина, впервые задействовав фонд Казанских высших женских курсов³², констатировала малочисленность документов первого периода деятельности курсов, их полное отсутствие за 1886–1887 гг. и обнаружила, что отчетные документы за 1876–1887 гг., отсутствующие в этом фонде, сохранились в делопроизводственной документации Казанского учебного округа. В соответствии с Положением о курсах на попечителя учебного округа лежала обязанность контролировать их деятельность, поэтому ежегодно, к началу учебного года руководство курсов направляло попечителю учебные планы, списки преподавателей по предметам, а по окончании учебного года — отчеты о деятельности. Документооборот первых Казанских высших женских курсов не предусматривал ведение личных дел. Биографические данные курсисток сохранились исключительно в текстах прошений о зачислении на курсы, не имевших четко выраженного формуляра³³. Дубликаты свидетельств в архивном фонде курсов отсутствуют³⁴. По мнению Афолиной, основной причиной дефицита документов являлось отсутствие в штате первых курсов канцелярских работников. Из-за скудности финансов их функции выполнял сам директор. Вторые Казанские высшие женские курсы имели штатных канцелярских работников, «и делопроизводство на них велось на

³² Хранится в Национальном архиве Республики Татарстан (НА РТ), куда в 1920-е годы были переданы документы Казанских высших женских курсов 1906–1918 гг. К этому собранию (НА РТ. Ф. 131) уже в советское время, в процессе обработки документов и составления описей в Центральном государственном архиве Татарской АССР, были присоединены сравнительно немногочисленные документы (30 единиц хранения) первых Казанских высших женских курсов, действовавших в 1876–1887 гг.

³³ Сохранились далеко не все прошения, и в них заявительницы не всегда сообщали подробные анкетные данные. Как правило, указывали законченные учебные заведения; те, кто сдал экзамен на звание домашней учительницы, чаще указывали лишь на этот факт, не называя учебного заведения, в котором учились. Реже фиксировалось сословное происхождение (у замужних — положение мужа), еще реже — год рождения. В прошении не указывалось, имеют ли будущие слушательницы работу в Казани и собираются ли совмещать учебу с работой (по правилам курсов это было разрешено и даже поощрялось). См.: Афолина Е.В. Архивные документы по истории женского образования в Казанской губернии // Эхо веков. № 3–4. Казань, 2012. <<http://rl-online.ru/articles/4-02/215.html>> (дата обращения: 10.10.2013).

³⁴ Единственное исключение — удостоверение Надежды Зефировой, окончившей курсы в 1882 г. (НА РТ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 272).

²⁷ Вахромеева О.Б. Духовное пространство Университета...

²⁸ Вахромеева О.Б. Бестужевка в цифрах: к 130-летию юбилею Санкт-Петербургских Высших женских курсов (1878–1918 гг.). СПб., 2008.

²⁹ Из наиболее цитируемого библиографического указателя 1966 г., составители которого при сборе статистических данных пользовались опубликованными списками выпускниц.

³⁰ Центральный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦИА СПб). Ф. 113.

³¹ Вахромеева О. Б. Бестужевка в цифрах... С. 62.

достаточно высоком уровне, в полном соответствии с традициями российской бюрократии»³⁵.

Украинской исследовательнице Катерине Кобченко, автору первой крупной работы по истории Киевских высших женских курсов³⁶, также удалось компенсировать недостающую в фонде курсов³⁷ информацию за счет документов из канцелярии попечителя Киевского учебного округа, канцелярии Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора, местного губернского жандармского управления и охранного отделения. Ею были привлечены личные фонды профессоров и преподавателей университета и курсов, находящиеся в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского (в частности, персональный архив В.С. Иконникова, профессора истории, который заведовал курсами с 1881 по 1889 г., и дневники его жены, выпускницы курсов). По свидетельству Кобченко, исследовательскую работу серьезно осложнило отсутствие архива (местонахождение неизвестно) медицинского отделения Киевских высших женских курсов, действовавшего с 1907 г. и реорганизованного в 1916 г. в Киевский женский медицинский институт³⁸.

Е.Ф. Кузьминова, занимаясь исследованием истории Сибирских высших женских курсов, восстановила по архивным документам³⁹ особенности организации учебного процесса и персональные данные слушательниц за 1910–1919 гг., но не смогла установить общее количество выпускниц из-за отсутствия копий свидетельств об окончании. Кроме того, после 1914 г. документация курсов сохранилась фрагментарно, что не дало ей возможности «восстановить полную картину деятельности Сибирских высших женских курсов»⁴⁰.

³⁵ Афонина Е.В. Указ. соч.

³⁶ Кобченко К. *Op. cit.*

³⁷ Державний архів міста Києва (ДАМК). Ф. 244.

³⁸ В фонде курсов (ДАМК. Ф. 244) сохранились только личные дела слушательниц медицинского института.

³⁹ В диссертационной работе исследовательница опиралась на материалы архивных фондов РГИА (Ф. 733, Ф. 1276), Государственного архива Томской области (ГАТО) (Ф. 193 (Сибирские высшие женские курсы), Ф. 102 и Р-815 (Томский университет), Ф. 233 (Томская городская управа), Ф. 126 (Управление Западно-Сибирского учебного округа).

⁴⁰ Кузьминова Е.Ф. Сибирские Высшие женские курсы в г. Томске (1910–1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2006. С. 18.

Итак, университетский «женский» архив по аналогии с традиционным университетским архивом — это сложносоставной комплекс, включающий делопроизводственную документацию самих учебных заведений, материалы, отложившиеся в фондах различных ведомств, и «персональные» архивы. В то же время современные исследователи, работающие с архивными документами по высшему женскому образованию, отмечают ряд особенностей, связанных, прежде всего, с условиями формирования университетского «женского» архива.

Делопроизводственный документооборот университетов к середине XIX в. был упорядочен и регламентирован определенными правилами, поэтому наличие программ, учебных планов, годовых отчетов, протоколов заседаний различных советов, зачетных ведомостей, личных дел и т.д. дает достаточно полное представление о повседневной жизни университетской корпорации. Делопроизводственная документация высших женских учебных заведений — на начальном этапе их существования — или велась по упрощенной схеме, или не велась совсем. Очевидно, что и к преподавателям курсов предъявлялись минимальные требования по оформлению документов, сопутствующих учебному процессу (зачетные ведомости, учебные программы)⁴¹.

Одной из причин упрощенного делопроизводства было отсутствие ведомственного контроля: первый официальный запрос о состоянии высших женских курсов от Министерства народного просвещения поступил в 1882 г., незадолго до их закрытия. Кроме того, до начала XX в. на курсы не распространялось обязательное для университетов правило публиковать годовые отчеты⁴² и списки студентов⁴³, составлявшихся на основе личных

⁴¹ По свидетельству Е.В. Афонинной, преподаватели Казанских высших женских курсов в соответствии с положением о курсах были обязаны представлять в педагогический совет программы учебных курсов. Однако содержание сохранившихся программ предельно сжато и состоит из глухих заголовков тем, например, «Преобразования Петра Великого», «Творчество Лермонтова» и т.д., в программах отсутствует формулировка цели, задач, нет списков литературы. См.: Афонина Е.В. Указ. соч.

⁴² Первый опубликованный отчет о деятельности высших женских курсов — Бестужевских — относится к 1890 г. См.: Отчет о состоянии С.-Петербургских ВЖК за 1889–1890 учебный год. Читан г. директором высших женских курсов, В.П. Кулиным, на годовом акте 30-го сентября 1890 года. СПб., 1890.

⁴³ Опубликованы Список зачисленных на Казанские высшие женские курсы в 1876 г. (См.: Открытие публичных высших женских курсов в Казани. Казань, 1876)

дел⁴⁴. Другая причина — неопределенный правовой статус курсов, выдававших выпускницам свидетельства об окончании, что называется, «на память» об alma mater. Такое свидетельство ни к чему не обязывало организаторов курсов и до 1911 г. не гарантировало женщинам никаких преференций при трудоустройстве⁴⁵. Неслучайно, что сегодня наиболее серьезную проблему для исследователей представляет восстановление персональных данных слушательниц (выпускниц) высших женских учебных заведений, действовавших в Российской империи в 1870–1880-е годы: за этот период в архивах курсов отсутствуют личные дела слушательниц, копии свидетельств об окончании, списки выпускниц.

Попробуем обозначить перспективы дальнейшей аналитической работы с «женским» университетским архивом:

- во-первых, необходимо продолжить работу по изучению обстоятельств возникновения, условий формирования и степени сохранности университетского «женского» архива⁴⁶;

- во-вторых, содержание университетского «женского» архива позволяет обратиться к культурно-антропологической перспективе исследования высшего женского образования, для этого, в первую очередь, необходимо прочтение архивных документов под другим углом зрения⁴⁷;

и Список слушательниц Женских врачебных курсов V-го курса на 1877–1878 учебный год (СПб., 1877).

⁴⁴ Обязательный для университетского делопроизводства документ — личное дело студента — состоял из оригинала (копии) документов о возрасте, месте рождения, образовании, сословной принадлежности и семейном положении.

⁴⁵ За исключением выпускниц Бестужевских курсов.

⁴⁶ До сих пор отсутствуют полноценные исследования (т.е. основанные на архивных данных) о Московских высших женских курсах, Женских врачебных курсах при Николаевском военном госпитале, Женском медицинском институте, как следствие — отсутствуют описания архивов этих учебных заведений. Недостаточно изучены архивные документы российских университетов, несмотря на то что в них имеются свидетельства о непосредственной реакции ученой корпорации на «вторжение» противоположного пола в университетское пространство (речь идет о вольнослушательницах российских университетов и докторессах, подтверждавших свои дипломы наравне с мужчинами в университетских испытательных комиссиях), правовых коллизиях, связанных с присутствием женщин в университетах, и другие не менее интересные свидетельства.

⁴⁷ Например, использовать делопроизводственную документацию как «персональный» текст. См.: Руднева Я.Б. Женские саморепрезентации в деловой до-

- наконец, от современного исследователя нужна не прямая трансляция свидетельств источника, а критическая работа с ним, требующая фиксации скрытых мотивов создания текста⁴⁸.

кументации начала XX века // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2010. Вып. 31. С. 209–229.

⁴⁸ Приведу только один пример. Согласно отчетам директора Казанских высших женских курсов Н.А. Осокина (1876–1886), направленным в Министерство народного просвещения, общая численность женщин, обучавшихся на курсах, составляла 566. В соответствии со списками курсисток и ведомостями успеваемости их число за все время существования курсов не превышало 350. Вопрос о том, сознательно ли был произведен Н.А. Осокиным неверный подсчет или эта была ошибка по невнимательности, до сих пор остается открытым.

Александр Русанов

АРХИВ ПОРТУГАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В XIV — НАЧАЛЕ XVI В.¹

doi: 1017323/978-5-7598-1587-7_220-233

Архивы были важной частью жизни любых, в том числе ученых, корпораций. В высокое Средневековье университетский архив доказывал правопреемственность привилегий ученых клириков даже тогда, когда сама школа то начинала, то приостанавливала свою учебную деятельность или переезжала с места на место. А в начале раннего Нового времени архив оказался востребован для формирования университетской идентичности, которая выстраивалась на основе текстов римского, канонического, обычного и королевского права.

В данной статье история Португальского университета рассматривается сквозь призму его отношения к своду привилегий, зафиксированных в архивных текстах. Такой сюжет потребовал от меня изучения университетской политики памяти.

Фондообразователь

Португальский университет был учрежден в 1288–1290 гг. в Лиссабоне. Историографическая традиция увязывает его основание с именем короля Диниша I, но, судя по немногим сохранившимся источникам, значительную роль в этом сыграли высшие клирики. Документальные свидетельства о начале занятий в португальском университете неизвестны, вероятно, сначала учащихся и учащихся было немного. Лишь к концу XIV в. число преподавателей стало больше 20. Значительной роли в образовательном пространстве

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

средневековой Европы этот университет явно не играл. Для получения высоких должностей в королевской канцелярии от претендентов требовали образование в Париже или Болонье.

Особенностью ранней истории Португальского университета являются его постоянные переезды: в 1308 г. *studium generale* оставила Лиссабон, где располагалась с 1288 по 1290 г., и переехала в Коимбру. В Лиссабон она вернулась в 1338 г., а в 1354 г. «странствующий университет» вновь отправился в Коимбру. В 1377 г. произошло так называемое «второе основание» университета в Лиссабоне. Там он обучал студентов до 1537 г., когда вновь и уже навсегда осел в Коимбре².

Переезды, а также другие перерывы в деятельности *studium generale*, связанные с эпидемиями, войнами, конфликтами с горожанами, позволяют поставить вопрос о единстве истории Португальского университета³.

Архивная коллекция

В современном архиве Университета Коимбры хранится относительно небольшая коллекция документов, свидетельствующая о ранней истории высшей школы. Кроме Зеленой книги (сборника копий важных документов), картулярия и кодекса корпоративного права, в нем есть еще около 60 текстов, созданных между 1389 и 1537 гг. Копии десяти из них внесены еще и в Зеленую книгу. Судить по ним об основании университета, его структуре и принципах формирования весьма трудно. Португальские исследователи

² Подробнее см.: Braga T. História da Universidade de Coimbra nas suas relações com a instrução portuguesa. T. I. 1289 a 1555. Lisboa, 1892; Brandão M., Almeida M. Lopes de. A Universidade de Coimbra. Esboço da sua história. Coimbra, 1937; Moreira de Sá A. Dúvidas e problemas sobre a Universidade Medieval Portuguesa. Lisboa, 1964; Universidade(s). História, memória, perspectivas. Vol. 1–5. Coimbra, 1991; História da Universidade em Portugal. Vol. I. T. I (1290–1536). Lisboa; Coimbra, 1997; A Universidade Medieval em Lisboa, Séculos XIII–XVI. Lisboa, 2013. Также см.: Русанов А.В. Коимбра // Православная энциклопедия. Т. XXXVI.

³ Rusanov A. The Continuity of University History: A Case-Study of Portuguese Studium Generale (1288–1377) // History of Education & Children's Literature. 2014. IX/1. О связанном с данной ситуацией споре между современными университетами Лиссабона и Коимбры за право преемственности со средневековым Studium Generale см.: Nóvoa A. Prefácio // A Universidade Medieval em Lisboa... P. 9–27.

считают, что при переезде в 1537 г. университетский архив был реорганизован, часть его документов была передана в королевский архив, и еще часть архива погибла в XVI–XVIII вв.⁴ В связи с этим становятся важны косвенные свидетельства.

Судя по содержанию современного архива, самое большое значение для университетских людей Средневековья имели документы, подтверждающие социальный статус их корпорации. О возможном содержании архива XIV в. можно судить по королевским грамотам. Многие из них воспроизводят тексты более ранних документов, хранившихся в университете. Подобная же структура текстов характерна для нотариальных актов, которые подтверждали подлинность грамот и копий с них, даровавших университетские привилегии. Внутренние установления, касающиеся устройства архива, появились только в XVI в. Кроме того, о политике памяти и связанными с ней стратегиями и представлениями можно судить по текстам и структуре картулярия.

Самые ранние упоминания о собрании документов, принадлежащих ученой корпорации, относятся к первым десятилетиям основания университета. Пространная грамота короля Диниша от 15 февраля 1309 г., написанная на латинском языке, регулировала все стороны университетской жизни. Неслучайно историки называют этот текст «*Charta Magna*». Он считается первым статутом *studium generale* Лиссабона — Коимбры. Одним из важнейших условий процветания ученого сообщества статус провозгласил — «чтобы школяры могли учредить себе ректоров и советников, а также педелю и других официалов, с помощью которых университет поддерживался бы в лучшем состоянии, и чтобы корпорация имела бы общий сундук (*arham*) и печать»⁵.

Сундук, в котором, насколько можно судить, хранилась скромная казна и важнейшие документы, может рассматриваться как прототип университетского архива. Он, наряду с полномочиями официалов и признанием печати, образовывал тот социально-пра-

вовой *status universitatis*, без которого к началу XIV в. невозможно было представить деятельность высшей школы. Показательно, что данное упоминание присутствует уже в «*Charta Magna*» — «программе» основания университета, а не подтверждает постепенно сформировавшуюся практику.

Показательно распоряжение, содержащееся в грамоте короля Афонсу IV 1338 г. В целом текст посвящен обоснованию перевода университета из Лиссабона в Коимбру⁶. Описывая условия переезда, король определил: «Также приказываю ректорам и педелю того университета, что находился в Коимбре, чтобы они тотчас переехали бы в указанный Лиссабонский университет и взяли бы с собой привилегии, грамоты и иные предметы и вещи, которые должны были быть у этого университета Коимбры и к нему относились. И как они прибудут в названный город Лиссабон, там они получат мое распоряжение о том, что они должны будут делать»⁷. Видимо, собрание документов должно было стать основой возрожденной корпорации, подтверждением ее статуса.

В данном контексте стоит вспомнить о значимости для сознания средневекового школяра «нематериального архива»: общего корпуса установлений и обычаев, представлений о статусе высшей школы, большая часть которых не фиксировалась письменно⁸. В процитированном тексте грамоты слово «привилегии» фигурирует как синоним «грамот»: различие между документом и его содержанием не было тогда четким. Его оформлению способствовало создание университетского картулярия.

⁶ Об особенностях текста данной грамоты см.: Варьяш И.И., Русанов А.В. Новая научная интерпретация грамоты 1338 года, выданной Афонсу IV Португальскому университету // Средние века. 2012. Вып. 73 (3–4). С. 326–340.

⁷ “Outrosi mando aos Rectores e Bedel. desse studo que foy em Coimbra que sse uenham logo pera o dicto studo de Lixbõa e adugam sigo os priuilegios cartas e peças e todolas outras cousas que teem que forom desse Studo de Coimbra e a el perteñciam. e pois que chegarem aa dicta Cidade de Lixbõa. hy aueram meu Recado de como aueram de fazer” (Carta de D. Afonso IV transferindo o Estudo Geral, de Coimbra para Lisboa (Doc. 109) // CUP. Vol. I. P. 133).

⁸ О роли этого корпуса для сохранения континуитета университетской корпорации см.: Русанов А.В. Подтверждения привилегий Португальского университета в правление короля Фернанду I (1367–1383) // Средние века. 2014. Вып. 75 (1–2); Русанов А.В. Подтверждения привилегий Португальского университета в правление короля Жуана I (1384/1385–1433) // Средние века. 2015. Вып. 76. (3–4).

⁴ Vasconcelos A. de. O Arquivo da Universidade. Coimbra, 1991. P. 3–4.

⁵ “Eisdem jnsuper scolaribus duximus concedendum ut rectors et consiliarios sibi creare ualenat bedellum ac officiales alios per quo status uniuersitatis jm melius perduratur et quod eadem uniuersitas archam habeat comunem et sigillum” (Carta de D. Dinis fundando e estabelecendo em Coimbra o Estudo Geral e concedendo-lhe privilégios (Doc. 25) // Chartularium Universitatis Portugalensis. (Далее — CUP.) Vol. I. Lisboa, 1967. P. 45).

Использование термина «картулярий» для обозначения сборника копий документов, связанного с каким-либо лицом, родом или институтом, началось в историографии XX в.⁹ Самые ранние из известных картуляриев относятся к IX в. В XIII в. появились первые упоминания университетских картуляриев. Тогда они состояли из текстов привилегий (королевские грамоты, папские буллы) и внутренних установлений. Их использовали и переписывали до XVIII в., но, как правило, поздние картулярии были копиями с собраний, составленных до начала XVI в.¹⁰ Процесс создания картуляриев («incartulation»), пик которого приходится на вторую половину XIV в., рассматривается историками как один из важнейших факторов институализации высших школ¹¹.

С данными выводами, опирающимися, главным образом, на французский материал, соотносится и картулярий Португальского университета. В нем собрана большая часть текстов, использованных в качестве исторического источника для моего исследования. Их оригиналы, как правило, не сохранились. Важным для изучения является как факт внесения или не внесения того или иного документа в книгу, так и структура картулярия, расположение в нем документов, а также маргиналии к ним. Все эти детали позволяют анализировать не только каждый текст, включенный в Зеленую книгу по отдельности, но и ее саму как единый мегатекст, зафиксировавший систему корпоративного права.

Как предполагают исследователи, Зеленая книга была составлена в 1471 г. студентом-каноником по имени Вашку ду Авелар¹². В общей сложности данный картулярий содержит копии 140 документов. Важной его частью, позволяющей предполагать, что Зеленая книга воспринималась как единый кодекс, является индекс. Он был создан университетским педелем Афонсу Анишем между 1415 и 1440 гг., т.е. до создания текста картулярия. Судя по всему,

⁹ В португальском случае картулярий обозначается в ранних источниках как «книга» (livro).

¹⁰ Verger J., Vulliez Ch. Cartulaires universitaires français // Les Cartulaires: Actes de la table ronde organisée par l'Ecole nationale des chartes et le G.D.R. 121 du C.N.R.S.: Paris, 5–7 décembre 1991. Paris, 1993. P. 423–424.

¹¹ Ibid. P. 441.

¹² Rodrigues M.A. Introdução // Livro Verde da Universidade de Coimbra: cartulário de século XV. Coimbra, 1990. (Далее — LV.) P. 7.

этот индекс содержал перечень грамот утраченной «Книги университетских привилегий»¹³. В свое время он был составлен Вашку ду Авеларом на основе старого картулярия¹⁴. Сведения о том, какого рода документы собирались в него, весьма скупы. И Афонсу Аниш¹⁵, и Вашку ду Авелар¹⁶ сообщали, что их труд — это список привилегий (*privilegia*). При этом ни тот ни другой не прояснили, каких привилегий.

В грамотах Зеленой книги отражены самые разные стороны жизни университета: исходящие от пап и королей подтверждения переездов и расширения учебной деятельности, грамоты, касающиеся хозяйственных вопросов и регулирующие отношения с горожанами. Особое место среди них занимают тексты, зафиксировавшие специфику университетских должностей. Здесь есть сюжеты, посвященные общим (например, принципы управления) и частным вопросам. Например, последняя в картулярии грамота короля Афонсу V, выданная в 1456 г. педелю Перу да Крузу, даровала ему право выбрать себе преемника¹⁷.

Гомиш да Роша Мадаил считает, что Зеленая книга является копией одного более раннего картулярия, что при ее создании другие источники или не привлекались вовсе, или привлекались для уточнения текстов. Основанием для такого заключения послужили факты соответствия структуры картулярия и индекса, и что Зеленая книга не содержит текстов 1456–1471 гг.¹⁸ По всей видимости, прототип Зеленой книги был создан не ранее 1378 г. Тогда по приказу короля Фернанду I копии наиболее важных королевских грамот и папских булл, дарованных университету, были

¹³ Ibid. P. 10. Первоначально считался созданным одновременно или чуть позднее текста картулярия (Perreira A.M. Catálogo dos Pergaminhos do Cartório da Universidade de Coimbra. Coimbra, 1881. P. 132). Данная датировка предложена А. Гомишем да Рошей Мадаилом на основе самого раннего и самого позднего упоминания этого педеля в университетской документации (Rocha Madahil A. Gomes da. Introdução // Livro Verde da Universidade de Coimbra (cartulário do século XV). Coimbra, 1940. P. XCVII).

¹⁴ В тексте исправлено scripsi na scripta (см.: Ibid. P. XCVIII).

¹⁵ LV. Fl. 1r.

¹⁶ Ibid. Fl. 101v.

¹⁷ Ibid. Fl. 109r–110v.

¹⁸ Rocha Madahil A. Gomes da. Introdução... P. LXXXIX–XCII. Список нотариев, заверявших документы в книге университета, см.: Ibid. P. CV.

объединены и заверены университетской корпорацией в торжественных латинских подтверждениях¹⁹. Это, прежде всего, были документы, относящиеся ко времени правления Диниша I и подтверждающие университетские привилегии. Вскоре после этого в картулярий был вписан полный текст грамоты короля Фернанду от 1367 г. А. Гомиш да Роша Мадаил сообщил, что еще в XVIII в. данный документ хранился в университетском архиве²⁰. Это подтверждает прагматическое назначение картулярия.

В копийной грамоте от 16 апреля 1398 г. упоминается о хранении в *studium generale* «Книги названной корпорации, в которой собраны привилегии и милости, что давались и даровались названному университету и (его) корпорации, и школярам, образующим ее»²¹. Подобные отсылки часто сопровождают тексты документов первой половины XV в. (см, например, подтверждения от 7 декабря 1415 г.²² и 23 августа 1443 г.²³). И поскольку с конца XIV в. картулярий воспринимался как единый свод корпоративного права, стало обычной практикой вписывать в него вновь появляющиеся установления и тексты королевских грамот.

Политика памяти

Для понимания политики памяти важно учитывать свободу, которой обладали в XIV–XV вв. школяры и магистры. Это проявлялось даже в сфере правовой традиции. Возможность самостоятельно

¹⁹ Vasconcelos A. de. O Arquivo... P. 11; Rocha Madahil A. Gomes da. Introdução... P. VI–VII.

²⁰ Он соотносит ее с указанием в инвентаре 1750 г. (Rocha Madahil A. Gomes da. Introdução... P. XCIX).

²¹ “no liuro da dita vniuerssidade em que som contheudos os priuillegios e graças que som dados e outorgados ao dito estudo e vniuerssidade e scollares a que pertenciam” (Certidão de um documento respeitante ao Estudo Geral de Lisboa (Doc. 531) // CUP. Vol. II. P. 260).

²² “foi mandado a mjm suso dicto procurador que a fizese Redigir e poeer e emcorporar em publica forma no liuro dos priuillegios antre os outros statutos do dito estudo jm perpetuum valiturum” (Regimento e acordo havido entre o Estudo Geral de Lisboa e o bedel, João de Braga, sobre os seus proventos e respectiva cobrança (Doc. 667) // CUP. Vol. III. P. 87).

²³ “E mamdo que se assemte este Regimento no liuro dos priuillegios e mantenha se asy” (Carta do Infante D. Henrique dirigida à Universidade de Lisboa sobre arrematação de rendas, pretação de contas dos rendeiros e faltas dos lentes e respectivos descontos (Doc. 1320) // CUP. Vol. IV. P. 395).

формировать своды корпоративного права расширялась в условиях роста политического значения корпорации. Другой фактор, влиявший на способы отбора и хранения высказываний — это система государственного делопроизводства в средневековой Португалии. В этом отношении показателен опыт королевского архива²⁴. Яркий пример его функционирования дает текст 1378 г.²⁵ В нем король пишет распорядителю хозяйства: «...мы... считаем благом и повелеваем вам, чтобы вы приказали разыскать в названной башне²⁶ документы, что там есть, и если найдете там какие-либо документы, относящиеся к названному университету, то вы прикажите сделать с них копию публично для названного университета в соответствии с данными королем полномочиями, дабы названный университет и корпорация через них имели бы свое право»²⁷.

Это распоряжение привело к следующим последствиям. Мартин Домингеш, зворский клирик и одновременно ректор университета, показал вышеупомянутую грамоту короля (копия которой заносилась в документ). Королевский официал признал грамоту и предоставил ему семь найденных документов. Ректор получил возможность заказать нотариально заверенные копии важных для университета текстов. Он отобрал три: буллу папы Николая IV (1290), буллу папы Клементя V (1308) и грамоту короля Диниша (1323)²⁸. Все эти тексты оказались посвящены выплате жалования преподавателям.

²⁴ См. о подобном влиянии: Nardi P. Relation with authority // A History of the University in Europe. Vol. 1. Universities in the Middle Ages. Cambridge, 2003. P. 96–99.

²⁵ О данных документах в контексте истории подтверждений университетских привилегий см.: Русанов А.В. Подтверждения привилегий Португальского университета в правление короля Фернанду...

²⁶ В которой находился архив, доньне сохранивший историческое название: Торри-ду-Томбу.

²⁷ “nos... Teemos por bem e mandamos uos que facades buscar em a dita torre as scripturas que hij seem e se achardes hij alguumas escripturas que pertencam ao dito estudo e vniuerssidade uos fazede dar dellas o trellado em publica forma ao dito estudo com uossa com uossa autoridade pera o dito estudo e vniuerssidade per ellas auerem o seu direito...” (Carta de D. Fernando mandando passar certidão de diplomas relativos ao Estudo Geral de Lisboa (Doc. 310) // CUP. Vol. II. P. 22).

²⁸ Bula de Nicolau IV aprovando o pagamento dos salários aos professores dp Estudo Geral de Lisboa e concedendo privilégios aos mestres e alunos (Doc. 6) // CUP. Vol. I. P. 12; Bula de Clemente V autorizando a transferência do Estudo para Coimbra e confirmando-lhe os privilégios e graças concedidos por Nicolau IV (Doc. 23) // CUP. Vol. I. P. 41; Carta de D. Dinis determinando ao Mestre da Ordem de Cristo o quantitativo a pagar aos professores do Estudo Geral de Coimbra (Doc. 59) // CUP. Vol. I. P. 84–85.

Вскоре состоялось второе аналогичное действо, уже в кафедральном соборе, при участии тех же лиц. На этот раз ректор пожелал обрести копии еще двух документов, найденных королевским официалом. Это было прошение клириков об основании университета (1288) и вторая папская булла, связанная с переездом университета 1308 г.²⁹

Пользуясь милостью монарха, представитель ученой корпорации отбирал тексты на вечное хранение и тем самым интерпретировал историю университета, создавал академическую традицию скопированных текстов. Ректор имел возможность отвергнуть тот или иной документ (пусть и исходящий от предшественника нынешнего короля) и тем самым вычеркнуть его содержание из недр коллективной памяти. Соображения к тому могли быть различными. В случае выбора грамоты 1323 г. или буллы 1308 г. они вполне очевидны: данные документы закрепили права преподавателей на получение доходов от церковных приходов. Иной случай с просьбой португальских прелатов 1288 г. учредить университет. Она была адресована римскому папе, но, скорее всего, так и не была ему отправлена. Включение данного текста с проектом создания университета в тело картулярия можно объяснить только стремлением к удревнению генеалогии *studium generale*.

Реорганизация архива

То, как воспринимался и использовался картулярий, ярко демонстрирует его индекс. Индекс представляет собой список указаний на документы с их адресами (номер листа, на котором записана копия той или иной грамоты) и аннотациями содержания (либо краткое описание, либо — что редко — более или менее подробное). Кроме формальной характеристики документа, аннотация содержит данные об авторе и адресате (например, о португальском короле или римском папе). Во многих случаях можно обнаружить краткий пересказ содержания послания.

Индекс составлялся для практических нужд, поэтому составитель обращался с текстами вольно: зачастую единый документ

²⁹ Petição dirigida ao Papa por alguns prelados portugueses para pagarem, das rendas dos Mosteiros e igrejas, os salários dos Mestres e Doutores do Estudo Geral de Lisboa, que ia ser criada (Doc. 2) // CUP. Vol. I. P. 6–7; Bula de Clemente V autorizando a concessão de seis igrejas paroquiais ao Estudo que ia ser trasladado para Coimbra (Doc. 22) // CUP. Vol. I. P. 39–40.

разделен на несколько подразделов или в одном разделе соединены данные из разных текстов. В индексе нет датировки документов. Это компенсируется указанием даты в тексте самих грамот. Видимо, точная дата постановления не имела большого значения для текущего университетского управления. Кроме того, для составителя индекса было не важно, где в настоящий момент находятся оригиналы переписанных документов. Ему были достаточны копии с королевского архива и нотариальные подтверждения.

В середине XV в. началось резкое снижение числа документов, вносимых в картулярий. Видимо, снизилась и самостоятельность университетской корпорации в выборе источников правового поведения. В 1476 г. король Афонсу V особой грамотой ограничил возможность комментирования и интерпретации («кроме того, что в них содержится») своих указаний университету³⁰.

В данном контексте важным событием явилось заверение копий университетских привилегий, хранящихся в королевском архиве. Это было сделано 31 января 1491 г.³¹ Созданию сборника копий (так называемому «Códice Joanino») предшествовало королевское распоряжение, согласно которому хранитель архива должен был найти все документы об университете³². Речь шла о простой копии (*trelado*), а не о ее заверенном подтверждении (*certidão* или как в тексте грамоты 1378 г. — «копия, сделанная публично»)³³. Соответственно, статус копии определял архивариус. На этот раз

³⁰ “E porque a mym parece que asy acerca deste estatuto como de todos os outros mandados e detrimiações que por mym ssam factas e pollos proteitores que ante mym foram vos nom deuees nehuum nom sseja oussado que os queira grrosar nem entrepetar ssaluo como em elles he contehudo porque asy he minha merce e ho all nom ey de consistir...” (Carta de D. Afonso V contestando à Universidade de Lisboa a liberdade de interpretar os Estatutos, manifestando o seu desagrado pelo suborno havido no provimento de cadeiras vagas e provenciando sobre vários assuntos (Doc. 2691) // CUP. Vol. VII. P. 370).

³¹ Carta de D. João II mandando certificar alguns documentosexistentes na Torre do Tombo e referentes à Universidade de Lisboa (Doc. 3393) // CUP. Vol. IX. P. 6–11.

³² “que aquellas escrituras que vos rrequererem a vnjuersidade do estudo da dicta cidade que lhe ssom neçessarias se tirem da dicta torre... que vos lhe dees o trelhado dellas Segundo ordenança o que asy conprij” (Alvará de D. João II mandando passar certidão das cartas e documentos existentes na Torre do Tombo, relativos à Universidade de Lisboa (Doc. 3256) // CUP. Vol. VIII. P. 304).

³³ “Os quaees priuilegios asy achados a dicta vnjuersidade pidio que lhe dessem dellas o trelhado o quall lhe foy dado em comprimento do seu aluara” (Carta... (Doc. 3393.) P. 11).

члены университетской корпорации никак не влияли на выбор текстов для копирования. Хотя большая часть переписанных документов вошла в картулярий, кодекс 1491 г. представляет собой, скорее, указатель тех документов, к которым университетские люди могли обратиться в Королевском архиве в случае надобности. Архивная реформа сопровождалась систематизацией государственных документов: архивариус ссылался на имеющиеся регистры канцелярии.

После этих преобразований в делопроизводстве эпоха картуляриев как основной формы организации корпоративной памяти подошла к концу. Хотя к Зеленой книге продолжали обращаться и в последующие столетия, основным источником права стали статуты, дарованные и составленные королевской властью. Первыми были созданные около 1502–1503 гг. статуты короля Мануэла I³⁴.

Наряду с созданием картуляриев шло формирование университетского архива. Поскольку университетская корпорация была малочисленной, то составлять матрикулы не было нужды. Судя по всему, основное содержание архива, кроме королевских грамот, папских булл и статутов (все они копировались в картулярий), составляли судебные документы. Лишь небольшая их часть вносилась в Книгу привилегий, приобретая значение источника корпоративного права.

С конца XIV в. университет вел судебные тяжбы, как правило, по имущественным вопросам. Успех в них подкреплял привилегированное положение корпорации и профессиональную репутацию университетских юристов. Комплект документов по одной тяжбе мог составлять объемные связки с текстами, включать протоколы как судебных, так и внесудебных разбирательств, а также, к примеру, папские, королевские или епископские послания. Так, разбирательство о приходе Сакавена длилось, по крайней мере, с 1382 г. до начала 1404 г. После внесудебных разбирательств³⁵ шли прения с представителем власти. В данном случае с церковной —

³⁴ *Estatutos de D. Manuel I* // Os primeiros estatutos da Universidade de Coimbra. Coimbra, 1991. P. 27–41.

³⁵ Termo do embargo que o prior da igreja de Sacavém, Gil Esteves, lançou ao arrendamento das rendas daquela igreja, anexada ao Estudo Geral (Doc. 366) // CUP. Vol. II. P. 107; Termo do protesto por dívida de renda da igreja de Sacavém que o procurador do Estudo Geral de Lisboa, Bartolomeu Doingues, andou lavar contra Gil Esteves, prior daquela igreja (Doc. 384) // CUP. Vol. II. P. 128.

епископом, а потом главным викарием Лиссабона³⁶. Причем протокол прений включал копии с многочисленных грамот, так или иначе относящихся к рассматриваемому вопросу. Эта практика превращала его (учитывая включение в Зеленую книгу) в важный источник корпоративного права, подкрепленный епископской *auctoritas*.

Во времена утраты возможности формировать своды текстов с привилегиями, университетская корпорация сохранила свободу в судебных и хозяйственных вопросах. Это неоднократно подчеркивалось в королевских и папских посланиях³⁷. Активно действуя как субъект в судебном споре, корпорация чувствовала себя как независимый хозяйственник³⁸. Во всех архивных текстах подчеркивается, что в тяжбах корпорация «имела свое право»³⁹.

В связи с этим у университетских людей менялось отношение к корпоративному архиву. Он стал пространством поиска правовых оснований и фактором формирования правового сознания.

Ни в одном из регламентов XIV–XV вв. нет упоминаний о процедуре передачи грамот в университетский архив, о правилах их хранения и использования⁴⁰. Но в текстах, относящихся к концу

³⁶ Certidão extraída do processo movido perante Bispo de Lisboa, entre Gil Esteves, prior da Igreja de Sacavém e o Estudo Geral de Lisboa (Doc. 392) // CUP. Vol. II. P. 136–146; Sentença do Vigário Geral do Arcebispado de Lisboa acerca de uma pendência ente o Prior da igreja de Santa Maria de Sacavém e o Estudo Geral de Lisboa (Doc. 575) // CUP. Vol. II. P. 298–299.

³⁷ Например: “...dictisque magistris et legentibus efficacis defensionis presidio assistentes, non permittant eos super huiusmodi parrochialibus ecclesiis vel aliqua ipsarum per ipsos vel quoscumque alios quomodolibet molestari, sed faciant ipsos magistros et legentes, presentes et futuros, pacifice ipsarum ecclesiarum possessione gaudere». (Bula do Papa Pio II impondo perpétuo silêncio sobre a causa movida à Universidade de Lisboa a propósito da igreja de S. Pedro de Eiras, no Bispado da Guarda (Doc. 1957) // CUP. Vol. VI. P. 193).

³⁸ Например, у нее есть собственные должники: “elle era deuedor ao dito estudo em soma de dinheiros” (Termo do embargo que o prior da igreja de Sacavém, Gil Esteves, lançou ao arrendamento das rendas daquela igreja, anexada ao Estudo Geral de Lisboa (Doc. 366) // CUP. Vol. II. P. 107).

³⁹ “pera o dito estudo aueer o sseu direito” (Carta de D. Fernando sobre o arrendamento das rendas da igreja de Sacavém que o Prior embargara ao Estudo Geral de Lisboa (Doc. 373) // CUP. Vol. II. P. 114).

⁴⁰ Иногда из этого делается вывод о том, что раннее собрание документов нельзя, строго говоря, назвать архивом: *Rocha Madahil A. Gomes da. Introdução...* P. VI.

«эпохи картуляриев», мне удалось обнаружить первые упоминания об архиве (в грамоте от 17 ноября 1525 г.)⁴¹. Кроме того, в тексте 1532 г. есть сообщение об архивном инвентаре.

Архив тех лет не сохранился. Соответственно, не сохранился и его инвентарь. О чем шла речь? Вскользь упоминается, что ключ от сундука с древними документами, хранящегося в библиотеке, должен храниться у педеля. В решении университетского совета 1534 г. упомянуто о наличии второго ключа от архива у уполномоченного лиценциата⁴². Видимо, такая институционализация доступа к архиву связана не только с накоплением корпоративно значимых текстов. Это связано также с развитием делопроизводства (соответственно, насаждением практики организации Королевского архива) и ростом значимости судебных документов. К сожалению, очередной переезд Португальского университета 1537 г. лишил нас возможности оценить, какую структуру обрел университетский архив.

Итак, в результате проведенного исследования удалось показать роль архива в университетской жизни. Судя по всему, хранилище документов было составной частью средневековой *universitas* — коллективного правового лица. Хотя положение архива не регламентировалось уставными текстами⁴³, к XIV в. собрание древних актов мыслилось основанием для преемственности корпорации.

К середине XIV в. в связи с переутверждением собственного элитарного статуса и связанной с этим политикой памяти внимание университетских людей оказалось приковано к картуляриям. В условиях постепенной «централизации» и «стандартизации» правового поля Португалии королевская власть предоставила университету свободу в создании и изменении корпуса источников корпоративного права. Однако спустя столетие, когда этот

процесс завершился и появился пятитомный свод установлений короля Афонсу V, эта свобода пропала.

Таковы исторические условия, в которых формировался и обретал корпоративную значимость архив португальского университета.

⁴¹ “Original jaz no cartorio do studo” (Carta de D. João III sobre a eleição do reitor da Universidade de Lisboa (Doc. 5430) // CUP. Vol. XII. P. 564). Также грамота от 6 дек. 1525: “O proprio jaz no ezcanjno darca do cartorio do studo” (Alvará de D. João III ordenando que os oficiais da Universidade de Lisboa só sejam eleitos por um ano (Doc. 5438) // CUP. Vol. XII. P. 571).

⁴² Подробнее см.: Rocha Madahil A. Gomes da. Introdução... P. XXII–XXVI.

⁴³ См.: Michaud Quantin P. Universitas: expressions du Mouvement Communautaire dans le Moyen Âge Latin. Paris, 1970; Канторович Э.Х. Два тела короля: Исследование по средневековой политической теологии. М., 2014. С. 378–419.

Петр Сафронов

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА БУДУЩЕЕ: УСТРОЙСТВО АРХИВА, СУДЬБА УНИВЕРСИТЕТОВ И ЗАДАЧИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

doi: 1017323/978-5-7598-1587-7_234-245

В настоящей статье автор хотел бы обсудить круг тем, связанных с дигитализацией гуманитарного знания (digital humanities), воздействием этого процесса как на статус хранящихся в архиве материалов, так и на бытование академической гуманитарной науки. Кажется важным исследовать, что и зачем может сохранять архив сегодня², когда миссия университетов в целом и жизнеспособность гуманитарного знания в частности подвергаются разносторонним испытаниям³. Наблюдая за тем, как содержимое архивов включается в университетскую современность или исключается из нее, можно сказать многое о способах проектирования специфической академической идентичности внутри отдельных институций или государств. Обращение к теме университетских архивов предоставляет возможность выстроить своеобразную историю

¹ Автор выражает глубокую признательность участникам проекта Центра историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС «Оцифрованная наука: техника, методология и этика создания гуманитарными открытыми исследовательскими баз данных» (руководители — А.Л. Зорин, Г.А. Орлова), виртуальное знакомство с которым позволило ему расширить свое представление о рассматриваемой в данной статье проблематике и получить информацию о ранее не известных ему исследованиях. Автор также благодарит Елену Вишленкову, Александру Дмитриеву, Татьяну Кузовкину, Павла Уварова и других участников открытого семинара «Конструирование университетских традиций», состоявшегося 26 сентября 2013 г. в рамках IV Международной конференции Российской ассоциации исследователей высшей школы «Университетские традиции: ресурс или бремя?», прошедшей в НИУ ВШЭ.

² См., в частности, материалы номера журнала «Новое литературное обозрение», посвященного библиотечному и архивному делу: НЛО. 2005. № 4.

³ См., например: *Donoghue F. The Last Professors: The Corporate University and the Fate of the Humanities*. N.Y.: Fordham University Press, 2008.

будущего, понятую в смысле разархивирования исторического прошлого для выявления перспектив его включения в проектирование академической среды. Архивное дело оказывается в таком случае делом университета в целом, превосходящим и проблематизирующим дисциплинарные разграничения. Само по себе обсуждение статуса архива имеет двойственную природу: говоря об архиве, мы имеем в виду, с одной стороны, некоторую знакомую нам из опыта академической жизни реальность, а с другой — пытаемся схватить существенные элементы дискурса архива, постоянно смешивая, растворяя и вновь создавая отдельные контексты. Именно этот подвижный промежуток между реальностью и дискурсом, в котором существуют сегодня университетские архивы, уже активно включающиеся в цифровую среду и одновременно еще сохраняющие ностальгический аромат почти археологических приключений, и будет полем для нашего рассуждения.

Дискуссии о кризисе университетов, ставшие сегодня популярной темой интеллектуальных дебатов, прямо затрагивают и вопрос о трансформации научно-образовательной инфраструктуры, составной частью которой традиционно является архив. Изменения в устройстве и функционировании архива отражают серьезный сдвиг в (само)представлении университета. На место образа сообщества коллег-исследователей, занятых поиском истины, приходит образ университета как капиталистической корпорации, озабоченной контролем производства и качества продукции, учетом и снижением издержек. Учреждения высшего образования, иначе говоря, оказываются вовлечены в более или менее болезненный процесс утраты собственной исключительности, демонстративной независимости от социально-экономического контекста, которая во многом была свойственна им еще пару-тройку десятилетий назад. Взгляд на университет как коммерческое предприятие подразумевает среди прочего оценку активом, которыми университет, его подразделения и сотрудники, располагают. Если оставить в стороне материально-техническую составляющую учебного процесса, то, вероятно, наиболее значимым активом университета будут результаты проводимых в нем исследований. Очевидно, что монетизация исследовательских результатов возможна только при условии, что эти результаты фиксируются, сохраняются и используются посредством университетской инфраструктуры и благодаря ей.

Какое место в организации доступа к результатам научных исследований монетизированного университета занимает архив? Ответ на этот вопрос зависит от того, насколько сложным пониманием архива мы будем оперировать. Прежде всего, необходимо расширить границы функционала архива: его содержание не сводится теперь к поддержанию обычного административного документооборота и делопроизводства. Университетский архив становится сегодня центром, агрегирующим разнородную информацию, подлежащую многократному использованию. Он также не просто хранит, а пере(на)правляет данные. При этом важно понимать, что понятие «данные» сегодня указывает не столько на некоторую постоянную «величину», сколько на динамический массив информации, изменяющийся и (пере)определяемый в зависимости от характера выполняемой в данный момент функции (или нескольких функций): хранение, обмен научной информацией, исследовательская работа с данными, распространение и публикация материалов⁴. Отождествление задач университетского архива лишь с одной из этих функций (хранение) — если рассматривать архив как вид актива, подлежащий монетизации, — становится опасным заблуждением, создающим угрозу конкурентному потенциалу университета⁵.

Принципиальное значение приобретает в организации современного архивного дела как коммерческого предприятия управление доступом к данным как в физическом пространстве университета, так и на различных виртуальных платформах. Это чревато фрагментацией единого университетского пространства. Если специалисты в области гуманитарных наук заинтересованы в предоставле-

⁴ См.: Moore R., Rajasekar A., Watry P. et al. Evolving persistent archives and digital library systems: Integrating iRods, Cheshire3 and Multivalent // The International Journal of Digital Curation. 2013. Vol. 8. No. 2. P. 47–67.

⁵ Кроме того, конечно, важно понимать, что университетские архивы часто стоят особняком от национальной архивной системы в целом. Хорошее представление о функционировании этой последней на примере Великобритании дают материалы прошедшего в 2012 г. комплексного исследования «Library, Archive, Records and Information Management Services Workforce Survey 2012»: <<http://www.nationalarchives.gov.uk/documents/archives/2012-larims-workforce-report.pdf>> (дата обращения: 25.02.2014). См. также сокращенное изложение результатов данного опроса на русском языке: <<http://naar.ru/articles/kak-rabotajut-arhivisty-velikobritanii-issledovanie-natsionalnyh-arhivov/>> (дата обращения: 25.02.2014). О существовании аналогичных комплексных исследований на российском материале автору настоящей статьи неизвестно.

нии информации об их исследованиях широкой общественности, то, например, медики и биологи часто нуждаются в защите своих разработок, в том числе в силу взятых на себя по коммерческим контрактам⁶. Дисциплинарные различия так велики, что вместе с ростом числа получаемых данных резко возрастает и потребность в диверсификации способов обращения с ними. Под влиянием внедрения в университетскую среду бизнес-моделей возникает запрос на расщепление каналов доступа к архивным материалам, ограничение и разделение аудитории, имеющей доступ к разным каналам, спецификацию форм репрезентации архивных материалов для разных пользователей. Отдельную проблему представляет собой вызванная лавинообразным ростом массива информации перестройка в системе организации научного труда и научных коллабораций. Доминировавшая вплоть до самого недавнего времени в некоторых отраслях социально-гуманитарного знания модель ученого-отшельника, проводящего длительные самостоятельные изыскания и затем публикующего результаты своего личного труда, становится все менее актуальной. Значительная часть университетских исследователей сегодня уже не имеет дела с «сырыми» материалами, полученными в результате полевой работы. Они обращаются к уже определенным образом структурированному хранилищу как пользователи, передавая функции сбора первичной информации на «аутсорсинг». Иначе говоря, получение нового знания зависит сегодня от навыков навигации в множестве уже накопленных данных, которыми владеет исследователь.

Принципы, лежащие в основании архитектуры хранилищ данных, как правило, не вполне прозрачны для ученых, не имеющих углубленной подготовки в области математики и информационных технологий. Не понимая способов организации материала, с которым они работают, специалисты в области гуманитарных и социальных наук зачастую рискуют превратиться в пассивных реципиентов информации, которую им удастся получить, используя знания крайне ограниченного числа технологий и ресурсов. Впрочем, возрастающая зависимость гуманитарного знания от цифровых технологий — это не только опасность, но и шанс радикально

⁶ Akers K.G., Doty J. Disciplinary differences in faculty research data management practices and perspectives // The International Journal of Digital Curation. 2013. Vol. 8. No. 2. P. 16. Автор благодарен Егору Шевелеву, который обратил его внимание на этот источник.

изменить представление о характере гуманитарного образования. Работа с цифровыми архивами требует способности быстро осваивать различные технологические платформы и средства программирования, которая может быть сформирована только в процессе интенсивного практического применения. Навыки в сфере агрегирования и обработки данных становятся в центр обучения, превращая преподавателя в тьютора, сопровождающего студента в ходе освоения им новых форм академической грамотности.

Дигитализация знания не только влияет на принципы изучения данных, но и меняет статус архивного источника как такового. Особое значение приобретает выявление связей между разрозненными свидетельствами и репрезентация этих связей — особенно в визуальной форме, включая сюда многочисленные варианты инфографики. Господствовавшие в гуманитарных науках ранее способы работы с источниками, построенные на более или менее обширном, но все же ограниченном своде сведений, доступных для анализа силами одного автора или относительно небольшого коллектива авторов, которые обладают какими-либо уникальными навыками, оказываются в таком случае нерелевантными, производя впечатление мелкой ручной работы рядом с продуктом промышленной выработки. В случае индивидуального ручного труда вопрос о конкретном применении результатов исследований неизбежно натывается на одно самоочевидное препятствие — разницу уровней понимания между производящей науку инстанцией и публикой (включая студентов), которая с этой наукой только знакомится. Действительно, большая часть научных разработок, осуществляемых в университетах, остается во все неосвоенной общественным сознанием в связи с неприятной необходимостью проведения дополнительной работы мысли по дешифровке. Стратегия Просвещения, ориентированная на идеал общего континуума знания, вхождение в который уравнивает потребителя научной продукции с ее автором, больше уже не работает⁷. Торжество эпохи тотальной академической специализации требует новой стратегии: предоставление каждому знанию возможности быть непонятным и привлекать именно своей непонятностью. Собственно, университетский архив и может служить местом такой коллективной толковательной работы, не отступая от

⁷ Грей Дж. Поминки по Просвещению. М.: Праксис, 2003.

своего старинного призвания, но добавляя к нему новые краски. Следующий шаг будет тогда заключаться в стирании грани между образованием и самообразованием, поскольку и то и другое будет требовать готовности сознательно инвестировать собственное время в разгадывание некоторых головоломок. На этой волне возникают многочисленные проекты академического краудфандинга, основанные на привлечении внеакадемической общественности к обработке данных. Несмотря на важное значение таких проектов для популяризации науки, они могут усилить сегрегацию между учеными-наставниками и остальными участниками, точно следующими рекомендациям специалистов. Впрочем, есть возможность реализации противоположного сценария: утверждения нового цифрового энциклопедизма.

Так или иначе, становится все труднее определить специфические компетенции ученых в области гуманитарных и/или общественных наук, которые необходимы для обращения с оцифрованным материалом исследований и не могут быть с успехом освоены неспециалистами. Действительно, что, собственно, теперь должен делать профессиональный историк (если взять одну специальность), если поиск и классификация материала для исследований осуществляются по определенному алгоритму, не требуя от ученого ничего, кроме элементарных навыков пользователя? Одновременно меняется и привычная рабочая среда университетского гуманитария. Библиотека, архив, учебная аудитория как отдельные, символически нагруженные зоны физического пространства постепенно перестают существовать. Их функции берут на себя центры хранения данных, объединяющие возможности лаборатории, компьютерного класса и даже опытно-конструкторского участка⁸. В свою очередь, усложняется устройство научного факта, переплетаясь с различными техниками обеспечения доступа к материалам, их систематизации, репрезентации, экспонирования. Трансформация характера университетского архива, становящегося частью единого центра хранения данных, отражает общие сдвиги

⁸ См.: Collins E. Use and impact of UK research data centres // The International Journal of Digital Curation. 2011. Vol. 6. No. 1. P. 20–31. Характерным примером синкретичной организации современной архивной институции может служить комплекс архивов Института «Открытое общество» при Центрально-европейском университете в Будапеште. См. сайт архивов Института: <<http://www.osaarchivum.org/>> (дата обращения: 25.02.2014).

в организации процесса научного поиска. В ситуации сокращения расходов на образование из государственного бюджета, происходящего во многих развитых странах, особую остроту приобретает вопрос о том, как обосновывать выделение средств на ту или иную исследовательскую заявку, если абстрактный критерий научного профессионализма более не кажется вполне удовлетворительным. Навык успешной подготовки заявок на грант приобрел значение ключевой академической компетенции. При этом степень детализации заявок постоянно возрастает. Так, от ученых все чаще требуется демонстрация того, что полученные ими результаты будут иметь продолжительное значение, позволяя университету многократно получать прибыль за счет их коммерческого использования⁹. Начиная с 2010 г. научные фонды США постепенно вводят все более жесткие требования к составу заявок на грантовое финансирование от отдельных научных коллективов. В состав заявок обязательно должен включаться план использования полученных в ходе исследования данных (data management plan), подробно описывающий в том числе и их правовой статус¹⁰. Тем самым ключевое значение для организации процесса научных исследований на всех его стадиях (от формулировки заявки до публикации результатов) приобретают *метаданные* — данные о первичных данных, имеющие различную форму. Вопрос о реальности исходного источника информации в такой ситуации неизбежно замещается вопросом о корректности способов разметки, классификации и репрезентации метаданных¹¹. Работа исследователя с данными все

⁹ Коммерциализация результатов исследований, проводимых в университетах, резко ускорила после 1980 г., когда Конгрессом США был принят так называемый закон Бэя — Доула (Bayh-Dole Act), позволивший университетам приобретать права собственности на разработки работающих в них ученых и научных коллективов, осуществленные при финансовой поддержке государственных органов. См. материалы сайта, посвященного проблематике «трансфера технологий»: <http://www.autm.net/Bayh_Dole_Act1.htm> (дата обращения: 25.02.2014).

¹⁰ См. подробнее: Halbert M. The problematic future of research data management: Challenges, opportunities and emerging patterns identified by the DataRes project // The International Journal of Digital Curation. 2013. Vol. 8. No. 2. P. 111–122.

¹¹ См., например, чрезвычайно интересное обсуждение «гуманитарного» подхода к графическому представлению научной информации: Drucker J. Humanities approaches to graphical display // Digital Humanities Quarterly. 2011. Vol. 5. No. 1: <<http://www.digitalhumanities.org/dhq/vol/5/1/000091/000091.html>> (дата обращения: 15.07.2015). Автор благодарен Егору Шевелеву, который обратил его внимание на этот источник.

более утрачивает непосредственную связь с процессом их первичного получения и обработки. Особая атмосфера архива, осязаемая материальность документа, ранее встроенные в практики исследовательской работы на уровне ее повседневного хода, теперь постепенно исчезают из числа факторов, влияющих на академическую и персональную идентичность гуманитария. Мы еще можем рассуждать об этом «изнутри» процесса чтения архивных источников, обращаясь именно к опыту чтения как особого опыта обращения с материальными следами прошлого, откладывающимися в коллекциях архивов. Однако следует помнить о том, что так понятый опыт архивной работы имеет асимметричную структуру. Ценность документа заключается тогда в его неизменности, в том, что сегодня, завтра и всегда он «повторяет» одно и то же. Напротив, исследователь никогда не повторяется, он движется во времени и вместе с ним движутся его представления. Дигитализация архива, возникновение универсальных центров данных ведут к тому, что опыт чтения исторического документа становится симметричным, отнимая у документа право на неизменность, и как таковой уже не может приниматься по умолчанию за отправную точку исследования. На первый план выходит многоуровневая рефлексивная аналитика, понятая как интерактивный процесс взаимодействия с данными¹² (группировки, перемещения, выявления разных слоев и т.п.).

Содержание и структура взаимодействия пользователей с данными определяется характером имеющегося запроса. Архив может создаваться и функционировать не только в исследовательских, но и, скажем, в учебных или активистских целях. С одной стороны, широкое включение цифровых технологий в академическую жизнь усиливает риск фрагментации научного сообщества, обостряя проблемы, связанные с защитой информации или интеллектуальной собственностью. С другой — развитие новых технологий все чаще позволяет индивидам, действующим в разных сферах, заявить о себе как едином целом вне прямого общения и личного знакомства. Архивы, центры хранения и переработки данных

¹² См.: Черняк Л. Визуальная аналитика и обратная связь // Открытые системы. 2013. № 6: <<http://www.osp.ru/os/2013/06/13036846/>> (дата обращения: 25.02.2014). Собственно, именно этот переход от концепции сохранения к концепции использования в интерактивном взаимодействии и превращает «документы» в данные. Автор благодарен Егору Шевелеву, который обратил его внимание на этот источник.

по определению лучше всего подходят на роль своего рода депо¹³, связывающего различные индивидуальные и дисциплинарные траектории. Тем самым они предлагают новый режим воспроизводства (академической) совместности за рамками присутствия в одном физическом пространстве аудитории на занятии или на консультации. Именно виртуальный архив становится точкой сборки университета. Возникает эффект своеобразной горизонтальной мобильности, основанной на деятельности трансдисциплинарных исследовательских коллективов, оперирующих общим корпусом данных, который представляет собой актуальную (или потенциальную) часть общеуниверситетского хранилища. Распределенная структура архива — центра данных требует отказа от мышления в терминах нормативного детерминизма: архив как место «определения» истины заменяется архивом как местом совместной работы с памятью, идентичностью, временем. Историческое становление теперь обнаруживается не за счет сопоставления изолированных документов, а посредством ре-конструкции всего процесса формирования источника, выявления его неоднородности и помещения в неожиданные контексты. Опыт архива приобретает реальность, поскольку ему удается превзойти привязку к отдельным материальным следам прошлого. Точнее говоря, прошлое в современном архиве постоянно подвергается переработке, извлечению и распаковке. В зависимости от того, насколько часто содержимое архива подвергается «беспокойству» (или защищается от него), можно судить о чувствительности тех или иных вопросов для персональной, институциональной или национальной памяти. Претензии на стабилизацию коммеморации, регулярно сопровождающие дебаты об исторической памяти в разных странах, входят в очевидное противоречие с пластичной, гибкой моделью существования современного архива в качестве комплексного центра обмена данными.

Характерная для России повышенная закрытость архивов¹⁴ и неудобство пользования ими (включая имеющиеся на данный мо-

¹³ Ср. *Stevens M.L., Armstrong E.A., Arum R. Sieve, incubator, temple, hub: Empirical and theoretical advances in the sociology of higher education // Annual Review of Sociology. 2008. Vol. 34. P. 127–151.*

¹⁴ См. выразительные описания в упоминавшемся выше специальном номере НЛЮ.

мент виртуальные ресурсы¹⁵) является в этом отношении показательной. Так, архив Московского университета, помещающийся в новом здании на Воробьевых горах, фактически не имеет даже специально оборудованного читального зала, не говоря уже о полном отсутствии электронного каталога и даже просто отдельной страницы в Интернете¹⁶. Вместе с тем тотальная герметизация архива оказывается невозможной — и именно в силу желания поставить точку в беспокойных вопросах исторической памяти. Извлекаемый из архива «документ» часто фигурирует в качестве последнего довода, финальной ссылки, устанавливающей, допустим, право институционального первородства. Однако решающее значение имеет при этом отнюдь не содержание конкретного артефакта, а манера, прием предъявления: показать, но так, чтобы невозможно было ухватить подробности. Такое показывание источника, превращающее его скорее в условный знак самого себя, конечно, подразумевает наличие архива, но лишь в специфическом статусе «иконы», выставляемой на всеобщее обозрение по случаю очередного праздника. Активно развивающийся в виртуальной среде, осваивающий передовые технологии университетский (как и любой другой) архив тоже не застрахован от превращения в своеобразное подобие галереи мнимо вечных образов. Господство стандартных техник электронной навигации в документальных массивах, тенденция максимального упрощения пользовательских интерфейсов ведет к последующей стандартизации приемов работы с архивными материалами и перемещению самой такой работы целиком в виртуальное пространство. Соответственно, обращение к «подлинному», «настоящему» документу становится приметой особого стиля потребления, доступного далеко не для всех представителей академического сообщества: ведь работа с бумажными документами требует времени, которым часто не располагают за-

¹⁵ Примечательно, что попытки более оптимистического взгляда на существование российских архивов в виртуальной среде страдают от недостатка позитивных примеров и некоторой ограниченности в представлениях о функциях архивов. См., например: *Грум-Гржимайло Ю.В., Поляков М.Н.* Виртуальный архив как перспективная система поддержки и сопровождения исторических исследований // *Российская история. 2008. № 2. С. 128–145.*

¹⁶ См. весьма лаконичное представление архива МГУ на официальном сайте университета: <<http://www.msu.ru/info/struct/departments/arhiv.html>> (дата обращения: 25.02.2014).

груженные сверх меры текущими обязанностями преподаватели. С другой стороны, действия архивов, связанные с ускоренным перемещением в виртуальную среду, как представляется, имеют экономическую подоплеку. Стремясь сократить издержки и добиться коммерческой эффективности, архивы постоянно «оптимизируют» рабочее время своих работников и пользователей, переводя все больше материалов в онлайн. Для тех же, кто захочет иметь возможность индивидуального личного ознакомления с оригиналом хранящегося в архиве документа, соответствующая услуга будет предоставляться только за отдельную плату. Возможность совмещать разные способы обращения с источниками — в особенности включая физический доступ в помещение архива — станет тогда признаком исключительной социальной привилегии или особого положения в академической иерархии¹⁷.

Этот алармистский образ будущего имеет пока мало общего с реальностью российских университетских архивов. Тем не менее уже сейчас необходимо отстаивать сохранение максимально-го разнообразия в техниках обращения с архивами и способах их организации. Объединяющий исследовательские, педагогические, культурные задачи архив университета способен стать точкой роста всей институции. Условия, которые нужно при этом выполнить, очень просты: максимальная открытость архива и удобство обращения с содержимым, децентрализация архива и расширение его функций за пределы обслуживания нужд делопроизводства, гибкий баланс между виртуальными базами данных и работой в физическом пространстве. Развитие университетских архивов в сторону их превращения в многофункциональные центры данных имеет не только определенные прагматические следствия. Включение преподавателей и учащихся в проекты создания, поддержания и развития архивов как хранилищ мультимодальной информации способно возратить высшему образованию смысл соучастия в общей деятельности. Раскрытие интеллектуальных возможностей личности невозможно отождествить с фактом поступления в любой университет или фактом его окончания самим по себе¹⁸.

¹⁷ Карикатурный образ физического доступа в архив как исключительной привилегии содержится в фильме Орсона Уэллса «Гражданин Кейн» (1941).

¹⁸ См. подробнее: Сафронов П.А. Высшее образование: что это значит? // Интернет-портал «Гефтер». Опубликовано 07.06.2013: <<http://gefeter.ru/archive/8938>> (дата обращения: 25.02.2013).

Многие университеты России в реальности не способствуют развитию интеллектуального потенциала личности. В противном случае у нас не было бы оснований и потребности для различия университетов в зависимости от того, насколько тот или иной из них содействует личностному развитию и жизненному успеху. Следовательно, полное раскрытие умственных способностей личности происходит в процессе получения высшего образования в конкретном учебном заведении и в зависимости от способностей личности выдерживать все возрастающую требовательность испытаний. Интеллектуальные возможности личности, следовательно, отнюдь не рассматриваются как данность, предшествующая процессу получения высшего образования и от него не зависящая. Напротив, непосредственно в процессе получения высшего образования способности личности каждый раз ставятся под вопрос и должны быть заново доказаны, чтобы получить соответствующее признание. Высшее образование является таковым лишь постольку, поскольку оно предъявляет высокие и постоянно возрастающие требования к участникам образовательного процесса, и не связано непосредственно с самим фактом поступления в университет или фактом получения университетского диплома. Управление потоками данных, составляющее ядро современного университетского архива, может стать именно таким мобилизирующим на самоотдачу опытом (само)образования.

Александра Трифонова

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ АРХИВЫ В БОЛГАРИИ

doi: 1017323/978-5-7598-1587-7_246-264

Каждое начало — трудное. Этот факт с полным основанием можно отнести к началу архивного дела в Болгарии, а тем более — к созданию и становлению в ней университетских архивов. Причины такого исторического порядка, которые вряд ли необходимо разъяснять в деталях читателю, чья компетентность не вызывает сомнения, обусловили сильное отставание в развитии и университетского образования, и архивного дела в моей стране. Необходимые предпосылки для открытия высших учебных заведений в Болгарии были созданы как новым политическим положением, возникшим после 1878 г., так и осознанными потребностями болгарского общества в учреждении высшей ступени образования.

Организация государственного архива

Но если идея национального университета была воплощена в жизнь еще в первое десятилетие после освобождения страны от турецкой власти (Софийский университет был создан в 1888 г.), то проекты основания общего государственного архива на научной основе, обязательной для всех архивистов и подразумевающей повышение квалификации архивных кадров, были осуществлены лишь спустя 74 года после восстановления независимости болгарского государства. Приведу размышления одного из ведущих болгарских специалистов в области архивоведения, профессора Стефки Петковой: «Первый законодательный акт, рассматривающий вопросы организации архивного дела в Болгарии, был издан лишь в октябре 1951 г. Путь к этому событию был чрезвычайно тяжелым, случилось оно с большим опозданием. Языком цифр, это опоздание трехзначное — 157 лет после издания французского декрета 1794 г., положившего начало современному архивному делу в Европе и в мире. Причина заключается в том, что хотя после 1878 г. страна была в значительной степени политически независимой, но были слабы и разорваны традиции в области устройства

государства и общества. Формирующейся болгарской администрации предстояло научиться составлять документы и использовать их в своей практике. Единичные доставшиеся в наследство от прежних веков документы потеряли свое значение как источник государственнического (управленческого) опыта, и о них сейчас вспоминают только авторы мемуаров об освободительной борьбе и небольшая группа людей, профессионально занимающихся историей. Что касается накапливающихся новых документальных массивов, они приводят политиков и высокопоставленных государственных служащих в смущение только потому, что начинают требовать слишком больших площадей для хранения документов»¹.

Все же после Освобождения, с помощью русского опыта в области делопроизводства, в Болгарии было сделано многое в организации документирования деятельности государственных институций. Это проявилось, по крайней мере, в появлении ряда распоряжений о делопроизводстве и включении надлежащих текстов в законодательство о деятельности местной власти. В 1912 г. глава Болгарского народного банка заказал перевод труда, который был классикой европейской архивистики — знаменитое «Руководство трех голландцев» («Руководство по упорядочиванию и описанию архивных документов» «отцов» архивной теории Мюллера, Фейта и Фруина). К сожалению, перевод² не нашел подходящего применения ни в делопроизводственной практике бол-

¹ «Първият законодателен акт, посветен на организацията на архивното дело в България, се издава едва през октомври 1951 г. До него се стига с голямо закъснение и твърде мъчително. Изразено в години, закъснението е трицифрено — 157 години след френския декрет от 1794 г., сложил началото на модерното архивно дело в Европа и света. Причината се крие в обстоятелството, че след 1878 г. страната е до голяма степен политически независима, но тя е със слаби, прекъснати традиции в държавното си и обществено устройство. Изграждащата се българска администрация те първа ще се учи да съставя документи и да ги използва в своята практика. Единичните наследени от предишни векове документи са без значение като източник на държавнически (управленски) опит и за тях вече си спомнят само авторите на мемоарна литература за освободителните борби и малката група хора, професионално занимаващи се с история. Що се отнася до натрупваните се нови масиви, те смущават политиките и заемачите високи управленски постове само защото започват да изискват твърде големи хранилищни площи» (болг.). См.: Петкова Ст. Увод в архивознанието. Велико Търново: Университетско изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 2011. С. 67.

² Мюлер С., Фейт И.А., Фруин Р. Руководство за класиране и описание на архивите / прев. от фр. Дим. Попилиев. София: Печатница «Надежда» на Р. Шимонов, 1912.

гарских государственных учреждений, ни в их деятельности по сохранению архивных документов.

Незадолго до ухода из Болгарии Временная русская администрация позаботилась о формировании общего государственного архивохранилища, предназначенного для сбора и хранения документов, созданных в период русского управления Болгарией. Для этого во дворе Министерства внутренних дел было построено двухэтажное здание. Но первой попытке заложить основы болгарского государственного архива была уготована печальная судьба: собранные там документы ныне безвозвратно утрачены. До создания в 1951 г. системы болгарских государственных архивов было предпринято еще несколько попыток учреждения национального архива (известное время роль государственного архивохранилища исполняла Народная библиотека), также не увенчавшихся успехом³.

Другой проблемой было отсутствие конвенции о правилах систематизации и адресации архивных документов. О ней свидетельствует архивист Иван Панайотов, который писал о состоянии Архива Возрождения (с 1924 г. — составная часть Архивного отделения Народной библиотеки в Софии) в межвоенные годы: «не зная основных принципов архивоведения, в соответствии с которыми расположение и хранение документальных материалов происходит по фондообразователю, а содержание документов по теме или персоналии должны быть отражены в соответствующих каталогах, куратор „Архива Возрождения“ произвольно разделил архивные фонды и попытался систематизировать содержащиеся в них документы в четыре раздела: церковное дело, училищное дело, общественное дело и политический отдел»⁴. Такая инициатива создала потомкам много сложностей в работе с архивом.

³ Подробнее об истории болгарских архивов см.: Кузманова М. История на архивите и организация на архивното дело в България. София: Наука и изкуство, 1966; Петкова Ст. *Op. cit.*; Савов Н. Към историята на българската архивистика. София: Българска академия на науките, 1990.

⁴ «не познавайки основните принципи на архивистиката, по силата на които подреждането и хранението на документалните материали става по фондообразовател, като съдържанието на документите по тема или лице трябва да бъде отразено в съответните каталози, уредникът на „Архива на Възраждането“ произвольно разпокъсал самите архивни фондове и се опитал да систематизира съдържанието се в тях документи в четири дяла: църковно дело, училищно дело, обществено дело и политически отдел». См.: Петкова Ст. Иван Богданов и българската архивистика // Богданов Ив. Архивология. София: Изд-во на Нов български университет, 2014. С. 45.

Большие усилия для распространения в болгарских интеллектуальных кругах европейского опыта в области архивоведения на рубеже 1930–1940-х годов сделал юрист и литературный критик Иван Богданов. Его незаслуженно забытые труды в этой области увидели свет совсем недавно, собранные воедино под общим заглавием «Архивология»⁵.

Реальное же сближение болгарского архивного дела с европейским опытом (в нашем случае — с опытом советских архивистов) обозначилось лишь в начале 1950-х годов. Тогда это было связано с учреждением сети государственных архивов и активным внедрением советского опыта в работу болгарских государственных служащих с архивными документами.

Университетский архив Софии

К счастью, в отличие от многих других государственных учреждений, в руководстве Софийского университета им. святого Климента Охридского (основан в 1888 г. как Высший педагогический институт, с 1904 г. — преобразован в университет) нашлись достаточно рассудительные и дальновидные люди. Для них вышедшие из употребления в административной практике документы, отражающие многостороннюю деятельность университета, представлялись не «лишним грузом», занимающим дефицитные университетские площади, но важным источником сведений о прошлом и о развитии учебного заведения.

Доказательством тому служит написанная ректором, известным болгарским ученым Михаилом Арнаудовым «История Софийского университета за первые 50 лет его существования: 1888–1939»⁶. Это — труд, основанный на документах, хранящихся в университетском архиве.

Забота о сохранении архива старейшего высшего учебного заведения Болгарии проявилась еще при его основании, в чем можно убедиться, заглянув в протоколы заседания Высшего педагогического совета. В одном из них, 8 марта 1889 г., обсуждался вопрос об обязанностях секретаря университетской канцелярии. По пред-

⁵ Богданов Ив. Архивология.

⁶ Арнаудов М. История на Софийския университет «Св. Климент Охридски» през първото му полувековие 1888–1939». София: Придворна печатница, 1939.

писанию Министерства народного просвещения ему вменялось в обязанность заведование библиотекой и архивом⁷.

Впервые упоминание о должности университетского архивариуса встречается в протоколе заседания совета от 2 июля 1898 г. На нем рассматривался бюджет учебного заведения. Общее положение об университете 1904–1905 гг. определяло устройство университетской канцелярии, а также порядок оформления и хранения документов. Согласно Положению, ответственность за сохранность документов на факультетах несли деканы, а университетский архивариус отвечал только за документы ректората. Инструкция о правах и обязанностях должностных лиц университетской администрации 1941 г. прописала функции архивариуса и его помощника. Архивариус вел журналы учета входящей и исходящей корреспонденции, журнал регистрации выданных университетских дипломов (дипломы о законченном высшем образовании и докторские дипломы), альбомный журнал регистрации студентов и представленных ими документов. В его обязанности входила выдача преподавателям удостоверений, а также разных видов студенческих документов: дипломов, свидетельств о сдаче экзаменов и др. Он отвечал и на запросы властей касательно сведений о студентах. Неотменной частью работы архивариуса являлось упорядочение и хранение как текущей документации, так и «старой архивы», включая составление и ведение систематического указателя к архивным делам.

Кроме перечисленных обязанностей, архивариус заботился о рассылке исходящих служебных писем, телеграмм, коллетов. Выполнение этих заданий осуществлялось при участии помощника архивариуса. Помимо этого он был обязан вести личные дела преподавателей и служащих, а также журнал регистрации академических отпусков студентов⁸.

⁷ Колева И. Архивът на Софийския университет — традиции и отговорности // Българската университетска архивистика като образователен модел — история и бъдеще. Университетски четения по архивистика. Т. I. София: Изд-во Фабер, 2009. С. 128–129. Здесь стоит подчеркнуть, что Илонка Колева, заведующий архивом Софийского университета, уже давно проявляет интерес к истории своего отдела и публикует результаты своих исследований, чего, к сожалению, нельзя сказать об остальных немногих университетских архивистах в Болгарии. Этот последний факт отчасти можно объяснить объективными причинами (недостатком сведений), но все же нельзя не отметить и некоторую заинтересованность.

⁸ Ibid. С. 134–136.

Особое внимание в Инструкции уделено правилам движения документов в университете, методике формирования дел и порядку использования архивных материалов. Несмотря на государственную политику, направленную на уничтожение «ненужных» архивных документов, объясняемую потребностью в бумаге и расчисткой чердачных помещений в целях противоздушной обороны (Указ Министерского совета Болгарии от 7 мая 1942 г. № 20), политику, проводящуюся мало компетентными лицами, не имеющими ясных критериев для отбора ценных и неценных материалов, можно сказать, что благодаря добросовестному уходу за архивным богатством Софийского университета, сохранены важнейшие документы для его истории. К сожалению, нельзя, однако, не признать, что налицо и значительные утраты (например, годовые отчеты ректоров, протоколы заседаний факультетских советов и др.)⁹.

Крупные общественно-политические перемены, произошедшие в стране после 9 сентября 1944 г., отразились на состоянии и развитии университетского архива. Вследствие реорганизаций университетской администрации в 1945–1954 гг. должность архивариуса была упразднена — по крайней мере в сохраненных документах отсутствуют сведения о ней. После учреждения централизованной архивной сети в Болгарии (1951) Софийский университет стал фондообразователем Софийского архива, где его документы составляют фонды 994 К (документы, созданные до 1944 г.) и 1790 (документы после 1944 г.).

Если надо охарактеризовать период со второй половины 1940-х и до 1998 г., когда был возрожден университетский архив, то я бы назвала его хаосом. Обозначилось небрежное и некомпетентное отношение к архивным документам, обусловившее, с одной стороны, бесконтрольное их уничтожение (в том числе и ценных документов), а с другой стороны, бессмысленное накопление материалов с истекшим сроком хранения. Эти явления были порождены некомпетентностью служащих, в чьи обязанности входило хранение вышедших из употребления документов (хотя и были приложены усилия по внедрению номенклатуры дел со сроками хранения), и отсутствием пригодных для хранения документов помещений.

⁹ Колева И. *Op. cit.* С. 142–145.

Перелом к лучшему наступил в 1998–2004 гг. В 1998 г. ректорский совет принял решение восстановить должность архивиста. А в 2004 г. было утверждено Положение об архиве, согласно которому в структуре ректората было создано подразделение «Университетский архив». Среди его основных функций перечислю следующие: прием, регистрация и обеспечение сохранности документов ректората, факультетов и самостоятельных структурных подразделений университета до передачи их в государственный архив (в данном случае — в Софийский государственный архив); прием, систематизация и обеспечение сохранности архивных документов и фондов личного происхождения университетских преподавателей, приобретенных путем дарения; проведение экспертизы ценности документов университета; оказание методической помощи служащим остальных структурных частей при формировании, подготовке и сдаче дел в архив; выдача архивных справок для нужд университетского руководства, а также для нужд студентов и граждан.

Сегодня университетский архив является базой для обучения студентов по специальности «Архивоведение и документоведение». Он открыт не только для преподавателей, но и для исследователей из других учреждений, для всех болгарских граждан, интересующихся прошлым. На сайте Софийского университета можно найти электронные описи документов университетских подразделений и фондов личного происхождения. Другая эффективная форма популяризации архива — это подготовка и проведение историко-документальных выставок. Сотрудники архива принимают активное участие в различных научных форумах¹⁰.

Университетские архивы Болгарии

Кроме Софийского университета, архивы как самостоятельные структурные подразделения существуют и функционируют в Университете национального и мирового хозяйства, Национальной спортивной академии им. Васила Левского, Техническом университете, Национальной академии театрального и киноискусства им. Кр. Сарафова, Высшем транспортном училище им. Тодора

¹⁰ Ibid. С. 148–150. Здесь я использую и информацию об архиве, предоставленную Илонкой Колевой на первой встрече университетских архивистов в Болгарии, состоявшейся 21 июня 2013 г. в Софийском университете.

Каблешкова¹¹. Как и архив Софийского университета, это архивы с переменным составом документов, так как перечисленные вузы являются фондообразователями Софийского и Государственного военно-исторических архивов. К сожалению, за неимением достаточных сведений, пока оказалось невозможным включить в историческую часть этой статьи подробные справки о методах классификации и обеспечения сохранности архивных документов в отдельных вузах, начиная с их учреждения.

Судя по описям архивных фондов Университета национально- и мирового хозяйства¹², Технического университета в Софии¹³, Национальной спортивной академии¹⁴ и других столичных учебных заведений с национальным значением¹⁵, можно заключить, что, несмотря на все трудности (особенно во время Второй мировой войны), уже в первые годы были проявлены интерес и забота о сохранении важнейших документов по истории вузов. Так, в архивных фондах обнаруживаются представления, доклады и решения об открытии данного высшего училища, протокольные книги Академических советов, положения об устройстве и деятельности разных организаций и содружеств, связанных с вузами, бюджеты, личные дела преподавателей и др.

С возникновением системы государственных архивов в стране и последующим распределением фондообразователей методическое руководство архивными работами в столичных университетах и академиях перешло в руки Софийского архива. Как «общее место» в преобладающей части исторических справок вузовских

¹¹ Мною и Илонкой Колевой было проведено блиц-изучение состояния архивов в болгарских вузах, и нами было выявлено, что лишь в немногих из них имеются архивы как самостоятельные структурные подразделения. В большинстве случаев оказалось, что функции архивного хранения и использования вышедших из активного употребления университетских документов возложены на канцелярию данного вуза (отделение «Делопроизводство»). В число вузов со структурно обособленным архивом входят преимущественно столичные университеты и академии.

¹² Държавен архив — София (далее: ДА — София). Ф. 1327 К; Ф. 1643.

¹³ ДА — София. Ф. 993 К; Ф. 1670.

¹⁴ ДА — София. Ф. 985 К; Ф. 1629.

¹⁵ См., например: ДА — София. Ф. 1001 К; Ф. 1786 (Национальная музыкальная академия); Ф. 1047 К; Ф. 1819 (Национальная художественная академия); Ф. 1717 (Национальная академия театрального и киноискусства); Ф. 927 (Медицинский университет в Софии) и др.

архивных фондов звучат объяснения методическими органами причин неправильного сохранения архивных материалов, приведшего к более или менее значительным потерям ценных документов в 1950–1990-е годы: текучесть кадров, совершенное (или почти совершенное) незнание ими норм архивного дела, и не на последнем месте — недостаток площади, или там, где она имеется, ее полная непригодность. Видимо, с течением лет у руководств некоторых учебных заведений постепенно созрела мысль о необходимости более внимательного отношения к документам, следствием которой является выделение средств, персонала и площади для специального структурного подразделения, занимающегося ведением архива.

Архив Университета национального и мирового хозяйства (УНМХ)¹⁶ — сектор Дирекции «Университетская библиотека и центральный архив». Он создан приказом руководства УНМХ от 14 января 2008 г., а в 2010 г. утверждены Положение об архиве, Положение о внутреннем порядке архива и Правила об обслуживании читателей, составлена номенклатура дел со сроками хранения, для применения которой на практике сотрудники университетского архива прилагают немало усилий. Как и в остальных ведомственных архивах (по сути, это типичный ведомственный архив), здесь проводятся работы по приему, систематизации и обеспечению сохранности и использования архивных документов, по созданию научно-справочного аппарата, по выдаче архивных справок и др. Определенные Законом о национальном архивном фонде документы с историческим значением передаются на постоянное хранение в Софийский государственный архив. Сектор «Центральный архив» УНМХ располагает четырьмя архивохранилищами¹⁷.

В 1980 г. приказом ректора Технического университета в Софии (ТУ — София)¹⁸ было положено начало Центральному тех-

ническому архиву, чьи основные задачи заключались в упорядочении приема и сохранения отчетов по научно-исследовательским работам и докладов, представленных на научных сессиях, организованных Научно-исследовательским сектором университета. Позже, в 1996 г., Центральный технический архив перерос в «Университетский архив» — самостоятельное структурное подразделение Технического университета, в котором, помимо документов Научно-исследовательского сектора, сохраняются и материалы, появившиеся в результате деятельности остальных отделов этого вуза.

С 2001 г., когда была разработана номенклатура дел со сроками хранения, началось ее поэтапное внедрение в практике. На заседании Академического совета 10 марта 2004 г. было принято Положение об архиве, регламентирующее его статус и особенности организации и функционирования. ТУ, как и Софийский университет и УНМХ, является фондообразователем Софийского государственного архива.

У Национальной спортивной академии им. Васила Левского (НСА)¹⁹ с 2012 г. также имеется свой ведомственный архив как самостоятельный отдел в администрации. В том же году Академическим советом принято Положение об академическом архиве, назначена постоянно действующая комиссия, разработана номенклатура дел со сроками хранения, подлежащая одобрению Софийским государственным архивом.

Хотя архив Высшего транспортного училища им. Тодора Каблешкова (ВТУ)²⁰ существует и функционирует внутри отдела «Кадры, делопроизводство и архив», его служащие развивают настолько активную самостоятельную деятельность, что, кажется, недалек момент структурного обособления их сектора. Как интересную особенность в организации архивных процессов в ВТУ можно отметить следующий факт: до 2011 г. при упорядочении и систематизации документов архивисты руководствовались принципами, прописанными в изданной Министерством обороны инструкцией о доку-

¹⁶ Самый крупный экономический вуз в Болгарии и в Юго-Восточной Европе ведет свое начало от основанного в 1920 г. Свободного университета политических и хозяйственных наук. Подробнее об УНМХ (УНСС — болг.) см.: <<http://www.unwe.bg/>> (дата обращения: 15.07.2015).

¹⁷ Информация, предоставленная коллегой Александром Перевым — заведующим сектором «Центральный архив» в администрации УНМХ.

¹⁸ Старейшее высшее техническое учебное заведение в Болгарии — Технический университет в Софии, является наследником Высшего технического училища, открытого в 1942 г. на основании Указа от 28 мая 1941 г. № 22, подписанного царем Борисом III. Подробнее см.: <www.tu-sofia.bg> (дата обращения: 15.07.2015).

¹⁹ Национальная спортивная академия является продолжателем основанного в 1942 г. царским указом Высшего училища телесного воспитания, переросшего в 1953 г. в Высший институт физического воспитания и спорта. Подробнее о НСА: <www.nsa.bg> (дата обращения: 15.07.2015).

²⁰ Высшее транспортное училище им. Тодора Каблешкова — преемник созданного в 1922 г. Государственного железнодорожного училища. Подробнее: <www.vtu.bg> (дата обращения: 15.07.2015).

ментообороте и работе с секретными и несекретными документами (напомню, что до 2000 г. у ВТУ был статус военного училища).

Согласно этим правилам, дела объединяют нескольких календарных лет, пока их объем не достигнет 250 листов. Тем самым нарушается требование включать в дело документы одного срока хранения. С 2012 г. архив ВТУ перестроился на «гражданский лад». Были составлены в полном соответствии с законом о национальном архивном фонде Республики Болгарии номенклатура дел со сроками хранения и Положение об архиве. Для сохранения неделимости и целостности уже существующего архивного фонда ВТУ он в будущем останется фондообразователем Государственного военно-исторического архива в Великом Тырнове, а методический контроль над правильным выполнением задач по управлению архивом ВТУ осуществляется и будет осуществляться Софийским государственным архивом²¹.

Архивы Варненского свободного университета им. Черноризца Храброго и Нового болгарского университета можно рассматривать как исторические архивы учреждения. Хранящиеся в них ценные документы об истории этих вузов не передаются на постоянное хранение в государственные архивы, обеспечением их сохранности целиком распоряжаются сами университеты.

Варненский свободный университет²² (который вместе с Новым болгарским университетом является одними из «самых молодых» учебных заведений в «обществе» болгарских университетов и академий) располагает самостоятельным архивом с 2001 г., когда на заседании Академического совета были приняты Положение о деятельности архива ВСУ и номенклатура дел со сроками хранения. В 2008 г. вошла в силу Инструкция № 8 об архиве, которая отменяет Положение. Кроме традиционных функций, свойственных остальным вышеречисленным университетским архивам, архив ВСУ выполняет еще одну: до открытия университетского музея сохраняет вещи, относящиеся к прошлому университета²³.

²¹ Сведения, вынесенные архивистом ВТУ им. Тодора Каблешкова Н. Константиновой на первой встрече университетских архивистов в Болгарии.

²² Создан в 1991 г. О его истории, структуре и миссии см. подробнее: <www.vfu.bg> (дата обращения: 15.07.2015).

²³ Информация, прочитанная архивистом Варненского свободного университета Г. Хубановой на первой встрече университетских архивистов Болгарии 21 июня 2013 г.

Несколько иная ситуация с архивом Нового болгарского университета²⁴, по крайней мере в настоящее время. В 1999 г. в структуре библиотеки НБУ был выделен сектор «Архивы», который в 2005 г. перерос в Центр документов и архивных фондов — самостоятельное подразделение первоначально в составе Центральной университетской администрации, а с 2006 г. и по настоящее время — Администрации настоятельства НБУ. Основной акцент в работе архива сделан на обработку и сохранение фондов личного происхождения известных болгарских ученых и культурных деятелей, чье дело прямо или косвенно связано с университетом, или родственники которых выбрали университетский архив НБУ как оптимальное место для «последнего пристанища» их документов.

Не менее важная задача для служителей архива (Центра документов и архивных фондов) — популяризация сохраняемого архивного «богатства». С этой целью организуются историко-документальные выставки, издаются сборники документов, выходят публикации в специализированных журналах и т.д. Нельзя не отметить широкое участие студентов-историков и философов во всех этих мероприятиях, так как Центр в последнее время стал одной из предпочитаемых будущими гуманитариями баз для проведения студенческих практик. Исключительное внимание уделяется взаимодействию с представителями различных департаментов университета, преимущественно в целях проведения плодотворных общих мероприятий, а также для привлечения новых фондообразователей из академической среды. Что касается упорядочения и обеспечения сохранности документов, отражающих текущую деятельность университетских структур, этот вопрос находится в развитии, так как пока еще нет общего центрального архивохранилища. Вышедшие из активного практического употребления материалы хранятся в отделах, факультетах и департаментах. Подготовленный сотрудниками Центра документов и архивных фондов проект номенклатуры дел со сроками хранения ждет одобрения и, соответственно, применения в работе университетских сотрудников.

Проблемы университетских архивов

В чем заключаются проблемы университетских архивов и их сотрудников в Болгарии? Главным образом в том, что не только в

²⁴ Как и у Варненского свободного университета, «год рождения» Нового болгарского университета — 1991-й. Вся информация о НБУ можно найти на: <www.nbu.bg> (дата обращения: 15.07.2015).

университетах, но и в обществе в целом деятельность архивиста не относится к престижным занятиям. Нередки случаи, когда коллеги сталкиваются с пренебрежительным отношением к себе, с непониманием и даже с отказом в содействии. Самым простым доказательством тому может служить насмешливое прозвище «архивар». В болгарском языке это нарицательное имя имеет пренебрежительный оттенок, является синонимом «канцелярщины», мелкого чиновника с убогими мыслями и желаниями — образ, внедренный в массовое сознание болгарского народа творчеством писателя Елина Пелина²⁵. Среди образованных болгар встречаются люди, не знающие различия между «архивариусом» и «архивистом». Эти языковые дискриминации занижают сотрудников архивов как исследователей и сводят их службу к функциям хранителя бумаг сомнительной ценности.

Профессиональная подготовка

Другой, не менее досадный факт — опять даже среди людей гуманитарно образованных — непонимание сущности задач и компетенций архивиста, библиотекаря и музейного работника и проистекающее отсюда нежелание четко разграничивать сферы их деятельности. Это приводит к низведению их всех до уровня второразрядного помощника «настоящего» исследователя. В этом смысле особенно красноречивы слова Ивана Богданова: «Когда речь пойдет об архивах, множество деятелей культуры проявляют явное пренебрежение. Для них архивисты являются “дьячками” в храме культуры. Но нередко время показывает себя более благосклонным к этим скромным, самоотверженным рядовым солдатам культуры, чем к велеречивым, но мнимым жрецам в ее храме»²⁶.

²⁵ Обычно (и банально!) первая ассоциация, которая возникает у большинства болгар (образованных и не слишком образованных) со словом «архивист» или «архивариус» (архивар) — это образ архивариуса Душко Добродушкова из рассказа Елина Пелина «Жареная тыква». Елин Пелин (Димитър Иванов Стоянов) (1877–1949) — болгарский писатель.

²⁶ «Когато чуят да се говори за архиви, доста културни дейци проявяват явна пренебрежителност. Архивистите за тях са “клисари” в храма на културата. Но често пъти времето се показва по-благосклонно към тези скромни, пожертвувателни редници на културата, отколкото към велеречивите, ала мними жреци в нейния храм» (болг.). См.: *Богданов Ив.* Грижи за архивното дело // Народна култура. 9 август 1960. Год. IV. № 28.

Сегодня перед университетскими архивистами стоят две основные проблемы — профессиональная подготовка и повышение статуса и значения самого архива в учебном заведении. К счастью, в последнее время намечается тенденция к преодолению несоответствия квалификации архивистов реальным потребностям архивной деятельности в университете или академии.

Тем не менее нередко случаи, когда архивистами назначаются лица без специального образования, и даже без исторического образования. Чаще всего это библиотекари, филологи, экономисты, инженеры (никаких возражений против этих профессий, разумеется, не может быть, только если прибавить к ним и дополнительное образование архивиста). Все же в последние годы руководители некоторых болгарских вузов стали давать возможность своим «архивным кадрам» учиться и закончить магистратуру по архивоведению и документоведению, добиваясь тем самым оптимального варианта, при котором профессия, связанная со спецификой данного вуза, соединяется с профессиональными навыками архивариуса.

Пробелы обнаруживаются и у архивистов, специализирующихся на истории. Они считают, что раз уже в первом семестре первого года обучения на историческом факультете, скажем, Софийского университета, проходили учебную дисциплину «Архивоведение», больше специальных знаний в работе с архивом не потребуется. Да, с определенностью можно утверждать, что в наши дни, и особенно с учетом нашей образовательной реальности, представленные в начале 1950-х годов одним из пионеров болгарского теоретического архивоведения, Иваном Дуйчевым, требования к подготовке архивиста выглядят как-то фантастично: «Работа архивиста связана с довольно большой научной ответственностью и требует от него глубоких и основных знаний в области нескольких научных дисциплин. Прежде всего, такие знания он должен иметь в области всеобщей и специальной истории, так как архивные документы — самые ценные исторические источники. Архивист обязан владеть старыми и новыми языками, чтобы сумел справиться со всем разнообразием архивных ценностей, ведущих свое происхождение от разных времен и разных народов. <...> Ему необходимы знания в области палеографии, чтобы мог бы прочесть старинные документы. <...> Необходимо хорошее знание разных хронологических систем и способов, при помощи которых, при наличии одного или другого хронологического эле-

мента, можно датировать данный документ наиточнейшим образом. Нужны также знания в области сфрагистики, чтобы прочесть и истолковать печати. Наконец, помимо разных специальных знаний необходимо иметь знания в области того, что мы называем архивоэкономией и архивотехнией, или, другими словами, сведения о хранении документов и устройстве архива»²⁷.

Все-таки было бы целесообразно, чтобы сотрудники университетских (и не только!) архивов обладали хотя бы необходимым минимумом знаний в области классификации, обеспечения сохранности и использования архивных документов. Перуанский архивист Цезарь Гутьерос Муньос четко сформулировал отличительные качества университетских архивистов: «1. Университетские архивисты должны быть настоящими профессионалами, но не только вследствие полученного ими образования или официального признания их профессии и размера зарплаты, но, в основном, в силу их преданности работе. Недостаточно работать архивистом, необходимо действительно чувствовать себя таким. 2. Университетские архивисты должны чувствовать потребность отождествления себя со своей профессией. В этом отношении не допустимо никаких сомнений или колебаний. Они должны бороться за общественное признание своей профессии, подобно врачам и юристам. 3. Университетская среда, в которой работают архивисты, предопределяет некоторые различия между ними и коллегами из других архивов. Вот почему для университетского архивиста желательно, чтобы, наряду с его основными функциями-

²⁷ «Неговата работа [на архивиста. — А. Т.] налага извънредно голяма научна отговорност и изисква дълбоки и основни познания в областта на няколко научни дисциплини. Той трябва да притежава преди всичко задълбочени познания из областта на общата и специална история, защото архивните документи са най-ценните исторически извори. Той трябва да познава стари и нови езици, за да може да се справи с цялото разнообразие от архивни ценности, които произхождат от разни времена и разни народи. <...> Необходими са знания относно палеографията, за да могат да бъдат разчетени стари документи. <...> Необходимо е да се познават добре разните хронологически системи и начините, чрез които, при наличността на едни или други хронологически елементи, един документ да може да бъде датиран по възможност най-точно. Необходими са знания по сфрагистика, за да може да бъде разчетен и обяснен един печат. Най-сетне, покрай разните специални знания, необходимо е да се познава онова, което наричаме архивоэкономика и архивотехника, сиреч сведения за запазване на документите и уредбата на един архив» (болг.). См.: Дуйчев Ив. Лекции по архивистика. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1993. С. 241–243.

ми, он был также преподавателем, научным работником и общественным деятелем. 4. Университетским архивистам необходимо постоянно повышать свою квалификацию, следя за новостями в мире науки и техники»²⁸.

В настоящее время архивное образование можно получить в Софийском университете (исторический факультет, кафедра «Архивоведение и вспомогательные исторические дисциплины», специальность «Архивоведение и документоведение»), в Юго-Западном университете им. Неофита Рильского (историко-правовой факультет, кафедра «История», магистерская программа «Архивоведение и музееведение»), в Пловдивском университете им. Паисия Хилендарского (философско-исторический факультет, магистерская программа «Архивоведение и документоведение»), в Велико-тырновском университете им. св. Кирилла и Мефодия (исторический факультет, кафедра «Новая и новейшая история Болгарии» (лекционные курсы в рамках специальности «История Болгарии»), а также и Центр квалификации (специальность «Архивоведение»), в Университете библиотекведения и информационных технологий (факультет библиотекведения и культурного наследия, бакалаврская специальность «Архивоведение и документоведение», магистерская программа «Менеджмент документов и архивов»).

Профессиональные интересы

Как правило, университетским архивам отведены второстепенные места в структуре учебных заведений, причем не столько в отно-

²⁸ «1) Университетските архивисти трябва да бъдат истински професионалисти, но не само в резултат на тяхното образование или официално признание на професията им и размера на заплатата им, но преди всичко благодарение на тяхната преданост към работата. Не е достатъчно да работиш като архивист, а действително да се чувстваш такъв; 2) Университетските архивисти трябва и са длъжни да чувстват необходимостта от отъждествяване себе си със своята професия. В това отношение не са допустими никакви съмнения или колебания. Те трябва да се борят за общественото признание на своята професия, подобно на лекарите и юристите; 3) Университетската среда, в която работят архивистите, определя някои от различията между тях и колегите им от другите архиви. Във връзка с това, наред с основните му функции, за университетския архивист е желателно да бъде още и преподавател, научен работник и общественик; 4) Университетските архивисти трябва непрекъснато да повишават квалификацията си, като следят научните и техническите новости» (болг.). См.: Муньос Ц. Архивистът в университета // Архивен преглед. 1992. № 1–2. С. 20–21.

шении зарплат сотрудников и условий труда, сколько в самом отношении руководства и остальных сотрудников администрации, факультетов, департаментов, центров и институтов к архиву и его работникам. Показателен пример с составлением номенклатуры дел, сопровождающийся обязательными разговорами архивистов с сотрудниками других университетских подразделений. Типичные реакции: «Это опять вы? Слушайте, нам не до этого, у нас слишком много дел», «Зачем же вам все это, эта, как ее звать, номенклатура? У нас и так довольно хлопот, зачем дополнительно усложнять жизнь?», «У нас есть прекрасная система упорядочения документов, уже годами действующая, нам не нужна ваша номенклатура!». Однако нельзя не признать, что встречаются и сотрудники, внимательно вникающие в суть замысленного мероприятия и выражающие готовность помочь.

Серьезной проблемой для части болгарских вузов является дефицит площадей или их несоответствие нормативам хранения документов. В принципе такое положение объясняется объективными причинами, прежде всего ограниченным бюджетом. Но встречаются случаи, когда имеется достаточно средств, только они распределяются по другим, видимо, более важным направлениям, что в очередной раз свидетельствует о невысоком статусе архива в системе вузовских ценностей.

Как правильно утверждают сотрудники архива чешского Карлова университета²⁹ доцент доктор Петр Свободный и доктор Марек Дюрчанский, «“Звездный час” университетского архива, как правило, происходит во время юбилейных тожеств данного университета, когда университетские архивисты участвуют в составлении обобщающих публикаций по истории учебного заведения, в организации выставок, конференций и других сопутствующих событий»³⁰.

²⁹ Точное название: Институт истории Карлова университета и Архив Карлова университета — Ústav dějin Univerzity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy.

³⁰ «“hvězdna hodina” univerzitního archivu obvykle nastává během oslav jubilea příslušné vysoké školy: podílejí se na přípravách syntetických publikací, výstav, konferencí a dalších souvisejících akcí» (чеш.). См.: Интервью Марии Профовой (Архив университета им. Я.А. Коменского в Братиславе) с зарубежными участниками состоявшихся 21–23 мая 2013 г. в Братиславе XVII-х архивных дней в Словацкой республике «Наука, культура и спорт в архивных документах» // Fórum archivárov, č. 2, 2013: <www.archivari.sk/index.php/na.../13-2013?...fa...> (дата обращения: 14.05.2014).

В 2013 г. заведующая архивом Софийского университета Илонка Колева и специалист Центра документов и архивных фондов Нового болгарского университета Александра Трифонова (автор настоящей работы) выступили с инициативой создания Общества университетских архивистов в Болгарии. Это случилось на первой встрече представителей университетских архивов, проведенной 21 июня 2013 г. в Софийском университете. Перед второй встречей нами был подготовлен проект устава Общества, в котором были прописаны основные цели этого объединения.

Назначение такого профессионального объединения виделось в том, чтобы поддерживать обмен удачными идеями и практиками в области архивного дела, в частности, учитывающими специфику архивных деятельности в университете; оказывать профессиональную и методическую помощь³¹ своим членам; вести работу по повышению квалификации университетских архивистов; составлять и предлагать государственному агентству «Архивы» и высшим учебным заведениям примерные нормативные документы (номенклатуры дел со сроками документов, перечни документов в области высшего образования, правила работы университетских архивов, инструкции о документообороте), соответствующие требованиям закона о Национальном архивном фонде и закона о высшем образовании; консультировать и поддерживать создание архивов в высших учебных заведениях в стране; разрабатывать идеи и стратегии, связанные с оцифровкой университетских архивных ресурсов; устанавливать и развивать контакты с подобными организациями в других странах.

Для достижения этих задач предусматривается организация регулярных встреч университетских архивистов, а также и различных лекций-бесед, семинаров, конференций, выставок; проведение совместной работы с государственным агентством «Архивы» и другими образовательными и культурными учреждениями по совершенствованию нормативной базы в области архивного дела в высших учебных заведениях; создание и поддержка собственного веб-сайта, издание печатной и электронной версий журнала и т.д. Хотя среди некоторых коллег существуют колебания в во-

³¹ Несомненно, при осуществлении этой цели можно считать счастливым обстоятельством существование электронной библиотеки по архивоведению и документоведению, созданной профессором Софийского университета А. Нейковой и научным сотрудником Военно-исторического музея в Софии Д. Ниновым.

просе о необходимости Общества университетских архивистов, надеемся, что мы сможем убедить их в целесообразности и эффективности подобного объединения сил, и довести свое начинание до успешного завершения.

Правда, по сравнению с большинством университетских архивов в Европе и в мире болгарским университетским архивам «есть что догонять», но при наличии желания, амбиций и преданности работе верю, что в ближайшее время положение изменится к лучшему, и университетские архивисты получают подобающую значимости их труда оценку со стороны остальных университетских служащих, а также будут активно участвовать и в международных инициативах по развитию университетских архивов и повышению их статуса.

Иоанна Шиллер-Валицка

АРХИВ ПОЛЬСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК КАК ХРАНИЛИЩЕ ПРОФЕССОРСКОГО НАСЛЕДИЯ¹

doi: 1017323/978-5-7598-1587-7_265-292

История создания

Архив Польской Академии наук (АПАН) — это исключительная, уникальная для польского архивного дела институция. Его специфика связана не только с организационной обособленностью, но и с тем, что АПАН сочетает в себе черты центрального отраслевого архива открытого типа и научно-исследовательского учреждения. Он одновременно выполняет делопроизводственные функции, и решает задачи по сохранению и изучению документального наследия².

Инициатором создания АПАН был профессор Генрик Яблонский, занимавший в начале 1950-х годов пост заместителя секретаря I отделения (отделения гуманитарных и общественных наук) ПАН. 1 декабря 1953 г. Научный секретариат Президиума ПАН утвердил решение о создании архива в качестве научно-вспомогательной структуры, определил его задачи и характер собираемых материалов. В принятом постановлении отмечалось, что задачами АПАН являются сбор, хранение, обеспечение использования в научно-исследовательской и организационной работе, а также подготовка к публикации: «а) всех документов, полученных Польской Академией наук от научных организаций и ведомств, ликвидированных в связи с образованием последней; б) завершенных делопроизводством дел руководящих органов Польской Академии наук и подведомственных ей учреждений, а также научных обществ и иных научных организаций, круг которых определяется совместно с Главной дирекцией архивов; в) всех документов, отра-

¹ Пер. с польск. Д.А. Добровольского.

² Kolankowski Z. Archiwum Polskiej Akademii Nauk (1954–1959) // Nauka Polska. 1960. R. VIII. No. 1 (29). S. 131; Kolankowski Z. Organizacja i praca Archiwum Polskiej Akademii Nauk (1953–1962) // Biuletyn Archiwum PAN. 1962. S. 13.

жающих историю польской науки, в том числе рукописей научных работ, библиографических и биографических материалов, связанных с деятельностью выдающихся польских ученых, а также иных подобных документов»³.

Организационную работу взяла на себя Хелена Гандельсман, сестра известного историка Марцели Гандельсмана, и уже в декабре 1953 г. на работу в архив были приняты первые сотрудники. С тех пор архив располагается во дворце Сташица, что было обусловлено исторической ролью этого здания. В 1823 г. оно было передано в общественное пользование и служило резиденцией первого в Польше научного общества — Варшавского королевского общества друзей науки, основанного в 1800 г.⁴

Первоначально архиву принадлежала только одна тесная комната без окон на третьем этаже дворца. Однако в 1958 г. он был переведен в более удобные помещения, располагавшиеся частично на первом этаже, а частично в мезонине здания. Это позволило создать два новых подразделения — отдел картографии и отдел научно-технической документации⁵. Впрочем, новые помещения также оказались недостаточными для постоянно растущего собрания, и вскоре часть документов пришлось перевести в удаленное хранилище, расположенное в 140 км от Варшавы⁶.

Необходимо отметить, что если в начальный период своего существования хранящиеся в АПАН дела занимали 12 погонных м полок, то по состоянию на конец 2009 г. общая протяженность полок архива увеличилась до 2692,14 м (в том числе 2238,56 м — в Варшаве). Кроме того, в собрании АПАН сегодня находится 30 863 единицы фотографий (включая негативы), почтовых открыток и ксерокопий, 24 электронных оптических диска, а также коллекция медалей, насчитывающая 1056 предметов. Книжное со-

³ Stasiak J. Archiwum Polskiej Akademii Nauk wśród archiwów warszawskich // Wkład archiwistów warszawskich w rozwój archiwistyki polskiej: zbiór studiów poświęconych warszawskiemu środowisku archiwalnemu / red. A. Kulecka. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2012. S. 149.

⁴ Biegański P. Pałac Staszica: siedziba Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. Warszawa: Wydawnictwo TNW, 1951.

⁵ Chodkowska A., Pietrkiewicz D. Kalendarium Archiwum PAN // Biuletyn Archiwum PAN. 2003. No. 44. S. 9.

⁶ Kolankowski Z. Archiwum Polskiej Akademii Nauk — ćwierć wieku działania // Nauka Polska. 1978. No. 11–12. S. 92.

брание архива составляют 11 563 тома неперIODических и 9939 томов периодических изданий⁷.

У архива быстро образовались отделения. Так, в январе 1955 г. начало работу отделение АПАН в Кракове, созданное на базе архивного отдела Краковской библиотеки ПАН. Основу фондов нового отделения составили материалы Краковского научного общества (1815–1873) и его преемницы — Польской академии знаний (1873–1952). В 2002 г. отделение было закрыто, а на его месте возник самостоятельный Архив науки ПАН и ПА3 в Кракове. В мае 1956 г. возникло отделение АПАН в Познани, а в январе 1974 г. — отделение в Забже, в 1982 г. переведенное в Водзислав-Сленски, а в 2013 — в Катовице⁸.

В 1955 г. была образована ученая коллегия архива под председательством профессора Яна Домбровского, взявшая на себя организацию исследовательской работы учреждения, и в частности планирование научных работ. Членами коллегии были профессор Рафал Гербер, Станислав Конопка, Эугениуш Ольшевский, Адам Стебельский и Богдан Суходольский, секретарем — тогда магистр, а в дальнейшем профессор и крупный специалист по польско-российским научным связям первой половины XIX в. Рышард В. Волошинский.

В 1960 г. ученая коллегия АПАН была распущена, однако ее функции перешли к ученому совету, создание которого предусматривалось первым уставом архива, принятым в 1962 г. Первым председателем ученого совета АПАН стал выдающийся историк Тадеуш Мантойфель. Затем эту должность последовательно занимали крупный специалист по средневековой истории Александр Гейштор, один из лучших в Польше знатоков истории России Людвик Базилёв, Януш Дурко, и, наконец, два специалиста по истории Центральной и Восточной Европы, истории науки XIX в. и польско-российским культурным связям — уже упоминавшийся Рышард В. Волошинский и Лешек Заштовт, возглавивший ученый совет в 2009 г.⁹

Согласно последней редакции устава АПАН, которая была разработана и утверждена в 2011 г. с учетом требований нового

⁷ Stasiak J. Op. cit. S. 149, 164.

⁸ Ibid. S. 150.

⁹ Ibid.

закона о ПАН (2010), к функциям ученого совета относятся оценка деятельности архива в общем и эффективности выполнения отдельных задач, рассмотрение программы развития и бюджета учреждения, руководство издательской деятельностью, подготовкой и переподготовкой научных кадров, а также утверждение и внесение предложений по изменению внутренних нормативных актов¹⁰. Численность совета составляет 16 человек, 13 из которых — это «выдающиеся представители различных отраслей науки, не имеющие трудовых отношений с архивом» и выбираемые на конкурсной основе из числа сотрудников научно-исследовательских институтов и университетов¹¹.

Поскольку АПАН не входил в систему архивов, подчиненных Главной дирекции государственных архивов (ГДГА), его правовой статус поначалу оставался неопределенным. Ситуация изменилась в 1957 г., когда было подписано соглашение с ГДГА, согласно которому АПАН должен был «обеспечивать сбор и надлежащее хранение документов, созданных в прошлом или создаваемых в настоящее время в рамках деятельности ПАН и ее подразделений, а также документов научных обществ, ликвидированных в связи с созданием ПАН, или получающих финансирование со стороны ПАН»¹².

Упомянутое соглашение предусматривало, что АПАН «может принимать на хранение рукописное наследие ученых и организаторов науки, а также документацию научных фондов, редакций специализированных периодических изданий, организационных комитетов научных съездов и иных не упомянутых выше научных объединений», при этом архив получал «преимущественные права на рукописи членов ПАН и сотрудников научно-исследовательских организаций, входящих в систему ПАН»¹³. Устав АПАН, утвержденный Научным секретариатом ПАН в июле 1962 г., описывал статус и задачи архива аналогичным образом. В дальнейшем устав был дважды переработан (в 1999 и 2011 гг.), однако внесенные изменения касались либо технических вопросов (в 1999 г., когда в работу

¹⁰ Statut pomocniczej jednostki naukowej działającej pod nazwą: Polska Akademia Nauk Archiwum w Warszawie z dnia 23 grudnia 2001 r.: <<http://www.petea.home.pl/apan/pl/page/3/7/>> (дата обращения: 21.04.2013).

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Kolankowski Z. Archiwum Polskiej Akademii Nauk — ćwierć wieku działania. S. 91.

архива внедрялись компьютерные системы управления базами данных¹⁴), либо официального наименования архива (в 2011 г.¹⁵). В административном отношении архив всегда подчинялся структурам ПАН — сперва канцелярии президиума Академии, а с 1977 г. I отделению — Отделению гуманитарных и общественных наук. Общее руководство работой архива осуществляет президент ПАН наук.

В октябре 1984 г. ГДГА на постоянной основе делегировала АПАН право собирать и хранить документы, относящиеся к сфере его компетенции, в том числе текущую документацию территориальных органов и институтов ПАН, подлежащую передаче на государственное хранение из ведомственных архивов указанных учреждений¹⁶. Соответственно АПАН осуществлял руководство работой ведомственных архивов учреждений ПАН. В 2002 г. эта так называемая «доверенность» была пересмотрена. Согласно новым принципам работа ведомственных архивов контролируется местными архивами соответствующих регионов, а АПАН только получает для ознакомления и принимает к сведению итоговые акты проверок, проводимых структурами ГДГА¹⁷.

С 1959 г. АПАН выпускает ежегодный бюллетень, где публикуется информация о новых приобретениях, описи фондов и коллекций, отчеты о работе архива, хроника научной жизни, а также научные статьи, авторами которых, как правило, выступают сотрудники учреждения. Финансовые ограничения, наложенные на деятельность архива в период «большого экономического кризиса» 1991–1994 гг., привели к тому, что издание «Бюллетеня Архива Польской Академии наук» было приостановлено на два года. Однако уже в 1993 г. издание ежегодника возобновилось¹⁸. По-

¹⁴ Речь идет о трех системах — SEZAM (СЕЗАМ) (содержит данные о составе собрания на уровне фондов), KANAPA (КАНАПА) (обеспечивает регистрацию поступающих и исключаемых из собрания документов) и IZA (ИЗА) (позволяет составлять электронную опись фонда).

¹⁵ Вместо прежнего официального названия «Архив Польской Академии наук» было принято новое — «Польская Академия наук. Архив в Варшаве».

¹⁶ Chodkowska A., Pietrkiewicz D. Op. cit. S. 23.

¹⁷ Ibid. S. 38.

¹⁸ Szymczyk H. «Biuletyn Archiwum PAN» — jego funkcja jako informatora o materiałach archiwalnych i działalności naukowej pracowników Archiwum Polskiej Akademii Nauk: <<http://www.sap.waw.pl/files/u1/Szymczyk.pdf>> (дата обращения: 21.04.2013).

следний на момент написания статьи, 53-й номер «Бюллетеня...» вышел в 2012 г.

Еще одним источником информации о фондах АПАН может служить «Путеводитель по фондам и собраниям Архива Польской Академии наук», составленный под руководством тогдашнего директора АПАН Зигмунта Колянковского и впервые выпущенный в 1965 г.¹⁹ Новые поступления в архив были учтены при переизданиях путеводителя, вышедших в 1978 и 1999 гг.

Уже в 1955 г. в рамках научно-исследовательской деятельности архива был запущен очень значимый проект — составление максимально полного указателя источников по истории польской науки и техники. На протяжении нескольких лет коллектив составителей, насчитывавший порядка пятнадцати человек, осуществлял работу по выявлению таких материалов в архивах и библиотеках Варшавы, Кракова, Познани, Плоцка, Торуня, Щецина, Катовиц, Люблина, Келец и других городов, в результате чего был сформирован каталог, объем которого к 1962 г. достиг 70 тыс. карточек²⁰. В 1970 г. работа над Генеральным каталогом источников по истории польской науки и техники была приостановлена по финансовым причинам, а в 1976 — возобновлена в сотрудничестве с Отделом истории науки, просвещения и техники (ныне — Институтом истории науки) ПАН, где в то время создавалась фундаментальная многотомная «История польской науки» под редакцией Богдана Суходольского²¹.

Почти трехлетняя совместная работа прервалась в 1979 г., а вместе с этим окончательно прекратилось и пополнение каталога. Развитие новых форм доступа к архивоведческой и библиографической информации до известной степени ограничило значение карточных каталогов, однако и в 2003 г. Р.В. Волошинский имел основания с сожалением писать о финансовых проблемах, вызвавших закрытие проекта²². Схожая судьба ожидала вторую

¹⁹ Przewodnik po zespołach i zbiorach Archiwum PAN / opr. pod kier. Z. Kolanowskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965. *Примеч. пер.*

²⁰ Kolanowski Z. Organizacja i praca... S. 8.

²¹ В 1970–1992 гг. вышло девять томов этого масштабного издания. В 1995–1999 гг. появились еще три тома, озаглавленных «История польской науки: XX век». Работой над первыми двумя, посвященными точным и гуманитарным наукам, руководила редакционная коллегия во главе с Анджеем Щьрудкой, редактором третьего (науки о Земле) был Здзислав Микульский.

²² Wołoszyński R.W. Na 50-lecie Archiwum PAN // Biuletyn Archiwum Polskiej Akademii Nauk. 2003. No. 44. S. 3.

ценную инициативу АПАН — разработку Указателя польских ученых. С 1950-х годов сотрудники архива формировали картотеку, в которой фиксировались все лица, опубликовавшие с начала XVI в. и до 1950 г. хотя бы одну самостоятельную научную работу. В 1983–1986 гг. по материалам этой картотеки были выпущены два тома «Указателя деятелей польской науки (с XV в. по 1970 г.)» под редакцией Янины Журавской, в которых были представлены фамилии от А до F, но на этом публикация прекратилась. Вместе с тем, в 1980–1987 гг. АПАН смог издать три выпуска «Материалов и документов по истории польской науки во время Второй мировой войны» под редакцией Зигмунта Колянковского и Леона Лося.

С первых дней своего существования АПАН стремился налаживать и развивать связи с архивами Академий наук других стран, прежде всего соседних — Советского Союза, Чехословакии, Германии и Австрии. Первоначально эти контакты воплощались в поездках на стажировки и публикации работ иностранных архивистов на страницах «Бюллетеня Архива ПАН».

С середины 1960-х годов наряду с обменом специалистами и публикациями, приобретавшим все более интенсивный характер, раз в три-четыре года организовывались международные научные симпозиумы. Всего с 1965 по 1987 г. прошло семь конференций, в которых принимали участие представители архивов академий наук из Болгарии, Венгрии, Германии, Польши, Советского Союза, Чехословакии, а также с Кубы²³. Каждая из конференций посвящалась какой-либо одной из множества методических проблем, возникающих в процессе работы академических архивов, и становилась площадкой для коллективного обсуждения подходов к решению этой проблемы, используемых в разных странах, что давало представителям типологически родственных архивов широкие возможности для обмена опытом.

В частности, предметом дискуссии были такие проблемы? как подходы к систематизации рукописного наследия ученых, методология исследований по истории науки, принципы экспертизы цен-

²³ Конференция 1965 г. проходила в Варшаве и Кракове, 1968 — в Ленинграде, 1971 — в Берлине, 1975 — в Праге, 1979 — в Софии, 1983 — в Будапеште, 1987 г. — в Москве. Восьмая конференция должна была пройти в 1991 г. в Варшаве, но осуществить эти планы не удалось. См.: Kwiatkowski D. Międzynarodowa współpraca naukowa Archiwum PAN // Biuletyn Archiwum Polskiej Akademii Nauk. 2003. No. 44. S. 144–145; Chodkowska A., Pietrkiewicz D. Op. cit.

ности документов по истории науки, вопросы увеличения информационной отдачи документов, построение научно-справочного аппарата архивов, информационных и управленческих систем.

Кроме того, на конференциях обсуждались проекты инструкций по обработке печатных изданий, фотографий, научно-технической документации и картографических материалов, находящихся в личных фондах ученых²⁴. Как следствие, многие из практических решений в области методики архивного дела, применяемых в АПАН, учитывают не только польский, но и зарубежный опыт в области сбора, хранения и научного использования архивных материалов по истории науки.

Еще одной формой международного сотрудничества была организация рабочих групп по решению конкретных задач. Результатом деятельности этих групп стала, в частности, публикация многоязычного словаря архивных терминов, куратором которой выступил АПАН²⁵, и издание двухтомной библиографии архивов Академий наук, вышедшей в 1971–1975 гг. в Ленинграде²⁶.

Бурные политические изменения и серьезные финансовые проблемы начала 1990-х годов привели к тому, что международные связи архива утратили былую интенсивность, однако уже через несколько лет былые отношения восстановились и, более того, начали систематически расширяться. Правда, несколько изменился характер взаимодействия, поскольку основное внимание уделялось теперь, сотрудничеству в рамках двусторонних договоров, предметом которых выступали конкретные научно-исследовательские проекты, выявлению материалов, дополняющих собрание Архива, и информации о зарубежной полонике, а также информированию зарубежных ученых о фондах АПАН²⁷.

Одним из воплощений этого нового направления деятельности стал справочник-путеводитель «Архивы и история польской диаспоры в Австралии и Новой Зеландии в документах», изданный в 2012 г. Параллельно с возобновлением уже имевшихся у ар-

хива договоров о сотрудничестве с рядом стран (с Россией, Чехией и Словакией) в 1990-е годы были заключены новые соглашения, создававшие условия для взаимодействия с архивистами Австрии, Румынии, Украины, Белоруссии, Словении и Эстонии. Кроме того, АПАН активно взаимодействует с архивистами из Германии, Голландии, Франции, Швеции и многих других стран, вплоть до США. Одной из наиболее актуальных на сегодня задач является внедрение в архивах Центральной и Юго-Восточной Европы стандартов архивного дела, принятых в Европейском союзе. Площадкой для обсуждения возникающих в данной связи проблем стала международная конференция «Научные архивы в процессе европейской интеграции», организованная АПАН в 1999 г. В конференции приняли участие 55 делегатов из 13 стран²⁸.

На рубеже XXI в. архив принял на себя новые функции, начав активную работу по популяризации науки, включавшую в себя организацию выставок, курсов, семинаров, встреч и научных конференций²⁹.

Современное состояние фондов

В июне 1955 г. была определена структура фондов АПАН, с незначительными изменениями существующая по сей день. Собрание архива состоит из семи отделов.

²⁸ Kwiatkowski D. Op. cit. S. 148.

²⁹ Наиболее значимыми и популярными у посетителей выставками стали «Сташиц в Варшаве» (1996–1997), «Наполеон и Польша. Поляки и Наполеон» (1997), «Огни Вильно» (2001), «Польская наука в медальерном искусстве» (2002), «Портреты людей науки. Полвека Польской Академии наук» (2003), «Сто лет Варшавского научного общества» (2007), «Поляки — исследователи Сибири» (2008), «Архивы Варшавы вчера и сегодня» (2011), «Касса им. Юзефа Мянковского в портретах» (2011), «Мария Склодовская-Кюри» (2011).

Среди тем научных конференций — «История Польской Академии наук: европейские традиции в Варшавском обществе друзей науки» (2003), «Польско-литовские научные контакты в свете архивных материалов» (2004), «Архивы Центральной Европы: общее наследие и общее будущее» (2008), «Наследие культуры в документе: исторические источники и требования современности» (2009), «Вклад варшавских архивистов в развитие польского архивного дела» (2011). Материалы последней из конференций были частично опубликованы в объемном сборнике статей. См.: Stasiak J. Op. cit. S. 165–166; Biuletyn Archiwum Polskiej Akademii Nauk. 2012. No. 53. S. 200; Wkład archiwistów warszawskich w rozwój archiwistyki polskiej: zbiór studiów poświęconych warszawskiemu środowisku archiwalnemu / red. A. Kulecka, Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2012.

²⁴ Kwiatkowski D. Op. cit. S. 146.

²⁵ Materiały do słownika terminologii archiwalnej krajów socjalistycznych: terminologia archiwalna: rosyjska, bułgarska, niemiecka, polska, słowacka i czeska / wyd. Z. Kolankowski. Warszawa: Archiwum Polskiej Akademii Nauk, 1973.

²⁶ Kolankowski Z. Archiwum Polskiej Akademii Nauk — ćwierć wieku działania. S. 95.

²⁷ Kwiatkowski D. Op. cit. S. 147.

1. Фонды научных организаций–предшественниц ПАН.
2. Фонды ПАН и подведомственных ей организаций.
3. Личные фонды ученых.
4. Микрофильмы и фотокопии.
5. Генеральный каталог источников по истории польской науки.
6. Вспомогательная библиотека.
7. Специализированные собрания³⁰.

При этом основной объем материалов архива приходится на первые три отдела. В первом отделе находятся фонды научных учреждений и обществ, существовавших до создания Польской Академии наук. Важнейшими из этих собраний являются фонд документов Кассы им. Юзефа Мянковского (1881–1951) и фонд Варшавского научного общества (1907–1952).

Чтобы объяснить значение документов, хранящихся в указанных фондах, надо в двух словах рассказать об институтах-фондообразователях и их роли в истории польской науки. Касса помощи лицам, трудящимся на ниве науки, имени доктора медицины Юзефа Мянковского (как официально называлась эта организация) была создана в 1881 г. усилиями бывших профессоров и выпускников Варшавской главной школы в память о ректоре этого учебного заведения.

Просуществовавшая всего семь лет (1862–1869) Главная школа была первым высшим учебным заведением, открытым в Польше после Ноябрьского восстания. После Январского восстания она была преобразована в Императорский Варшавский университет. С момента своего создания и до обретения Польшей независимости в 1918 г. Касса им. Мянковского была самой крупной на польских землях организацией, занимавшейся поддержкой научных исследований и книгоиздания; иногда ее даже называют «министерством польской науки в годы неволи»³¹. Первым председателем Кассы стал выдающийся врач, бывший профессор Медико-хирургической академии и Главной школы Титус Халубинский, переписку которого сотрудники АПАН опубликовали в 1970 г.³²

³⁰ Kolankowski Z. Archiwum Polskiej Akademii Nauk: organizacja — zadania — praca // Księga pamiątkowa 150-lecia Archiwum Głównego Akt Dawnych w Warszawie / red. A. Stebelski. Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1958. S. 226.

³¹ Findeisen W., Hübner P., Piskurewicz J., Zasztowt L. Zarys historii Kasy im. Józefa Mianowskiego // Kasa Mianowskiego 1881–2011 / red. L. Zasztowt. Warszawa: Oficyna Wydawn. Aspra-JR, 2011. S. 105–106.

³² [Chałubiński T.] Listy z lat 1840–1889 / oprac. A. Szwejczerowa. Wrocław: Osolineum, 1970.

Основными направлениями деятельности Кассы, как до, так и после обретения независимости были финансирование издания монографий и научных журналов (а после 1905 г., кроме того, и учебников для польских частных школ), а также выделение стипендий на учебу и проведение исследований. Кроме того, Касса финансировала работу разного рода научных обществ. В 1881–1929 гг. благодаря содействию Кассы было опубликовано около 700 названий книг (включая многочисленные книжные серии), и зачастую эти издания имели принципиальное значение для развития науки в своих областях. В общей сложности объемы книжной продукции, выпущенной при содействии Кассы им. Юзефа Мянковского, составляют около полутора тысяч томов³³. За 1881–1906 гг. Касса выделила 464 пособия на научные цели, израсходовав на них в общей сложности свыше полумиллиона рублей³⁴.

В межвоенный период Касса (во главе которой тогда стоял выпускник Императорского Варшавского университета Кароль Люотанский) оказалась в непростых финансовых условиях, но смогла продолжить свою деятельность благодаря пожертвованиям. Более того, Касса не только по-прежнему поддерживала научные исследования и издания, но и расширила свою деятельность за счет основания (в 1929 г.) собственной типографии. В 1930-е годы суммарные тиражи собственных изданий Кассы и изданий, ею профинансированных, достигали полумиллиона экземпляров в год³⁵.

С началом Второй мировой войны деятельность Кассы ушла в подполье и существенно сократилась, но не прекращалась вплоть до начала Варшавского восстания, во время которого было уничтожено почти все имущество организации, книжный склад, рукописи и готовые к печати труды. В 1945 г. деятельность Кассы возобновилась, но вскоре оказалось, что в новом, жестко централизованном и полностью подконтрольном властям обществе нет места для подобных учреждений. В 1951 г. Касса была объединена с Варшавским научным обществом, но в конце 1952 г. общество тоже было ликвидировано, а все имущество обеих организаций перешло в собственность вновь созданной ПАН. Впрочем, необходимо отметить, что в 1991 г. при активной поддержке со сторо-

³³ Findeisen W., Hübner P., Piskurewicz J., Zasztowt L. Op. cit. S. 111–112.

³⁴ Ibid. S. 115–116.

³⁵ Ibid. S. 123–124.

ны руководства Академии Касса была воссоздана под названием «Касса им. Юзефа Мянковского — Фонд поддержки науки».

В свою очередь, Варшавское научное общество (ВНО) было первым на польских землях общественным объединением научно-исследовательского характера после Варшавского королевского общества друзей науки, закрытого царскими властями в 1832 г. Создание общества, возникшего в 1907 г., стало возможно благодаря тому, что в Российской империи было смягчено законодательство об общественных объединениях и союзах. Общество, в котором состояли наиболее крупные представители научного сообщества Царства Польского³⁶, вело издательскую деятельность и организовывало научные лаборатории, финансируемые за счет членских взносов и добровольных пожертвований (причем половину пожертвований вносили сами ученые и представители интеллигенции)³⁷.

Размер пожертвований был достаточно велик, для того чтобы до начала Первой мировой войны ВНО, получавшее, кроме всего прочего, поддержку от Кассы Мянковского, не испытывало никаких финансовых затруднений. После 1918 г. положение ухудшилось, и на протяжении всего межвоенного 20-летия общество вынуждено было бороться с постоянной нехваткой денег³⁸. Однако даже несмотря на ограниченность в средствах, ВНО старалось развивать сеть научно-исследовательских учреждений, выпускать научные труды и поддерживать свою традиционную форму функционирования — регулярные заседания, на которых читались доклады и проводились научные дискуссии.

К началу Второй мировой войны общество состояло из пяти отделений и трех секций, руководило работой двух институтов, четырех кабинетов и двух лабораторий, имело собственную библиотеку общего профиля и систему специализированных библиотек, ежегодно издавало научные работы общим объемом 180 печатных листов и поддерживало научные контакты с примерно 600 зарубежными и 100 польскими организациями³⁹.

³⁶ Piskurewicz J., *Zasztowt L. Towarzystwo Naukowe Warszawskie // Rocznik Towarzystwa Naukowego Warszawskiego*. 1986. Т. XLIX. S. 35–37.

³⁷ Ibid. S. 40.

³⁸ Ibid. S. 52.

³⁹ Ibid. S. 81.

Уже в 1939 г. дворец Сташица, в котором размещалось Общество, был поврежден при бомбежке, что привело к утрате значительной части архива, библиотеки и коллекций ВНО. Еще часть собраний была конфискована немецкими властями. Однако заседания ВНО продолжались на частных квартирах, а большинство его членов не только продолжали начатые перед войной исследования, но и занимались подпольным преподаванием. По окончании войны в 1945 г. начались восстановление структуры ВНО и систематическая работа по сохранению остатков его имущества. Население разоренной войной страны не могло оказывать обществу значительную финансовую поддержку, так что роль спонсора взяло на себя государство, что многократно с благодарностью отмечал последний председатель ВНО, выдающийся математик Вацлав Серпинский⁴⁰.

В период структурной реорганизации польской науки, прошедшей на начало 1950-х годов, члены общества приняли активное участие в работе I Конгресса польской науки (1951), и, несмотря ни на что, поддержали проект образования ПАН как единственной централизованной институции, организующей научно-исследовательскую работу в стране. В сентябре 1951 г. правление ВНО приняло решение о переводе работников ВНО в ПАН, а в декабре 1952 г. общество прекратило свое существование, передав все имущество на баланс ПАН⁴¹. В 1980–1981 гг. ВНО было восстановлено стараниями ряда его бывших членов.

Однако не все сохранившиеся документы ВНО и Кассы Мянковского находятся в АПАН. Учреждение ПАН, в которой многие усматривали инструмент руководства исследовательской работой со стороны государства, было воспринято научным сообществом скорее скептически, тем более что в процессе создания ПАН были принудительно распущены несколько уважаемых научных объединений (и не только ВНО, но и Польская Академия знаний). Как следствие, часть материалов ВНО оказалась не в АПАН, а в Рукописном отделе библиотеки Варшавского университета⁴². Часть

⁴⁰ Ibid. S. 88.

⁴¹ Ibid. S. 96–97.

⁴² Zamojska D. Pozyskiwanie materiałów archiwalnych ze źródeł prywatnych: na przykładzie Archiwum Polskiej Akademii Nauk // *Biuletyn Archiwum Polskiej Akademii Nauk*. 2003. No. 44. S. 171.

материалов, поступивших в архив, пришлось уничтожить из-за поразившей их плесени, а еще часть была уничтожена в рамках очистки фондов от дублетов и малоценных бухгалтерских документов; впрочем, выделение документов к уничтожению носило ограниченный характер, дабы максимально полно сохранить наследие прошлого, и без того сильно пострадавшее в исторических перипетиях⁴³.

Наряду с документами таких важных в истории польской науки учреждений, как Касса им. Юзефа Мяновского и ВНО, первый отдел АПАН включает документы Польского научного общества, по большей части относящиеся к периоду 1921–1939 гг., дополняющую эти последние документацию послевоенного времени, а также обширное собрание материалов I Конгресса польской науки, проходившего в Варшаве летом 1951 г. Наконец, к первому отделу архива относятся материалы Организационной комиссии ПАН за 1951–1952 гг. и собрание документов Отделения истории просвещения ПАН, содержащее документы по истории польского образования в 1939–1945 гг.⁴⁴

Второй отдел архива — единственный, куда поступают материалы, передаваемые на хранение в соответствии с нормами, установленными для государственных архивов. В этот отдел входят документы, возникающие в процессе работы руководящих органов ПАН, ее управленческих структур и научно-исследовательских учреждений. Эти документы сдаются в архив на основании приемо-передаточных описей, в соответствии с действующими отраслевыми и локальными нормативными актами. Из материалов второго отдела заслуживают особого упоминания многочисленные документы II Конгресса польской науки, состоявшегося в 1973 г.

Объемы поступающей в архив современной делопроизводительной документации, значительная часть которой не подлежит постоянному хранению, непрерывно растут. Это поставило работников архива перед необходимостью осуществлять экспертизу ценности и отбор документов, для чего еще в 1961 г. в архиве была сформирована Комиссия по экспертизе дел, действующая по сей

⁴³ Chodkowska A. Ocena wartości spuścizn archiwalnych na przykładzie Archiwum Polskiej Akademii Nauk w Warszawie // *Archiwista Polski*. 2009. No. 4 (56). S. 16.

⁴⁴ Kolankowski Z. *Archiwum Polskiej Akademii Nauk (1954–1959)*. S. 135–136; Kolankowski Z. *Archiwum Polskiej Akademii Nauk — ćwierć wieku działania*. S. 93.

день (хотя и в качестве консультативного органа)⁴⁵. Необходимо признать, что не все решения относительно уничтожения современных делопроизводственных материалов были в равной мере взвешены. Так, например, уничтожение старых справок о размерах зарплат работников ПАН привело к тому, что органы социального обеспечения не могут произвести расчет пенсий.

Однако важнейший и наиболее интересный отдел собрания АПАН образуют личные фонды ученых. Личные фонды отличаются пестротой состава, и, как следствие, уже в первые годы существования архива возник вопрос о методах систематизации входящих в них документов. Первый проект «Инструкции по архивной обработке рукописного наследия» был составлен в 1958 г., за чем последовало еще 30 лет научной работы и дискуссий. Опираясь на собственную практику работы с архивными материалами, опыт по работе с рукописным наследием, накопленный в польских библиотеках, а также на наблюдения немецких, чешских и советских ученых, сотрудники архива многократно исправляли, расширяли и изменяли «Инструкцию...»; особенно большое значение имел при этом опыт советских ученых, ориентировавшихся на практики хранения архивных документов, сложившиеся в Российской Академии наук. Наконец, в 1990 г. появились «Указания по обработке личных фондов ученых», куда были включены все рекомендации проекта, прошедшие проверку практикой⁴⁶. Данные «Указания...» стали существенным вкладом сотрудников архива в методику архивного дела, поскольку принципы, воплощенные в этом документе, используются при работе с личными фондами не только в самом АПАН, но и в других библиотеках и архивах.

Первой проблемой, возникающей при обработке рукописного наследия ученых, является определение принципов селекции материалов. В XIX в. вопросы отбора документов решались в учреждениях-фондообразователях, служащие которых сами устанавливали, какие документы следует передать в архив. Аналогичным образом обстояло дело в Польше межвоенного периода, где перечни документов, передаваемых в архив, определялись внутренни-

⁴⁵ Kolankowski Z. *Archiwum Polskiej Akademii Nauk — ćwierć wieku działania*. S. 92–93; Kolankowski Z. *Archiwum Polskiej Akademii Nauk (1954–1959)*. S. 136; Chodkowska A. *Ocena wartości spuścizn*. S. 7–8.

⁴⁶ Chodkowska A. *Ocena wartości spuścizn*. S. 8; Chodkowska A., Pietrzakiewicz D. *Op. cit.* S. 10–11, 27.

ми инструкциями сдающих дела учреждений. Напротив, в начале 1950-х годов рядом законодательных актов (и в частности, указом 1951 г. об архивах) определение объемов и порядка комплектования было отнесено к функциям самих архивов⁴⁷.

Принципы отбора материалов, применяемые в АПАН, опираются на общие принципы комплектования фондов, принятые в современном архивном деле, и в то же время принимают во внимание специфический профиль данного архива. Основными критериями отбора материалов на хранение являются историческая значимость лица-фондообразователя и уникальность документов, однако на практике применяются и другие соображения (хотя бы потому, что указанные два критерия весьма субъективны). Как правило, архив принимает на хранение только фонды лиц, имеющих ученую степень, но от этого принципа допускаются отступления, если речь идет о людях, внесших большой вклад в развитие польской науки и культуры, каким был, например, юрист, политический деятель, один из основателей партии кадетов и депутат I Государственной думы Александр Ледницкий.

В отличие от других архивов, АПАН не только производит отбор поступающих материалов, но и предпринимает активные действия по включению в свои фонды творческого наследия определенного круга лиц. Есть три пути поступления материалов в архив — покупка, дарение и депонирование. Покупкой документов руководит созданная в мае 1954 г. закупочная комиссия, задачами которой являются определение целесообразности приобретения материалов, предлагаемых архиву наследниками, и установление цены. До 1999 г. в закупочную комиссию входили представители различных научных дисциплин, способные оценить предлагаемые архиву рукописи и документы с содержательной точки зрения.

Однако с принятием в 1999 г. нового устава архива порядок комплектования комиссии изменился. Теперь в нее входят только назначаемые директором сотрудники архива, которые, учитывая недостаток средств, отпускаемых на закупку документов, оценивают предлагаемые материалы исключительно с точки зрения соответствия собственным задачам архива⁴⁸. Порядок работы комис-

сии определяется, с одной стороны, специальным регламентом, а с другой — выработанными ее членами «Указаниями по выявлению и приобретению рукописей скончавшихся польских ученых, а также иных рукописей, способных служить источниками по истории польской науки»⁴⁹.

Согласно этим документам, предлагаемые архиву материалы должны быть прежде всего описаны наследниками, коллегами покойного или специально назначенными сотрудниками архива. Затем опись передается на рецензию специалисту в соответствующей области знания. В том случае, если ценность документов вызывает сомнения, закупочная комиссия может обратиться к эксперту, который дает свое заключение о значении документов для истории польской науки⁵⁰. Получив положительные отзывы, комиссия назначает цену закупки, причем если эта сумма покажется родственникам недостаточной, вопрос может быть вынесен на обсуждение повторно.

Даже при наличии критериев ценности рукописного наследия определение стоимости рукописей остается сложной задачей в силу неоднородности их состава. Разного рода рабочие заметки, копии утраченных архивных документов, черновики опубликованных работ и библиографические списки невысоко ценятся у собирателей, но несут в себе важную информацию и исключительно значимы для основной функции архива — сохранения источников по истории польской науки.

Напротив, воспоминания, дневниковые записи, письма, документы, связанные с крупными научными и политическими событиями, особенно принадлежащие перу выдающихся людей, стоят на рынке существенно дороже. Как следствие, архиву трудно установить закупочную цену так, чтобы она учитывала реальную стоимость документов, и одновременно могла бы конкурировать с суммами, которые предлагают наследникам коллекционеры.

В начальный период своей деятельности архив находился в относительно выгодном положении, поскольку на закупку материалов отпускались значительные средства, антикварного рынка почти не было, а наследники, в большинстве своем небогатые интеллигенты, соглашались продавать материалы по не очень высоким

⁴⁷ Kulecka A. Teoria gromadzenia a problemy współczesności i przyszłości: <<http://jazon.hist.uj.edu.pl/zjazd/materialy/Kulecka.pdf>> (дата обращения: 03.05.2013).

⁴⁸ Zamojska D. Pozyskiwanie materiałów archiwalnych. S. 168.

⁴⁹ Chodkowska A. Ocena wartości spuścizn. S. 12.

⁵⁰ Ibid. S. 13.

ценам. Кроме того, решения о закупке принимались сравнительно быстро. Так, например, когда в 1960 г. приобретался исключительно значимый личный архив юриста, профессора Ягеллонского университета, члена Польской Академии знаний и ВНО Владислава Л. Яворского, содержащий, среди прочего, дневник за 1914–1918 гг. объемом 4 тыс. страниц и переписку ученого за тот же период, то вся подготовительная работа заняла всего лишь 2 месяца⁵¹. Из общего числа личных фондов, принятых на хранение в архив до 1978 г., большинство (331) были приобретены, 117 — получены в дар, и 24 переданы из других учреждений. В дальнейшем объем средств, выделяемых на закупки, сократился, и пропорция стала обратной: из 206 новых личных фондов, поступивших в архив за 1980–2008 гг., 158 составляли дары, и только 48 — покупки⁵².

Обеспечение поступления в фонды новых материалов принадлежит к числу уставных функций архива, и сотрудники АПАН занимаются этим постоянно. Ведь если документы учреждений и общественных организаций подлежат, как минимум в теории, обязательной передаче на государственное хранение, то для получения материалов, находящихся в частной собственности, будь то официальные документы, рабочие записи или биографические материалы, необходимо вести индивидуальную работу среди фондообразователей и наследников.

Иногда ученые сами еще при жизни передают в архив свои фонды: так поступил, к примеру, историк Анджей Вычанский, профессор Института истории ПАН и филиала Варшавского университета в Белостоке⁵³. Бывает и так, что материалы поступают с места работы ученых, но и в этом случае архив старается установить контакт с родственниками, чтобы передача документов происходила с согласия семьи. Иногда взаимодействие с родственниками позволяет обогатить личный фонд материалами, хранившимися у ученого дома: в частности, в фонд Александра Гейштора вошли документы, находившиеся в Институте истории Варшавского университета, в варшавском Королевском замке и у семьи.

⁵¹ Chodkowska A. Archiwum prywatne Władysława Leopolda Jaworskiego a “sprawa polska w I wojnie światowej” // Biuletyn Archiwum Polskiej Akademii Nauk. 2008. No. 49. S. 132–134.

⁵² Chodkowska A. Ocena wartości spuścizn. S. 10.

⁵³ Zamojska D. Pozyskiwanie materiałów archiwalnych. S. 165.

Если же установить контакт не удастся, материалы хранятся в архиве на правах депонированных рукописей.

Архив старается как можно шире информировать научное сообщество о себе и своей деятельности по сбору и сохранению рукописного наследия. Информационная работа ведется среди профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений, в дирекциях научно-исследовательских институтов, в редакциях журналов, на собраниях научных обществ и комитетов⁵⁴. Кроме того, пополнению фондов архива служит систематически обновляемая база биографических данных о польских ученых, которая включает, среди прочего, картотеку некрологов.

Узнав о смерти ученого, сотрудники АПАН стараются выйти на связь с наследниками и, рассказав о характере своего собрания, предлагают передать рукописи покойного в архив. При этом особенно важно объяснить родственникам научное значение именно рукописных материалов, поскольку многие считают достойными внимания только завершённые работы, не понимая ценности рабочих записей и черновиков. Согласно сложившейся практике, общение с наследниками идет при помощи писем, однако опыт сотрудников архива свидетельствует, что лучших результатов удастся достичь, если действовать неофициальным порядком, через знакомых или коллег умершего⁵⁵.

Передача личного фонда в архив требует решения серьезных технических проблем. Владельцам материалов зачастую не хватает сил, времени или навыков, необходимых для того, чтобы описать сдаваемые материалы по всем требованиям современного архивного дела. С другой стороны, наследники зачастую не хотят, чтобы сотрудники архива в течение нескольких дней разбирали дела у них на дому. Бывает и так, что решение о передаче бумаг принимается в спешке, чтобы успеть до начала ремонта, побыстрее освободить квартиру и т.д.⁵⁶ В подобной ситуации архивисты вынуждены ограничиваться поверхностным знакомством с наследием ученого и полагаться на сведения, полученные от родственников. Сплошной просмотр осуществляется в этом случае уже после поступления документов в архив, причем часть материалов, к при-

⁵⁴ Chodkowska A. Ocena wartości spuścizn. S. 13.

⁵⁵ Zamojska D. Pozyskiwanie materiałów archiwalnych. S. 171.

⁵⁶ Ibid. S. 166.

меру, оттиски опубликованных работ или вторые экземпляры машинописных текстов, приходится возвращать как не представляющие исторической ценности.

Порядок передачи материалов в архив устанавливается во время предвзательных переговоров с дарителями. При этом родственники ученого должны официально подтвердить свое право распоряжаться рукописями; иногда требуется получить судебное решение о вступлении в наследство. С юридической точки зрения передача документов оформляется договором дарения, который наделяет АПАН правом на «перемещение в свои хранилища <...>, обеспечение сохранности и научное описание материалов», а также на «организацию доступа к материалам в рамках научно-исследовательской работы» и «распространение сведений о материалах и их содержании»⁵⁷. В свою очередь, дарители могут установить разного рода ограничения на обращение к документам, к примеру — закрыть доступ к фонду на определенное время или обязать исследователей каждый раз получать согласие семьи. В частности, без согласия семьи нельзя работать с дневниками Станислава Кашницы, студента Императорского Варшавского университета и сына ученого-правоведа, профессора того же университета Юзефа Кашницы; это ограничение было установлено дочерью автора Элеонорой.

Следующей важной проблемой является экспертиза ценности документов, содержащихся в личных фондах. С первых лет существования архива его сотрудники старались максимально сократить число материалов, выделяемых к уничтожению, исходя из того, что документы, несущие на себе отпечаток личности выдающихся ученых, необходимо сохранять полностью. Важным фактором принятия решений были, кроме того, размеры фонда, и если фонд был очень объемным, то признавалось целесообразным применение более жестких критериев отбора, а если рукописное наследие оказывалось сильно фрагментированным, то отбор документов не проводился в принципе. На начало 2008 г. в собрании АПАН находилось 574 личных фонда, 159 из которых относились к числу так называемых «мелких» и включали лишь отдельные разрозненные материалы из личных архивов, никогда не подвергавшиеся отбору⁵⁸.

⁵⁷ Ibid. S. 167.

⁵⁸ Chodkowska A. Ocena wartości spuścizn. S. 14, 17.

Но как бы то ни было, в архиве применяется индивидуальный подход, учитывающий характер документов и их роль в творчестве ученого-фондообразователя. Ныне действующие правила рекомендуют осуществлять отбор на этапе приема на хранение, с тем чтобы сразу же очистить фонд от материалов, не представляющих интереса для архива. При этом отбраковываются только документы, заведомо не имеющие самостоятельного значения — вторые экземпляры машинописи, пустые бланки и формуляры, лишние обертки и папки. Собственно экспертиза ценности (если в ней возникает потребность) производится только после упорядочения полученных материалов. Сведения об исключенных материалах в обязательном порядке вносятся в пояснительную записку к описи фонда.

Среди материалов первой группы, включающей научное наследие фондообразователя⁵⁹, к уничтожению выделяются дубликаты и копии статей, докладов, лекций и речей, причем это делается только после тщательного просмотра, в ходе которого работники архива убеждаются, что уничтожаемый текст ничем не отличается от прочих⁶⁰. Рабочие заметки, составляющие, как правило, основной объем личного фонда, отбраковываются лишь настолько, насколько это необходимо для удобства использования материалов. В частности, уничтожаются записи, не поддающиеся прочтению из-за повреждений, конверты без вложений или с неразборчивыми подписями, библиотечные требования, неупорядоченные картотеки, почтовые квитанции, нечитаемые выписки из литературы, выполненные, к примеру, карандашом на папиросной бумаге или на пачках от сигарет, вырезки из прессы, на которых не указан источник.

Из числа материалов, документирующих профессиональную и общественную деятельность ученых, уничтожению подлежат вторые экземпляры, а также издания, поступавшие по рассылке (в том числе — издания тех организаций, где ученый работал), однако и в этом случае практикуется индивидуальный подход, учи-

⁵⁹ С содержательной точки зрения материалы личных фондов делятся на восемь групп: I) научные работы фондообразователя; II) материалы, связанные с профессиональной и общественной деятельностью фондообразователя; III) биографические материалы; IV) переписка; V) материалы о фондообразователе; VI) материалы семейного (родового) архива, VII) материалы посторонних лиц; VIII) приложения.

⁶⁰ Chodkowska A. Ocena wartości spuścizn. S. 18–19.

тывающий особенности конкретного личного фонда. В частности, в личном фонде Ежи Штахельского, занимавшего в 1951–1956 гг. и 1961–1968 гг. пост министра здравоохранения, были сохранены экземпляры «Бюллетеня Министерства здравоохранения и социального обеспечения», поскольку другие документы фонда сохранили свидетельства работы фондообразователя над распоряжениями, опубликованными позднее в «Бюллетене...»⁶¹.

Документы третьей группы, охватывающей биографические материалы, по большей части являются уникальными, и поэтому выделяются к уничтожению лишь в двух исключительных случаях: либо тогда, когда в фонде имеется несколько идентичных экземпляров одного и того же текста, либо если рассматриваемые документы носят сугубо хозяйственный характер (счета, квитанции, бланки из банков). Кроме того, иногда из фонда исключаются нечитаемые документы, например, ежедневники и записные книжки, пометки в которых выполняются со множеством сокращений, непонятных для постороннего человека. Столь же бережно сохраняются материалы четвертой группы (переписка), среди которых к уничтожению выделяются только пустые конверты.

Напротив, документы седьмой (материалы посторонних лиц) и восьмой (приложения) групп, подвергаются активному отбору. В указанные группы входят по большей части ксерокопии, вырезки и отдельные страницы периодических изданий. В соответствии с «Указаниями...», в архиве сохраняются те из них, которые фиксируют результаты работы фондообразователя или несут на себе какие бы то ни было пометки последнего, а также те, на которых есть адресованная фондообразователю дарственная надпись. С другой стороны, уничтожению подлежат дублетные ксерокопии, отдельные номера современных периодических изданий или вырезки, отношение которых к личности фондообразователя не поддается установлению⁶². И снова, как и в предыдущих случаях, архивист должен учитывать индивидуальные особенности каждого конкретного личного фонда, руководствуясь знанием о научной деятельности, внеученных увлечениях и профессиональных связях фондообразователя, а также о возможных влияниях на него со стороны.

⁶¹ Ibid. S. 21.

⁶² Ibid. S. 22–23.

По наблюдениям Аниты Ходковской, сотрудники АПАН более склонны оставлять на хранении материалы сомнительной ценности, а не уничтожать таковые⁶³. Это связано с принятым в архиве принципом минимального вторжения в состав личных фондов, который становится особенно важен, если учесть, что «поле возможностей», а значит, и ответственность архивиста, разбирающего и обрабатывающего личные документы, существенно больше, чем если бы речь шла о документах делопроизводственного характера. Однако в результате принятие решений оказывается непросто делом, требующим большого кругозора и понимания проблем исследователей, обращающихся к личным фондам в научных целях.

Фонды архива как источник по истории науки и образования

Мысль о том, что материалы частного происхождения могут иметь значение в качестве исторического источника, была впервые высказана немецкими историками и архивистами в 20–30-х годах XX в. применительно к архивному наследию политических деятелей. В послевоенный период, когда существенно вырос интерес к истории науки, данный подход был распространен на архивы ученых. Внимание к личным фондам работников науки наблюдалось в ФРГ, ГДР, СССР, Чехословакии, а также в Польше, где его воплощением стало создание АПАН⁶⁴. Сегодня в архиве хранятся, по преимуществу, материалы XIX–XX вв., представляющие жизненный путь и творчество историков Марцели Гандельсмана, Тадеуша Мантойфеля и Александра Гейштора, искусствоведов Михала Валицкого и Зигмунта Батовского, археолога Влодзимежа Антоневица, философов Казимира Айдукевича и Хенрика Эльзенберга, востоковеда Яна Рейхмана, математиков Хуго Штейнхауса и Вацлава Серпинского, а также многих других известных ученых⁶⁵.

Более 50% архивного собрания составляет наследие ученых-гуманитариев. В профессиональном отношении большинство

⁶³ Chodkowska A. Ocena wartości spuścizn. S. 22–23.

⁶⁴ Kulecka A. Spuścizny uczonych jako materiał źródłowy do historii nauki // *Analecta*. 1995. Z. 1. S. 147.

⁶⁵ Описи фондов публиковались в Бюллетене Архива ПАН. См. подробно: *Biuletyn Archiwum Polskiej Akademii Nauk*. 2012. No. 53. S. 213–232.

фондообразователей было так или иначе связано с польскими или зарубежными высшими учебными заведениями, в том числе с ныне не существующими: университетом Стефана Батория в Вильнюсе, университетом Яна Казимира во Львове, Львовским политехническим институтом и даже Императорским Варшавским университетом (Титус Халубинский).

Фондообразователи архива представляют разнообразные дисциплины, так что по его документам можно изучать историю практически всех отраслей знания. Дополнительным фактором, расширяющим наши познавательные возможности, становится то, что в едином комплексе, в рамках одного личного фонда оказываются представлены разные по характеру материалы.

Фонды АПАН могут послужить основой для исследований нескольких типов, первый из которых — это всесторонняя характеристика личности, включающая как изучение родословной и биографии фондообразователя, так и анализ его вклада в науку. Документы из семейного и личного архивов, автобиографии, воспоминания или дневники, анкеты, списки публикаций, аттестаты, свидетельства и дипломы, результаты медицинских обследований, декларации об имуществе, а также иные биографические материалы позволяют реконструировать основные этапы жизненного пути ученого, в деталях восстановить его семейные и дружеские связи, восприятие окружающей действительности и оценку собственных достижений в науке. Дневники и мемуары дают много сведений об условиях научных занятий и функционировании научного сообщества в различные периоды истории, и более того — нередко содержат великолепные характеристики политических, социальных и культурных процессов, ценные тем, что принадлежат перу очевидцев.

Архивное наследие ученых позволяет выяснить образовательные траектории польской интеллигенции, что особенно важно применительно к XIX — началу XX в., когда в силу политических причин многие поляки получали образование за пределами страны — в России, Германии, иных европейских и даже неевропейских государствах. С другой стороны, документы из личных фондов позволяют проследить рецепцию достижений европейской науки, а также научные и культурные связи польских ученых с Европой и миром в целом⁶⁶.

⁶⁶ Ibid. S. 167–168.

Наиболее полное представление о контактах за рубежом дают переписка ученых, а также членские билеты разнообразных международных обществ, почетные грамоты, награды и поздравления от зарубежных коллег. Такого рода документы говорят об отношении к польским ученым со стороны зарубежных коллег, об оценке мировым научным сообществом вклада поляков в науку, о формах и интенсивности международного сотрудничества, о направлениях совместных исследований и ходе научных дискуссий. Наконец, биографические материалы позволяют увидеть ученого вне науки, узнать о его увлечениях, литературных и музыкальных пристрастиях, любимых местах отдыха и т.п.

Одной из важнейших составляющих архивного наследия ученого являются его выписки, рабочие заметки и черновики, отражающие развитие исследовательской мысли и проливающие свет на процесс формирования научных концепций. В фондах АПАН сохраняются все без исключения черновые и беловые рукописи или машинописи опубликованных статей, книг и докладов, демонстрирующие истоки, развитие, совершенствование или изменение представлений автора о той или иной актуальной проблеме. Кроме того, в состав личного фонда включаются материалы, относящиеся к неоконченным или неопубликованным работам, поскольку содержание таких работ и даже сам тот факт, что они не были напечатаны, имеет большое значение как воплощение специфических условий научного труда в соответствующий период.

В качестве примера можно привести подготовительные материалы к масштабному коллективному труду под названием «Исторический словарь изобразительного искусства», сохранившиеся среди бумаг профессора Варшавского университета Владислава Томкевича. Работа над словарем продолжалась с 1950 по 1953 г., но из печати вышел был только один пробный выпуск. Не увенчались публикацией результатов и еще два исследовательских проекта Томкевича — многотомная коллективная монография «Быт польского общества в XVI–XVIII веках» под его редакцией, готовившаяся в 1960-е годы, и обобщающая «История польского искусства», над которой профессор трудился в 1969–1971 гг. Препятствием к публикации этих работ могли стать убеждения Томкевича, не скрывавшего негативного отношения к социалистическому строю. В то же время предыдущие труды ученого были посвящены политической истории, так что за неудачей на новом поприще могут стоять причины содержательного свойства. По-

нять, какая из версий ближе к действительности, было бы проще, если с сохранившимися рукописями ознакомился бы искусствовед или специалист по истории повседневности⁶⁷.

Истории науки важны не только изменения в выводах ученого, но и методология, которой он пользуется в своих исследованиях. Сопоставление состава и содержания разных по времени подготовительных материалов способно пролить свет на то, как совершенствовался профессиональный инструментарий исследователя, как проходило освоение новых методов и каковы были результаты этих процессов. Выписки и рабочие заметки раскрывают природу интереса их автора к тем или иным проблемам, круг чтения исследователя и особенности рецепции разных по происхождению идей и методов. Изучая этапы научно-исследовательской работы, причем не только с содержательной, но и с формально-технологической точки зрения, можно многое понять в эволюции соответствующей отрасли знания.

Выписки и рабочие заметки ученых могут играть тройную роль. Во-первых, они позволяют изучать исследовательский инструментарий их создателя, а значит, являются материалом для изучения специфики взглядов последнего. Во-вторых, выписки и заметки предшественников могут послужить отправной точкой для следующих поколений ученых, приступающих к изучению сходных проблем. Наконец, третья важная функция такого рода материалов связана с тем, что собрания польских библиотек и архивов понесли колоссальные потери во время восстаний и войн.

В такой ситуации выписки, сделанные еще до гибели или перемещения фондов, становятся поистине бесценной заменой утраченных или труднодоступных архивных материалов. Такого рода выписки находятся, среди прочего, в личных фондах нескольких профессоров Варшавского университета, в частности — Януша Волинского (копии утраченных документов по истории Польши XVI–XVIII вв. из собраний Красинских, Пшездецких и Замойских), Зыгмунта Батовского (выписки из документов частных архивов, приходских книг и материалов библиотечных собраний, касающиеся произведений искусства) и Людвика Хмая (материалы по истории школ ордена пиаристов и Виленского университета, а также выписки из протоколов заседаний Школьной комиссии

⁶⁷ Kulecka A. Spuścizny uczonych. S. 154.

Виленского университета с момента возникновения первого польского «министерства» просвещения — Комиссии народного просвещения в 1773 г. и до закрытия университета в 1832 г.)⁶⁸.

Материалы личных фондов могут также использоваться при изучении истории разного рода научных, образовательных и культурных учреждений. В XIX — начале XX в., когда польский народ был лишен государственности, во время Второй мировой войны, а отчасти и после, многие подобные организации вынуждены были действовать в сложных условиях (иногда — подпольно), и их документация из соображений безопасности передавалась на хранение частным лицам. Зачастую бывает так, что материалы, оказавшиеся в частных архивах, — это единственный след существования просветительской или научной организации как таковой.

Другим примером документов из частных архивов ученых, имеющих значение для истории государственных и общественных учреждений, могут служить рабочие заметки с разнообразных заседаний, делавшиеся для собственных надобностей и дающие, как следствие, не такую формализованную картину происходящего, какую дают официальные протоколы. Так, в личном фонде профессора Варшавского университета Людвика Базилёва сохранились заметки 1980-х годов, связанные с работой университетской комиссии по оценке молодых кадров. На официальном уровне было заявлено, что комиссия создается для анализа научных и педагогических достижений ассистентов и адъюнктов, но, по сути, ее задачей было отстранение от работы «антисоциалистического элемента»⁶⁹. В заметках Базилёва (написанных, в силу щекотливости ситуации, по-венгерски) нашли свое отражение как тяжелое положение членов комиссии, вынужденных лавировать между Сциллой и Харибдой, так и собственные соображения автора о происходящем.

Наконец, материалы личных фондов содержат много информации о финансовом положении научных работников, об условиях их жизни и социальном статусе. Справки о доходах, хозяйственные документы и завещания позволяют определить имущественное положение фондообразователей, тогда как финансовая документация, связанная с издательскими проектами, командировками, стажир-

⁶⁸ Ibid. S. 156.

⁶⁹ Zamojska D. Pozyskiwanie materiałów archiwalnych. S. 171.

ровками и оплатой научно-исследовательской работы, заставляет задуматься о соотношении затрат и доходов ученого.

Таким образом, материалы личных фондов позволяют исследовать не только особенности биографии отдельных ученых, но и социальный контекст, в котором развивалась исследовательская работа. Будучи весьма разнообразными по составу, рассмотренные фонды содержат ценные источники по политической, социальной и даже экономической истории. Нет ничего странного в том, что сотрудники АПАН делают все возможное для обогащения его собрания новыми материалами, заботятся о широком освещении работы архива и систематически выстраивают взаимодействие с известными интеллектуалами, убеждая их передать свои документы в архив.

Сведения об авторах

Наталья Сергеевна Алмазова — кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (Москва).

Тьерри Амалу — профессор Centre de Recherche d'Histoire Moderne университета Париж I Пантеон-Сорбонна (Париж).

Елена Анатольевна Вишленкова — доктор исторических наук, заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, профессор Школы исторических наук НИУ ВШЭ (Москва).

Татьяна Николаевна Жуковская — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Кира Андреевна Ильина — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, преподаватель Школы исторических наук НИУ ВШЭ (Москва).

Вадим Суренович Парсамов — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, профессор Школы исторических наук НИУ ВШЭ (Москва).

Луиджиаврелио Поманте — сотрудник Департамента наук об образовании, культурном наследии и туризме Университета Мачераты, редактор журнала «History of Education and Children's Literature» (Мачерата).

Александр Валерьевич Русанов — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева НИУ ВШЭ (Москва).

Яна Борисовна Руднева — кандидат исторических наук, доцент, проректор Института развития образования (Казань).

Петр Александрович Сафронов — кандидат социологических наук, доцент факультета социальных наук, ведущий научный сотрудник Института образования НИУ ВШЭ (Москва).

Александра Димитрова Трифонова — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра документов и архивных фондов Нового болгарского университета (Варна).

Иоанна Шиллер-Валицка — профессор, заместитель директора Института истории науки Польской Академии наук, главный редактор журнала «Rozprawy z dziejow oswiaty» (Варшава).

Список сокращений

1. Архивы и библиотеки

АПАН — Архив Польской Академии наук (Варшава).

ГА АО — Государственный архив Архангельской области (Архангельск).

ГА ВО — Государственный архив Вологодской области (Вологда).

ГА РО — Государственный архив Ростовской области (Ростов).

ГА ТО — Государственный архив Томской области (Томск).

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека, Москва).

ГИАЛО — Государственный исторический архив Ленинградской области (ныне — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга).

ДАМК — Державний архів міста Києва (Государственный архив г. Киева, Украина).

ДА — София — Държавен архив — София (Государственный архив — София, Болгария).

ЛОА — Ленинградский областной архив (ныне — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга).

ЛОГИА — Ленинградский областной государственный исторический архив (ныне — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга).

НА РК — Национальный архив Республики Карелия (Петрозаводск).

НА РТ — Национальный архив Республики Татарстан (Казань).

НБЛ КФУ — Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета.

НИОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва).

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

ОРРК НБЛ КФУ — Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) Российской академии наук (Санкт-Петербург).

ЦГА ИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.

ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.

ЦГАМ — Центральный государственный архив Москвы.

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив Москвы.

ARW — Archiwum Państwowe m.st. Warszawy (Государственный архив г. Варшавы).

Bibl. Sorb. — Bibliothèque interuniversitaire de la Sorbonne (Межуниверситетская библиотека Сорбонны, Париж).

BnF — Bibliothèque nationale de France (Национальная библиотека Франции, Париж).

EAA — Eesti Ajalooarhiiv (Эстонский исторический архив, Таллин).

LVIA — Lietuvos valstybės istorijos archyvas (Литовский государственный исторический архива, Вильнюс).

2. Научные и учебные организации, государственные структуры

ВЖК — Высшие женские курсы.

ВНО — Варшавское научное общество.

ВСУ — Варненский свободный университет (Болгария).

ВТУ — Высшее транспортное училище им. Тодора Каблешкова (София, Болгария).

ГДГА — Главная дирекция государственных архивов (Польша).

ГПИ-1 — Главный педагогический институт (Санкт-Петербург, 1816–1818).

ГПИ-2 — Главный педагогический институт (Санкт-Петербург, 1828–1859).

ЛГУ — Ленинградский государственный университет (ныне — Санкт-Петербургский государственный университет).

МВД — Министерство внутренних дел.

МВЖК — Московские высшие женские курсы.

МГУ — Московский государственный университет.

МНП — Министерство народного просвещения.

НБУ — Новый болгарский университет (София, Болгария).

НСА — Национальная спортивная академия им. Василя Левского (София, Болгария).

ОАИЭ — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

ПАЗ — Польская академия знаний (ныне — Польская академия наук).

ПАН — Польская академия наук.

ПИ — Педагогический институт (Санкт-Петербург, 1804–1816).

РАНХиГС — Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований.

СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет.

СПУ — Императорский Санкт-Петербургский университет (ныне — Санкт-Петербургский государственный университет).

ТУ — София — Технический университет Софии (Болгария).

УНМХ — Университет национального и мирового хозяйства (София, Болгария).

3. Издания

ПСЗ РИ — Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830–1916.

LV — Livro Verde da Universidade de Coimbra: cartulário de século XV. Coimbra, 1990.

CUP — Chartularium Universitatis Portugalensis. Vol. I–XV. Lisboa: Instituto de Alta Cultura, Instituto nacional de investigação científica. 1967–2003.

Текст на заднюю обложку

Представленный коллективный труд не имеет аналогов. В отличие от существующих изданий об архивах, данное исследование написано не архивистами или источниковедами, а историками университетов. Книга представляет не справочный материал о состоянии хранилищ и ценности их информации, а воссоздает историю рождения и трудных жизней этих коллекций — т.е. биографии архивов. Опытные создатели больших и малых университетских историй, авторы рукописи раскрывают перед читателем не прямые логики появления и приращения (или уничтожения) документов. Такой рассказ позволяет понять, где (и стоит ли вообще) искать свидетельства по интересующим темам, а также осознать зависимость себя как исследователя от создававших архив профессоров, служащих, архивариусов, распоряжений министра и... объема выделенного под него помещения. Поскольку в создании данной рукописи принимали участие историки из разных стран — Франции, Болгарии, Польши, Италии и России — у читателя есть возможность сравнить биографии разных университетских архивов, обнаружить общность их судеб и разительные отличия в условиях существования.